

Кае де Клиари Бесёнок по имени Ларни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35010721

SelfPub; 2019

Аннотация

Они не ушли на покой. Они остались воителями и героями, но и у них нашлись проблемы, которые заставили схватиться за голову тех, кто не робел перед бессчётным количеством врагов и лицом самой Смерти! Что же это? Конечно же, дети, которые не желают уступать родителям ни в чём. В том числе и в способности собирать неприятности на свою голову.// Это продолжение романа "Маранта", и второй роман из цикла "Огненные королевы", где читатели встретятся со старыми и новыми героями, приключения которых обещают быть ещё более сумасшедшими и невероятными, чем ранее./ Сведения по оформлению обложки после текста произведения.

Содержание

Глава 1. Непослушная кроха	9
Глава 2. Юная воительница	13
Глава 3. Похищение Руфуса	15
Глава 4. Она принесла Ларни	27
Глава 5. Пастор и защитница	32
Глава 6. Там есть малина!	41
Глава 7. В подземной печи	52
Глава 8. Где они, Руф!	64
Глава 9. Вниз	67
Глава 10. Монстр-страж	74
Глава 11. Приход нового времени	82
Глава 12. Выход	85
Глава 13. Вопреки благоразумию	91
Глава 14. Перейти поле	95
Глава 15. Последний привал на "Божьей ладони"	101
Глава 16. Один шаг до "Мёртвого города"	104
Глава 17. Сомнения стража	106
Глава 18. Мёртвое место	108
Глава 19. Следы их детей	117
Глава 20. Борьба за жизнь	122
Глава 21. В двух шагах от города	130
Глава 22. Палаццо	137
Глава 23. Знакомые места	148

Глава 24. Инци	152
Глава 25. Снова по следу	171
Глава 26. Новое тело стража	175
Глава 27. Пустой кумир	178
Глава 28. Положительная сторона мародерства	187
Глава 29. Горькие плоды ревности	191
Глава 30. Назойливая арифметика	196
Глава 31. Разочарование в "Палаццо"	198
Глава 32. Выбор Руфуса	200
Глава 33. Колодец	201
Глава 34. Сато	204
Глава 35. Ты веришь мне?	213
Глава 36. Смелее!	215
Глава 37. Я с тобой!	229
Глава 38. Пятью пять...	232
Глава 39. Неправильный вопрос	233
Глава 40. Глупые овцы	237
Глава 41. Как посмели?!	241
Глава 42. Дорога к Хозяину	244
Глава 43. Знать ответы	248
Глава 44. Это не было сном	251
Глава 45. Чёрный тюльпан Ада	255
Глава 46. Горе от ума	267
Глава 47. Тайное место	269
Глава 48. Засада	273
Глава 49. Плоды просвещения	279

Глава 50. Метательница	282
Глава 51. Путь Руфуса	284
Глава 52. Визит к знакомым	289
Глава 53. Пленница	296
Глава 54. Хаюк	317
Глава 55. Что бы на это сказали...	325
Глава 56. Оставшийся без герлы	333
Глава 57. Шарль	338
Глава 58. Какой же это шпиён?	345
Глава 59. Чёрные помощники	352
Глава 60. Подруги	359
Глава 61. Только не отчаяние	365
Глава 62. Семь братьев	368
Глава 63. Последний шанс	371
Глава 64. Мара	377
Глава 65. Ушедшие матери	386
Глава 66. Назойливые демоны	396
Глава 67. Учение Инци	401
Глава 68. Пасть земли	408
Глава 69. Специальная маскировка	410
Глава 70. Меч – искуситель	416
Глава 71. Ифрит	422
Глава 72. Тётушка	430
Глава 73. Падшее величие	437
Глава 74. Дорога вспять	443
Глава 75. Кости горы	447

Глава 76. Сёстры, в ком!	451
Глава 77. Ты звал меня	457
Глава 78. Я люблю тебя	466
Глава 79. Старые друзья	473
Глава 80. Любимая тётка Сато	479
Глава 81. Прощайте не навсегда	487
Глава 82. Мама родная и призыв Инци	497
Глава 83. Пушистые дети Ночи	504
Глава 84. Ханна	510
Глава 85. Покоя не будет	515
Глава 86. Не хочу тебя терять	520
Глава 87. Советчица	525
Глава 88. Железное чудо	529
Глава 89. Древний знак мудрости	535
Глава 90. Невесёлый путь	542
Глава 91. След младшего	551
Глава 92. Тиресий	561
Глава 93. Счастье и беда	568
Глава 94. Где построить домик?	577
Глава 95. Старый знакомец	582
Глава 96. Закон и преступники	590
Глава 97. Последняя ловушка	599
Глава 98. Правила "цивилизованной" игры	603
Глава 99. Друг, но враг	605
Глава 100. Странное заключение	609
Глава 101. "Бог из машины"	616

Глава 102. Торг у торгашей	625
Глава 103. Они выживут	632
Глава 104. Рыжий Ван	636
Глава 105. Верные враги	642
Глава 106. «После Инци»	648
Глава 107. Семья друга	653
Глава 108. Нелёгкая работа сержанта Луиса	659
Глава 109. Отрекитесь и живите!	663
Глава 110. Сила веры	669
Глава 111. Кошка в гнезде	683
Глава 112. Не хлебнуть болота	687
Глава 113. Но я всё равно их всех люблю!	693
Глава 114. Наше дело – война!	699
Глава 115. Не оставляй меня больше одну	707
Глава 116. Спасибо за всё	716
Глава 117. Имена чемпионов	722
Глава 118. Ветер свободы	725
Глава 119. Истинное бессмертие	731
Глава 120. Быть может они за воротами	736
Глава 121. Скучать не придётся	738
Глава 122. Шаг до свободы	740

*Посвящаю эту книгу Маррти Ларни,
хоть её сюжет и не имеет к нему никакого
отношения; и прошу прощения у тени
этого замечательного писателя за то, что
назвал его именем девочку.*

*"Невинность, это единственная
драгоценность с которой мы
появляемся на свет!"*

Танджина Бэрронс

*"С моей точки зрения, самый
непростительный грех,
как раз – целомудрие"*

Матушка Природа

*"Любовь порой ходит такими
тропами, на которых и мне
случается заблудиться"*

Госпожа Судьба

Глава 1. Непослушная кроха

– Ларни!

Тишина, только эхо с другого берега реки тихонько сказало: "...рни!"

– Ларни, ты где?

"...де?" – повторило эхо и смолкло, будто испугалось, что ему тоже достанется.

Маранта с досады даже ногой топнула. Опять эта маленькая егоза куда-то исчезла, не потрудившись поставить её в известность. Ей ужасно не хотелось снова беспокоить мужа из-за этой мелкой безобразницы. И так уже несколько раз приходилось всем селением разыскивать её в лесу! Они же договорились вместе пойти к реке, прополоскать бельё и Ларни обещала, что не будет далеко отходить от матери. Ну, если эта паршивка решила над ней пошутить и где-нибудь сейчас прячется!..

Маранта поставила ушат с бельём на землю и повернулась в сторону леса. (Давай, чутьё разведчицы, включайся!)

Где же может быть этот непослушный ребёнок? Неужели мелочь пузатая думает, что мама не найдёт её?

– Мама, я здесь! – Раздался звонкий детский голосок откуда-то сверху.

Маранта вздрогнула от неожиданности. Да, придётся признать, что чутьё на сей раз подвело её по-полной! Ларни по-

явилась из ближайших зарослей орешника совсем не с той стороны, куда собиралась направиться её мама. И, конечно же, она восседала на плечах у Стефана, очень гордого и крайне довольного своей ролью "лихого скакуна".

С ловкостью юной обезьянки, девочка спрыгнула на землю и подбежала к матери.

– Мама, а мы тут с братиком играли!.. – начала она и запнулась, встретившись с сердитым взглядом Маранты.

Несколько секунд маленькая лиса размышляла, потом вдруг хлопнула себя по лбу, как будто что-то вспомнила.

– Ой, я же обещала зайти э-э... к дедушке! – соврала эта бестия, не моргнув глазом, и припустила в сторону крепости.

Храбрый десятилетний Стефан, с очень серьёзным выражением лица, как бы невзначай, загородил дорогу Маранте, шагнувшей было вслед за дочерью. Бывшую воительницу это рассмешило, но она не подала виду, а только спросила:

– Ну и где ты её нашёл?

Мальчик покраснел до корней волос, опустил голову, но всё же ответил:

– На дереве!

– На каком дереве?

– На том!

Парень указал в сторону древнего вяза, который местные называли "Сторожевой вышкой" из-за его высоты. Крона гигантского дерева подымалась намного выше стен крепости, и оно вполне оправдывало своё название, хоть никто

не мог сказать, когда и кем лесной великан использовался для осмотра окрестностей. Ларни категорически запрещалось залезать на эту громадину, но похоже именно запрет действовал, как самая соблазнительная приманка – шальная девчонка забиралась на самую верхушку "Сторожевой вышки" при каждом удобном случае. Не только забиралась, но ещё и раскачивалась на тонких верхних ветвях, заливаясь звонким счастливым смехом. Маранта собралась было рассердиться, но мальчишка стоял перед ней с таким убитым видом, что она невольно улыбнулась. Он сейчас конечно страшно переживал, что выдал подружку, но ничего поделать с собой не мог – на свою беду Стефан совершенно не умел врать! В отличие от Ларни.

Маранта ничего не сказала, только потрепала его по светло-русой голове и подтолкнула в сторону крепости. Парнишка, счастливый тем, что так легко отделался, пулей рванул догонять непослушную девчонку, а Маранта перевела дух, подняла свой ушат и вновь направилась к мосткам на берегу реки. Она, конечно, сердилась на дочь, но всё же была рада, что очередная поисковая экспедиция отменяется – в её нынешнем положении это было бы весьма затруднительно. Вскоре женщина опустила свою ношу на старые скрипучие доски, и прежде чем приступить к работе, погладила круглый объёмистый живот. Не пройдёт и месяца, как она подарит Ларни братика! Ну, или сестрёнку, какая разница? Теперь Стефан и Ларни будут по-настоящему связаны кровны-

ми узами, ведь это маленькое существо будет братом, (или сестрой), им обоим, одному по отцу, другому по матери.

Стефан был сыном её мужа от первого брака, и хоть она полюбила его, как родного, а он искренне привязался к ней, но так и не научился называть Маранту мамой. Ничего! Главное, что они теперь живут дружно и счастливо, а кроме того этот замечательный парнишка души не чает в её дочери!

– Мара! Любимая, что ты тут делаешь? – раздался вдруг голос, от которого она чуть не уронила бельё в воду.

Маранта поняла, что попалась. Муж запретил ей работать, а тем более таскать тяжести. Да, теперь нагоняй получит она сама, а не проказница Ларни!

Глава 2. Юная воительница

– Ур-ра-а-а! Я догоню тебя, проклятый монстр!

Вдоль главной, (и единственной), улицы посёлка, едва касаясь земли копытцами, летел перепуганный поросёнок. Летел и оглашал окрестности таким истошным визгом, который могут издавать только перепуганные поросята и никто больше! Покинуть родную лужу его заставило нападение человека, которого он обычно совершенно не боялся, а очень даже любил, потому что постоянно получал от него, (то есть от неё), что-нибудь вкусненькое.

Конечно, этим человеком была Ларни, но сегодня с ней случилось что-то нехорошее, потому что, едва вбежав в ворота крепости, она выхватила деревянный меч и набросилась на ни в чём не повинного поросёнка, крича, что это монстр и она его сейчас убьёт! Мелкий свин был вовсе не глуп, а его ноги ещё не утратили резвость юности, и потому он сразу снялся с места в галоп, звонко при этом вереща. Ларни, что есть сил, бежала следом и азартно размахивала своим оружием.

Так они вскоре достигли другого края посёлка, расположенного между двумя высокими железобетонными стенами, где был завал из брёвен, закрывающий второй выход, и стояла церковь. Поросёнок с разбегу нырнул под крыльцо этого нехитрого сооружения, а дорогу развоевавшейся девчонке

загородил крепкий высокий старик в костюме священника.

– Ларни! – строго сказал он, сдвинув седые брови. – Что это значит, Ларни? Зачем ты гоняешь моего поросёнка?

Девочка остановилась и тут же спрятала деревянный меч за спину.

– Дедушка! – воскликнула маленькая возмутительница спокойствия, глаза которой забегали. – Я, э-э... мама просила тебя навестить и сказать, что у нас всё хорошо!

– Ах, вот как! Тогда передай маме, что я зайду к вам сегодня вечером, чтобы узнать *насколько* у вас всё хорошо!

Последние слова были сказаны также строго и даже немного грозно. Ларни решила не развивать эту тему дальше, кивнула и уже развернулась, чтобы удрать, но тут же налетела на запыхавшегося Стефана, который внезапно появился у неё за спиной. Это остановило её буквально на одну секунду. Оглядев брата с некоторой задумчивостью, девчонка коротко скомандовала – "За мной!", и снова припустила вдоль посёлка. Мальчик виновато посмотрел на пастыря, которого Ларни называла дедушкой, но увидев, что он улыбается, пожал плечами и отправился вслед за подружкой.

Глава 3. Похищение Руфуса

– Ну что ты здесь опять забыла? Что ты там разглядываешь?

– Хочу увидеть стены каньона!

– Ну и как, видишь?

– Нет.

– Конечно же, нет! Если там даже есть какие-то стены, то они так далеко, что их отсюда не видно, так зачем же пытаться их увидеть снова и снова?

– Если тебе не интересно, можешь спуститься вниз!

– А ты? Я за тебя беспокоюсь, вдруг упадёшь?

– Я не упаду, а вот ты можешь из-за своей ворчливости!

– Нам же снова достанется от родителей, если они узнают, что ты опять забралась на "Сторожевую вышку"!

– Не достанется, если ты не скажешь!

– А как же Руфус? Ведь следить за ним поручили тебе, а ты оставила его одного внизу! Вдруг что-нибудь случится?

Ларни, висят на тонких верхних ветках высоченного вяза, обернулась и посмотрела на Стефана, который находился "этажом ниже". Мальчику в очередной раз показалось, что он смотрит в темнеющее вечернее небо, на котором горят две яркие синие звезды. Ларни была смуглой от рождения, чем выделялась среди всех детей в их посёлке, а загар, который она приобретала за лето, окрашивал её лицо в цвет

золотистой бронзы. Тёмные, почти чёрные волосы, коротко подрезанные, ещё больше усугубляли это впечатление, а ярко-синие глаза создавали странный, даже неестественный контраст. И, тем не менее, все признавали, что девочка наделена некой особенной, пугающей красотой, которая стала заметна уже сейчас в её неполные девять лет. Стефан, как-то подслушал разговор взрослых, которые говорили, что в этой красоте есть, "нечто демоническое"! Он не совсем понял, что они имели в виду. Он и так считал, что его сестра самая красивая девочка из всех, что есть в посёлке, а может и на всём белом свете, (хоть он и не знал, что из себя представляет этот "белый свет").

– Пошли! – Коротко сказала Ларни и с завидной скоростью полезла вниз.

Стефан и сам отлично лазал по деревьям, но угнаться за девчонкой, которая с одинаковой ловкостью цеплялась за ветки руками и ногами, он почему-то не мог. Возможно, это было потому, что Ларни категорически не признавала обуви. Свои мягкие меховые сапожки она сбрасывала, к всеобщему ужасу, весной, едва на улице сходил снег, и обувалась только при первых признаках зимы, а иногда и позже. Ей ещё в раннем детстве случалось выскочить босиком на снег и бегать по двору, пока кто-нибудь из взрослых не поймает этого сумасшедшего ребёнка и не водворит обратно в тёплый уютный дом.

В отличие от Ларни, их младший братишка Руфус, рос ти-

хим и послушным. Впрочем, ему сейчас было чуть больше трёх лет. Ларни обожала его до безумия, а он её немного побаивался.

Размышления Стефана прервал резкий звук ломающихся веток, и в первое мгновение он подумал, что Ларни упала, но в следующую секунду понял, что она просто рванула вниз с невероятной скоростью, буквально сбегая по дереву! Заподозрив неладное, мальчик и сам стал спускаться быстрее и вскоре увидел причину заставившую девочку так рисковать – Руфуса под деревом не было!

Ларни стояла посреди поляны совершенно растерянная, и, то и дело, поворачивалась во все стороны, не зная, где искать младшего брата. Сердце Стефана ухнуло в пятки и там спряталось. Он тоже любил Руфуса, который, несмотря на то, что был мальчиком, больше всего походил на Маранту. Любил, хоть его и раздражала детская неуклюжесть и непонятливость младшего.

Присматривать за малышом, сегодня было поручено Ларни, а Стефан должен был помогать отцу по хозяйству, так что вины на нём, как бы, не было, но это ничего не меняло! Брат пропал, а значит, все остальные дела сейчас не имеют значения. Какое наказание ждёт их с Ларни, тоже было не важно.

Стефан заметил, что сестра дрожит мелкой дрожью, а её, превратившиеся в щёлочки, глаза наполнены слезами. Скверное дело! В таком состоянии от неё будет мало толку, а

сейчас как раз необходимо собрать все силы и не поддаваться панике.

Монстры возле их посёлка не появлялись так давно, что люди забыли, как они выглядят. Правда детям по-прежнему запрещалось уходить в одиночку за линию огородов и к реке, но запреты эти постоянно нарушались и, конечно же, первыми нарушителями были они с Ларни. Возможно, Стефан и не стал бы так делать по собственной воле, но Ларни всегда шла туда куда хотела, а он не мог оставить её одну. Вот и теперь, когда он увидел, что сестра, с Руфусом на спине, направляется к "Сторожевой вышке", то бросил порученную ему работу и пошёл вслед за ними. Пошёл с самыми благими намерениями – присмотреть, чтобы с обоими не случилось ничего плохого. Да вот, не усмотрел!

Стефан понял, что сейчас вся ответственность лежит на нём, как на старшем. В конце концов, кто тут охотник? Заставив самого себя не дрожать, он внимательно осмотрел поляну, на которой рос старый вяз и вскоре разглядел то, что им было нужно – в невысокой ещё весенней траве был виден едва заметный след, который вёл от дерева к краю, где начинались заросли кустов. Острые глаза парня позволили ему увидеть, что в этих кустах, что-то белеется и он, не говоря ни слова, схватил сестру за руку и припустил с ней к краю поляны. Когда Ларни увидела то, что видел он, она обогнала брата и влетела в кусты первая, не обращая внимание на колючие ветки, раздирающие кожу на всех открытых местах...

Это была всего лишь тряпка. Та самая тряпка, которой вытирали сопливый нос Руфуса. Ларни схватила эту тряпку и судорожно сжала в руках, будто хотела втереть её в ладони. Стефану показалось, что сейчас он понял, что значит фраза – "нечто демоническое": глаза Ларни были совершенно дикими, рот раскрыт в зверином оскале, а выражение лица напугало бы кого угодно. Но долго разглядывать сестру ему не пришлось – он вдруг заметил, что через кусты идёт узенькая тропинка, оставленная каким-то зверьём, а там где эта тропинка ныряла в особо густые заросли, была сломана молодая зелёная ветка.

– Туда! – крикнул Стефан, и на сей раз не пустил сестру вперёд.

Мысли парня лихорадочно прыгали, заставляя его метаться от одних намерений к другим. Самым разумным казалось, немедленно бежать в посёлок и звать на помощь, но это означало потерять массу драгоценного времени. Правда если Руфуса унёс дикий зверь или монстр, то он возможно уже мёртв... Против этого говорило отсутствие крови на найденной тряпке и на тропинке, по которой они сейчас бежали. С другой стороны ни у него, ни у Ларни не было с собой никакого оружия, если не считать небольшого, но очень острого ножа, с которым Стефан не расставался уже несколько лет. (У Ларни тоже был ножик, но такой маленький, что брат презрительно называл его "девчачьим". Удивительно, но в отличие от матери, девочка-сорвиголова не любила оружие,

а ежедневные занятия по стрельбе и фехтованию считала, чем-то вроде наказания, и всякий раз старалась увильнуть от них, при каждом удобном случае.)

Что же им делать, если они найдут Руфуса ещё живого, но его будет держать в когтях, какое-нибудь чудовище? Ответ был прост – они вырвут младшего из этих когтей, пусть даже придётся драться голыми руками!

Как бы ни были обширны заросли кустов, но они скоро кончились. Исцарапанные, исхлѣстанные ветками, дети оказались на краю небольшого оврага, в который дальше ныряла узкая звериная тропинка. И, конечно, по всей ширине и глубине этого оврага произрастал один из самых злющих врагов всех детей – высокая, широколиственная, разлапистая крапива!

Несмотря на то, что лето ещё только готовилось вступить в свои права, это растение успело уже вымахать в человеческий рост, а над тропинкой смыкалось так низко, что по ней едва можно было двигаться на четвереньках. Стефан поднял воротник своей куртки и натянул пониже рукава, чтобы скрыть кисти рук, но Ларни вдруг решительно отодвинула его локтем и пошла первой. Её лёгонькое платьице вообще не имело рукавов, а подол едва прикрывал колени, но девочка решительно подошла к зарослям крапивы и раздвинула их руками. При этом она, что-то бормотала вполголоса из чего старший брат смог различить только – "Матушка Крапива, не жги!.. не жги!.."

И крапива не жгла! Он сам смог убедиться в этом, когда движимый инерцией стебель, со зловещими листьями, махнул-таки его по лицу. Не было ни ощущения вонзившихся в кожу сотен иголок, ни вспыхнувшей огнём боли, ни вмиг надувшихся волдырей, ничего! Прикосновение было мягким и даже ласковым, чего он никак не мог ожидать от крапивы.

Мальчику и прежде доводилось видеть, как Ларни разговаривает с растениями и животными, но он никогда не воспринимал всерьёз рассказы о том, что кого-то там можно "заговорить". Охотник должен полагаться на могучий лук, крепкий топор и острый нож, а главное на своё умение, чутьё и опыт! Против врагов лучшие помощники, конечно же, верный меч и надёжный щит, но ему ещё не приходилось встречаться с врагами, (по правде он даже плохо представлял себе, что это такое), а вот охотиться уже приходилось. Однако сейчас он, похоже, видел то, что среди людей называли ведовством, а их старый мудрый пастырь совершенно не одобрял и называл дьявольским искушением.

И, тем не менее, у Ларни всё получалось! Её обнажённые руки и ноги совершенно не чувствовали ожогов, а ведь Стефан знал, что от такого количества соприкосновения с крапивой можно тяжело заболеть и даже умереть. Детям в посёлке рассказывали, как три десятка лет тому назад четверо ребят, которые тогда были в таком же возрасте, что сейчас они с сестрой, нарушили запрет на выход из крепости без присмотра взрослых. Нет, им не встретились монстры, но их

угораздило свалиться в этот самый овраг, выбраться из которого, удалось далеко не сразу. После этого все четверо заболели и трое вскоре умерли, что было страшнейшей потерей для селения, где дети считались главным сокровищем. Остался один, и это был... отец Стефана. С тех пор он не ощущал ожогов от крапивы, смело рвал её голыми руками и частенько брал с собой в баню в качестве веника.

Но вот кончился и овраг. На их счастье его склоны оказались достаточно пологими, чтобы можно было вылезти наружу, цепляясь за корни. Дальше начинался самый настоящий лес, деревья в котором стояли плотно, а тропинка ныряла в бурелом. Они всё ещё находились недалеко от своего посёлка-крепости, который дикие звери обходили стороной, но здесь в чаще нельзя было поручиться, что они не столкнутся, например, с волками или со стадом кабанов, которым не страшны даже монстры.

О самих монстрах думать и вовсе не хотелось. Это были существа, как говорили старшие, "безбашенные", но кровожадные и свирепые до предела! Благодаря Маранте, которая семь лет назад спасла Стефана, а через несколько месяцев родила Ларни, монстры в округе были по большей части истреблены или разогнаны. Маранта откуда-то знала, как с ними надо бороться и научила других, за что ей была благодарна вся община. Она вообще была необыкновенной женщиной, эта Маранта! Сильная, смелая и умная, совсем не такая, как любая другая в посёлке. По своему поведению, она

скорее была похожа на охотника, чем на женщину, но при этом была ещё и необыкновенно красива! Маранта была самой красивой женщиной из всех, кого в своей жизни видел Стефан, и в этом с ней могла поспорить только Ларни.

Итак, приходилось нырять в бурелом. Кроме монстров и хищного зверья, здесь можно было встретиться со змеями или попросту свернуть себе шею, запутавшись в корягах. Стефан с надеждой покосился на сестру, но на сей раз никаких заклинаний не последовало и ему ничего не оставалось, как протискиваться сквозь эти завалы. На сей раз он опять шёл первым. Древесная мешанина становилась, чем дальше, тем гуще. Тропинка, то и дело, ныряла под завалы валежника или громадные гнилые стволы деревьев, упавших, может быть, столетия назад. Через час такой ходьбы дети вымотались совершенно, и Стефан даже стал подумывать о том, чтобы повернуть назад и позвать-таки на помощь взрослых, но вдруг Ларни вскрикнула и бросилась вперёд, бесцеремонно оттерев его плечом. Он тут же понял, что заставило её так поступить – на самом виду, среди тропинки лежала сандалия Руфуса!

Несмотря на то, что сама Ларни упрямо расхаживала повсюду босиком, младшего брата она всегда обувала, если надо было пойти с ним на прогулку. Мало того, лёгкую обувь, вроде таких вот сандалий, она мастерила ему сама, научившись этому ремеслу у священника, которого до сих пор называла дедушкой! Их нынешняя находка тоже была издели-

ем её рук – сооружение из нескольких слоёв толстой кожи с ремешками, украшенными разноцветными бусинами.

Стефан не успел раскрыть рот, а Ларни уже летела вперёд, зажав в руке заветную сандалию. Она перескакивала со ствола на ствол с проворством достойным белки, и Стефану, припустившему следом, едва удавалось не терять её из виду. Так они бежали ещё некоторое время, когда Ларни вдруг остановилась, как вкопанная.

Юный охотник сразу понял причину её замешательства – тропинка, по которой они двигались до сих пор, кончилась. Заодно кончился и бурелом, словно ему положили предел. Лес стал чище и красивее, как на картинке, но это мало радовало – на мягкой лесной подстилке из листьев и иголок не было видно никаких следов. Девочка стояла, как тогда на поляне и поворачивалась во все стороны словно флюгер, раскачиваемый ветром. Стефан понял, что сейчас снова дело будет за ним.

Он внимательно осмотрелся вокруг, стараясь призвать всё своё чутьё охотника, но ни на крохотной лесной прогалине, ни под пушистыми зелёными ёлками, росшими повсюду, не было ничего, что могло бы подсказать, где им дальше искать младшего брата. Вдруг прямо перед ними дёрнулась большая еловая лапа, как будто кто-то потянул её снизу и резко отпустил! Стефан нашарил правой рукой нож, а левой затолкал Ларни себе за спину. Но он тут же отдёрнул руку, почувствовав укус маленьких, но острых девчачьих зубов!

Выяснить отношение было некогда, и они потихоньку двинулись бок-о-бок по направлению к раскачивающейся ветке. При этом Ларни подобрала по дороге увесистую суковатую палку.

Мальчик, в любой момент готовый к бою, подошёл к загадочному дереву и в следующий миг ступил на поляну, скрытую до этого широкой разлапистой хвоей. То, что он там увидел, заставило его вскрикнуть и опустить нож! Действительно, он ждал всего чего угодно, от самого плохого и страшного, до самого хорошего, но такого зрелища он никак не мог ожидать!

Посреди поляны на толстом поваленном дереве, в позе королевы, восседала тётя Мара, а рядом стоял улыбающийся отец. У их ног, совершенно целый и невредимый, Руфус строил пирамидку из шишек. На лице Маранты тоже играла улыбка. Такая наверно должна была быть у лисы, наблюдающей за выводком цыплят. Позади, раздался полувздых-полуписк, и что-то тяжёлое шлёпнулось на землю. Стефан обернулся и увидел, что это Ларни уронила свою дубину.

– Быстро! Я думала, вы будете дольше нас икать. – сказала Маранта медовым голосом.

– Теперь все всё поняли?.. – начал, было отец, но сам себя оборвал на полуслове.

Стефан сразу понял причину его внезапного молчания – он увидел, как глаза Маранты и Ларни встретились! Мать и дочь смотрели друг на друга, не отводя взгляд, и казалось,

что в воздухе скрестились четыре клинка – два стальных, серых и два иссиня-ледяных. Мальчик готов был поклясться, что почувствовал запах озона и услышал треск мелких электрических разрядов, наполнивших атмосферу! Так продолжалось несколько секунд.

Потом Ларни, всё так же, не отводя взгляд от лица матери, подошла вплотную, наклонилась, взяла Руфуса на руки и, ещё раз сверкнув глазами, скрылась в лесной чаще. Стефан переглянулся с отцом и дёрнулся-было догонять её, но Маранта встала и мягко положила руку ему на плечо.

– Не надо! – сказала она, и в голосе её не было ни раздражения, ни гнева.– Всё будет хорошо.

Когда через пару часов они пришли домой, Руфус мирно спал в своей кровати. Рядом сидело маленькое, согнутое пополам существо, в котором Стефан не сразу узнал Ларни. Он подошёл и заглянул в совершенно мокрое, несчастное лицо сестры. Белки синих глаз были красными, а нос, похоже, напрочь отказывался дышать и, то и дело, предательски хлопал. Тогда мальчик сел рядом и обнял за плечи это дикое, своенравное сокровище.

Странно, но бесёнок, который не терпел фамильярности, не отстранился и не оттолкнул его, а наоборот прижался к мускулистой груди брата всем своим маленьким смуглым тельцем.

Глава 4. Она принесла Ларни

– Братья и сёстры!

Голос священника зычно раздавался в небольшом помещении, наполненном народом. Храм в посёлке, как и всё, кроме стен был деревянным и очень старым. Когда-то он без труда вмещал всех жителей, но теперь народ, затерянной в лесах крепости, умножился и некоторые из прихожан вынуждены были оставаться за дверью. Впрочем, проповедь можно было слушать и оттуда, а погода стояла сухая и тёплая, так что те, кто стоял снаружи, ничего не потеряли.

– Братья и сёстры! – рокотал голос старика, который, несмотря на преклонный возраст, был всё ещё силён и крепок. – Любите друг друга! Берегите друг друга, ибо каждая жизнь человеческая есть величайшая ценность! Мы окружены жестоким и смертоносным миром. Верьте мне, люди, рождённые за этими благословенными стенами, ибо я сам пришёл из этого мира! Вам, рукою Господа помещённым в эту Великую чашу, заросшую лесами, неведомы страны, где люди убивают друг друга, чтобы отнять у ближнего своего еду и кров. Вам неведомы миры, которыми правят жестокие правители, для коих подданные их, не более чем олени для волка или куропатки для ястреба. Там без счёту и меры льётся невинная кровь! Там нет, и не может быть справедливости, ибо люди, населяющие те места, хуже самых кровожад-

ных монстров, которые...

– Но ведь оттуда пришла тётя Маранта, жена моего отца! – вдруг перебил проповедника молодой звонкий голос.

Старик на мгновение умолк, потом нашёл глазами говорящего, который стоял в дверях, улыбнулся и поманил его рукой.

– Подойди ко мне, юный Стефан! – сказал он. – Не бойся! Подойди и повтори то, что ты сейчас сказал.

Люди, знавшие крутой нрав священнослужителя, бывшие не раз свидетелями вспышек гнева, которым он был подвержен, особенно если кто-то выражал несогласие по религиозным вопросам, люди привыкшие верить без споров, не требуя объяснений, расступились в страхе, ожидая, что старик обрушит на голову парня грома небесные или вообще выгонит из храма, как он это сделал с охотником, который, как-то явился на проповедь пьяным. Но ничего подобного не происходило. Старик смотрел на подходящего юношу с выражением добродушной насмешки.

– Я не боюсь! – заявил Стефан, глядя священнику прямо в глаза. – И я повторю то, что уже сказал – жена моего отца, которую мы все знаем и любим, пришла из мира, названного вами, падре, средоточием всякого зла. Но ведь нет в нашем селении женщины добрее и ласковее, чем тётя Маранта! Первое, что она сделала, когда появилась здесь, это спасла меня от ужасного монстра, который собирался меня сожрать, а потому я могу считать её своей второй матерью,

хоть мой язык и отказывается так её называть...

– Ты прав, Стефан! – перебил его, в свою очередь, священник. – Ты совершенно прав насчёт нашей дорогой Маранты и мы все это знаем! Но помнишь ли ты, какая она была, когда пришла к нам? Помнишь? Если забыл, то я напому тебе. Она пришла нагая, вся израненная и избитая, преследуемая жестокими убийцами, жаждущими её крови! Да, она спасла тебя, но ты когда-нибудь видел то оружие, с помощью которого она это сделала? Попроси её показать его тебе. Это оружие не годится для охоты, оно не поможет человеку прокормить семью, зато таким оружием легко поразить ближнего своего или защититься, если ближний твой захочет убить тебя! Да, именно такое оружие было в руках Маранты, когда она появилась среди нас. Она принесла его из того мира от которого Господь избавил вас, своих возлюбленных детей. В том ужасном мире Маранте приходилось защищать свою жизнь и убивать тех, кто пытался её отнять. И она бежала из того мира! Бежала под защиту наших стен и наших лесов. Бежала, чтобы никогда не вернуться назад...

– Но ведь она принесла оттуда Ларни! – снова заговорил Стефан. – Значит, в том мире тоже есть любовь?

Старик снова замолчал на несколько секунд, потом положил руку на голову парня и сказал следующее:

– Ты прав, юный Стефан, там есть любовь! Любовь есть везде, ибо это суть божья на нашей земле! Но там, за пределами, данными нам во владение, любовь вынуждена пря-

таться от клинка и стрелы, от произвола и жестокости. Маранта встретила там свою любовь, но там же она её и потеряла, а чтобы не потерять плод этой любви она пришла к нам. И, как видишь, встретила здесь новую любовь, которая принесла плод в виде твоего младшего брата. Вот он, сидит на руках твоего отца среди мирных и трудолюбивых прихожан и соплеменников. Здесь ничто не угрожает ему, и никто не пытается его убить, разве это не благо? Я отвечу тебе, мой мальчик! Это и есть благо! Вы, дети, рождённые в любви и взращённые среди соплеменников, готовых в любое время защищать вас! Вы не знаете, что такое подлинное зло и если Господь не разгневается на вас, то никогда не узнаете этого! Поверьте, такое незнание, это и есть благо! Трудитесь не покладая рук, и жизнь ваша будет безбедной! Заботьтесь друг о друге, и беда будет обходить вас стороной! Любите друг друга, и счастье никогда не покинет ваших сердец, а число ваше приумножится! Но заклинаю вас всеми благами мира и всеми бедами жизни земной – никогда не покидайте этих благословенных лесов, никогда не уходите далеко от этих прочных стен и никогда не пытайтесь выбраться из Великой чаши, в которой Господь держит нас! Пока мы здесь, мы всё равно, что на Его ладони, но тот, кто покинет эту ладонь, превратится в безродного скитальца, жалкого и одинокого. Там, за пределами чаши, называемой каньоном, уже никто не позаботится о вас так, как это происходит здесь. Там вы будете влачить жалкое существование, преследуемые врага-

ми, в поте лица добывать тощий хлеб свой насущный и прятать свою любовь! Ты понял меня, Стефан?

– Я понял вас, отче!

– Вот и славно! Тогда иди и лучше присматривай за своей сестрой, ведь у неё душа птицы, постоянно рвущаяся в полёт, несмотря на опасность быть подстреленной охотниками. Кстати, а где она? Я почему-то не вижу Ларни!

Все заозирались и зашумели, разыскивая девочку-непоседу, которая точно была здесь в начале проповеди, но сейчас куда-то исчезла. Это было странно, ведь все знали, что Ларни всегда бывает в церкви, когда падре читает проповедь. Так повелось с тех пор, когда у них со старым священником вышел один необыкновенный случай. Но прежде надо сказать пару слов о самом священнике.

Глава 5. Пастор и защитница

Давным давно, когда нынешние охотники ещё сами были детьми, в ворота старой крепости постучался странный человек. Он был уже не молод, хоть ещё не стар, лет наверно сорока с небольшим, одет в изорванную длинную одежду, страшно изнурён и измотан. За плечами у него был мешок, в котором угадывалось, что-то угловатое.

Жители селения тогда были другими, и прежде чем впустить его они долго совещались и спорили между собой. Странника пустили скорее из любопытства, чем из милосердия. Впрочем, они не были злыми эти лесные жители, просто жизнь их была наполнена страхом перед опасностями, таящимися за высокими стенами крепости. Едва путник вошёл в ворота, он спросил – какой веры придерживаются здешние обитатели? На этот вопрос никто не мог внятно ответить. В конце концов, ему указали на заколоченное здание, бывшее когда-то церковью.

– Что ж, – сказал тогда новоприбывший, – значит моя судьба, заново научить вас вере, которую вы утратили!

И он стал учить их. Он учил добру и справедливости, милосердию и любви, а символом этой веры поставил бронзовое изображение человека прибитого гвоздями к деревянному кресту, которое принёс с собой. Кое-кто из стариков припомнил, что такой же символ был когда-то в этой самой

церкви, но куда он делся, этого сказать не мог никто.

Шли годы, подросли новые жители затерянной в лесах крепости. Они уже были не похожи на своих родителей, потому что священник многому научил их. Теперь они стали смелее и как-то выше. Их лица были просветлёнными, а сердца открытыми. Жизнь в селении потекла быстрее и стала более весёлой, хоть опасностей и трудов у людей вовсе не убавилось.

Вдруг стало рождаться больше детей и самое главное, их стало больше выживать по сравнению с тем, как это было раньше! Священник особенно радовался этому пополнению и настаивал на том, чтобы детей как можно чаще приводили к нему. Кончилось тем, что матери стали полностью ему доверять, к тому же нашли это весьма удобным и периодически "сбагривали" своих чад на попечение старика.

И вот однажды среди этих детей появилась необыкновенная девочка. Она отличалась от прочих и не только внешне. Ларни была настоящей почемучкой, и в первый же день задала вопросов больше, чем все остальные дети вместе взятые.

Самопровозглашённый духовный наставник маленькой затерянной в лесах общины, был, конечно, рад ответить на каждый её вопрос, но когда день закончился и детей разобрали по домам, он почувствовал, что устал больше обычного. Тем не менее, когда на следующий день в дверь его крошечного домика, расположенного рядом с церковью, первым

постучался давешний любопытный бесёнок, старик обрадовался, сам не понимая почему!

С тех пор Ларни, если не сидела на верхушке "Сторожевой вышки", или не устраивала гонку за поросятами и курами, или не отправлялась гулять в одном только ей ведомом направлении, то проводила время у священника, слушая его рассказы и выливая на него потоки своих бесконечных вопросов.

Происшествие случилось, когда они были знакомы уже чуть больше года. Ларни недавно исполнилось пять лет, но её самостоятельности могли бы позавидовать старшие дети. Однако когда произошёл тот инцидент, подозрение пало во все не на Ларни.

А случилось вот что – как-то утром, когда солнце едва окрасило небо в нежно-розовый цвет, священник, встававший с петухами, вошёл в церковь, и уже собрался сделать привычный жест, прикоснувшись пальцами поочерёдно ко лбу, к животу и к плечам, как вдруг замер от ужаса!

И было от чего! Святой символ – деревянный крест, стоявший на самом видном месте, был пуст! Сам крест оставался нетронутым, но бронзового человека, прибитого за руки и за ноги железными гвоздями, не было! Гвозди, впрочем, нашлись сразу. Они были аккуратно сложены на маленьком столике, служившем подставкой для нескольких чаш, которые священник использовал для отправления обрядов.

Неслыханное святотатство поразило старика настолько,

что его едва не хватил удар! Кто это мог сделать? Ведь он доверял жителям селения. Он сам вырастил здесь целое поколение и до сих пор активно занимался воспитанием молодёжи. Дверь в церковь никогда не запиралась, (как впрочем, и все двери в маленькой крепости, кроме главных ворот), и чаще всего стояла нараспашку. Никому не возбранялось посетить этот незатейливый храм в любое время суток. Но кто и зачем мог сделать такое?

Старик упал на колени и долго, горячо молился, в то время как его мысли метались, словно дикие птицы, попавшие в силки. Он не знал, сколько прошло времени, пока он так стоял, дрожа всем телом и обливаясь холодным потом, но вдруг сзади раздался какой-то звук, толи вздох, толи покашливание.

Священник резко обернулся, и его глаза встретились с широко распахнутыми глазами Ларни. Эти глаза сейчас напоминали синие ледяные кристаллы, и глядели с вызовом, а в руках у девчонки был свёрток, в котором с первого взгляда можно было узнать пропавшую святыню.

Как потом выяснилось, руки и ноги бронзового человека были перевязаны тряпочками, но каким образом ей удалось голыми руками вытащить гвозди, загнанные много лет назад в твёрдое дерево, осталось неизвестным.

– Ларни! – только и смог пролепетать священник дрожащим голосом. – Зачем?!

– Я не хочу, чтобы ему было больно! – заявила девочка и

покрепче прижала к себе свёрток.

Старик долго смотрел на неё, а она стояла напротив, также с вызовом глядя ему в глаза, и не делала никаких попыток убежать. Так они молчали несколько минут, потом священник встал, ласково взял девочку за руку, отвёл на скамейку, а сам устроился напротив.

Они беседовали до полудня. Старик не пытался отобрать у неё свёрток, но когда солнце подошло к зениту, она сама отдала ему бронзового человека, хоть её глаза и были полны при этом слёз.

С тех пор Ларни постоянно носила на шее маленький деревянный крестик на прочном кожаном ремешке. Этот крестик вырезал для неё сам падре, но на нём не было изображения распятого, а виднелись лишь буквы – И.Н.Ц.И.

Священник рассказывал, что это был добрый Бог, которому люди сделали много плохого, но он не перестал их любить за это. Его культ, когда-то распространённый повсеместно, был запрещён много лет назад, пришедшими к власти поклонниками рогатого бога, повелителя зла. Запрещён и забыт, так что забылось само имя распятого. Забылось и значение букв, написанных обычно над его головой. Кое-кто утверждал, что его имя заключено, как раз в этих буквах, поэтому его все стали называть – Инци.

Ларни никогда не пропускала проповедей старого священника и всегда слушала его рассказы о жизни и учении святого Инци, устроившись в первом ряду и широко открыв

свои синие глаза, как будто могла увидеть воочию события, о которых шёл разговор.

Но сегодня её почему-то не было. Впервые за шесть или семь лет. Обнаружив это, люди заволновались и быстро сошлись на том, что девочку надо срочно найти. Все ещё хорошо помнили, как она дважды пропадала в детстве, один раз на полдня, а второй на целые сутки. Оба раза её находили в лесу, сначала в зарослях малины, а потом среди стада диких кабанов, где она благополучно спала среди поросят, окружённая седыми секачами и свирепыми, но такими тёплыми свиноматками.

Кабаны тогда, почуяв людей, сразу снялись с места, но не убежали, а изготовились к битве, мгновенно приняв боевой порядок, словно были не животными, а опытными воинами. Охотники подняли свои тугие луки, но никто не выстрелил – все понимали, что раненые звери могут затоптать ребёнка. После нескольких минут противостояния Ларни сама убежала на зов Маранты, а оба "войска" разошлись в разные стороны, не причинив друг другу вреда.

Это случилось, когда всеми любимому бесёнку не было ещё и пяти лет, но сейчас девочке исполнилось двенадцать, так неужели она снова убежала в лес?

Священник объявил проповедь оконченной и прихожане быстро разошлись по домам, чтобы взять тяжёлые топоры и охотничьи луки, без которых нельзя углубляться в лес дальше нескольких шагов. Но спасательный поход не состоялся

– Ларни нашлась сразу.

Её обнаружили дома, и когда Стефан увидел сестру, его нижняя челюсть упала, и рот оставался открытым до тех пор, пока Маранта не вернула его челюсть на место, подняв за подбородок, покрытый светлым юношеским пушком. А увидели они вот что – Ларни стояла посреди своей комнаты одетая в охотничий костюм, состоявший из замшевой куртки с капюшоном и кожаных штанов. На маленьком столике перед ней лежали длинный нож с костяной рукояткой, небольшой топорик и лук, который отец сделал ей прошлой зимой. Больше всего Стефана почему-то поразило то, что она была обута в его старые летние сапоги, которые стали ему давно уже малы, но были отложены для Руфуса.

Ларни взглянула на вошедших исподлобья, но не смутилась, а продолжила укладывать заплечный мешок, уже наполовину чем-то набитый.

– Куда собралась? – спросила Маранта, в то время как остальные ошарашено молчали.

– Туда... – неопределённо махнула рукой Ларни. – Туда откуда пришла ты! Дедушка говорит, что там мир, наполненный одним злом, но я в это не верю! А если там действительно много зла, то это зло нужно уничтожить, чтобы добру было, где жить!

– И ты собираешься сделать это в одиночку?

– Если понадобится, то да! А если кто-нибудь хочет пойти вместе со мной, то я буду рада...

– Я монстр! – вдруг крикнула Маранта, как это бывало на их тренировках, когда должна была последовать особенно жестокая атака.

Рука матери со свистом рассекла воздух, нацелившись в переносицу дочери, но та мгновенно схватила прялку, (подарок одной сердобольной соседки, который так и стоял в углу её комнаты без дела), и заблокировала этот удар. Судя по тому, что прялка осталась цела, Стефан понял – удар был нанесён не в полную силу. Ему не раз доводилось видеть, как Маранта ломает ребром ладони крепкие и толстые палки, удивляя этим взрослых мужиков с пудовыми кулаками, которые не могли проделать ничего подобного. Она и детей своих учила этому странному искусству, но пока ни у кого из них не получалось повторить это с такой лёгкостью.

От следующего удара, нанесённого ногой, Ларни просто увернулась, но в то же мгновение левая рука матери с растопыренными пальцами упёрлась ей в грудь и прижала к стене с такой силой, что девочка крепко стукнулась затылком о твёрдые сосновые доски.

Немного подержав дочь таким образом, (как кошка держит пойманную, но ещё живую мышь), Маранта отступила на шаг и скрестила руки на груди. Ларни сползла по стене вниз и, так и осталась сидеть, хлопая глазами и лоя ртом воздух, не в силах ничего сказать.

– Когда сможешь проделать со мной, то же самое, иди куда хочешь! – жёстко сказала воительница и вышла из комнаты.

Отец сочувственно поглядел на поверженную девочку, пожал плечами и последовал за женой, таща за собой недоумевающего Руфуса. В комнате Ларни, кроме неё, остался один Стефан.

Несостоявшаяся путешественница подняла на брата глаза, в которых не было ни слезинки, потом ещё несколько раз глотнула воздух, поперхнулась и наконец, проговорила хриплым сдавленным голосом:

– Ты пойдёшь со мной, когда я смогу её победить?

Стефан ответил не сразу. Он опустился перед сестрой на одно колено, как рыцарь из древних сказок, немного помолчал и сказал, глядя ей прямо в глаза:

– Я пойду за тобой когда угодно и куда угодно, чтобы защитить тебя от любой опасности и... от тебя самой!

Глава 6. Там есть малина!

Никто из ныне живущих в "Междустенье", (как иногда люди называли свой посёлок), не видел целой ту крепость, среди руин которой они обитали. Когда прадеды нынешних охотников пришли сюда, гонимые врагом, о коем их потомки имели весьма смутное представление, от могучих укреплений осталась лишь мешанина железобетонных обломков, покрытых мхом и дёрном, поросших кустами и чахлыми деревьями. Некоторые из этих обломков взрыв закинул далеко в лес, кстати, тоже пострадавший тогда, но за долгие годы ухитрившийся вырасти заново. Непроходимые буреломы, состоящие из толстенных вековых стволов, располагались, словно солнечные лучи, центром которых была погибшая крепость. Они лежали, обратив к ней вывороченные корневища, указывая прочь иссохшими кронами, словно убитые люди, судорожно вытянувшие руки туда, где их ждало и не дождалось вожделенное спасение.

Крепость никто не штурмовал, она была уничтожена одним страшным ударом, сразу покончившим и с самим сооружением, и с его защитниками. Смерть упала из-за облаков, а защиты от неё не было. Она испарила людей, расплавила металл, искрошила камень и бетон. По странной прихоти при этом остались целыми два фрагмента стен, располагавшихся, когда-то концентрическими кругами, один внутри друго-

го.

Кусок той стены, что была внутри, при жизни крепости был выше наружного, но он принял на себя большую нагрузку, чем внешний, а потому был более избитым и выщербленным, и даже "клюнул" одним концом, что отчасти уравнило его по высоте с уцелевшим собратом. Впрочем, обе стены стояли достаточно прочно и обещали простоять так ещё не одно столетие.

Сейчас бывшая крепость походила на холмистую равнину, гулять по которой было непросто и опасно, из-за торчащих повсюду кусков ржавой арматуры и грозящих уйти из-под ног плит, изломанных и наваленных, как попало. Да там никто и не ходил. Люди быстро поняли, что в древних руинах легче было сломать себе шею, чем пожить чем-то полезным, и потому обходили это место стороной. Само собой, детям было строжайше запрещено соваться в развалины находящиеся под боком но, само собой, этот запрет никоим образом не касался некоего бесёнка в юбке и его неизменного спутника.

Ларни наведывалась в лабиринт железобетонных холмов с малолетства, а Стефан не мог оставить сестру на произвол судьбы, хоть сам ни за что не пошёл бы туда по доброй воле. Вот и в тот день он, как это бывало и раньше, хмуро шёл сзади, глядя в спину сестры, уверенно направлявшейся вглубь запретного места. Его негодование вполне можно было понять, ведь он мог бы провести время и получше. Например,

отправиться с друзьями на охоту. Они звали его, как раз сегодня, и он знал, что никто не был бы против, захвати он с собой туда Ларни.

Но сестра, умевшая красться по лесу не хуже рыси и попадавшая из лука в детское оловянное колечко с пятидесяти шагов, охоту, как таковую, не любила. Зато она любила животных, всех подряд и ненавидела, когда их приходилось убивать ради пропитания, хоть и не была вегетарианкой. С Ларни лучше было бы пойти купаться на реку или к небольшому лесному озеру, но с недавних пор и это стало представлять проблему.

Да, его сестра выросла, как и он сам. В свои семнадцать лет она, хоть и не обладала ни высоким ростом, ни статностью взрослой женщины, но Стефан знал, что она почти достигла возраста невесты, и виднее всего это было, как раз во время купания.

Ларни с детства не стеснялась перед ним своей наготы, хоть священник и много говорил молодёжи о запретах на этот счёт. Не стеснялась она и сейчас, видя в нём брата, а не парня, не мужчину... Она-то не стеснялась, а вот он...

Двадцатидвухлетний Стефан давно уже всё знал и давно всё чувствовал. Знал он и то, что их родство не является кровным, что было бы непреодолимым препятствием для любви. Но имел ли он право любить Ларни, как женщину? Этого он не знал. Однако купаться вместе они перестали уже год назад, когда он стал чувствовать непреодолимое волне-

ние при виде её обнажённого тела.

Это волнение он чувствовал даже сейчас, глядя на то, как пара стройных девичьих ног мелькала у него перед глазами! Когда он переводил взгляд выше, легче не становилось – из-за жаркой летней погоды девушка надела лёгкий сарафанчик, под которым не было никаких признаков белья, так что вся её ладная фигурка прекрасно угадывалась сквозь тонкую ткань. Потому у Стефана кружилась голова и заплетались ноги, от чего он уже пару раз чуть не растянулся, зацепившись за торчащую то тут, то там проволоку. В результате он шёл злой и угрюмый на радость ехидствующей Ларни, которая не упускала случая над ним посмеиваться.

Так они прошли почти до середины "нехорошего места", когда Стефан разворчался окончательно.

– Ну и что ты здесь забыла? – говорил он, отряхивая с волос паутину, под которой сестра прошла без помех. – Здесь искать нечего, разве что крапиву с репейником!

– Или малину.

– До неё ещё добраться надо, а в малиннике, между прочим, змеи водятся!

Ларни оглянулась и спрятала улыбку. Большой ребёнок! Большой, сильный, как медведь, но такой наивный и милый ребёнок! Брат... (или нечто большее, чем брат?), она ещё не решила, точнее не поняла, но он в её глазах превосходил всех парней, что были в посёлке. Ну, разве, что Мартин, громадный неуклюжий увалень был сильнее... раз в пять, а то и в

десять, но Мартин вечно спал на ходу и не помещался ни в один дом. Что же касается девушек, то Мартин глядел на них вечно усталыми глазами и похоже предпочитал встречаться с ними скорее во сне, чем наяву, а вот Стефан нет...

Стефан смотрел на женщин и девушек посёлка взглядом голодного хищника, но он был честен, благороден и... застенчив! Ларни видела это, но в отличие от сверстниц и тех, что постарше, не смеялась над братом, а гордилась им! Да, да! Гордилась! Ведь он был на полголовы выше своего отца, прославленного охотника, а в плечах не уступал ни одному из мужчин. Только юношеская худоба выдавала в нём вчерашнего мальчика, но могучие руки могли уже спорить с любимым из известных силачей, (сонный Мартин не в счёт!), а быстрота порывистых движений давала ему преимущество перед самыми опытными охотниками. (Блин! Да причём здесь всё это? Любила она его и точка!).

И такого парня в упор не видят эти куры-сверстницы? Зато они плывут, словно масло на солнце перед любимым языкастым хвастуном, который и в подмётки Стефану не годится! Что ж, если Стефан не найдёт себе пару, она сама будет ему женой и, как положено хорошей жене, родит пять, а то и десять наследников!

Правда тут была одна немаловажная загвоздка – ей совершенно не хотелось рожать наследников, (по крайней мере, сейчас), равно, как и быть чьей-либо женой.

Нельзя сказать, что Ларни совсем не смотрела на парней,

живших по соседству. Некоторые из них ей нравились, и всё же... Сейчас ей никто не был нужен, как мужчина, в том числе и Стефан, а потому она была бы по уши рада, если бы у брата появилась подружка. Хотя бы Виллана – высокая полногрудая красавица... с совершенно пустой головой. Зато она могла бы народить целую кучу мелких пискунов, а Ларни взялась бы за их воспитание!..

Но нет, Виллана не замечает её брата в упор, зато на сонного Мартина смотрит, словно на пряник! Что ж, каждому – да по сути его, или что там говорил по этому поводу дедушка? Ладно, не Виллана, тогда Юнга! Вот у кого голова на месте, впрочем, всё остальное тоже. Но, несмотря на весь свой немалый ум и красоту, Юнга, словно тень, ходит за Кидасом, соседским хлюпиком, у которого язык, что твоё помело! Нда, придётся видно обойтись без этих красоток, и взять всю заботу о Стефане на себя. Не хочется, но ради брата, всегда готового сунуть за неё голову монстру в зубы, она пойдёт на всё! А может всё-таки подружка найдётся?

– О чём ты думаешь? – опять раздался недовольный возглас Стефана.

Ларни оглянулась. Она по-видимому и впрямь задумалась, раз зашла на самый край изломанной плиты, тотчас покачнувшейся под её весом. Так можно и сломать себе что-нибудь! Но признавать свои ошибки она не хотела, а только презрительно хмыкнула и легко спрыгнула вниз, продемонстрировав ловкость юной козочки. Стефан вскинулся было,

чтобы поймать её, но сообразил, что это ни к чему, опустил руки и даже спрятал их за спину, как будто испугался, что его жест будет неправильно истолкован.

Это не ускользнуло от Ларни, лицо которой сразу же приняло хитрое выражение. Девушка сделала шаг вперёд и оказалась стоящей вплотную с парнем ещё не сообразившим, что он попался в ловушку. Она быстрым, кошачьим движением положила руки ему на плечи, слегка подпрыгнула и чмокнула его в губы раньше, чем он успел отпрянуть от неожиданности!

В следующее мгновение Ларни убежала вглубь лабиринта, заливаясь звонким смехом. Стефан постоял несколько секунд, бестолково хлопая глазами, затем густо покраснел, сорвал растущий рядом куст крапивы и ринулся догонять расшалившегося бесёнка!

Сейчас он покажет этой девчонке, как опасно шутить с взрослым охотником! Он мигом догонит её и засунет эту крапиву за шиворот! Она быстра, но он быстрее! Она ловка, но он здесь охотник, а она дичь! Пусть только попробует спрятаться, он разыщет её, где угодит...

Земля, вдруг ушла у него из под ног, и парню показалось, что весь мир опрокинулся! Туча пыли, словно брошенная в глаза огромной рукой, заслонила свет и совершенно ослепила его, погрузив в одно мгновение в непроглядный мрак. Вдруг, что-то твёрдое страшно ударило его в лицо, от чего перед глазами вспыхнули мириады искр, тут же превратив-

шихся в чёрные точки, которые затем слились в одно непро- ницаемое облако. Последнее, что услышал, теряющий созна- ние Стефан, был крик Ларни, донёсшийся откуда-то из тем- ноты.

Тем временем, совсем недалеко, в крепости происходил следующий разговор:

– Мара, ты знаешь, куда отправилась Ларни?

– Знаю, Михал! Они со Стефаном снова шляются по раз- валинам.

– И ты не боишься?

– Боюсь, как и ты, но ведь их же двое, а кроме того в её возрасте я уже убила первого врага. А через три года познала первого мужчину.

– Ну да, а с ней может случиться наоборот.

Маранта искоса взглянула на мужа. У них не было друг от друга тайн, и он всё знал о её прошлом. Правда, чест- ный охотник, выросший среди лесов, не всё понимал из её рассказов, но он принимал любимую женщину такой, какая она есть, не осуждая и не пытаясь переделать в соответствии со своими представлениями о "правильной жене". А её дочь растил, как свою.

Маранта отвечала ему тем же. Она давно полюбила его, тихо и нежно, как любил её он. Между ними не было той бур- ной страсти, что присуща юности, но их чувства были вза- имны и глубоки, и не ослабевали с годами. Сравнивая его с теми мужчинами, которых она любила раньше, Маранта все-

гда приходила к одному и тому же выводу, что милосердная судьба сказочно расщедрилась для неё, оборвав цепь головокружительных приключений и подарив то, что больше всего нужно женщине – настоящего мужчину, друга и защитника. Такой не подведёт и не отступится. А ещё, он беспокоится о Ларни больше чем она сама!

– Чему быть тому не миновать! – сказала она с лёгким вздохом. – Но, по-моему, бить тревогу ещё рано – Ларни ни о чём таком пока не думает...

– Ларни может быть и не думает, а вот за Стефана я не поручусь!

Он был прав. Ларни в этой компании верховодит, но она ещё девчонка, а Стефан совсем уже взрослый юноша, почти мужчина...

Сзади послышался шорох. Оба супруга обернулись и увидели Руфуса, стоящего на пороге с книгой в руках. Младший за последний год тоже заметно вырос и уже уверенно превращался из ребёнка в подростка. Он по-прежнему оставался молчаливым, тихим и скромным, что усугублялось любовью к книгам, которую привил ему священник. К десяти годам он уже прочитал все книги, нашедшиеся в крепости, и теперь пошёл по второму кругу.

Вот и сейчас он держал одну из них в руках и смотрел на родителей с каким-то страхом. Маранта даже подумала, не услышал ли он чего лишнего из их разговора.

– Что ты, милый?.. – начала она, но замолчала, увидев

круглые, почти безумные глаза сына.

– Там... что-то страшное! Там... беда! – проговорил Руфус, каким-то потусторонним голосом.

– Где? – спросили его родители хором.

– Там! – повторил младший и показал пальцем в сторону окна, за которым виднелся маленький дворик с мирно расхаживающими курами.

Маранта проследила за его рукой, и вдруг у неё пребольно защемило сердце! Руфус показывал в ту сторону, где за высокой стеной находились развалины, куда пару часов назад ушли Ларни и Стефан! Она хотела что-то сказать, но в этот момент земля вздрогнула.

Земля вздрогнула, словно её встряхнули. Не сильно, но коротко и резко, как встряхивают мешок с крупой, чтобы та немного осела и освободила место для засыпки дополнительной порции. Затем раздался звук. Жуткий, скрежещущий, будто какой-то немислимый великан с усилием открывал туго засевшую крышку великанской жестяной банки. Потом что-то страшно ухнуло, словно тот же великан уронил на землю гирю размером с большой дом, земля вздрогнула ещё раз и всё стихло.

Маранта и Михал посмотрели друг на друга и, не говоря ни слова, опрометью выбежали вон из дома. Руфус выронил книгу, потом упал на колени и закрыл лицо руками. Если бы кто-нибудь видел его сейчас, то подумал бы, наверное, что он плачет. Но он не плакал. Он постоял некоторое время

на коленях, дрожа мелкой дрожью, потом завалился набок и так застыл, придавленный свалившимся на него несчастьем с которым, как он знал, ничего нельзя поделать.

Так он пролежал довольно долго, и поднялся на непослушные ватные ноги только тогда, когда за окном уже стемнело. В доме, по-прежнему, никого не было. Руфус прошёл к себе в комнату, сунул руку под подушку и вытащил оттуда небольшой деревянный крестик, такой же, как у Ларни.

– Инци! – пролепетал он почти не слышно, глядя на загадочные буквы, вырезанные на одном из лучей. – Помоги, Инци! Приди, пожалуйста, ведь ты же добрый и всё можешь! Спаси их, Инци, прошу тебя!.. Верни их!!!

Глава 7. В подземной печи

Ларни открыла глаза и уставилась в темноту. Где она? Что с ней? Вроде бы только что она бежала, петляя между нагромождениями из старинных обломков и вдруг... А что случилось потом, она не помнила. Вроде раздался какой-то, не то грохот, не то скрежет, потом был сильный толчок... или она упала и обо что-то ударилась? Девушка не могла припомнить этого наверняка. Но ведь как-то она оказалась здесь, в темноте, лежащая на спине на чём-то холодном, неровном и шершавом?

Ларни попробовала пошевелиться. Тело послушалось, но отозвалось изрядной болью. Значит, она всё-таки упала и основательно приложилась о твёрдую поверхность чего-то пока неопределённого. Ладно, пусть так, но она жива и кажется, не сильно пострадала, а это значит, что долго прохладиться здесь нет никакого смысла и надо выбираться туда, где хотя бы есть свет.

Ларни попыталась сесть и тут же пребольно стукнулась головой обо что-то такое же твёрдое, холодное и шершавое, как и то на чём она лежала. Вот это да! Где ж это она на самом деле? Что это за место, в котором потолок расположен на расстоянии вытянутой руки от пола? Она протянула руки и ощупала этот потолок. Похоже он был сделан из того же материала, что и защитные стены её родного посёлка-крепо-

сти. Значит, она по-прежнему среди обломков древних строений в руинах, которых они гуляли со Стефаном.

Стефан! Где же он? Как она могла о нём забыть? Надо срочно найти его, вдруг он тоже лежит где-нибудь здесь в темноте? Вдруг он тоже упал?

Но прежде всего, необходимо было хоть как-то сориентироваться, чтобы понять, куда ей двигаться дальше. Для этого Ларни перевернулась на живот и, не обращая внимание, на боль, обжегшую расцарапанную спину, принялась нащупывать на поясе небольшую сумочку с припасами.

Эта сумочка, а точнее мешочек с завязками, называлась по смешному – "киса". Ларни всегда забавляло это название, и она даже вышила на своей сумочке забавную кошачью мордочку.

Киса вмещала в себя немного – гребень, иголку с ниткой, носовой платок, небольшую баночку с мазью от царапин и то что ей было сейчас нужнее всего – огниво и трут. Был здесь и свечной огарок, который через минуту усилий дал крохотный язычок пламени, показавшийся на удивление ярким в кромешной темноте.

Теперь она смогла оглядеться и от увиденного ей стало основательно не по себе! Ларни лежала в узком пространстве между двух огромных плит, нависших горизонтально одна над другой. Причём верхняя плита явно держалась на "честном слове" и если бы ей приспичило сорваться, то девушка могла оказаться растёртой, как зерно меж двух жерновов или

раздавленной, как жук, попавший под твёрдый каблук сапога.

И то и другое её совершенно не устраивало, а потому Ларни тут же двинулась по направлению к тому краю, где щель показалась ей шире. Это путешествие было не из приятных и стоило девушке новых ссадин на локтях и коленях, но вскоре она смогла выглянуть за пределы своей ловушки и на высоте человеческого роста увидела внизу пол.

Не теряя времени, Ларни прыгнула вниз и тут же пожалела об этом – пол был усеян битым кирпичом, гравием и стёклами, так что даже её ногам, привыкшим не замечать в лесу древесные корни и колючки, было больно наступать на всё это крошево. Однако Ларни тут же забыла про боль, потому что земля у неё под ногами снова вздрогнула. Ей даже пришлось присесть и опереться на одну руку, чтобы сохранить равновесие. Глухой подземный рокот проворчал что-то недовольным тоном, затем раздался металлический лязг, и вдруг сзади что-то бухнуло, подняв при этом тучу пыли, которая погасила свечку.

Когда Ларни снова смогла зажечь огонь, она наконец-то увидела, что произошло – каменные челюсти, из которых она только что выбралась, захлопнулись, словно досадуя, что упустили добычу. Но долго ужасаться тому, что могло с ней случиться, было глупо, и Ларни вновь принялась за изучение места, в которое попала.

Однако слабенький огонёк не давал возможности рас-

смотреть, что-либо по-настоящему. Девушка поняла только, что находится в просторном помещении с высоким потолком и, судя по непроглядной темноте царящей вокруг, у этого помещения не было окон. Ничего подобного раньше видеть не приходилось и потому в душу бесёнка стало заползать почти неведомое ей чувство страха. Ко всему прочему свечной огарок вдруг зашипел и начал подёргиваться. Ларни поняла, что сейчас она окажется в темноте, а это значило, что нужно было срочно сделать факел.

После недолгих сомнений она пожертвовала на это дело половину своего платка, которую пришлось навернуть на железную палку, найденную здесь же под ногами и намазать мазью от царапин. Основой этой мази был барсучий жир, а потому новый огонь засветился весело и ярко. Ларни подняла над головой свой импровизированный светоч и наконец, увидела стены помещения, в котором находилась.

Оно было поистине огромным: здесь могли легко поместиться несколько домов вроде тех, которые были в посёлке, вместе с дворами и хозяйственными постройками. Наверное, оно было раньше ещё больше, но часть его была засыпана обрушившемся потолком, как раз там, где сейчас стояла Ларни. Что же касается потолка уцелевшей части помещения, то он утопал во мраке и был виден очень смутно, но девушка подумала, что под ним наверняка свободно уместился бы шпиль их церкви.

Но удивительным здесь были не только размеры помеще-

ния, но и то, что в нём находилось. Сначала Ларни подумала, что это очень большие сундуки, сделанные полностью из железа. Потом она разглядела, что все они стоят на колёсах, хоть и впервые в жизни видела колёса такой странной формы.

Некоторое время девушка ходила вокруг этих непонятных предметов стоящих в два ряда в таком строгом порядке, что их можно было сравнить только со скамьями в церкви. Она силилась понять, что же это такое, как вдруг вспомнила мамины рассказы о железных повозках древности. Конечно! Она сейчас находилась в подобии сарая для хранения этих повозок. И стояли они здесь именно тогда, когда случилась катастрофа, погубившая большую крепость.

Они уцелели, но пострадали настолько, что пришли в полную негодность – их железные корпуса были покорёжены и скособолены под действием жара от пламени, вызванного взрывом, у некоторых отвалились колёса и все они глубоко просели на погнувшихся осях, так, что брюхом касались земли. Это были уже не величественные боевые машины, а их жалкие остовы.

И вдруг Ларни вскрикнула! На низкой крыше одной из этих повозок лежал человек. Стефан! Девушка бросилась к брату, обняла его, чуть не потушив при этом факел, но тут же в ужасе отпрянула – ей показалось, что он не дышит... Голова парня была окровавлена, лицо мертвенно бледно, а руки холодны, как лёд.

Ужас липкими щупальцами опутал сознание девушки, сковал волю, лишил сил и заставил затрепетать, как осиновый лист на ветру. Но это продолжалось недолго, потому что Стефан вдруг шевельнулся и застонал.

Жив! Ларни взяла себя в руки, воткнула факел в какое-то углубление на корпусе повозки и стала осматривать брата, осторожно поворачивая руками его голову. Слава Инци, череп был цел, но на лбу виднелась изрядная ссадина.

– Ларни, что случилось? – вдруг спросил Стефан, внезапно приходя в себя.

– Не знаю, – ответила девушка.

– А где мы?

Ларни посмотрела по сторонам, потом себе под ноги и наконец, подняла голову вверх. Она не успела хорошенько поразмыслить над этим вопросом, но ответ напрашивался сам собой.

– По-моему мы под землёй, – наконец произнесла она, хоть пока не знала, как подтвердить эту догадку.

– А как мы сюда попали?

– Провалились, наверное.

– А как же?..

– Откуда я знаю? Лежи смирно, не дёргайся!

Она оторвала несколько полос от подола своего сарафана, так что он превратился в майку едва прикрывавшую бёдра, и перевязала этими примитивными бинтами голову брата, смазав предварительно его ссадины остатками барсучьей

мази. О своих ссадинах Ларни как-то забыла.

"Ну вот, придётся сверкать снизу булками! – подумала она. – Ладно, ему сейчас не до этого!"

Стефану и впрямь было не до того – его мутило, а при попытке встать голова закружилась так, что он со стоном опустился обратно. Ларни поняла, что у неё в душе нарастает паника. Так вели себя люди, получившие на охоте тяжёлую травму головы. Некоторые потом не выжили...

Вдруг она ясно вспомнила то чему её учила живущая по соседству старушка: "Если человек сильно ударился головой и теряет сознание, поднеси ладони к больному месту и делая круговые движения вытягивай из него боль! Только не прикасайся к ранам, а жди, когда боль сама прилипнет к ладоням, но не держи её слишком долго, а то она уйдёт внутрь тебя. Сбрось её вовремя в сторону, чтобы она ушла в землю!"

Стефан почувствовал, что дурнотное состояние вдруг отпустило. Он снова открыл глаза и попытался сесть. На этот раз у него получилось, и тогда он увидел, что Ларни явно в состоянии некоего транса выделяет вокруг него пассы руками, закатив глаза, что-то шепча и пританцовывая.

Опять это ведовство и знахарство, которое так ругает священник! Но ведь ему и впрямь стало легче, к тому же священника здесь нет, а если Инци не простит Ларни этот грех, то он, Стефан будет крайне удивлён и разочарован!

Стефан протянул руку и дотронулся до обнажённого плеча сестры. Девушка вздрогнула, остановилась и заморгала

глазами, словно пробуждаясь от глубокого сна. Потом она с видимым усилием подняла руки и встряхнула ими, будто хотела сбросить что-то прилипшее к ладоням. Вдруг она покачнулась, теряя равновесие, и упала бы, если б Стефан не поймал её и не притянул к себе.

Тоненькая девичья фигурка утонула в могучих объятиях молодого охотника. Её тело было трепетным и тёплым, маленькая упругая грудь прижалась к широкой груди юноши, и он услышал стук её сердца. Тонкие руки обвили шею Стефана, и нежная щека коснулась его мягкой юношеской бороды. Он подхватил Ларни на руки и усадил себе на колени. Так они долго сидели, молча, когда девушка подняла голову и, глядя снизу вверх, в глаза брата, сказала:

– Я так испугалась, что потеряю тебя...

Стефан не ответил. Он тоже больше всего на свете боялся потерять Ларни, но как высказать это словами? И тогда он просто прижал её покрепче и поцеловал в губы. Не шутя и не по-братски, а по-настоящему. И Ларни, которая в жизни терпеть не могла фамильярности, не отстранилась и не оттолкнула его.

Вскоре оба поняли, что им совершенно не хочется отрываться друг от друга, но тут факел зашипел и замигал, так что им пришлось разомкнуть объятия, чтобы не остаться в темноте.

– Надо найти выход, – сказала Ларни чуть смущённым голосом, когда на железную палку была накручена вторая по-

ловина её платка.

Стефан согласился, несмотря на то, что именно сейчас ему не хотелось искать никакого выхода из этого замечательного места. Ему хотелось так, и сидеть здесь и держать её на руках, словно она снова была маленькой девочкой. Но вместо этого он поднял факел и отправился исследовать стены в поисках выхода.

Выход вскоре нашёлся в виде широких ворот сделанных из железа и накрепко запертых. Их мощные створки нельзя было не только открыть, но и пошевелить даже на волос. Возможно, с той стороны ворота были забаррикадированы – Стефан несколько раз ударил по воротам кулаком, звук был глухой, как от бочки наполненной солониной. По-видимому, с той стороны и впрямь всё было завалено землёй вперемешку с обломками строений.

– Смотри, там дверь! – вдруг воскликнула Ларни, и Стефан действительно увидел дверь, которую раньше не заметил.

В отличие от ворот, эта дверь была не только не заперта, но даже немного приоткрыта. Правда радость от этой находки была недолгой – дверь оказалась намертво заклинена просевшей балкой. Ларни ещё могла пролезть в узкую щель, но Стефан, хоть и был от природы худым и стройным, не мог просунуть туда даже голову.

В напрасной надежде найти другой выход они ещё раз обошли всё кругом и вернулись к той же двери.

– Тебе придётся пойти туда одной, – сказал Стефан.

– А как же ты? Я не брошу тебя, ведь ты ранен!

– Я подожду тебя здесь, пока ты не приведёшь кого-нибудь на помощь. Ларни в задумчивости поковыряла пыль на полу пальчиками ног.

– Не хочу, – упрямо заявила она. – Я э-э... боюсь, там темно!

Это была откровенная ложь, ведь Стефан знал, что она не боялась темноты даже в детстве.

– Ну, иди же! – мягко сказал он ей. – Если не пойдёшь, мы здесь оба погибнем, а так может, ещё выберемся.

Ларни надулась, но встала и направилась в сторону двери, не говоря ни слова. На пороге она обернулась и подарила Стефану такой взгляд, от которого ему захотелось плакать и смеяться одновременно.

Правда, ему стало сразу не до смеха, когда свет от факела Ларни погас за дверью. Он, конечно, мог бы сделать себе свой, но неизвестно, сколько ему ещё придётся здесь дожидаться, а если бездумно жечь собственную одежду, то можно, в конце концов, оказаться голым. Ждать, конечно, придётся долго, и Стефан постарался подготовить себя к этому.

Он представил себя на охоте выжидающим появления, ну скажем медведя или лося! Так было легче скоротать время в полной темноте и одиночестве. По опыту он знал, что зверь может не появиться сутки или больше, а потом вдруг возникнуть, как будто из ниоткуда! Поэтому, чтобы вернуться с

охоты живым и с добычей, нужно большое терпение и внимание...

Страшный грохот прервал его размышления и заставил вскочить на ноги! Глаза Стефана тут же полезли на лоб – двери не было! На её месте зиял пустой проём, подсвеченный с обратной стороны неровным мерцающим светом. Через несколько секунд в проёме появилась Ларни, которая трясла головой и пыталась прочистить уши мизинцем. Повидимому, грохот, от которого подскочил Стефан, оглушил её.

– Как ты это сделала? – спросил он контуженную звуком девушку.

– А? Что? – Ларни ещё не пришла в себя после грохота. – Ты про дверь? Всё просто! Там за дверью площадка такая, а на краю каменюга лежал здорове-енный! Так я его проволокой обвязала, а другой конец примотала к двери, ну и столкнула вниз!

Стефан поглядел на сестру так, будто в первый раз её увидел. Потом он взял факел и вошёл в открывшийся проём. За ним обнаружилась лестница, сделанная из железа, как и всё в этом странном мире, кроме того, что было сделано из цемента.

С первого взгляда было ясно, что путь наверх намертво закрыт сдвинувшимися плитами, смявшими лестницу, словно она была из бумаги. А вот вниз ступени уходили на головокружительную глубину. Где-то там, в проёме, как на дне

колодца лежал камень с привязанной к нему, словно вырванный зуб, дверью. Стефан и Ларни переглянулись. Им не надо было туда, но наверх отсюда попасть не представлялось возможности. Что ж, значит, выбора у них не было, и они пошли вниз.

Глава 8. Где они, Руф!

Маранта стояла на краю гигантской земляной воронки и смотрела, как десятка три мужчин с ломami и лопатами пытаются найти, что-то на дне этого кратера, возникшего на месте древних развалин. Бесполезно. Маранта это понимала лучше других, а ведь там были её дочь и сын. Но почему-то ей не верилось, что они погибли. Она много раз задавалась вопросом – не проистекает ли её уверенность в том, что они живы из самоуспокоения? Но сердце, вскинувшееся во время катастрофы, словно норовистый конь, сейчас билось ровно и спокойно.

Кто-то доверчиво прижался к её боку и она, не оборачиваясь, положила ему руку на голову, потому что знала, что это Руфус. Вот кто ещё не верил в гибель брата и сестры. Ну, разве что ещё священник. Впрочем, нет, он только призывал верить и надеяться, а сам не верил, хоть и вместе со всеми был сейчас в воронке.

Маранта увидела, что к ней направляется Михал. Запылённый, уставший, ведь он работал часов пять без передышки. На её немой вопрос муж только покачал головой и бросил на землю заступ. Охотник сел рядом с женой прямо на землю, и Маранта положила ему руку на голову, как до этого младшему. Она невольно сравнила сейчас отца и сына. Ничего общего! Внешне Руфус был похож на неё, а внутренне –

сплошная загадка. Вот Стефан был вылитый отец и снаружи и внутри, а Ларни...

Ларни была копией Золаса, командира лихих разбойников, её друга и любовника из прошлой жизни. Той самой жизни, где Маранта каждый день сражалась, чтобы выжить самой или кого-то спасти, а рядом с ней сражались, жили и любили необыкновенные люди, которых она больше никогда не увидит в жизни. А ведь она тогда носила под сердцем дитя лучшего из них...

Маранта потрянула головой, отгоняя воспоминания. Сейчас надо думать не об этом, а о том, что это дитя потерялось и его надо обязательно найти.

– Где они, Руф?

От этих слов Маранта вздрогнула, как будто её окатили ледяной водой. Вздрогнула потому, что их произнесла не она, а Михал. Её муж не верил ни в ясновидение, ни в предсказания, но сейчас он спрашивал младшего, который уже доказал, что может видеть, слышать и чувствовать больше других.

Руфус помедлил, потом закрыл глаза, поднял руку к небу и медленно опустил её, указывая куда-то вдаль.

– В лесу?!

Михал вскочил, всматриваясь в лес по ту сторону воронки, будто мог разглядеть там потерянных детей.

– Нет, там. Под землёй, – сказал Руфус, не открывая глаз.

Маранта проследила за его рукой и поняла, что она ука-

зывает не параллельно поверхности земли, а под углом вниз.

– Они живы, – продолжал Руфус, – они идут... Инци ведёт их!

– Как? Куда?

Михал порывисто схватил младшего и развернул его лицом к себе.

– Туда, – был ответ тихим прерывистым голосом. – Прочь. Им нет обратной дороги. Пока нет...

Маранта отобрала сына у мужа, прижала палец к губам, и красноречиво поглядев на него, пошла по направлению к дому, уводя Руфуса с собой. Михал остался один на краю воронки. Некоторое время он ещё смотрел в том направлении, куда показал младший, потом подобрал свой заступ и спустился к остальным, чтобы продолжить поиски.

Глава 9. Вниз

Через четыре марша лестницы вниз, обнаружилась такая же дверь, но она была накрепко закрыта. Ещё через четыре марша была следующая, тоже закрытая, а ещё через четыре – распахнутая настежь. Мало того, что она была распахнута – на её пороге лежал человек.

Точнее это был человеческий скелет, одетый в грубую, странного вида одежду. Куртка и штаны на нём представляли единое целое, на ногах были сапоги, сшитые непонятным образом, так что не было видно швов, а на голове круглая, гладкая шапка, твёрдая на ощупь, чёрная и блестящая, когда с неё смахнули пыль. Шлем! Они вспомнили, что такие защитные шапки из стали носили воины в том мире, откуда пришла Маранта, но этот шлем был сделан не из стали, а из чего-то похожего на кость.

Человек лежал на животе, лицом вниз, вытянув руки в сторону лестницы. Непонятно было, что убило его, но это явно был не огонь. Этот этаж подземного хранилища совсем не пострадал от огня. Когда Ларни и Стефан вошли внутрь, то увидели такие же ряды железных повозок, как и там, откуда они спустились, но эти повозки оказались совершенно целыми, хоть на них и лежал слой светло-серой пыли.

– Это пепел, – сказала Ларни, проведя пальцем по боку одной их машин.

– Наверно, его нанесло сверху, – предположил Стефан. – А интересные штуковины! Знать бы, как они двигаются?

– Ты думаешь, они ещё могут двигаться? Они же стоят здесь много лет.

– Маранта говорила, что эта техника делалась на века. Вроде бы у короля, которому она служила, было спрятано несколько таких штуковин, и она сама видела, как они ездили.

– Да, я помню, мама про это рассказывала. Но куда и как нам тут ехать, даже если мы сможем оживить одну из них?

Это было справедливо, но Стефан, похоже, придерживался другого мнения. Он внимательно вглядывался в дальний угол помещения, которое было точной копией того первого, за исключением одной детали – его дальний конец не был обрушен и завален обломками. Зато в том конце чёрным провалом зияли распахнутые ворота. Такие же ворота имелись и с их стороны, но они были закрыты.

– Ты думаешь, там есть выход? – с сомнением спросила Ларни.

– Не знаю, но ведь где-то он должен быть? – ответил Стефан. – Может быть, этот путь приведёт нас к выходу?

С этим нельзя было не согласиться, но сначала им захотелось получше осмотреть это новое место. Машины здесь были самых разных форм и размеров. Некоторые стояли на небольших колёсах, колёса же других были огромны. Попадались и такие, у которых колёса были зубчатые, а на них

были натянуты широкие плоские цепи из тяжёлых металлических пластин. Но, как Ларни и Стефан не старались, как не ходили вокруг, как не осматривали и не ощупывали эти сооружения с разных сторон, попасть внутрь ни одного из них им так и не удалось.

Вдруг они увидели нечто странное – прилепившись к одной из стен, сбоку стоял небольшой домик с плоской крышей, стены которого были сделаны из стекла. С одной стороны в этом домике виднелась дверь, и она была открыта. Движимые любопытством путешественники вошли туда.

Внутри оказалась пара железных шкафов, стол и несколько стульев. За столом сидел скелет человека, одетого так же, как и тот, что лежал на пороге двери ведущей в хранилище машин. Он уронил голову на руки, протянутые к рычагам и кнопкам, видневшимся на столе, так, что лица его не было видно.

Ребята имели смутное представление об электричестве и электроприборах. Всё, что они знали, было почерпнуто из книг и рассказов Маранты. Например, они знали, что нажатием кнопки или поворотом рычажка на такой вот панели можно заставить работать, какой-либо механизм или зажечь свет. Но сколько они не тыкали пальцами в разноцветные кнопки, сколько не щёлкали рычажками, древняя техника, лишённая электропитания не подавала признаков жизни.

Поняв, что это дело бесполезное, они обратились к шкафам. В первом оказалась одежда. Стефану она была без на-

добности, а вот Ларни одела бы что-нибудь поверх своего уполовиненного сарафанчика, так-как здесь по сравнению с поверхностью земли было довольно прохладно. Однако все комбинезоны были ей настолько велики, что она казалась ребёнком, влезшим в одежду взрослого. О сапогах речь не шла. Хоть девушке и надоела порядком ходьба по острым осколками и холодному металлу, сапоги, имевшиеся в шкафу негодились – она могла бы влезть двумя ногами в один такой сапог и ей не было бы тесно.

На счастье, кроме комбинезонов, сапог и касок в этом шкафу нашёлся широкий прорезиненный плащ. Ларни пришлось обернуть его несколько раз вокруг себя, а полы поднять и засунуть за пояс. При этом она стала походить на большой колокол с тоненьким пестиком внутри.

Увидев подругу в таком виде, Стефан покатился было со смеху, но примолк под взглядом Ларни и отвернулся к другому шкафу. Тот был заперт, но тонкое железо легко поддалось под напором сильных рук охотника и двери распахнулись. В шкафу были ружья.

Оба приключенца хорошо знали, что это такое – в посёлке было несколько разных ружей и винтовок. Маранта даже читала всем желающим нечто вроде лекции о них. Возможно, они ещё могли стрелять, но патроны давно уже кончились, и некогда грозное оружие пару поколений назад закинули в чуланы, как ненужный хлам. Их не перековали на что-то полезное только потому, что в развалинах крепости пол-

ным-полно было всякого железа.

Стефан присвистнул. Когда они с Ларни отправились на прогулку, он не взял ни лук, ни топор, ведь шли они недалеко. Из всего охотничьего снаряжения при нём был только нож. Правда это был всем ножам нож, но его всё же было маловато для такой передряги, в которую они попали. У Ларни тоже был на поясе ножик, всё тот же, что и раньше, острый, как бритва, но размером с мизинец.

– Возьмём их с собой! – воскликнул Стефан.

– Думаешь, ты справишься? – усомнилась Ларни. – Ты ведь никогда не стрелял из таких. А вдруг они уже испортились?

– Это можно проверить!

Стефан, недолго думая, схватил ружьё, то что было побольше остальных и принялся его теревить и дёргать. Вдруг раздался грохот, какого им не приходилось ещё слышать. Ружьё резко дёрнулось и выскочило из рук молодого охотника, словно было живым. Одна из стеклянных стен домика вылетела, вынесенная зарядом картечи и рассыпалась на мириады осколков. Ларни зажала уши, а Стефан стоял ошеломлённый не столько звуком, сколько неожиданностью.

– Мама говорила, что держать их надо крепко. – наставительно сказала Ларни и отошла от шкафа.

– А ты, что не возьмёшь себе? – удивился Стефан.

Ларни вернулась, вытащила из шкафа какой-то карабин, взвесила его в руках и поставила обратно.

– Да, ну! Таскать такую тяжесть?

– Как хочешь! Ходить по незнакомым местам без оружия...

– Я возьму вот это.

Девушка протянула руку и достала из шкафа предмет, который Стефан сначала не заметил. Это был изогнутый меч с удлинённой рукояткой в металлических ножнах.

Маранта до седьмого пота гоняла своих детей на уроках фехтования и заставляла заучивать наизусть названия холодного оружия по картинкам, которые сама же рисовала. Никто не мог понять, зачем ей это нужно, ведь охотники таким оружием не пользовались, и единственным мечом в посёлке была её красавица скьявона, прямая обоюдоострая, с гардой полностью закрывающей руку.

Но бывшая воительница слышать ничего не хотела и могла дни напролёт толковать об эспадонах, кончарах, чинкуэда, акинаках, бреттах, корабелях и прочих длинноклинковых изысках. Потому ни для Стефана, ни для Ларни не было секретом, что перед ними катана – меч легендарного народа о котором давно никто ничего не слышал.

Стефан пожал плечами, но ничего не сказал, а Ларни прицепила катану к своему поясу с такой ловкостью будто делала это всю жизнь. Теперь им надо было продолжать свой путь дальше.

Ценной находкой оказалась куча тряпок, найденных в ящике рядом со стеклянным домиком, а также жестяные

банки с несъедобным, противно пахнущим маслом. Теперь у путешественников было вдоволь материала для факелов и можно было смело отправляться в путь. Плохо, что здесь совсем не было никакой еды, а ведь обоим давно хотелось есть, но они понимали, что, скорее всего, придётся голодать до тех пор, пока им не удастся выбраться на поверхность.

За открытыми железными воротами их ждал туннель со сводчатым высоким потолком, под которым было протянуто множество давно не действующих электрических кабелей. Ларни и Стефан до сих пор не видели даже сельской дороги, а тут она была подземной, заасфальтированной и выглаженной, как зеркало. Конечно, им было непривычно и боязно, если не сказать страшно, но оба не подавали вида.

Глава 10. Монстр-страж

Шаги под землёй, еле слышные. Двое людей – большой и маленький. Нет, мужчина и женщина! Змеёж не поднял головы – он не обладал органами слуха и ощущал звуки всем телом.

Шаги были лёгкие, почти бесшумные. Мужчина намного тяжелее женщины, но у него отработанная до автоматизма привычка ходить тихо. Впрочем, у неё тоже. Странные люди, совсем не похожие на тех, что обитали здесь когда-то. У тех была манера ходить, печатая шаг, громыхая сапожищами, а вот переговаривались они тихо и отрывисто. Эти наоборот, словно скользили над полом, но зато весело и беззаботно болтали, не чуя опасности. Впрочем, Змеёж не умел удивляться. Он просто отметил про себя этот странный факт и изготавился к бою. Стряхнув вековую пыль, он вывел тело из анабиотического сна, несколько раз встопорщил и сложил иглы, проверил суставы, синтезировал свежий яд и послал телепатический сигнал – "Всем! Всем!", о появлении врага.

.....

Ларни согрелась во время ходьбы, а потому она сбросила плащ, соорудила из него скатку и водрузила на плечи. Стефан старался не смотреть в её сторону – сестра была едва одета. (Сестра! И всё же следует ли относиться к ней только, как к сестре или нет?)

То, что произошло между ними недавно, было так неожиданно, что смутило и напугало обоих. Они не разговаривали на эту тему, но постоянно ловили на себе взгляды друг друга и при этом отводили глаза. (Сестра... Брат... Или нет? Нельзя или всё-таки можно?) При этом, *что* именно им можно, а что нельзя не называлось своими именами. Их тянуло друг к другу, словно кто-то неведомый затягивал потуже верёвки, которыми они давно уже были связаны.

Стефан не знал, что обо всём этом думает Ларни. Она казалась ему легкомысленной, так-как постоянно болтала и смеялась в то время, как он мучился. А между тем, она была немало обескуражена и раздосадована на саму себя за свой недавний порыв. Ведь она только что решила, что ей никто не нужен, даже Стефан, и что она будет ему женой только в том случае, если он не найдёт себе достойной пары, а случится это не сейчас, а когда-нибудь потом, в неопределённом будущем.

В отличие от него, её не волновали сомнения по поводу их близкого родства. В этом отношении она знала одно – Инци посылает любовь тем, кого сам любит и считает достойными. Остальные размножаются, как скоты и живут несчастными. Страшный грех противиться его воле, и ещё более страшный грех пробовать переделать любовь, подчинить её своим нуждам и представлениям. Тех, кто выдержал все испытания, он награждает детьми, рождёнными в любви, а тех, кто оказался душевно слаб, наказывает одиночеством.

Ларни была неглупой девушкой, но, как все подростки, страдала в своих суждениях максимализмом и наивностью. Проблема для неё была сейчас не в этом, а в том, что же сейчас происходит с ней самой?

Не имея достаточного жизненного опыта, Ларни была сбита с толку. Но она тут же приняла правильное решение – не мучить себя, не дразнить Стефана, а подождать пока жизнь сама всё расставит на свои места.

Они шли по туннелю, предназначенному для проезда машин на большой скорости, и двум пешеходам он казался бесконечным. Несколько раз в боковых стенах находились двери, но они по большей части были закрыты. Только дважды путешественниками "повезло" – одна дверь вела в подсобку с мётлами и вёдрами, где они впрочем, разжились хорошей верёвкой, а в другой раз их в небольшой комнатке встретил очередной скелет, сидящий за маленьким столиком с пустой кружкой в руке.

Нападение случилось внезапно, но всё же охотничье чутьё проснулось у обоих на полсекунды раньше, и это спасло им жизни. Только что Стефан грубовато отшучивался от незлых, но едких колкостей Ларни, как вдруг...

Смерть упала с потолка в виде капли размером с бочку. Молодой охотник оттолкнул подругу и успел отскочить сам, раньше, чем сообразил, что происходит.

"Капля" грузно шлёпнулась на пол, но не дала тучу брызг, а расплзлась неровной лужей вязкого, полупрозрачного же-

ле. Внутри этого желе, что-то угадывалось, какой-то тёмный сгусток, который перемещался от одного края к другому, напоминая кошмарный гигантский глаз.

Вдруг из общей массы выстрелили несколько щупалец и метнулись к ногам Стефана! Две из них обвилились вокруг его левого сапога и парень почувствовал, как его кожу обожгло словно крапивой даже сквозь голенище, сделанное из шкуры дикого кабана!

Стефан рванулся, что было силы, но щупальца держали крепко! Не только держали, но и тянули добычу к себе, где её уже ждал новый пучок хищно шевелящихся щупалец.

Пойманный охотник схватился было за ружьё, но в одной руке он держал факел, а чтобы успешно воспользоваться оружием, надо было иметь обе руки свободными. Бросить факел он тоже не мог, ведь у Ларни факела не было, и они могли оказаться в полной темноте.

Драгоценные секунды уходили, и замешкавшийся Стефан мог погибнуть по-глупому, но тут раздался свист рассекаемого воздуха и клинок катаны, мелькнув, как серебряная молния, опустился на щупальца твари! Стефан отлетел к стене и с трудом удержал равновесие. Отрубленные щупальца не упали, а растеклись по полу мокрыми змеистыми следами. Ларни ещё раз взмахнула мечом, и серебристое лезвие полоснуло по желеобразной массе, оставив широкий разрез, который тут же затянулся.

В сторону девушки немедленно метнулись несколько шу-

палец, но Ларни проворно отскочила на безопасное расстояние и прижалась спиной к стене. Однако чудовищная тварь вовсе не собиралась мириться с тем, что добыча ускользает.

Желеобразная лужа вдруг округлилась, набухла посередине бугром размером с откормленного поросёнка, потом этот бугор резко провалился, и вся масса вдруг подпрыгнула с неожиданной скоростью! При этом она в полёте приняла форму полумесяца и шлёпнулась у ног Ларни, готовая сомкнуть концы рогов этого полумесяца вокруг лодыжек девушки.

Отпрыгнуть ещё раз Ларни уже не могла, но в это время оглушительно бабахнул выстрел, и желеобразное чудовище лопнуло, разлившись по полу настоящей лужей тошнотворной жидкости, от которой исходил пар с едким кислым запахом.

Стефан наконец-то справился с ружьём и правильно угадал, что целить надо в тот самый сгусток, плававший внутри этого живого студня. Но тут возникла новая опасность – прозрачная кровь твари была явно ядовита и сейчас она подступала к босым ногам девушки, которой некуда было деться.

Стефан бросил ружьё и факел, тут же замигавший в предсмертной агонии и, подскочив к Ларни, схватил её на руки. И вовремя! Подошвы его собственных сапог шипели и дымились, так что он поспешил отбежать подальше от места схватки.

Когда всё было уже позади и, едва избежавшие гибели, пу-

тешественники успокоились, был произведён осмотр и подсчитаны убытки. Больше всего пострадали сапоги Стефана. Их подошвы истоньшились, будто он носил их много лет, а один каблук оказался меньше другого.

На левой икре парня вздулись две кольцеобразные полосы. Они словно огнём горели, но это жжение уже начало ослабевать. Очевидно, действие яда убитой твари было недолгим. У Ларни на голених тоже нашлись несколько воспалённых точек от брызг крови погибшего монстра.

В общем и целом можно было праздновать победу, но беззаботности у обоих поубавилось. Их беспокоила одна и та же мысль – а вдруг таких тварей здесь много?

Общая подавленность усилилась нарастающим чувством голода, и когда вдруг за изгибом туннеля забрезжил свет, они чуть не припустили бегом, как потом выяснилось к новой ловушке.

Свет, мягкий и неяркий, струился из-за полуоткрытой створки ворот. Мало того, оттуда доносились запахи и звуки леса, столь привычные и знакомые обоим заблудившимся! Ещё немного и они будут на свободе!

Стефан опомнился первым. Хоть ни у кого из них не было часов, (это вообще была большая редкость в посёлке), при несложном подсчёте можно было предположить, что там, наверху сейчас ночь. Тогда откуда же свет?

Парень положил руку на плечо сестры, сделал знак молчания, передал ей факел и, взяв ружьё наизготовку, двинул-

ся вдоль стены вперёд. Через несколько шагов он обнаружил тончайшие нити, протянутые поперёк дороги. Сигнальная паутина! Стоит задеть такую нить и в тебя вопьются жвала того кто её натянул.

С подобными монстрами он уже встречался в лесу и умел предупреждать их нападение. Так, где же ты, тварь?

Засада, вовремя обнаруженная, оборачивается губительной ловушкой для того кто её устроил. Стефан внимательно осмотрел потолок и стены туннеля. Вроде ничего видно не было. Вдруг он увидел небольшое квадратное отверстие в стене возле самого пола. Было ли это вентиляционное окно или отверстие для доступа к каким-либо техническим коммуникациям, осталось неизвестным, но решётка, которая должна была загораживать вход в это отверстие, валялась рядом, а в тёмном квадратном проёме посверкивало несколько красных точек.

Значит, тот, кто натянул паутинные нити, был там! Стефан усмехнулся, крепче сжал в руках оружие и потрогал одну из паутинок. Существо, размером с крупную кошку, метнулось к нему, на лету разворачивая веер членистых лап!

Охотник даже разглядеть его как следует, не успел. Ружьё в его руках рывкнуло, и тварь разлетелась на множество ошмётков! Сразу же вслед за этим исчезли ворота с приоткрытой створкой, исчезли запахи и голоса леса. Вероятно, убитое чудовище обладало способностью к внушению, а так же могло угадывать желания и чаяния жертвы.

Они двинулись дальше, уже не болтая, а оглядываясь по сторонам. Скверно было не доверять собственным глазам! Ведь кто знает? Вдруг, то на что ты смотришь, на самом деле не существует? Вдруг это всё иллюзия?

Глава 11. Приход нового времени

Священник думал, что после выходки Ларни его уже никто не сможет удивить. Но когда он в одно прекрасное утро увидел, что поперёк шпиля церкви привязана перекладина, то понял, что ошибался.

Теперь церковь выглядела так, как некогда храмы Распятого Бога до того, как его культ был запрещён, пришедшими к власти адептами Рогатого. Сам он никогда не видел здания храмов с крестами наверху.

Последователи Инци, даже после обрушения древней цивилизации, когда всем уже стало не до запретов, продолжали строить церкви с гладким шпилем на крыше. Годы тайного поклонения своему Богу научили их конспирации.

Например, вместо крестного знамения, которое налагали на себя их предки, они потихонечку чертили пальцем крест у себя на теле, сунув руку за пазуху или опустив в карман. Для молитвы крест рисовали на стене, а потом тщательно закрашивали краской или заклеивали, и молились на то место, где он был скрыт. Было множество и других ухищрений, но теперь скрываться ни от кого было не надо, и священник только удивлялся, как ему самому не пришло в голову водрузить крест на крышу церкви?

Но кто же это сделал? Виновник нашёлся не сразу. Он почему-то прятался в тёмном углу церкви, опустив голову ни-

же спинки скамьи. Священник покачал головой и тихо позвал его.

Руфус не обладал ни смелостью Ларни, ни открытостью Стефана. Зато он мог часами сидеть за книгой и перечитывать текст, который знал наизусть. Нет, он был не труслив, а скорее застенчив и... задумчив. Его привычка всё обдумывать порой раздражала и сверстников, и взрослых, но нельзя было не признать, что он знает о природе вещей, которые попали в поле его интересов, гораздо больше чем все окружающие.

Руфус подошёл, не поднимая головы, словно и впрямь был виноват в чём-то страшном. Священник поймал себя на странной мысли, что хочет за что-то отругать мальчика. Ему вдруг захотелось, чтобы всё вернулось назад, как было прежде, но он понимал, что теперь это невозможно, и как прежде уже не будет ничего.

Он сдержал, подступивший к сознанию, как ком к горлу, протест против этого нового и спросил:

– Откуда ты знаешь?

Руфус долго не отвечал, но наконец, промолвил:

– Мне сказали так сделать.

– Кто?

– Я не знаю. Они невидимые.

– И часто... они вот так говорят с тобой?

– Почти всегда, но чаще во сне.

– А сейчас говорят?

– Да.

– И что же они говорят?

– Что брат и сестра живы, но они далеко. Что скоро они выйдут из под земли, но там где они окажутся ещё страшнее, чем под землёй.

– И всё?

– Нет, ещё они говорят, что Госпожа Судьба сейчас в раздумье, по какой из тропинок ей дальше идти.

Священник посмотрел на новый крест своей церкви. Он точно знал, что ни в одной из книг Руфус не мог прочесть упоминания об этом символе, так как большинство книг он принёс сюда сам. И, тем не менее, крест красовался над церковью, как это было в древние времена. Значит неведомые "они" существовали?! Тогда и в других словах мальчика должна была содержаться истина.

И всё же он сомневался! Сомневался, хоть сам призывал верить, ждать и надеяться. Но такова уж природа человеческая, что люди охотно верят откровенной лжи, а когда сталкиваются с истиной, требуют доказательств.

Глава 12. Выход

Очередные монстры напали, как и предыдущие, внезапно, но застать путников врасплох не смогли – Стефан и Ларни были готовы к бою и ждали нападения в любую секунду. На сей раз, монстров было целых пять, а их оружием были когти такого размера, какими с лёгкостью можно задрать зубра. Но своё настоящее преимущество они использовать не додумались.

А преимущество это было в схожести с людьми. Если бы эти твари догадались спокойно подойти к путникам, то у них был бы шанс на победу, но они выскочили из какой-то ниши в стене, с рёвом размахивая ручищами и выделявая странные телодвижения в надежде напугать свои жертвы, заставить их окоченеть от страха.

Вместо этого они напоролись на шквальный огонь Стефана, от которого трое погибли сразу, а двое уцелевших встретились с клинком Ларни, которым она в два удара сняла им головы. Два настоящих человека, даже не подумали удивиться тому, как быстро жизнь научила их убивать, чтобы не быть убитым.

Когда всё уже было позади и пять мёртвых тел распростёрлось у их ног, Ларни и Стефан полюбопытствовали, кто на сей раз возжелал их крови? Едва свет от факела выхватил из мрака лица поверженных, как оба победителя отпря-

нули – все пятеро были похожи на покойников трёхнедельной давности, пролежавших всё это время на солнце. Но из их ран текла живая кровь, да и сама возможность убить эти создания, говорила о том, что это живые существа, ведь, как известно, невозможно убить мёртвое!

По-видимому, тот, кто сделал этих монстров такими, какими их увидели люди, придумал их неудачно – наделив силой и устрашающей внешностью, им забыли дать хотя бы крупицу разума.

Юноша и девушка устали. Они были уже больше суток на ногах без еды и отдыха, но более всего их мучила жажда. Присесть здесь можно было только на одежду, брошенную на пол, но это был скверный отдых, который не возвращал силу, а лишь увеличивал утомление, когда приходилось снова вставать на ноги.

Поэтому, когда они увидели ещё одну дверь в стене, да ещё и рядом с зарешеченным окном, то решили войти туда во что бы, то ни стало. Им повезло, дверь хоть и была заперта, но она оказалась не такой прочной, как предыдущие, и Стефану удалось её выдавить.

Опять удача – в небольшом помещении стояло штук пять аккуратно заправленных кроватей. Там же имелся стол, несколько шкафов и стульев. И, о чудо! В одном из шкафов нашёлся целый штабель из прозрачных тонкостенных бутылок, наполненных водой!

Такие бутылки были им известны. Их называли "вечны-

ми" и очень ценили. Они и впрямь не боялись ни холода, ни ударов, ни времени. Ничего, кроме огня. Вода оказалась пригодной для питья, хоть имела странный привкус. Была там, наверное, и еда – шкаф оказался заполнен прозрачными пакетами с зелёной трухой внутри, но эта еда испортилась уже несколько эпох назад.

Итак, проблема с отдыхом и водой была решена. Под вопросом было лишь пропитание.

Ларни спала глубоким сном человека с чистой совестью. Сновидения решили её не беспокоить. Она бы спала так ещё и ещё, но вкусный запах вдруг коснулся её ноздрей и сон мигом отлетел, как будто его смахнули рукой.

Ларни протёрла руками глаза, ещё не понимая, где она и что с ней, но тут же всё вспомнила и заозиралась в поисках источника чудесного запаха. Оказалось, что он исходит из-за двери, где был туннель. Девушка, словно ласка, вынырнула из-под одеяла и побежала к двери.

Там, прямо посреди дороги пылал небольшой костёр, сложенный из обломков деревянных стульев, на котором кипел котелок странной формы. Рядом на корточках сидел Стефан и помешивал в котелке кончиком охотничьего ножа.

– Что это? – спросила Ларни, не веря своим глазам.

– Похлёбка из местных зверьков! – гордо ответил охотник. – Они тут повсюду водятся, а на вкус, как кролики.

– А котелок, где взял?

– Среди касок нашлась одна железная.

Дальнейших вопросов не последовало. Миски и ложки они обнаружили в одном из шкафов, и вскоре парочка приключенцев с удовольствием уплетала похлёбку из крыс.

Наевшись, они ещё немного отдохнули, быстро собрались и отправились дальше. Теперь каждый нёс по паре одеял и несколько бутылей с водой. Кроме того, в узелках была собрана разная мелочь, вроде мисок и ложек.

На Ларни красовалось одно из самых древних человеческих платьев, сделанное на сей раз из простыни, в которой была прорезана дырка для головы. Это одеяние, перехваченное посередине поясом с катаной, доходило девушке до колен, к некоторому облегчению Стефана.

Как это часто бывает, только привыкнешь к тяжёлой, утомительной дороге, а глядишь, она уже и кончилась. За поворотом в глаза путникам вдруг ударил яркий свет, и они увидели ворота, не приоткрытые, а распахнутые настежь.

Однако, наученные горьким опытом, они приблизились к воротам медленно и осторожно. Но никаких паутинных нитей не было натянуто поперёк прохода, никаких членистоногих тварей не таилось в незаметных норах и в переплетении кабелей над головой. За воротами был яркий день, а выходили ворота в поле.

Это было само по себе чудом. Жители лесов никогда не видели такого простора, такой широты для глаз, такого "далёкого далека". Казалось невероятным, что возможно что-то увидеть на таком расстоянии. А посмотреть там было на что,

потому что вдалеке виднелся... город.

Они видели изображения городов на старых выцветших картинках, но чтобы вот так, на самом деле!.. Город манил, он притягивал! Как можно было противиться этому зову? Но прежде чем продолжить путь, путешественники решили оглядеться.

Они находились у подножия высокого холма, внизу которого виднелись восемь таких же ворот, из которых они только что вышли. Можно предположить, что к каждым из этих ворот подходит свой собственный туннель, который ведёт к хранилищу боевых машин. Значит, наверно, было задумано так, что в один прекрасный день эти ворота откроются, и полчища машин ринутся защищать город. Или громить его... Сейчас это было не ясно.

Но это было и не важно, а важно было то, что из восьми ворот выстроившихся в ряд у подножья холма были открыты только одни – те, из которых только что вышли Стефан и Ларни. Случись им пойти по другому туннелю, они бы сейчас оказались перед закрытыми воротами и вынуждены были бы повернуть назад, вглубь земли.

Стефан оглянулся. Где-то там, за холмом должен быть обрыв каньона. Теперь понятно, почему дорога шла всё время вверх. Возможно, если этот обрыв не очень высокий, то они смогут спуститься вниз и через две-три недели ходьбы по лесу, окажутся дома или хотя бы в знакомых местах. Стефан посмотрел на Ларни. Глаза бесёнка горели! Ей не надо было

ничего объяснять, она и так знала все мысли брата, как и он, знал её мысли.

– Мы только посмотрим и назад, – сказала она, и это было не предположение, а утверждение.

Стефан подчинился, как всегда подчинялся её несокрушимой воле. Подчинялся с радостью и с каким-то внутренним облегчением. (Ну вот, теперь вся ответственность за за-тею лежит на Ларни, а я просто иду за ней и смотрю, чтобы ничего плохого не случилось!) И они пошли к городу.

В этом поле не было тропинок, и идти по нему оказалось задачей нелёгкой. Трава здесь была выше человеческого роста, вскоре вокруг ничего не было видно, кроме травы. Но они знали, что город находится на юге, а чтобы попасть домой надо идти на север. И они двинулись на юг. А в спины им в это время смотрели два холодных злобных глаза.

Змеёж не знал, что такое эмоции. Из всех чувств ему была знакома только злоба, которая была таким же оружием, как клыки и колючки. Но сейчас он злился не на людей, а на своих братьев. Слишком мало их откликнулось на его призыв, а те, что откликнулись, оказались недопустимо слабыми для борьбы с людьми.

Но ничего! Люди отправились в город, а это значило, что он успеет призвать ещё достаточно монстров, прежде чем они, достигнут городской окраины.

Глава 13. Вопреки благоразумию

Маранта в полном охотничьем снаряжении шла вслед за Михалом. Она знала, что это безумие, он знал, что это безумие, все знали, что это безумие. Но она шла спасать своих детей, где бы они ни были.

Дома остался только Руфус. Точнее его оставили не дома, а у священника, иначе мальчик увязался бы за ними, даже если б его заперли. Воительница, конечно, размышляла над вопросом, не взять ли сына с собой, ведь он мог указывать направление, но теперь ей казалось, что она сама хорошо чувствует дочь. И младшего решено было оставить, хоть отец и ворчал, что ему полезно было бы сходить в поход, ведь среди сверстников он слыл неуклюжим и рассеянным, то есть плохим охотником, а худшего оскорбления для парня придумать было невозможно.

Но Маранта объяснила мужу, что они идут не на охоту, а в спасательную военную экспедицию. Это значило, что опасности, с которыми они могут столкнуться, несравнимы с теми, что бывают на охоте. Михал согласился, но она видела, что муж до конца не понимает о чём идёт речь. Он не знал, а она знала, и потому у неё на боку снова красовалась скьявона.

Боже! Как давно она не чувствовала на бедре эту приятную тяжесть! Маранта поймала себя на том, что поминутно

гладит рукоять меча, словно любимую кошку.

Итак, они шли уже третий день и Маранту начало беспокоить настроение Михала. Храбрый охотник не представлял, что им придётся зайти так далеко. Ему случалось проводить в лесу целые недели, но при этом он редко удалялся от дома больше чем на пару дней пути. Хоть она ему всё и объяснила, но Михал не мог представить себе подлинного расстояния, на которое удалились Ларни и Стефан.

Ему казалось, что вот сейчас они с Марой найдут какую-то дырку или нору в земле, в которой застряли старшие непоседливые дети, помогут им выбраться, а потом они вместе пойдут домой с шутками и охотничьими рассказами, без которых, как известно и охота, не охота, и еда, не еда. Но дни проходили, а никакой норы не было видно.

Маранта гнала его и себя вперёд, не позволяя мужу отвлекаться даже на ту дичь, которая сама шла в руки. Теперь он понимал, почему она взяла с собой столько еды. При этом ели они мало и ложились спать полуголодными. Зато так легче было идти и они за короткое время покрыли вдвое большее расстояние, чем он обычно проходил дней за пять.

Первого монстра заметила Маранта, а подстрелил Михал. Двуногий крокодилоид, из тех, что предпочитают сидеть в болоте или в прибрежных камышах, на сей раз, что-то забыл в ельнике, где и нашёл свою смерть.

Его шкура представляла ценнейший материал для производства сапог – она шла на подошвы, но снимать её было

некогда, а тащить с собой совершенно невозможно. Поэтому Михал вздохнул и оставил добычу на съедение лесному зверью.

Охотник хмурился и ворчал до тех пор, пока сам чуть не стал добычей следующего монстра. Этот был похож на сороконожку, передвигающуюся на коротеньких мохнатых лапках, каждая из которых была снабжена одним острым отточенным когтем. Тело сороконожки покрывала переливающаяся хитиновая чешуя, сзади имелся скорпионий хвост, а вот голова почему-то напоминала птичью. Только вот глаз было намного больше чем положено птице.

Эта дрянь была размером с собаку и конечно ядовита, как тысяча гадюк! Она свалилась на Михала откуда-то сверху, когда они продирались сквозь заросли орешника. Он даже руки вскинуть не успел. Был бы охотнику неминуемый конец, если б Маранта не поймала гадину на кончик своего меча и не отбросила в сторону, а потом зарубила.

Так он отделался только мытьём головы в ближайшем ручье, где с трудом смыл липкую белую жидкость, брызнувшую из распоротого брюха чудовища. Потом Михал долго молчал во время вечернего привала.

– Ты думаешь, – сказал он, наконец, обращаясь к Маранте, – там, где сейчас ребята, тоже есть монстры?

– Я думаю, что те, с которыми мы встретились, – ответила воительница, – могут считаться милыми котятками по сравнению с чудовищами, что угрожают им.

– Но почему ты так решила?

– Я бывала в тех краях, куда они сейчас наверное попали.

Поверь, там очень непросто остаться в живых.

Михал ничего на это не ответил, но по его взгляду она поняла, что сомнений и остановок в пути больше не будет. А наутро они отбивались от целой толпы монстров похожих на ящериц с булавами на хвостах. Эти были размером с овцу и одеты в такую же шерсть, но их было слишком много!

Людей спасало то, что эти ящеровцы нападали бестолково, всем скопом, больше нанося вред друг другу ударами своих хвостов, чем людям, которых они стремились убить. Справиться с ними было несложно, но это отняло много времени и сил, что было слишком большой роскошью для спасателей.

После часа избиения безмозглых тварей, оставив после себя поле боя покрытое телами поверженных врагов, усталые и злые они продолжили путь. Маранта указывала направление, а Михал, старый опытный охотник, привыкший ходить по лесу, шёл с максимально возможной скоростью, используя звериные тропы и стараясь по возможности сократить путь. И всё равно они шли медленно, а ведь надо было ещё преодолеть стену каньона, которая уже виднелась впереди, постепенно вырастая над верхушками деревьев. Как они это сделают, пока было неясно, но на всякий случай Маранта несла с собой прочную, длинную верёвку и якорь-кошку собственного изготовления.

Глава 14. Перейти поле

Тот, кто думает, что, согласно известной пословице, поле перейти легко, просто никогда не ходил по полям, особенно заброшенным, где трава растёт, как ей вздумается.

То и дело, спотыкаясь о кочки, путаясь в траве и обходя заросли чертополоха, путешественники выбились из сил уже через пару часов ходьбы. Их нынешнее ковыляние, ни в какое сравнение не шло с лёгким и свободным движением по подземному пути, откуда они так мечтали выбраться.

Одно было хорошо – в траве водилось множество разнообразной птицы, и в короткое время Стефан наловил целых две дюжины откормленных куропаток.

Были здесь и кролики, но Ларни категорически запретила ему на них охотиться. Молодой охотник только усмехнулся, но спорить с подругой не стал. Ларни внесла свою лепту в их меню, найдя несколько съедобных кореньев, видом и на вкус напоминающих капустную кочерыжку.

Наконец они решили сделать привал. Костёр из сухой травы получился слабеньким, воду приходилось экономить, и потому сварить добычу не было возможности. Куропатки вышли полусырыми, но проголодавшихся путешественников это обстоятельство совершенно не смутило.

– Как ты думаешь, мы доберёмся до города до темноты? – поинтересовалась Ларни.

–Врядли, – сказал Стефан, взглянув на солнце, подошедшее к зениту. – Мы прошли так мало, а почти не приблизились к цели. Уложиться бы в два дня.

Ларни нахмурилась. Ей вовсе не улыбалось тратить столько времени на дорогу, и потому весь остаток дня она едва ли не бежала, опережая Стефана, на пять шагов, но к вечеру буквально свалилась от усталости. Спали в обнимку, как в детстве, завернувшись, помимо одеял, в широченный плащ, найденный ещё в самом начале пути.

Ларни уснула сразу, уткнувшись лицом в широкую грудь брата, а он всё старался не дышать, чтобы ненароком не разбудить своё беспокойное сокровище.

Следующий день был легче – привыкли. Хотя Стефан не выспался. Шутка ли, продержаться в объятьях юную девушку всю ночь, уговаривая себя, что это сестра и он не испытывает к ней никаких чувств, кроме братской любви. (Особенно, когда знаешь, что это не так).

Он уснул под утро и во сне, слишком сильно сжав Ларни, разбудил её. Теперь Стефан шагал и клевал носом. И чуть не прошляпил новое нападение!

Прямо перед ними из травы что-то взвилось ввысь и заржало дурным голосом! Так вздымается на дыбы перепуганная или разозлённая лошадь, и так же, как это бывает с лошадью, над головами людей нависли острые и тяжёлые, смертоносные копыта! Целых шесть...

На оставшихся четырёх "лошадь" стояла. Кроме всего

прочего она была наверно втрое больше обыкновенной лошади.

Вертикально разрезанные челюсти, снабжённые хищными жвалами и четыре пары глаз, Стефан разглядел уже потом, а сейчас ему на голову опускались шесть каменных молотов, способных раздробить человека на части.

Ларни шедшая впереди, оказалась под брюхом твари и сперва растерялась, не зная, что делать, а потом бросилась назад в надежде, что сможет вытолкнуть Стефана из под убийственных ударов. Юный охотник понял, что сейчас погибнут они оба, и всё же он успел схватить Ларни в охапку и броситься вбок!

Копыта со свистом опустились на землю. Одно из них, остро заточенное по краям, прошло по мешку с припасами, который Стефан нёс за спиной, и выпотрошило его одним взмахом, как опытный повар потрошит рыбу!

Всё нехитрое, но ценное содержимое вылетело наружу, и в следующее мгновение было растоптано в кашу! У Стефана мелькнула мысль о патронах, которыми он, как думал, ему удалось запастись надолго, и в это мгновение грянул взрыв!

Патроны, как известно, вещь особая, требующая деликатного к себе отношения. Человек опытный знает, как они опасны. Малейшая случайность, неосторожное обращение, может привести к тяжёлому увечью или гибели.

С другой стороны, отчаянные головы, всегда готовые на рискованные эксперименты, могут рассказать, как тяжело

взорвать патрон, если не прибегать к помощи огня. Патрон можно ронять или кидать на каменный пол, можно расплющить его молотком, но он будет упорно отказываться взрываться и сдетонирует только тогда, когда этого от него не ждут, в полном соответствии с законом подлости.

На сей раз закон подлости сработал против монстра – большая часть патронов из свёртка, который нёс Стефан, взорвалась с оглушительным грохотом. Юноша упал, втиснув Ларни в землю так, что чуть не раздавил её, а патроны, между тем продолжали рваться!

Что-то хлестнуло, как пучком лозы по бедру Стефана, боль обожгла крапивным огнём, и нога сразу стала горячей и мокрой.

А рядом в панике метался покалеченный монстр! Пять из шести его передних ног были оторваны. Он всё старался встать на единственную уцелевшую ногу, но не мог удержать равновесие и падал обратно, продолжая биться!

Стефан понял, что если ничего не предпринять, то он их сейчас раздавит своим массивным телом и поднялся, преодолевая боль. Он взялся за ружьё, но вспомнил, что патронов у него теперь совсем немного и отложил его в сторону. Тогда он вынул из ножен катану Ларни...

Точный, быстрый удар и голова монстра покатилась в траву. Пускай Стефан был больше охотником, чем воином, уроки Маранты не прошли для него даром.

Тело монстра ещё несколько раз дёрнулось, заливая всё

вокруг потоками чёрной крови, а потом затихло, слабо шевелящейся бесформенной массой. Стефан оглянулся на Ларни. Девушка сидела, вытаращив глаза, и ловила ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Он наклонился к ней и слегка похлопал по щекам, чтобы привести в чувство. В ответ она вlepила ему увесистую затрещину.

– Ты мне чуть рёбра не сломал! – прохрипела Ларни, когда обрела дар речи.

– Но зато ты жива! – попытался оправдаться Стефан.

– Да? Не уверена. А если и так, то это случайность!

Парень понял, что спорить с ней сейчас бесполезно и пошёл выяснять, что из пожитков ещё можно спасти. Через час они уже шагали дальше. Стефан надеялся, что в городе они смогут разжиться припасами, а то все бутылки с водой, кроме той, что была у Ларни, и банки с маслом были уничтожены.

Он пошутил было, что теперь, когда не приходится тащить такой тяжёлый груз, они, наверное, пойдут быстрее, на что Ларни только фыркнула, как будто он один был во всём виноват. Сам Стефан печалился о потерянных патронах. Теперь их оставалось всего пятнадцать, на три перезарядки его пятазарядного ружья.

Но, как бы то ни было, долго горевать над потерями было глупо. Они снова выжили, и это было главное. Ларни это тоже понимала. Она ещё некоторое время дулась, но потом подошла к Стефану, увязывавшему уцелевшие пожитки в узел,

и без слов чмокнула его в щёку.

Парень слегка обалдел от такого жеста с её стороны, но тут же сообразил, что это проявление благодарности и извинение одновременно. Что ж, он в своей жизни ещё слишком мало имел дело с женщинами, а его подруга была, во всех отношениях, женщиной не простой.

Глава 15. Последний привал на "Божьей ладони"

Часто бывает, когда ваша цель, какое-либо высокое строение, вроде башни, или это не строение, а гора, до которой надо дойти, кажется, что сделать это можно легко и быстро. Вот ведь она, эта гора или башня, рядом! Стоит пройти совсем немного, и окажешься на месте. Но не тут-то было!

Объект, к которому идёт ваш путь, приближается медленно, всё, вырастая в размерах, а расстояние до него, как будто не сокращается, а увеличивается. Только после продолжительного времени, страшно устав и начисто сбив ноги, вы добираетесь, наконец, до цели своего путешествия и понимаете, как иллюзорна была её близость в начале пути.

Стена каньона приближалась. А куда она денется? Но в том-то и вся загвоздка, что приближалась она медленно. Казалось, что она рядом, за ближайшими деревьями, но за этими деревьями были другие деревья, а проклятая стена, незаметно становясь выше, как будто отступала на несколько гигантских шагов назад.

Наконец деревья кончились. Быстро миновав заросли молодняка, обычные для лесной опушки, Маранта и Михал остановились, глядя на новое препятствие, поджидавшее их на пути.

Это была широкая полоса кустов, разросшихся от подножия леса, до подножия стены из земли и камня. Маранта не забыла, как много лет назад она пролетела над такой же полосой кустов верхом на обезумевшем от страха и боли жеребце. Правда было это по ту сторону леса, с другой стороны каньона, где эта полоса была *уже*, а стена, пожалуй, повыше, чем здесь.

Нда! Продираться через переплетение кустов куда противнее, чем ходить по девственным лесным зарослям. Михал думал, что они сей же час начнут прорубать себе дорогу, но Маранта скомандовала привал. И то дело! Перед новым испытанием не помешает набраться сил, да и вечер был уже не за горами.

Солнце нырнуло за верхушки деревьев на западе. Сразу потянуло холодом, и тень от леса стала на глазах сгущаться, готовая разлиться непроглядным ночным мраком.

Они развели костёр. Сегодняшний ужин был не такой, как в последние дни – Михал ухитрился-таки подстрелить молодого оленя, и теперь у них было вдоволь мяса, которое надо было съесть, пока оно не испортилось.

Но вот, наконец, и ужин кончился. Они расстелили спальные, набросав предварительно на землю еловых лап, и долго лежали, глядя на звёзды. Они не разговаривали сейчас – всё было сказано за ужином.

Вдруг Маранта почувствовала у себя на груди руку мужа. Ах, вот как! Значит, утомительные переходы, и битвы с мон-

страми не убавили мужскую силу бравого охотника?

Маранта улыбнулась. В волосах и бороде её супруга было уже немало снежных нитей, но он всё ещё оставался силён и неутомим, как тогда, когда их чувство взаимной симпатии и благодарности переросло в нечто большее.

Она накрыла его руку своей. Что ж, значит быть посему! Глупец, тот, кто думает, что ночь любви отнимает силы. Это случается только с теми, кто не умеет любить. Завтра они встанут отдохнувшими и посвежевшими, чтобы продолжить путь с новой энергией, а сегодня... Сегодня у них будет праздник!

Глава 16. Один шаг до "Мёртвого города"

Между ними был костёр. По какой-то причине Ларни села не рядом со Стефаном, а по другую сторону их маленького светоча, и теперь они оба молча, смотрели на огонь.

Но так ли это было? Стефан постоянно ощущал на себе взгляд синих глаз с рыжими искрами, пляшущими, словно маленькие бесенята. Но когда он поднимал глаза, Ларни тут же опускала голову и всматривалась в огонь так внимательно, будто ждала, что оттуда выйдет что-нибудь необычное.

Спали они тоже отдельно. Когда Стефан проснулся рано утром возле потухшего костра, он увидел по ту сторону, свернувшуюся в клубок, дрожащую во сне от холода Ларни. Он укрыл её сверху своим одеялом и поспешил заново развести костёр. Ларни вскоре проснулась и потянулась к огню, но долго ещё не могла согреться.

– Сегодня мы обязательно должны дойти! – сказала она, когда зубы перестали выбивать барабанную дробь друг о друга.

– Постараемся, – ответил Стефан. – Но это не значит, что нас там кто-нибудь встретит.

– То есть?

– Приглядишься. Ты видишь хоть один дым?

Это было правдой, над крышами города не поднимались дымы из печных труб. От этого он выглядел безжизненно даже издали. Дети леса не представляли себе жилья без печи, и хоть на сей раз, они ошибались, рассуждения насчёт того, жив этот город или нет, оказались верными.

Может быть, у Ларни и возникли какие-либо сомнения насчёт целесообразности их путешествия, но она никак не проявила их внешне. Впрочем, Стефану тоже не хотелось поворачивать, когда большая часть пути была уже пройдена. Город манил, живой он там или мёртвый.

Глава 17. Сомнения стража

Змеёж испытывал странное чувство. Оно отличалось от злобы, как человек от монстра. Это чувство заставляло сомневаться в себе и в реальности происходящего вокруг.

Если бы Змеёж интересовался частью человеческого сознания, которая отвечает за чувства, то он бы знал, что это удивление. Но до сих пор его интересовала только боевая мощь людей и их изобретательность. И о том, и о другом он был до сих пор невысокого мнения. Но теперь...

Пауконь погиб! А ведь пауконы были одними из лучших бойцов, почти такими же сильными, как мантикоры. Правда, мантикоры поумнее, поэтому, наверное, пауконы почти перевелись, а вот мантикоры ещё нередко встречаются.

С другой стороны Змеёж вообще остался здесь такой один, а ведь он умнее и пауконой, и мантикор.

Однако эти двое людей и впрямь какие-то особенные, не такие, как те, что были раньше. Тех давно бы уже сожрали, а эти ухитрились выжить, не слишком сильно пострадать, да ещё перебить целую кучу монстров!

Ну, ничего! Жаль, что здесь, в поле больше некого призвать. Вот доберутся они до города, там их встретит кое-кто почуднее, чем пауконь!

И всё же Змеёж сомневался. Может не стоит их убивать так сразу, может, стоит за ними понаблюдать, изучить? Но

пока он не представлял, как это сделать и решил придерживаться первоначального намерения.

Глава 18. Мёртвое место

Рана на ноге Стефана, полученная от взрыва патронов была не опасной, но быстро идти она ему всё же мешала. Ларни не пришлось вынимать дробины из его тела, все они лишь глубоко оцарапали кожу, и она только остановила кровь, смазала царапины остатками мази и перевязала ногу брата полосами, на которые окончательно распустила свой сарафанчик, оставшись в одной простыне. Теперь Стефан шёл, прихрамывая, и это замедляло их продвижение. Поэтому до города они дошли лишь к вечеру.

При первом взгляде вблизи было ясно, что этот город мёртв. Улицы были пусты и завалены каким-то мусором. То тут, то там попадались железные повозки, врезавшиеся в столбы и стены домов, столкнувшиеся между собой. Кое-где они совершенно перегораживали улицы, и путешественникам приходилось перебираться через эти завалы.

Дома стояли в основном целые снаружи, но стёкол в окнах почти нигде не осталось, да и перекрытия во многих местах были обрушены. Это был уже не город, а скелет города.

И всё же Ларни и Стефан испытывали какой-то восторженный трепет при виде домов возвышающихся выше стен их родной крепости, улиц на которых могли разъехаться не две, а двадцать телег сразу, и множества разных чудес названия и назначения которых были для них загадкой.

В одном месте им попала широкая лестница, уходящая куда-то вниз, в темноту. Приключенцы посмотрели друг на друга. Нет, под землю им больше не хотелось. По крайней мере, не сегодня.

Ходить по улицам было не просто. То тут, то там они наткнулись на следы различных аварий, на упавшие столбы, на сетку проводов, некогда натянутую над головами пешеходов, а теперь болтающуюся внизу и путающуюся под ногами.

Вскоре выяснилось, что узкие улицы и переулки пострадали меньше и путешественники ушли с широких проспектов и углубились в лабиринт пешеходных проходов и второстепенных проездов. Здесь и дома были более целыми, и машины с человеческими скелетами внутри встречались реже.

– Ты заметил? – спросила Ларни, вдруг остановившись, как будто нашла, что-то необычное.

– Что заметил? – не понял Стефан.

– Тихо здесь.

И действительно, в городе стояла гробовая тишина, хотя он не был полностью необитаем – меж домов летали птицы, гнёзда которых теперь были в жилищах людей, а среди мусора бегало немало крыс. И всё же город поражал своей молчаливостью. Даже птицы здесь, как будто не имели голосов. Стефан пожал плечами. Да, это было странно, но его сейчас больше занимал вопрос о том, где найти воду и кров.

Вода нашлась на первом этаже большого и почти не пострадавшего дома, где внизу стены, выходящие на улицу, бы-

ли почему-то из уцелевших огромных толстенных стёкол. Сквозь эти стёкла, он и увидел разнокалиберные бутылки с водой. Эта вода к тому же была разноцветной.

Большие, тоже стеклянные двери оказались не заперты и исследователи легко проникли внутрь.

Конечно, они не поняли куда попали – в их мире не существовало даже обменной торговли, и если кому-то чего-то доставало, он легко мог найти это у соседей, а отказы в таком случае были редкостью. Поэтому они не знали, что такое магазин и даже о торговых лавках имели смутное представление, почерпнутое из книг и рассказов всё той же Маранты.

Но они сообразили, что на многочисленных полках, которыми изобиловало это место, когда-то хранились продукты и разные вещи. Правда, сейчас это были лишь следы от продуктов, давно съеденных крысами, а о назначении большинства вещей можно было только догадываться.

Впрочем, Ларни узнала некоторые из них, например утюг для глажки белья. Но он был какой-то странный, с торчащим из задней части шнуром, который оканчивался небольшой шишкой с двумя металлическими штырями, похожими на пальцы. В его подошве зачем-то были проделаны отверстия, а сама подошва была изготовлена из такого странного материала, который врядли выдержит, если утюг поставить на раскалённую плиту. Одному Инци ведомо, как таким чудом пользоваться!

Цветная вода оказалась несъедобной. На дне каждой из

бутылок виднелся подозрительный осадок, а когда Стефан попробовал открыть одну из них, то омерзительная вонь сказала сама за себя, что продукт испорчен.

Но здесь нашлось достаточно бутылок с обычной водой, таких же, как те, что они обнаружили во время своих подземных приключений. Дальнейшее исследование этого места принесло немало радости обоим – Стефан забрёл туда, где в большом количестве лежали и висели по стенам молотки, топоры, пилы и прочие инструменты, Ларни обнаружила разнообразные иглы, ножницы, вязальные спицы и прочие ухищрения для женского рукоделия.

Их немного смущало то, что они берут эти вещи без спроса, но хозяева обнаруженных "сокровищ" не могли бы дать разрешение на их использование, равно, как и что-либо запретить – их кости лежали тут же, на тех самых местах, где их настигла смерть. Странно, но ни звери, ни птицы не тронули этих останков. Разбросанные повсюду скелеты обходили даже крысы.

Путешественники сами не заметили, как навьючили на себя такое количество "ценных вещей", что едва могли двигаться под этой тяжестью. В конце концов, когда один из карманов Стефана порвался, и оттуда с грохотом посыпались гвозди, они остановились и посмотрели друг на друга.

– Давай заберём всё это потом, – предложила Ларни, – когда будем возвращаться.

Стефан согласился и вывалил набранное барахло на бли-

жайший столик. Но он оставил себе пару приглянувшихся топоров, так, на всякий случай. Ларни заткнула за пояс длинные узкие ножницы в бархатном чехольчике. Зачем она это сделала, она и сама не знала.

Наконец они вышли на воздух. Приближался вечер, и надо было подумать о ночлеге.

– Может, заночуем в одном из домов? – спросил Стефан.

– Не знаю, – засомневалась Ларни, – там повсюду скелеты!

Общество скелетов Стефана тоже не устраивало, но как-то чудно и жутко было разбивать лагерь прямо здесь на улице, среди домов с пустыми, незрячими окнами.

После непродолжительного блуждания по темнеющим улицам, они, наконец, выбрали небольшой дом, в котором было множество уцелевших окон.

Войдя в подъезд, Ларни и Стефан оказались в крошечной темноте и поспешили зажечь факел. Они увидели широкую каменную лестницу, уходящую вверх. Через равные промежутки эта лестница имела выходы в коридоры, имеющие по несколько дверей. Путешественники попробовали открыть эти двери, но все они были заперты.

Вдруг одна из ручек повернулась в руке Ларни и дверь распахнулась. За дверью была тёмная прихожая. Здесь факел пришлось погасить и зажечь свечку. (Ларни нашла свечи там же в магазине и прихватила целую коробку.)

Странное чувство охватило обоих приключенцев, когда они вошли в это человеческое жилище. Им всё казалось, что

люди некогда здесь обитавшие, живы, и сейчас к ним вот-вот выйдет кто-нибудь и удивлённо спросит, откуда они взялись здесь в столь поздний час, а потом пригласит в дом и предложит поесть. Так, по крайней мере, поступили бы все их соседи, но если бы это произошло здесь на самом деле, незваных гостей наверно бы, как ветром сдуло!

Они миновали прихожую, потом заглянули в комнату-другую. Никого. Нет даже скелетов.

В одной из комнат стояла странная мебель и несколько загадочных приспособлений. По обилию разнообразной посуды и целой армии кастрюль, Ларни поняла, что это кухня. Другая комната была уставлена стульями и креслами, а в центре стоял маленький столик с несколькими стеклянными мисками на нём. Зачем это было нужно, осталось неясным. Зато следующая была сразу опознана, как спальня – в ней была кровать такой ширины, что на ней могли поместиться не только Ларни и Стефан, но и всё их семейство!

Вдруг случилось нечто странное – свеча в руке Ларни, как будто померкла. Девушке даже показалось, что её огонёк стал чёрным. Они стояли тогда перед дверью в последнюю комнату, и тут Ларни увидела, что сквозь щели этой двери струится яркий свет. Она толкнула дверь и оказалась на пороге *залитой солнцем* детской.

То, что это детская, было понятно при взгляде на её обитателей – на полу, устланном мягким ковром, сидели два карапуза-близнеца и с серьёзными лицами тянули в разные сто-

роны плюшевого мишку. Чуть в сторонке, за приземистым столиком, девочка лет пяти кормила кашей полуторагодовалую сестру, сидящую в детском стульчике, устроенном по принципу прокрустова ложа. Старшая явно не отличалась меткостью, а потому мордашка младшей была сплошь вымазана её собственным завтраком.

Открылась боковая дверь и в комнату вошла женщина с двухмесячным ребёнком на руках. Она что-то весело спросила у старшей дочери, а та ей ответила с такой потешной важностью, что мать расхохоталась. Ларни вдруг поняла, что не слышит ни звука из их разговора, но задумываться над этим обстоятельством было некогда, потому что в это время что-то случилось, чего она опять же таки не видела и не слышала.

Но на это нечто отреагировали обитатели комнаты – женщина и девочка вдруг одновременно повернули головы к окну, и на лице матери появилось выражение тревоги, а на лице дочери удивление. Даже близнецы вдруг бросили перетягивать своего мишку и накуксулись, собираясь зареветь. Только младшенькая продолжала размазывать по себе кашу, а грудничок так и не проснулся на руках у матери.

Тут вся картинка начала быстро тускнеть, терять цвета и подёргиваться, словно это было отражение в воде. Ларни вдруг показалось, что ей в глаза попало песком, она заморгала и принялась тереть их, но это ощущение вдруг прошло, так же неожиданно, как и появилось. Когда она снова обрела

возможность видеть окружающие предметы, видение исчезло совсем, и она увидела пустую комнату, покрытую пылью и паутиной, темную, с чёрным провалом окна.

Ларни оглянулась на Стефана и по его лицу поняла, что он видел всё то же самое, что видела она. Тогда она переступила порог и шагнула внутрь. Так и есть, вот он тот мягкий красивый ковёр, на котором играли близнецы. Только теперь он полностью скрыт слоем пыли, в которой её ноги утопали по щиколотку.

Ларни наступила на что-то твёрдое и маленькое. Она наклонилась, вгляделась и тут же отскочила в ужасе! Две кучки крохотных детских косточек... Даже черепа не сохранили своей округлой формы, развалились на несколько частей. Две кучки... А между ними небольшой, почти полностью скрытый пылью холмик – плюшевый мишка.

Ларни огляделась по сторонам. Так и есть, вот он, тот приземистый столик, а на нём тарелка с кашей, высохшей много лет назад. Рядом со столиком два детских стульчика, один обыкновенный, а другой высокий, с предохранительной планкой, чтобы непоседливое дитя не выпало.

И на сидениях обоих стульчиков тоже кучки косточек: старшая дочка и младшенькая... А вот и скелет их матери, лежит на боку возле окна, к которому она шагнула, когда увидела или услышала, что-то такое, что было скрыто от Ларни. (Наверное, если покопаться в пыли, рядом с этим большим скелетом можно найти кучку совсем маленьких ко-

сточек.)

Вдруг Ларни взвизгнула и подпрыгнула на месте, потому что кто-то притронулся к её плечу! Но это был всего лишь Стефан, который стоял у неё за спиной и о котором она как-то странно позабыла.

– Давай уйдём отсюда! – сказал он, и Ларни вдруг увидела, что её бесстрашный брат бледен, как мел.

Ларни казалось, что она давно уже привыкла к скелетам и костям, разбросанным повсюду, но вот так увидеть тех, кому принадлежали эти несчастные остовы...

– Как ты думаешь, – спросила она Стефана, просто так, чтобы нарушить молчание, – что это было?

– Не знаю, – ответил он. – А ещё не понимаю, что их всех убило? Ясно только одно – погибли они все сразу от одного удара!

– Мама говорила, что когда-то было такое оружие, которое могло убить сразу всех.

– Да, я помню. Но как же так можно? Ведь эти люди... Они же не солдаты вражеской армии! Как можно взять и вот так всех убить?

– А как вообще один человек может убить другого?

Стефан промолчал. Он не был воином, но ему казалось, что за Ларни он мог убить кого угодно!

– Давай лучше подумаем, где ночевать будем, совсем темно уже! – сказал он и зашагал по улице с таким видом, как будто знал куда идти.

Глава 19. Следы их детей

Слава Богу, подъём позади! Маранта ожидала худшего, но и этого хватило, чтобы им с Михалом вымотаться до предела. Наверху их ждал сюрприз – эта стена каньона была сверху лысой, как голова старика и представляла собой пологий спуск к видневшемуся вдали городу.

Маранта узнала этот город. Она бывала в нём много лет назад в компании с Золасом и его юным учеником Зигом. Правда шли они туда иным путём, но теперь она точно знает, что ждёт их с мужем впереди и где искать Ларни и Стефана. Конечно, любопытная девчонка не упустит шанс сунуть нос в это необычное место!

Шагах в пятистах от края каньона, вниз по склону виднелся невысокий холм, единственный на всю эту долину. Какой-то он был странный. Маранта готова была поспорить на что угодно, что холм этот имел искусственное происхождение. Он располагался на их пути, а значит, осмотреть его было делом нелишним.

– Устроим привал там! – заявила Маранта, указывая на холм.

Михал удивлённо посмотрел на жену, но возражать не стал, и они пошли к холму. Так и есть! Холм оказался всего лишь маскировкой для выхода из подземных сооружений. Он напоминал половинку круглого хлеба, аккуратно

разрезанного посередине. Со стороны среза виднелись восемь больших железных ворот, одни из которых были открыты.

Маранта заглянула внутрь и ничуть не удивилась, увидев туннель уходящий в темноту, под углом вниз. Она с бьющимся сердцем вгляделась в пол и увидела две цепочки следов – одну от маленьких босых ног, другую, от больших, обутых в сапоги.

Живы! Несмотря на её собственные чувства и предсказания Руфуса, доля сомнения у неё всё же оставалась и она не знала наверняка, напрасна ли их с Михалом экспедиция или нет? Но теперь сомнений не было!

Маранта поспешила поделиться этой радостной вестью с мужем, но увидела, что он смотрит в другую сторону.

– Они пошли туда! – с уверенностью сказал старый охотник, и по его голосу Маранта поняла, что он улыбается.

Сама она не видела ничего кроме стены высокой травы, но Михал был опытным следопытом, и его словам можно было верить.

Их отдых был на удивление краток. Михал рвался вперёд, и Маранта решила, что теперь ей придётся его сдерживать. С одной стороны главная цель, считай, достигнута – они узнали, что дети живы, с другой стороны эта парочка прошла здесь несколько дней назад и теперь за ними не угнаться. Но для чего спешить? Чтобы надрать им уши? Успеется!

Следы первого ночлега детей прибавили оптимизма. Они

неплохо справлялись, нашли себе еду и где-то разжились защитой от холода, не иначе, как там, под землёй. Маранта долго смотрела на то место, где они спали.

Нда, ушли вдвоём, а могут вернуться втроём... Причём этот третий будет сидеть не где-нибудь, а в животике у Ларни. Запросто!

Маранта была лишена, каких-либо предрассудков на этот счёт и понимала, что рано или поздно станет бабушкой, но всё же она тревожилась за дочь, ещё такую молодую и неопытную. Впрочем, возможно она беспокоится зря? Ларни и Стефан с ранних лет, бывало, спали вместе и сохранили эту привычку до недавнего времени, пока Стефан не начал стесняться. (Стефан, не Ларни.)

Так, что то, что она здесь увидела, скорее всего, ничего не значило. Тут Маранта поняла, что сама себя успокаивает, и решила сейчас не думать на эту тему.

Следующее открытие было не таким оптимистичным. Запах тления они учуяли издалека. Сначала он был слабый, потом стал сильнее, и, наконец, им просто нечем стало дышать! Пришлось завязать лица по глаза платками смоченными остатками воды из фляг, наполненных ещё в каньоне. Ко всему прочему, мириады мух кружились в воздухе, норовя влезть в глаза и забиться в уши.

– Что ж там такое, дохлый зубр что ли? – пробормотал помрачневший Михал.

То, что они обнаружили через несколько шагов, было по-

хлеще дохлого зубра. Там, где вонь достигала своей высшей точки, нашлось вытоптанное место, где, по-видимому, разыгралась битва. Когда люди ступили на эту проплешину, целая туча ворон враз взлетела ввысь и, истошно каркая, закружила у них над головами.

Зрелище, которое открылось при этом, было и тошнотворным, и удивительным. Мёртвый монстр был не похож, ни на одного из тех, что им доводилось видеть. Даже Маранта, насмотревшаяся при разрушении столицы королевства Лоргина всяких чудовищ, такого ещё не видела. Он был силен и огромен, и, тем не менее, он был мёртв!

Через пять минут после осмотра места сражения, Михал заявил, что дети ушли на своих ногах в сторону города. Это радовало. Но как же они справились с такой тварью? Ответ был скоро получен, но породил новую загадку – Маранта нашла множество разорвавшихся гильз от охотничьих патронов. Они его взорвали?! Воительница знала, что её чада могут за себя постоять, но что они способны на такое?..

И ещё одна странность – голова монстра лежала отдельно, отрубленная одним сильным ударом меча. Откуда меч? По-видимому, оттуда же, откуда и патроны. Что ж, монстру явно не повезло. Хорошо, что обошлось без потерь со стороны людей. Но это было не совсем так – Михал сказал, что Стефан хромает, хоть и не сильно.

Наконец они покинули это отравленное место. Теперь им отовсюду мерещился запах падали. Маранта знала, что это

лишь иллюзия, на которую не стоило обращать внимание, но ей самой ужасно хотелось выкупаться и выстирать одежду.

На месте следующего привала, устроенного детьми, они решили заночевать сами. Конечно, всё было предварительно осмотрено и прочитано, как книга. Итак, Стефан был ранен, но легко и не опасно. Ларни хорошо умела врачевать раны. Ей удавалось даже ведовское целительство, на что Маранта была неспособна, хоть и знала кое-какие приёмы, из этой области, предназначенные для боя. А вот спали детишки теперь раздельно. То ли поссорились, то ли... Нет, она же решила, что не будет думать об этом!

Когда Маранта проснулась утром, то увидела, что Михал не спит, а внимательно разглядывает совсем уже близкий город.

– Ни одного огня ночью, ни одного дыма поутру, – сказал он ворчливо. – Это место мертво, как старый пенёк! И что они там забыли?

– Там много чего интересного, – ответила Маранта. – А дымов над такими городами не бывает, они по-другому были устроены, и жизнь там была другая...

– А это что?

Маранта оглянулась, и её рот сам собой открылся от удивления – над городом поднимался столб дыма! Но это был не мирный серовато-белёсый дым от домашней печи. Это было чёрное, жирное, подсвеченное красным бесформенное чудовище – порождение большого пожара!

Глава 20. Борьба за жизнь

Они нашли себе приют в странном месте. Этот город вообще состоял из странных мест, но здесь они столкнулись с чем-то не столько странным, по сути, сколько непонятным по своему назначению – посреди города рос лес! И лес этот был весьма странным.

Во-первых, он был небольшим, но это куда ни шло, почему бы не быть лесу маленьким? Во-вторых, расстояние от дерева до дерева здесь было таким, что хоть на телеге проезжай! Но самым странным было то, что здесь в лесу были такие же дороги, как и в городе. Пусть не такие широкие, но такие же твёрдые. А ещё здесь нашлось немало всяких жутковатых непонятностей.

Здесь были люди и животные, сделанные из камня. Ларни и Стефан знали о существовании статуй и памятников, но сами видели каменных людей впервые. Ещё здесь было множество строений самого чудного вида. Некоторые из них были со стеклянными стенами, другие вовсе без стен. В этих строениях явно не жили, но во многих стояли столы и стулья, по большей части опрокинутые и поломанные.

А ещё здесь были странные сооружения вообще не поддающиеся сравнению с тем, что двое исследователей видели в своей жизни. Одно из них представляло собой гигантское, выше домов, колесо, поставленное на ребро стоймя, с подве-

шенными к нему, словно мухи на паутине, большими ящиками. В каждом из ящиков была дверца и несколько окон со всех сторон, а когда путешественники заглянули внутрь одного из этих ящиков, то с удивлением обнаружили там сидения, явно предназначенные для человеческих седалищ.

Были здесь и другие механизмы, похожие на чудовищных пауков, богомоллов и гусениц, или просто на огромные цветы. И на всех виднелись самые разные сидения, кресла, даже целые диваны, снабжённые замысловатыми застёжками и хитроумными держателями.

Впечатление было такое, что всё это, (если оно, конечно, могло двигаться), было предназначено для того, чтобы поднимать людей на головокружительную высоту и там крутить, вертеть, встряхивать и подбрасывать. Придя к такому выводу, Ларни и Стефан поёжились.

– Не могу понять, зачем это? – спросила девушка, которой уже надоело ходить, задрвав голову.

– Может для поклонения богам? – предположил её спутник. – Языческим богам. Ты слышала, что-нибудь о человеческих жертвоприношениях?

– Бррр!!!

Ларни вдруг очень захотелось уйти отсюда, ведь если Стефан прав, то здесь ещё хуже, чем там, в городе.

– Давай уже найдём что-нибудь. – сказала она. – Темно совсем, а то нам придётся ночевать на улице.

Домик они нашли внезапно. Он вдруг сам появился, будто

из ниоткуда. Аккуратненький, когда-то ярко раскрашенный, а теперь весьма облезлый, с тонкими стенами, не приспособленными для зимы, но всё же защищающими от ночного холода летом. Внутри оказался непонятого назначения хлам, по большей части мешки с мелко нарезанной цветной бумагой. Больше всего здесь привлекало отсутствие скелетов.

Хуже было полное отсутствие очага, но этот вопрос был решён просто – Стефан развёл костёр перед входом, а Ларни приготовила ужин из остатков того, что им удалось добыть ещё в поле. (Им следовало завтра же позаботиться о пропитании – на завтрак еды ещё хватало, а на обед уже нет.)

Ночь прошла под шорох мышей среди бумажных завалов. Утро глянуло яркими весёлыми лучами, проникшими откуда-то сверху... (Сверху? Но ведь там крыша!)

Не в силах терпеть этот свет, Ларни открыла глаза и... в первое мгновение ничего не увидела. Затем она различила ярко голубое летнее небо, (да где ж в самом деле крыша?), и на его фоне тёмный силуэт чего-то огромного, широкого. Сначала она подумала, что это одна из вчерашних, чудовищных в своей гигантской нелепости машин, но потом...

Стефан подскочил от того, что у него над ухом бабахнул выстрел! Стреляла Ларни, это всё, что он смог сообразить. В следующее мгновение его с головы до ног залило чем-то тёплым и липким! Ларни в это время была уже на улице и оттуда она ещё несколько раз шарахнула по монстру, единственный глаз которого только что взорвался от её выстрела!

Потом была буря ударов и вопли, истошные вопли! Каким-то чудом исполинские лапищи монстра не попадали ни по домику со снятой крышей, где Стефан запутался в бумажных лентах, ни по Ларни, бегавшей под ногами великана. Девушка быстро сообразила, что рано или поздно удары, достигнут цели, бросилась внутрь домика и выволокла брата наружу!

Когда они отбежали на приличное расстояние от бушующего монстра, Ларни обернулась и вдруг расхохоталась звонко и заразительно – Стефан был сплошь в разноцветных бумажках, отчего напоминал фазана-переростка. Брат в ответ поглядел на неё *очень* серьёзно.

– Ты не представляешь себе, как я сейчас зол и хочу домой! – сказал он.

Девушка перестала смеяться и, взглянув туда, где ослеплённый циклоп крушил заброшенный парк, кивнула утвердительно.

– Только запасёмся припасами. – сказала она резонно.

Но прежде чем начать поиск припасов, не лишним было бы привести себя в порядок. Свои пожитки, кроме небольшого узла с топорами, они в очередной раз потеряли, но опыт показывал, что в городе можно найти практически всё, что им было нужно.

Для начала следовало отмыть Стефана и отстирать его одежду. Но была ли здесь, где-нибудь река, озеро или хотя бы ручей?

Вода нашлась в таком месте, где они меньше всего ожидали её обнаружить. Недалеко от оставленного ими парка, откуда всё ещё раздавались вопли циклопа, располагалось несколько домов, таких громадных, что казалось их крыши, упираются в небо. Нижние этажи здесь изобиловали стеклянными стенами, и потому путешественники, вспомнив, что в прошлый раз в том месте, где они видели такие стеклянные стены, нашлось много чего хорошего, устремились туда.

Однако здесь их встретила масса пустого пространства с непонятными сооружениями внутри, среди которых только ажурные, прозрачные лестницы имели какой-то смысл. И всё же зашли они, сюда не зря – посреди самого большого зала, прямо на полу стояла здоровенная чаша наполненная водой! В центре чаши находилась полуобнажённая каменная женщина из вытянутой руки, которой била тонкая струйка, постоянно пополнявшая чашу.

Одному Инци известно, каким образом механизм этого фонтана ещё работал и из какого источника он брал воду? Но парочка приключенцев не собиралась задумываться над этой проблемой. Стефан скинул с себя одежду и с головой нырнул в глубокую чашу, с наслаждением ощущая, как живительная влага омывает тело, давно требующее очищения. Вынырнув, он обнаружил, что рядом плещется Ларни, вся нехитрая одежда, которой валяется на полу. Стефан вздохнул и нырнул обратно.

Потом они стирали свои вещи и развешивали их на железных стульях. Выбора не было, им нечем было прикрыть свою наготу и, в конце концов, Стефан махнул рукой на стеснение, тем более, что Ларни похоже и тени смущения не испытывала.

Вот что нельзя было упускать из вида, так это возможность внезапного нападения, и потому Стефан постоянно перекладывал оружие так, чтобы оно всегда было под рукой. Ну и конечно, как оно часто бывает, несмотря на то, что они были настороже, опасность обрушилась внезапно, в самый неподходящий момент.

То, что беда пришла, Стефан понял по вдруг округлившимся глазам Ларни! В следующее мгновение он уже развернулся вокруг себя, передёргивая затвор ружья. И замер от удивления!

На них катилась волна каких-то колючих шаров, которые водопадами сбегали по прозрачным лестницам с верхних этажей гигантского здания. Наверно оно было заполнено этими шарами, которые сейчас и в самом деле напоминали приливную волну!

– Бежим! – крикнула Ларни, подхватила свой пояс с катаной, сунула Стефану его узел, из которого торчали рукоятки топоров и выбежала вон!

Охотнику ничего не оставалось, как последовать за ней. Они выскочили на улицу нагишом, времени на то, чтобы одеться или хотя бы собрать одежду, не было. Колючие шары

буквально хлынули за ними потоком, высоко подпрыгивая и как-то странно вереща. Но всё же они уступали в скорости двум молодым бегунам в костюмах прародителей человечества!

Ларни и Стефан бежали, стараясь делать, как можно больше поворотов, и вскоре колючая погоня отстала. Тогда они остановились и, тяжело дыша, поглядели друг на друга.

Едва переведя дух, девушка надела на себя пояс с катаной, который несла в руках. Стефан не слишком успешно пытался использовать в качестве фигового листа то ружьё, то узелок с топорами.

– Сколько у тебя патронов? – вдруг спросила Ларни, как будто была полностью одета, а вопрос о патронах был для неё сейчас самым важным.

– Пять штук. – ответил Стефан машинально. – Было пятнадцать, но пяток ты расстреляла, а ещё пять лежали у меня в кармане куртки. Я их выложил перед стиркой, а потом не успел забрать...

– Ясно!

– А тебе, что за дело?! – вдруг обозлился Стефан, сам не зная на что.

– Мне кажется, вон там ты сможешь найти ещё.

Охотник оглянулся. За его спиной располагалась одна из прозрачных стеклянных стен, а за ней... виднелись десятки разнообразных ружей!

– А ещё тебя приодеть бы не помешало. – добавила Ларни,

бросив лукавый взгляд на брата. – А то замёрзнешь!

Сказав всё это, она прошла мимо остолбеневшего Стефана и, не оборачиваясь, направилась в сторону магазина. Охотнику очень хотелось наговорить сестре резкостей, но он вовремя сдержался, сообразив, что винить её, по сути, не в чем. И тогда он, как это часто бывало раньше, тяжело вздохнул и пошёл вслед за ней, красный, как рак и злой на себя, на неё, на монстров, на этот город и на весь белый свет!

Глава 21. В двух шагах от города

Вот уже полчаса они стояли спина к спине и отмахивались. Зомбаки то налетали, как стая разъярённых ос, то ходили вокруг, что-то нечленораздельно бурча, будто жалуясь друг другу на людей.

Маранта больше беспокоилась за мужа, чем за себя. За годы их совместной жизни она так и не сумела приобщить Михала к благородному искусству фехтования, и потому он сражался, нанося могучие, но грубые удары топором, словно валил деревья.

Правда, когда такой удар попадал по цели, а это бывало часто, зомбак терял руку или ногу, а то и просто разваливался пополам. Хуже было то, что на руках и плечах охотника красовалось уже несколько порезов. Острые, как бритвы когти зомбаков рассекали, словно бумагу кожаную куртку, способную противостоять когтям рыси. Если дело пойдёт так и дальше, то Михал потеряет слишком много крови и тогда всё будет плохо!

Меч Маранты плёл в воздухе едва заметный серебристый узор, но тот из зомбаков кто пытался к ней приблизиться, сразу терял конечности или голову. Саму воительницу не задел ещё никто. Зомбаки уже встречались обоим супругам и не по одному разу, а потому для них не было новостью, что эти твари хоть и сильны, но туповаты, и справиться с ними

совсем не сложно. Однако сейчас на стороне этой нечисти было сильное численное превосходство. А потому Маранта лихорадочно соображала – сколько они могут так ещё биться и что им теперь делать?

– Михал, ты сможешь продержаться пять минут один? – спросила Маранта, понимая, что этот вопрос звучит, по меньшей мере, дико.

– Смогу! – ответил охотник, взглянув на неё с удивлением.

Как хорошо, что он не стал расспрашивать, что да почему! Всё-таки Михал умница и умеет доверять. Маранта подумала о муже с благодарностью, но долго предаваться эмоциям было нельзя, её задача сейчас была прямо противоположной.

Воительница опустилась на землю, поджав ноги, и положила меч перед собой. Она закрыла глаза, зрение могло сейчас только помешать. Сначала надо отрешиться от всего земного. Эта часть, пожалуй, самая трудная, ведь человек живёт земными заботами и привязанностями, любовью к близким, ненавистью к врагам, мечтами, планами и даже страхами. Без всего этого жизнь бессмысленна, если не сказать, невозможна. Лишь самые опытные воители, которых она знавала в прошлой жизни, были способны к подобному отрешению без риска потерять себя и превратиться в нечто бесчеловечное.

Маранта когда-то брала уроки боевой магии, (правда Наставница говорила, что это никакая не магия, а просто уме-

ние высвободить скованную силу своего духа). Она знала, что для достижения цели, самое простое это представить себя мёртвой. Нет, не представить, а скорее признать, а это совсем другое дело!

.....

Итак, всё. Её тела больше нет и ей теперь нет дела до того, что с ним происходит. Теперь она – душа! Маранта почувствовала, что поднимается вверх и открыла глаза, но это были не глаза тела, а глаза души. Она увидела вокруг себя, какой-то полупрозрачный вихрь, образующий подобие трубы, сквозь неровные стенки которой можно было ещё различить окружающий мир, но виден он был плохо, словно на него приходилось смотреть сквозь толщу воды. Однако зрелище это вовсе не занимало Маранту.

Маранту? А кто такая – Маранта? Ну конечно, так её когда-то называли, но это имя осталось внизу, вместе с телом, а у души никакого имени не было. Её, прежде всего, интересовало далёкое светлое пятно, видневшееся в невообразимой выси, на самом верху этого прозрачного колодца.

Вверх! Туда, к свету, туда, где всё заканчивается и всё начинается! Туда, бездумно и безотчётно!..

Нить... Тонкая, бесцветная, почти прозрачная, такая, какую не увидишь, если она натянута достаточно туго. А ещё, оборвать такую нить проще простого. И очень хочется оборвать! Ведь, что значит, какая-то нить по сравнению с этим божественным светом?

Она уже взялась за нить, уходящую куда-то вниз, туда, где остались заботы, тревоги и страдания. Один рывок и всё закончится... И тогда она взглянула вниз, скорее машинально, чем осознанно. Взглянула и увидела, как мужчина похожий на расшвырявшего медведя, отбивается, словно от стаи волков от каких-то человекоподобных уродов с длинными когтями и лицами покойников.

Она видела, что этот мужчина устал, что он ранен, что врагов слишком много, что ему всё трудней и трудней защищать женщину, неподвижно сидящую с закрытыми глазами на земле. Ей не было никакого дела до этой женщины, но мужчина нуждался в помощи, и она остановила свой полёт.

(А как же свет? Он ведь ждёт тебя, и твоим самым горячим желанием является – войти в него, воссоединиться с ним...)

Маранту вдруг наполнила лихая, разудалая и развесёлая злоба! (Что? Она снова Маранта?) Ах, значит ждёт её божественный свет? Ну, так пусть подождёт!

Подождёт, как ждал мириады других душ до неё, и как будет ждать после. Никуда он не денется, а у неё есть на земле ещё дела! И тогда она взмахнула крыльями... (Крыльями? Откуда крылья? Или это руки? Неважно!) И прорвала стенку прозрачного колодца! Описав широкую дугу, она набрала скорость и словно коршун ринулась на врагов!

.....
Зомбаки перестали наседать на Михала и заозирались во-

круг. Сам охотник тоже что-то почувствовал, но что это было такое, он не мог видеть и слышать, однако, каким-то непостижимым образом ощущал приближение необоримой, дикой силы!

Вдруг эта сила ударила! Это было похоже на бешеный порыв ураганного ветра, хоть на самом деле никакого ветра не было. Монстры попадали с ног и покатались, истошно вереща, сбиваясь в кучи, и отчаянно кромсая друг друга!

Михал тоже почувствовал, что его что-то ударило в лицо, но это было похоже на сильный удар мягкой подушкой, которая сразу рассеялась без следа. На какое-то мгновение он был оглушён, но устоял на ногах, а когда пришёл в себя, то увидел, что живых зомбаков вокруг нет, а Маранта лежит, опрокинувшись навзничь.

.....

Она гнала и гнала этих уродцев, и могла бы гнать их до тех пор, пока они бы не передохли от изнеможения! Да, она бы так и сделала, если бы снова не эта нить. Досадуя на столь нелепую помеху, она чуть было снова не оборвала её! Но тут вдруг её остановило любопытство.

Что-то изменилось в самой нити, она стала виднее и как будто толще. Вероятно, прочность её тоже увеличилась, но Маранта чувствовала, что по-прежнему оборвать эту нить для неё не составит труда. Тем не менее, она передумала это делать, а решила пройти вдоль нити, чтобы узнать, откуда она берёт своё основание.

Так, постепенно сматывая нить в клубок, она вернулась, к тем двоим, на помощь которым пришла так вовремя. Нить, оказывается, тянулась из груди женщины и была теперь толщиной с палец! А другой конец нити... Маранта вдруг поняла, что клубка нет, а другой конец нити исходит из её груди, а расстояние между ней и той женщиной продолжает сокращаться само по себе!

По мере приближения, натяг нити всё усиливался и, в конце концов, уже не нить, а толстенный канат, прочный, как якорная цепь, причиняя адскую боль, со страшной силой потащил её к телу лежащей на земле женщины, которая вдруг стала казаться удивительно знакомой...

.....
– Мара, очнись! Мара, очнись, прошу тебя!

Маранта открыла глаза и сделала глубокий судорожный вдох, от которого лёгкие взорвались нестерпимой болью. Она увидела небо над собой и на его фоне лицо Михала, залитое слезами. Поняв, что она пришла в себя, муж схватил её в объятия с такой силой, что воздух в один миг вылетел из неё, как из резиновой груши, которую резко сдавили в руке.

– Мара...

– Пусти, пусти, задушишь! – сдавленно прохрипела Маранта, делая слабые попытки высвободиться.

– Ты не дышала!

– Кажется, я и теперь едва дышу! Положи меня и не тормози хотя бы некоторое время.

– Что это было? – спросил Михал, бережно укладывая жёну обратно на траву.

– Долго объяснять. Скажу только, что сделала то, что ещё не приходилось делать, и это было тяжело... Знаешь, что? Давай постараемся больше не попадать в такие ситуации, а то в следующий раз я могу и не вернуться. Как там зомбаки?

– Те, кто не сдохли, сбежали! Припустили так, словно за ними гнались все волки мира!

– Поверь, это было для них страшнее волков.

– Верю! Что теперь будем делать?

– Для начала надо прийти в себя, перевязать твои раны и вообще отдохнуть. Помоги мне сесть.

Они были в двух шагах от города. Но нет, сегодня они туда не войдут, сегодня им нужен отдых.

Глава 22. Палаццо

"Палаццо". Так было написано на фасаде дома стоящего на небольшом возвышении посреди разросшегося сада. Палаццо, значит дворец, это они помнили по одной из книг, прочитанных дома. (Кстати, большинство надписей в городе они могли прочесть, хоть и не все были для них понятны.)

Палаццо был очень красив, не так высок, как остальные дома, но всё равно они наверно прошли бы мимо, если б поиск припасов не занял столько времени.

Собственно, речь шла, прежде всего, о еде, так-как в магазине, где нашлось оружие, была ещё и одежда. Правда, одежда эта оказалась не просто чудной, а очень чудной. Во-первых, она изобиловала всяческими застёжками, завязками, крючками, петельками и пуговицами. Стефан за всю оставшуюся жизнь не разобрался бы с этим без помощи Ларни. Правда, когда процесс одевания закончился, он понял, что двигаться в этих сложных обновках легко и удобно. Во-вторых, здесь всё было зелёного цвета с разводами разных оттенков, но это было даже хорошо – в такой одежде охотника в лесу почти не видно, а это всегда бывает кстати на охоте.

Зато сапогами можно было забивать гвозди. Тяжёлые, жёсткие, угловатые, с почти негнушимися подошвами. Кажется, в них сочетались все свойства, какими не должны обладать сапоги, если только охотник не хочет объявить о своём

присутствии всему лесу. Поэтому Стефан невероятно удивился, когда увидел, что Ларни примеряет такие же, только поменьше.

– Что? – спросила девушка, заметив его взгляд. – А, ну просто тут слишком много острых камней. Надоело, знаешь ли! Как дойдём до леса, заброшу эти колы на первое дерево.

В такой же одежде, как у Стефана, разве что немного другого покроя, да ещё в лёгкой шапочке с длинным козырьком, Ларни казалась мальчиком. Только мальчиком с очень нежным лицом, какие иногда бывают у мальчиков, им же на беду и на потеху сверстникам.

Стефан старался не показать вида, но почему-то ему подумалось, что нет такой одежды, которая не шла бы Ларни. ("А без одежды ей ещё лучше!") За эту мысль он прикусил себе язык, хотя этот орган, как раз не был ни в чём виноват.

С оружием вышло даже интересней, чем они думали сначала – подходящие патроны нашлись в железном шкафу с невероятно толстыми стенками, который по счастью не был заперт. Стефан уже набил ими все карманы, когда Ларни хлопала его по плечу. Он обернулся – в руках у девушки была винтовка.

– Возьми лучше эту. – сказала она.

– Зачем? Я своим ружьём доволен.

– У тебя гладкостволка, она хороша для ближнего боя, чтобы рвать в клочья вражескую плоть, а это – дальнобойная винтовка, которая может достать противника с тысячи ша-

гов и пробить лёгкую броню. К тому же её патроны не боятся сырости.

Вот так. Ай да нелюбительница охоты и убийства! Конечно, Стефан сразу припомнил, как Маранта рассказывала им всё это, но он засунул всю такую информацию куда-то на самое дно своей памяти за ненадобностью, а Ларни выходит, держала её поближе. Интересно зачем?

В результате он оставил себе и прежнее ружьё, и винтовку. Оба топора, засунул за пояс, от чего стал цепляться, за что попало, а при попытке сесть на стул потерпел полное фиаско, так как перестал гнуться в поясице.

Ларни выбрала себе лёгкий карабин и сумку для патронов, а потому двигалась свободно. Она не смеялась, глядя на брата, а что-то соображала, нахмутив лоб.

– Подожди! – сказала она, в конце концов, и исчезла в недрах магазина.

Вернулась она, ведя за ручки две большие сумки на колёсиках. Кроме того, у неё в руках были два заплечных мешка окрашенные в такой же цвет, как их одежда.

– Вот! – прокомментировала Ларни свои трофеи. – Лишнее можно сложить сюда. Ты же ещё инструменты хотел забрать.

Оружейный магазин Стефан покидал неохотно. Там была масса всяких соблазнов, вроде целой горы блестящих ножей, но всего, что хотелось бы взять, не вмещала никакая сумка. И, тем не менее, сумки были набиты до отказа, так, что ед-

ва выдерживали колёсики. В своей беспечности оба приключенца забыли, что им предстояло тащить на себе этот груз не только по городу, а через поле, а затем через лес, не говоря уже о спуске в каньон.

Однако едва ли не самая важная из их проблем так и не была решена – они по-прежнему были голодны. Вот тут-то и подвернулся "Палаццо", точнее не он сам, а его сад.

В ветвях деревьев этого сада, давно забывших руки садовника, опытный взгляд охотника различил немало птиц пригодных в пищу. Сам дворец был избран местом для ночлега, причём главным критерием явилась не красота этого здания и не его богатое внутреннее убранство, а пустота, как анфиладных комнат, так и отдельных покоев.

Единственный скелет здесь нашёлся не в доме, а неподалёку от главных ворот, в траве, весь проросший насквозь сорняками, в которые превратились некогда посаженные повсюду цветы. Судя потому, что он держал в руке совершенно заржавленное ружьё, это был охранник.

Отменно поужинав жареными голубями, (в доме нашлась кухня со всем набором посуды и плитой, которую можно было топить дровами), путешественники улеглись спать в роскошных апартаментах. Памятуя, чем закончился их предыдущий ночлег, Стефан, как мог, забаррикадировал все двери и зарядил всё оружие.

Правда если сюда явятся колючие шары, то от ружей будет мало толку, но на этот случай у него была припасена большая

фляга с горючей жидкостью, которую он нашёл здесь в доме. Такую жидкость делали у них в посёлке из остатков овощей и фруктов, сброженных особым способом и пропущенных через хитроумное устройство, где из мутной, дурно пахнущей браги, по капле получалась вот эта самая адская вода. Она легко воспламенялась и помогала от самых разных болезней, если пить по капле. Но если человек выпивал её сверх меры, то он становился либо весел, либо буен и драчлив, а ещё, глупел на глазах. А потому священник категорически запрещал её пить, кому бы то ни было. Охотники слушались, а сам Стефан только по запаху знал запретную жидкость.

Парню вдруг захотелось их всех увидеть прямо сейчас. И отца, и Маранту, и Руфуса, и священника и всех соседей, с которыми он дружил, и даже тех, кого недолюбливал.

Он проглотил комок, подступивший к горлу и оглянулся на Ларни, спавшую в кровати под балдахином таким же сном человека с чистой совестью, каким она спала у костра, завернувшись в плащ. Сам он поместился на узком, не слишком удобном диване рядом.

Сейчас бы он не за что не согласился залезть к ней под одеяло и прижаться к тёплому нежному телу... Не согласился бы, потому, что не был в себе уверен. Он боялся, что может не справиться с собой и оскорбить чистый девичий покой, разрушить то, чем он дорожил больше всего на свете – их дружбу. Ведь тогда этот мир рухнет и всё вокруг потеряет смысл. Нет, он не посмеет тронуть Ларни, он выведет её

из этого удивительного, но страшного места и вернёт домой такой же, какой она вышла оттуда!

С этими мыслями Стефан долго лежал без сна, прислушиваясь к ночным шорохам и глядя, как подрагивает огонёк свечи, которую они решили не гасить на ночь.

.....
Змеёж свернулся в кольцо на крыше, словно был частью замысловатых лепных украшений, которыми изобилывал этот дом. Несколько раз он порывался спуститься вниз и покончить с этими двумя, просто укусив их спящими. Но что-то удерживало его.

Змеёж чувствовал, что, благодаря этим людям, он начинает меняться сам, но хорошо ли это или нет, ему пока было неизвестно. Испытывать разные чувства было приятно, хоть он и не был уверен, что они принесут ему пользу.

Людей, по крайней мере, чувства делали слабыми. Пусть это было не всегда, но довольно часто. А могут ли чувства придавать силу? Может быть да, а может, и нет. Это стоило бы проверить, а сделать это было проще всего, наблюдая вот за этими людьми.

Хотя бы, поэтому он не будет их убивать. Сам не будет. Что же касается других монстров, то он уже сообщил многим о местонахождении врага, и теперь нападение было только делом времени.

Вдруг Змеёж выпрямился, от чего чуть не свалился с крыши. Со стороны поля, (а точнее пустыря, который когда-то

собирались застроить новыми кварталами, да так и не успели), к городу приближались ещё двое людей. Сообщение пришло от мелких монстров, которых люди называли комарами и считали частью своего мира, в то время, как они были созданы роду человеческому на погибель.

Нет, ну это уже наглость! После стольких лет, похоже, люди решили повалить сюда толпами!

Так, понятно. Эти двое, спящие там внизу, пусть отдыхают. Он займётся ими потом, а сейчас прощупает новоприбывших и понаблюдает за ними. Для начала должно хватить сотен двух зомбаков, а там увидим, как получится!

.....
Их не попытались ни убить, ни сожрать, ни ночью, ни утром. Когда Стефан проснулся, то увидел, что солнце светит вовсю, свечка погашена, Ларни в кровати нет, зато со стороны кухни доносится звон посуды, а в воздухе разлит такой вкусный запах, что ни о каком сне уже не может быть и речи.

Выяснилось, что рядом с Палаццо в саду нашёлся крохотный огородик, где Ларни удалось набрать одичавших овощей. Теперь она трудилась над кастрюлей, от коей исходил тот дивный аромат, который привёл сюда Стефана.

Если кто и скажет, что-нибудь против супа на завтрак, то пусть этот сноб останется при своём мнении. Проголодавшаяся молодёжь этими предрассудками не страдала, и суп был принят "на ура"!

Пора было собираться в обратную дорогу. Им хотелось поскорее домой, хоть и жаль было покидать гостеприимный Палаццо. Тем не менее, настал тот момент, когда они ступили за ворота этого дома, катя за собой нагруженные тележки.

Спокойно пройти удалось шагов пятнадцать – двадцать.

Ш-шпок!

Предмет, размером с детский кулак, ударился о мостовую прямо возле ног Стефана и отскочил прочь. На дорожном покрытии осталось влажное пятно и небольшая выбоинка.

Ш-шпок! Шпок-шпок! Ж-ж-ж!

Что-то похожее на шмеля, пролетело над самым ухом Ларни, слегка задев плечо.

– Какого... – начал Стефан и тут же отпрыгнул в сторону.

Следующий снаряд, прилетевший сверху, мог попасть ему в живот, но вместо этого угодил в сумку на колёсиках, сбил её, как кеглю, от чего треть содержимого вылетела и живописно рассыпалась по мостовой.

– На крыше! – крикнула Ларни, и Стефан, наконец, увидел обстрелявшее их существо.

Это была помесь жабы и воздушного шара, розового цвета, с тонкими обезьяньими лапами. Морда поражала своим гротескным человекоподобием, за исключением одной детали – нос представлял собой две соединённые трубы, торчащие вперёд на две ладони от основания, словно двустволка пушечного калибра. Монстр был размером с человека и сидел на крыше небольшого дома напротив Палаццо.

Ш-шпок!

Боль резко хлестнула Стефана по бедру, пройдясь, как нарочно по едва затянувшейся ране. Он оглянулся и увидел, что вторая такая же тварь просунула свою отвратительную морду сквозь решётку садовой ограды и целит им в спину.

Ружьё словно само прыгнуло в руки охотника, но едва он навёл его на монстра за садовой оградой, как в локоть левой руки ударило чем-то твёрдым, оружие мотнулось в сторону, и выстрел пропал даром. Рука сразу онемела и повисла, но Стефан тут же ощупал её и понял, что кость не раздроблена.

– Бежим! – крикнула Ларни и тут же выстрелила.

Монстр с крыши грузно шлёпнулся на мостовую и заморгал своими круглыми глазищами, словно в недоумении. Но эта победа принесла мало пользы – на место поверженной твари тут же вылезли две новых. Кроме того несколько таких же чудовищ показались из-за ближайших домов. И тогда Ларни и Стефан побежали, бросив в очередной раз свои пожитки.

По счастью эти монстры были те ещё стрелки-сморкальщики, а их выстрелы по силе были сравнимы с хорошими ударами палкой. Конечно, им было далеко до убойной силы винтовочной пули или заряда картечи из дробовика, но три-четыре таких "удачных" попадания могли сбить с ног, повредить кости. А попадание в голову стало бы фатальными.

Много позже приключенцы узнали, что "сморкачи" используют обычные камни – гальку или гравий, которые тща-

тельно подбирают по весу и размеру, заглатывают и хранят в специальном мешке, наподобие куриного зоба, а выстреливают из носа за счёт силы необычно развитых лёгких, занимающих почти весь объём туловища.

Ларни вдруг вскрикнула и присела от нестерпимой боли! Один из вымазанных слизью камней, попал ей в плечо. Стефан тоже остановился. Его рука почти прошла, и он снова мог держать оружие.

Но тут он увидел странную вещь – монстры, пробежав за ними немного, оставили попытки их догнать и вернулись к брошенным сумкам. Сейчас они были заняты тем, что вытряхивали их содержимое и с интересом рассматривали каждую вещь. Один из них достал большую прозрачную флягу со спиртом и рассматривал её с видом археолога обнаружившего редкий артефакт.

И тут Стефана осенило! Он положил на землю гладкостволку и снял винтовку с плеча. Больше всего он сейчас боялся, что недостаток опыта не даст ему сделать удачный выстрел, ведь попробовать новое оружие ещё так и не довелось.

Но, по-видимому, святой Габриель, покровитель стрелков, сегодня смотрел в его сторону благосклонно. Выстрел грянул, и пузатая бутылка разлетелась на множество осколков, обдав монстров вокруг себя потоками огненной воды. Твари шарахнулись во все стороны, но следующим выстрелом, пришедшимся по касательной в мостовую, Стефан выбил искру!..

Дюжина живых факелов заметалась по улице! Один из них вбежал в приземистое здание не похожее на жилой дом и оттуда спустя секунду грянул взрыв!

Земля ушла из-под ног незадачливых приключенцев, вокруг вздрогнули и зашатались дома, мостовая вспучилась и лопнула, выпустив, словно из жерла вулкана, огромный огненно-дымный шар! Стефан не стал размышлять над тем, что на самом деле произошло, а быстро закинул за спину своё оружие, подхватил Ларни на руки и побежал так, как никогда ещё в жизни не бегал!

Глава 23. Знакомые места

– Значит, где-то здесь вход в тот подземный дворец, о котором ты рассказывала?

– Нет, тогда мы подошли к городу с другой стороны. Там всё гораздо более разрушено, и я не уверена, что сейчас смогу быстро найти это место.

– Да мы туда и не пойдём. Это я просто так, любопытствую!

То, что здесь имелось много любопытного Маранта была совершенно согласна. Несмотря на то, что она уже бывала в этом городе, ей было тоже здесь интересно и любопытно, особенно в той его части, которую она видела только изда- лека.

Что же говорить о Михале, не знавшем ничего, кроме своего родного леса? Мужчина, заканчивавший пятый десяток жизни, бегал от одного "чуда" к другому, удивлялся и восхищался, как подросток. Он, то стоял, задрав голову возле очередного небоскрёба, то рассматривал более или менее уцелевший автомобиль так внимательно, будто собирался научиться им пользоваться.

Монстры им пока не попадались. Это было хорошо, а плохо было то, что след детей в городе сразу потерялся, словно смытый морским приливом. Маранта, однако, не отчаивалась, она просто пыталась поставить себя на место дочери.

Поскольку из этих двоих, (детей, то есть), ведущей всегда была Ларни, значит надо искать то, что могло привлечь внимание этой егозы. Дело было не таким простым, как казалось. В незнакомом месте этот приём мог не сработать или завести Бог знает куда, где Ларни вовсе не было. Поэтому Маранта старалась прежде всего придерживаться того направления, где был виден дым от пожара, теперь поблекший и уже не такой страшный, как в начале.

Это было непросто, так как прямых путей в этом городе не было. Завалы и заторы на дорогах соперничали здесь с наполовину обрушившимися зданиями, готовыми погрести под своими обломками неосторожного путника. Чтобы идти вперёд, часто приходилось сворачивать вбок, а иногда и вообще двигаться в противоположном направлении.

Поэтому Маранта и Михал, сами того не зная, пробирались тем же путём, по которому недавно прошли их дети. Нет ничего удивительного в том, что вскоре они оказались перед витриной того же самого магазина, где уже побывали Ларни и Стефан.

– Здесь кто-то помародёрствовал. – сказала Маранта через пару минут после того, как за ними закрылись стеклянные двери.

– Может, это ещё тогда было сделано? Может это кто-то из выживших жителей? – предположил Михал.

– Нет, здесь никто не выжил, они все сразу умерли. И никто не приходил в этот город в течении многих лет. но вот

эта пыль стёрта дня два назад, не более, значит кто-то здесь был непосредственно перед нами.

По-видимому, Маранта была специалистом в области пыли, но всё равно осторожный Михал высказал сомнение:

– Ты думаешь, это они?

– Почти уверена в этом. Но если хочешь, посмотрим, что отсюда забрали?

По большей части магазин стоял не тронутым. Не тронутыми были куски мыла и ткани – огромная ценность в городах знакомых Маранте. Остались неприкосновенными бутылки со спиртным. Никто не покусился на золотые и серебряные украшения, тускло поблёскивающие за пыльными стёклами.

Зато место, где помещались столярные, слесарные и прочие инструменты, подверглось частичному разграблению, и теперь оттуда были слышны радостные возгласы Михала, продолжившего это достойное дело. Швейные принадлежности тоже не были обойдены вниманием. Несмотря на то, что Ларни была бесёнком, по сути она всё же оставалась девочкой и любила шить.

– Да, это были они! – сказала Маранта с уверенностью.

Маранта и сама с удовольствием прихватила бы что-нибудь из швейных сокровищ. Она вожаденно поглядела на нитки и вязальные крючки, а также горы пуговиц, но потом решила, что не стоит обременять себя лишним грузом посреди похода и взяла только маленькие изящные ножницы в

чехольчике из неполного набора.

Оглянувшись на Михала, она поняла, что видит перед собой навьюченного верблюда, который едва мог двигаться. Она хотела было ему об этом сказать, но в это время карман мужниной куртки лопнул, и оттуда с грохотом посыпались гвозди. Они прибавились к тем, что уже валялись в этом месте, как свидетельство того, что история повторяется. Михал всё понял без лишних слов.

– Мы заберём это на обратном пути, – сказал он, выгружая свои трофеи на стол, где уже лежало немало разных инструментов.

Немного подумав, он всё же оставил себе большой складной нож, который засунул за голенище сапога. Теперь им ничего не оставалось, как отправляться дальше, куда глаза глядят.

Глава 24. Инци

Прежде всего, ему надо было удержаться на ногах. Земля всё время грозила уйти из-под них, то проваливаясь, то вспучиваясь неожиданными буграми. К тому же сверху постоянно что-то падало – куски штукатурки, обломки оконных рам, отдельные кирпичи и целые блоки.

Благо всё это продолжалось недолго. Взрывов больше не было, и наконец-то мёртвый город, оказавшийся на удивление хрупким, перестал разваливаться вокруг не слишком удачливых посетителей.

Ларни оправилась от боли в ушибленной руке и попросила поставить её на землю. Её лицо всё ещё было бледным, а в глазах стояли злые слёзы, но девушка уже могла держаться на ногах, хоть всё ещё морщилась и не переставала ошупывать повреждённую руку. Слава Инци – кости у обоих заключенцев были целы, хотя, как это выяснилось впоследствии, оба были все в синяках от попаданий снарядов, выпущенных сморкачами.

Оглянувшись, Ларни и Стефан поняли, что вместо того, чтобы приблизиться к окраине города, они углубились в лабиринт его улиц, петляющих между домов, не таких высоких, зато плотно стоящих друг к другу.

Итак, они снова остались без припасов, хотя по сравнению с прошлым разом потери были не так велики – оба были

одеты и вооружены, с карманами полными патронов. Теперь они шли по городу не так беззаботно, как вначале, винтовки держали в руках, прислушивались к каждому шороху, приглядывались к каждой тени.

Монстры больше не показывались, но они могли быть где угодно. Судя по тому, что эти твари не только с лёгкостью находили людей, но и ухитрялись напасть неожиданно, за путешественниками следили, не упуская из вида ни на миг.

Это было, наверное, хуже, чем видеть врага воочию, а потому нет ничего удивительного в том, что в один прекрасный момент нервы Стефана не выдержали, и он дважды выстрелил в подозрительно шевельнувшийся куст. Оттуда выскочила перепуганная, но совершенно невредимая крыса, которая тут же скрылась в подвале ближайшего дома.

Ларни ничего ему на это не сказала, только усмехнулась, но сама чуть не проделала то же самое, когда увидела в витрине небольшого магазинчика облезлый манекен.

Город теперь не манил своими чудесами и загадочностью. Он пугал, отвращал, отказывался быть приветливым с чужаками. Сейчас им больше всего хотелось выбраться из этого молчаливого, смертоносного каменного лабиринта, пусть не в родной лес, но хотя бы в поле, где всё было гораздо ближе и понятнее.

Возможно, по всему, поэтому они не поверили своим глазам, когда встретили здесь человека. Его появление оказалось более неожиданным, чем появление, какого-нибудь но-

вого монстра.

Пара собиралась перейти через небольшую площадь на которой почему-то не было столкнувшихся машин, зато она по краям была обсажена кустами, частично засохшими, а частично разросшимися до бесформенного состояния. Всё внимание Ларни и Стефана было приковано к этим кустам, а также к окнам и крышам домов. Из-за этого они не сразу заметили высокую фигуру, идущую навстречу.

Незнакомец тоже, казалось, не видел их. Его глаза были полуприкрыты, он ни единым жестом не показал, что видит тех по направлению к кому он идёт. Он шёл, будто во сне, может быть, даже так оно и было, но при этом он ни разу не споткнулся и не налетел ни на одно препятствие.

От неожиданности Стефан вскинул ружьё, хоть до этого ни разу не направлял оружие в сторону человека, но ладонь Ларни легла на ствол винтовки сверху и заставила опустить оружие к земле.

– Инци?! – вдруг спросила Ларни, глядя во все глаза на незнакомца. – Инци, это ты? Ведь ты же Инци!

Незнакомец вздрогнул и остановился. Он с удивлением заморгал глазами и поглядел на Ларни, как человек, внезапно пробудившийся ото сна. Вдруг колени его подогнулись, и он упал бы, если б Ларни не подскочила к нему и не помогла устоять, перекинув его руку себе через голову. Стефан тут же бросился ей помогать и вместе они подтащили этого человека к одной из уцелевших скамеек на краю площади.

Здесь они, наконец, смогли разглядеть незнакомца получше. Это был мужчина лет тридцати – тридцати-пяти, одного роста со Стефаном, но гораздо более худой, можно сказать измождённый. Из-за своего болезненного вида он казался старше чем, по-видимому, был на самом деле. Это впечатление усиливали длинные с проседью волосы, спускавшиеся ниже плеч и такая же с проседью борода не слишком длинная, но всё же доходившая до середины груди.

Его одежда, сделанная из лёгкой ткани, ниспадала складками от шеи до щиколоток, так что создавалось впечатление, что он просто завёрнут в материю, хотя на поверку это было вовсе не так. Обувь незнакомца составляли стоптанные сандалии, примотанные к ногам длинными ремешками. Подобные носил священник, но у него ремешки были покороче.

И тут Стефан понял, почему Ларни назвала этого человека "Инци". Дело было даже не в том, что он был похож на бронзовое изображение распятого на кресте, которому молился священник. Дело было в его руках и ногах, точнее в сквозных ранах, зияющих на ступнях и ладонях. Они были нанесены недавно, но уже не кровоточили, а сочились сукровицей.

– Инци! – повторяла Ларни. – Очнись, Инци! Открой глаза! Что случилось? Тебя снова распяли?

Наверно благодаря звукам её голоса незнакомец, наконец, открыл глаза и недоумённо посмотрел на два лица, склонившихся над ним.

– Кто ты, дитя? – спросил он, остановив взгляд на Ларни. – И кто твой спутник?

– Я, Стефан, сын Михала-охотника! – ответил за неё юноша, в душе которого шевельнулось странное недоброе предчувствие. – А она – Ларни, дочь Маранты-воительницы и моя сестра!

– Так ты – девочка? – вновь спросил незнакомец, глядя только на Ларни.

Девушка вдруг залилась краской и поспешила отвести взгляд. Удивительно! Ведь смутить Ларни до сих пор не удавалось никому!

Стефану этот незнакомец начинал смутно не нравиться, но он решил оставаться вежливым, тем более, что тот был ранен, а потому спросил:

– Позвольте узнать ваше имя, почтенный?

– Я... Я не помню! – ответил незнакомец, и на его лице отразилось крайнее изумление.

– Инци! Инци! Стефан, ты что, не узнаёшь его? Это же Инци! Так его и зовут! – воскликнула Ларни с каким-то иступлённым убеждением.

– Дитя... Ларни, почему ты называешь меня этим странным именем? – спросил незнакомец.

– Но... Я ведь всегда так тебя называла, с самого детства! Разве ты не помнишь, Инци?

– Не помню, – грустно ответил незнакомец. – И тебя не помню, и себя...

– А откуда у вас эти раны? – снова спросил Стефан.

Незнакомец уставился на свои руки, словно в первый раз их увидел. Потом он тяжело вздохнул и покачал головой.

– Но как же так, Инци? – не унималась Ларни. – Все же знают эту историю! Тебя распя...

– Ларни! – оборвал её Стефан. – Неужели ты не понимаешь, что это не он?

– Но как же?..

– Послушайте! – вмешался в их спор незнакомец. – Я вижу, что меня принимают за кого-то ещё, кого я не знаю. Или я забыл слишком много, но я действительно совершенно не помню ни себя, ни то, что со мной случилось. Поэтому, если вам удобно, то можете называть меня "Инци", так-как это имя не хуже других.

Стефан воздел очи к небу, а Ларни даже в ладоши захлопала от радости. Вскоре раны незнакомца были обработаны и перевязаны с такой заботой, что Стефан пожалел, что они принадлежат не ему.

Инци оказался очень покладистым человеком, умным и приятным собеседником. Стефан поймал себя на том, что сам теперь его так называет и, что странно было бы называть его другим именем.

Ларни порхала, как птичка и казалась очень счастливой. Стефан наоборот мрачнел всё больше и больше. Лучше бы они этого Инци не встречали! Ну что им, (или ему), стоило пойти по какой-нибудь другой улице? Возможно, при иных

обстоятельствах он был бы рад такому знакомству, так-как любил общество интересных и умных людей, но теперь...

Теперь он понял, что Ларни не смотрит больше в его сторону. Да и зачем ей смотреть на него, Стефана, если этот Инци без умолку что-то рассказывает ей про город? (Себя забыл, а про город знает всё, как будто жил в нём долгие годы и присутствовал при его разрушении!) Вот он остановился перед тем, что на взгляд Стефана было ни чем иным, как кучей мусора.

– Знаете ли, что это такое, друзья мои?

Ларни и Стефан одновременно пожали плечами, только Стефан заметил среди хаоса проржавевшего каркаса и обрывков ткани, нечто похожее на колёса размером с суповую тарелку.

– Перед нами то, что осталось от детской коляски, – грустно улыбнувшись, сказал Инци.

– Детской чего? – не поняла Ларни.

– Коляска, это тележка такая, лёгенькая. Туда клали младенца, чтобы с ним было легче гулять.

– Странно. Зачем же ребёнка класть в тележку? Его же всего растрясёт! Хотя здесь дороги ровные, не то, что у нас, – рассуждала Ларни.

– Так он был там? – спросил Стефан. – Ну... когда *это* случилось?

Инци кивнул. Стефану стало не по себе, и он поспешил отвернуться от того, что осталось от "коляски".

– Жалко! – сказала Ларни и её лицо вдруг как-то сразу потемнело.

– Жалко, – подтвердил Инци, – но он не успел нагрешить, и теперь его душа среди спасённых.

– Всё равно жалко! – настаивала Ларни. – Может он стал бы очень хорошим человеком и всё равно попал бы в рай, но тогда у него была бы целая жизнь на Земле!

– Ты очень доброе дитя, Ларни! – усмехнулся Инци. – К сожалению, судьба действительно хороших людей редко бывает счастливой, а жизнь долгой.

– Да, я слышала. Но так бывает там, где люди подчиняются злым правителям и живут, чтобы собирать какие-то деньги. Так нам говорил священник, но у нас в Междустенье, расположенном в самом центре Божьей горсти, много хороших людей, жизнь которых полна счастья!

Ларни говорила горячо и сейчас удивила не только Инци, но и Стефана, который знал, как она всегда рвалась за пределы этой самой Божьей горсти.

– Я очень хотел бы побывать у вас в Междустенье, – сказал Инци задумчиво. – А ведь то, что вы называете "Божьей горстью", окружающие народы, помнится, называли "Каньон чудовищ" или "Ямой смерти"...

– Мы обязательно возьмём тебя с собой! – воскликнула Ларни, а Стефан скрипнул зубами и мысленно чертыхнулся.

– Чтобы туда попасть, – буркнул он, – надо выйти из города, а мы заблудились. К тому же тот путь, по которому мы

шли, отрезан: там что-то взорвалось, и мы еле спаслись.

– Ну, это не беда! – возразил Инци. – Из города есть не один выход. Я провожу вас, ведь город я знаю... точнее знал, хорошо... В те времена, когда он был живым.

Стефан вытаращил на него глаза. Этот человек либо врал, либо был сумасшедшим. Конечно, Стефан не верил, что перед ним настоящий Инци. Правда именно таким он его себе и представлял. К тому же эти раны... Но ведь Инци был Богом, а этот по всем признакам – человек. К тому же, как это Бог может потерять память?

Их спутник перехватил взгляд Стефана и понял, о чём он думает.

– Я вижу, ты хочешь спросить меня, как это возможно? – сказал он, обращаясь к молодому охотнику. – Могу лишь повторить, что сам ничего не понимаю. Пока не понимаю, но возможно пойму потом. То есть, обязательно пойму! Я помню этот мир, многое могу рассказать о нём, но моя память о себе начинается со встречи с вами.

Ларни ахнула.

– Неужели ты не помнишь, как приходил на Землю много-много лет назад, как проповедовал добро и учил людей правильной жизни? А что у тебя было много учеников, и один из них продал тебя злодеям, тоже не помнишь?

– А что сделали злодеи? – тихо спросил Инци.

– Они приколотили тебя гвоздями к деревянному кресту и держали на солнце, пока ты не умер... Ой! Но ты не бойся,

ведь ты опять стал живым через несколько дней!..

– Мне кажется, я когда-то слышал эту историю. Когда-то давно.

"У него ноги пробиты, – вдруг подумал Стефан, – а он идёт и не хромает. Конечно, Ларни перевязала его, но не может же он совсем не чувствовать боль?"

– Что это?

Ларни вдруг остановилась, и Стефан чуть не налетел на неё. Они стояли перед зданием, которое отличалось от всех остальных. Оно не было выше небоскрёбов, виденных ими недавно, наоборот было намного меньше любого из них, но возвышалось над обычными домами. Однако не это выделяло его среди других зданий.

Здесь все дома были примерно одинаковой архитектуры – многоэтажные, квадратного или прямоугольного сечения. Это же здание напоминало гигантский наконечник стрелы, острым концом указывающий в небо. Кроме того, оно имело множество окон, тоже заострённых кверху. Такой же формы были и его двери, большие и маленькие, а многочисленные пристройки и башенки в целом повторяли форму главного здания.

– Это церковь? Это твой дом, Инци? – спросила Ларни.

– Нет, это не мой дом. – ответил Инци, покачав головой. – Но это – церковь. С определённой точки зрения. Посмотри, в чём ты видишь разницу между привычной тебе церковью и этой?

Ларни присмотрелась. Вроде всё было так же, как у них в крепости, за исключением того, что эта церковь была раз в пять больше. И тут она обратила внимание на шпиль. Шпиль на башенке их церкви был прямым, как луч света, а здесь он разделялся на три и был похож на зазубренную острогу, только очень большого размера.

– Запомни это немаловажное отличие, – многозначительно сказал Инци. – А теперь, пойдёмте внутрь и посмотрим на того, чей это дом на самом деле!

И они вошли в приоткрытые двери. Внутри царил полумрак, но неяркий свет, проникавший через цветные стёкла, позволял разглядеть обстановку и убранство храма. И то, и другое хорошо сохранилось, и, несмотря на толстый слой пыли, выстилавшей всё вокруг, сверкало роскошью и изяществом.

Путешественники узнали ровные ряды длинных скамей и возвышение алтаря, но там, за алтарём, где в их церкви помещался деревянный крест с бронзовым Инци, здесь находилась статуя.

Это было изображение человека, (или человекоподобного существа), сидящего на троне. Истукан был высотой не менее трёх человеческих ростов, и стоял на широком постаменте, достигающим примерно до пояса взрослого мужчины.

Фигура сидела на роскошном троне, сделанном из чистого золота. Длинная, ниспадающая одежда, бывшая на нём, тоже была золотой, но её почти не было видно из-за драгоценных

самоцветов, сплошь покрывающих её поверхность.

Тело статуи было искусно собрано из полудрагоценных камней, разных пород и оттенков, цвета которых были подобраны таким образом, что создавалось впечатление живой плоти с тёмной, но не чёрной кожей. Чёрными были короткие, выющиеся кольцами волосы из которых торчали обсидиановые рога, козлиной формы.

Обсидиановыми были также копыта, бывшие у существа вместо ступней, и видневшиеся из под нижнего края одежды. Правое копыто стояло на... деревянном распятии, лежащем на постаменте и как бы поверженном, точно таком же, как то, что принёс в Междустенье, много лет назад, священник. (Ларни вдруг припомнила, что на груди их бронзового Инци виднелся слабый след, будто в этом месте надавили чем-то большим и полукруглым.)

В одной руке существо держало книгу на обложке, которой красовался, какой-то сложный знак, состоящий из пятиконечной звезды, окружённой переплетением разных геометрических фигур и непонятных букв. В другой было зажато странное оружие, представляющее собой толи меч, толи кинжал с тремя клинками, выходящими из общего основания и снабжённого рукоятью, рассчитанную для двух рук. Вроде той "остроги", которая венчала здание сверху.

Руки, державшие книгу и чудную "острогу", были снабжены обсидиановыми когтями, наподобие птичьих, острых и загнутых. Лицо существа сочетало, как человеческие черты,

так и звериные, но скульптор постарался сделать последние настолько неуловимыми, что трудно было с точностью сказать, что именно здесь взято от животного.

Оно было бы даже красивым, это горбоносое, украшенное изящной чёрной бородкой лицо, если бы не жутковатая улыбка тонких жестоких губ и жестокое выражение пронзительных глаз, в зрачки которых были вставлены крупные ярко-синие сапфиры.

– Это Рогатый бог? – спросила Ларни, а Стефан поймал себя на том, что держит винтовку наготове.

– Да, это он. – ответил Инци. – Таким его представляли те, кто ему поклонялся.

– А на самом деле он, что, другой?

– Совершенно другой. Никаких копыт и когтей. А рога... Рога действительно были, как знак высшей мудрости, полученный когда-то в дар от Создателя. Между прочим, эти рога не всегда были видны, точнее он не часто их показывал.

– Они, что, могли убираться внутрь? – спросил Стефан с насмешкой.

– Нет, конечно! Просто они вовсе не твёрдые и не растут из головы, как у животных, а представляют собой два луча света, как бы изогнутых и обнимающих невидимый диск.

– Ты говоришь так, словно был с ним знаком! – съязвил Стефан.

Инци промолчал, а Ларни повернулась к алтарю и провела по нему рукой, стирая пыль.

– Ой!

Девушка удивлённо смотрела на изображение, открывшееся на поверхности этого, похожего на стол, сооружения. Стефан тоже взглянул и вздрогнул, даже слегка отпрянув от увиденного.

На гладкой мраморной "столешнице", с помощью тех же цветных камней, с огромным искусством была выполнена инкрустация, изображающая младенца с ангельским личиком и... перерезанным горлом! Выражение детского лица было счастливым и блаженным. Голубые глаза излучали спокойствие, а на розовых губах играла милая улыбка.

Изображение было настолько натуралистичным и выразительным, что Ларни невольно взглянула на свою руку, не осталось ли на ней крови, которая, как бы забрызгала поверхность алтаря. На самом деле это был заполированный вровень с поверхностью красный камень, совершенно не отличимый на ощупь, но выделяющийся ярко-красными брызгами на белоснежном фоне.

– Когда-то, – пояснил Инци, – в жертву Рогатому приносили людей. Годился на это любой человек, но предпочтение отдавалось детям и невинным девушкам. Позднее культ несколько смягчился, и людей заменили животные – кошки, кролики, цыплята, голуби, но и это ушло в прошлое. Поклонение перешло в стадию повседневной обыденности, когда люди лишь отдают дань традиции, не задумываясь о смысле проводимых ритуалов. И тогда прихожане стали приносить

на такие алтари еду – фрукты, конфеты, выпечку. Однако изначальная традиция не была забыта, что отразилось в этом изображении на самом алтаре.

– Значит, людей здесь не убивали, когда этот город был жив? – спросила Ларни, которую почему-то очень интересовал этот вопрос.

– Здесь нет, – ответил Инци. – В те времена это было уже запрещено законом. Но ведь это же не единственный храм Рогатого. Всегда было у него множество таких почитателей, которые считали, что отступление от древних традиций, это предательство по отношению к их кумиру. Они устраивали себе тайные капища, не такие роскошные, но зато подальше от города, и там совершали свои кровавые ритуалы. Власти, конечно, всё знали, но предпочитали делать вид, что ничего особенного не происходит.

– Значит он и вправду бог зла, раз ему нужны такие жертвы!

– Да, он покровитель, но не бог зла, хоть человечество никак не может уяснить для себя, что именно является добром, а что злом, ибо эти понятия часто меняются местами. Что же касается жертвоприношений, то ему до них нет никакого дела, будь то зарезанные младенцы или высыпанные на алтарь сладости. Так что те, кто столетиями проливал кровь, стараясь угодить Рогатому, делали это совершенно напрасно. Ему эти жертвы не только не были угодны, но ещё и показывали глупость служителей его культа, а он никогда не любил ду-

раков и предпочитал скорее иметь дело с негодяями, чем с глупцами.

– Пойдёмте отсюда! – воскликнула Ларни и, не встретив возражений, направилась к выходу.

– Инци, а почему ты сказал, что он не бог, а просто покровитель зла? – спросила она, когда все вышли на улицу.

– Потому что Бог в мире только один. Он создал этот мир таким, каков он есть и создал всё и всех, кто в этом мире находится.

– И Рогатого?

– Да, и его тоже. Мало того, он долго считал его одним из самых совершенных своих творений.

– Почему это?

– Потому, что это существо всегда обладало силой подобной силе самого Бога, кроме одного свойства – он, Рогатый, не может творить, не способен из *ничего* сделать *нечто*. Но и той силы, что была ему дана, хватило для того, чтобы он возгордился и захотел быть во всём первым. Но и этого ему было мало. Возомнив себя равным Богу, он пожелал для себя единоличной власти над миром и всеобщего поклонения, как единственной Силе во Вселенной. Тогда он поднял восстание среди таких же, как он сам священных созданий своего отца, чтобы свергнуть его с небесного трона. Он совратил с пути истинного множество ангелов и собрал из них огромное войско, но в решающей битве это войско было разбито и все они были низвергнуты в иной мир, который теперь назы-

вается Адом. Этот мир стал для них местом заточения, там они пребывают, и по сей день.

– А как же ты, Инци? Разве ты не Бог Добра?

В ответ на это их новый знакомый рассмеялся.

– Посмотри на меня! Разве я похож на Бога? Я человек из плоти и крови, как и ты, дитя, как и твой спутник. А Бог, как я уже говорил, есть только один. Как бы ни были велики и могущественны любые существа в этом мире, они не могут быть богами и так называть их неправильно, даже если они во много раз сильнее и совершеннее людей.

– А такие бывают?

– Раньше были, сейчас не знаю.

– А как они назывались?

– Их было много разных. Самые известные звались атлантами, другие титанами, а ещё были асы, лемурийцы, муниты. Все они были человекоподобны, но намного крупнее и выше. А ещё, эти существа обладали высокой мудростью, древней культурой, глубокими знаниями и такими способностями о которых людям приходится только мечтать. И все они исчезли с лица Земли вместе со своими летающими городами, равно как и плавающими, и стоящими на твёрдой почве. Не помогли им ни достижения их науки, ни мудрость, накопленная в течение бесчисленных поколений.

Стефан давно уже слушал их разговор вполуха. Кажется, Инци рассказывал, что-то интересное, но сейчас ему, Стефану, было до этого мало дела. Его бесило, что Ларни бук-

важно смотрит в рот этому проходимцу, будь он неладен! Юный охотник обогнал своих спутников и теперь шёл впереди. Шёл и злился! Злясь, он бросил взгляд через плечо и вдруг остолбенел!

Он понял, что у Инци и Ларни совершенно одинаковые глаза, разве что у девушки они были синие, а у её собеседника скорее голубые, но и те и другие, как будто светились, каким-то одинаковым светом. А ещё они почему-то напомнили ему глаза статуи Рогатого, которую они только что видели в храме. И, хоть в глазах обоих собеседников не было и тени жестокости, которую излучал взгляд той страшной статуи, сходство было налицо, но что это значило, оставалось неясным.

Заглядевшись, Стефан не заметил препятствия, споткнулся и растянулся во весь рост, опрокинув по дороге насквозь проржавевшую урну.

– Ты чего это?

– Ты не ушибся?

Эти вопросы были заданы одновременно, в то время, как четыре руки подняли его и поставили на ноги. Вместо благодарности Стефан буркнул, что-то невразумительное и зашагал, вперёд, не оборачиваясь.

Впрочем, шёл он недолго. Через несколько десятков шагов улица свернула направо, и тут путешественники оказались перед непроходимым завалом из домов, рухнувших, как фишки домино.

– Ну что, пришли? – съязвил Стефан.

– Может, есть обход? – предположила Ларни.

– Слишком долго. – отозвался Инци. – Пройдём здесь.

При этом он указал на один из тех больших прямоугольных провалов с лестницей уходящей вниз, в темноту.

Глава 25. Снова по следу

Гора издавала такие горестные стоны, что они могли разжалобить кого угодно. Михал отважился приблизиться к этой вздрагивающей массе, но когда до монстра оставалось всего пять шагов, всхлипывания прекратились, и огромный кулак вдруг выстрелил в его сторону, так, что охотник едва успел отскочить.

Некоторое время циклоп бушевал, размахивая ручищами и беспорядочно обрушивая их на землю. Потом он затих и снова уселся, обхватив свою уродливую голову и, что-то ворча, спрятал лицо в коленях.

Это не заняло много времени, однако Маранта успела рассмотреть пустую окровавленную глазницу – сплошную рану посреди его низкого лба. Неужели это снова дети постарались? Если так, то они либо очень большие везунчики, либо намного сильнее, чем она о них думала.

Некоторое время Маранта решала, не стоит ли прекратить бессмысленные страдания чудовища, но потом подумала, что это дорого может им с мужем обойтись и предоставила циклопа его участи.

Следующая находка повергла их в уныние, если не сказать в ужас. Маранта сама не знала, что именно заставило её зайти в этот жуткий в своей безобразной громадности дом. Что ей, что Михалу было здесь совершенно не уютно, хоть

циклопическое строение будило их природное любопытство своими размерами и необыкновенной формой.

Как только они вошли, первое, что она увидела, это был сапог Стефана. То, что это был именно его сапог, Маранта не сомневалась, так-как принимала участие в его создании. Но в каком он был виде! Подошва выглядела так, будто она ходила лет десять по камням. Голенище было всё в дырах, причём некоторые были прожжены чем-то вроде кислоты, а другие оказались проколами от толстых игл, либо тонкого шила.

Через дюжину шагов нашёлся брат-близнец этого сапога в таком же плачевном состоянии, а ещё шагов через пятнадцать валялась вся остальная одежда, страшно изорванная и забрызганная какой-то зеленоватой слизью.

Так, это одежда Стефана, а где в таком случае одежда Ларни? Может она её не снимала? Кстати, причина, по которой Стефан оказался вдруг без одежды, нашлась сразу – тут же рядом находился переполненный водой фонтан.

Значит, здесь они купались, (то, что Ларни полезет в воду, есть рядом с ней Стефан или нет, Маранта не сомневалась), а потом случилось нечто такое, что заставило их спасаться бегством, бросив свои вещи на произвол судьбы.

Тут взгляд Маранты упал на скомканную тряпку лежащую поодаль. Подняв её, она поняла, что это простынь продырявленная посередине. Так вот, что служило одеждой сумасшедшей девчонке! А где же её сарафанчик? Наверно погиб

во время путешествия, так что пришлось импровизировать с добытой где-то простынёй. (Эге! Но поспешных выводов делать не будем.)

– Мара!

Маранта подняла голову и увидела совершенно круглые глаза Михала.

– Они умерли, да? – спросил он, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

– Не думаю, – как можно увереннее сказала воительница, хоть сама она такой уверенности не чувствовала. – Как видишь, здесь нет ни одного пятнышка крови, ни на одежде, ни на полу. Значит, наша парочка сбежала отсюда нагишом. Нда... Судя по тому, как они отделали циклопа, тут им встретился противник пострашнее.

В этот момент неподалёку от них раздался негромкий стрёкот. Маранта и Михал одновременно обернулись. В двух шагах от них на полу сидело существо похожее на шар, состоящий, казалось из одних иголок. В отличие от безобидного лесного ежа, эта тварь не имела мордочки, но рот у неё был! Он делил колючий шар практически на две половины, открывая кроваво-красную пасть, усеянную острыми зубами-иглами. Ни глаз, ни носа, ни конечностей, ни хвоста существо не имело, но каким-то образом ухитрилось двигаться и делало это быстро.

Люди не успели сказать друг другу даже слово, как вдруг

тварь резко подпрыгнула, одним скачком покрыв расстояние в двадцать раз превышающее собственные размеры! Подпрыгнула и... распалась на две половинки, встретившись в воздухе с клинком Маранты!

– Не прикасайся! – воскликнула воительница, увидев, что Михал сделал движение в сторону того, что осталось от мелкого монстра. – Его иглы ядовиты и врядли это слабый яд!

Михал отступил. Вдруг стрёкот повторился, причём он был усилен настолько многократно, словно они попали в гигантскую бочку наполненную цикадами.

– Бежим! – крикнула Маранта, схватила мужа за руку и, не теряя времени на разглядывание врага, выбежала вон из железобетонно-стеклянной ловушки.

Они бежали так, как не бегали смолоду! Бежали, будто за ними гнались все волки мира. Бежали, не оглядываясь, а в нескольких шагах за их спинами катилась, похожая на океанскую волну, стрекочущая и лязгающая зубами, колючая масса!

Глава 26. Новое тело стража

Змеёж был в шоке. Иным словом это чувство назвать было нельзя. А как ему ещё было реагировать? Пока одна пара людей почти полностью уничтожила целую армию зомбаков, двое других ухитрились взорвать отряд сморкачей, которые были из тех немногих монстров, что способны поразить противника на расстоянии.

Но этого мало! К одной из этих пар присоединился, неведомо откуда взявшийся третий! Какой-то странный третий... Если так пойдёт дальше, то город скоро наполнится людьми, как это было много лет назад. Тогда людей уничтожили одним ударом, а монстров, (кажется), выпустили для профилактики, чтобы зачистить предместья и проверить подвалы, где могли остаться уцелевшие. Несколько таких и впрямь были обнаружены и убиты в течение суток. Большая часть монстров разбрелась тогда в поисках новой добычи, но кое-кто остался, как это сделал тогда Змеёж.

Поэтому собственно монстров в городе и окрестностях было маловато, но ничего – он сможет, если надо, призвать их столько, что здесь ни одной норы, ни одной щели не останется, чтобы там не сидел монстр! Но для этого ему потребуется тело побольше, чем его собственное.

С такими мыслями Змеёж направился к парку, где всё ещё сидел покалеченный циклоп. Змеёж не испытывал к нему со-

страдания. Мало того – то, что он собирался сделать, должно было принести циклопу ещё большие муки.

Стараясь не слишком тревожить гиганта, который мог прихлопнуть его, как муху, Змеёж сначала поднялся по его руке на плечо, потом скользнул вверх по затылку и задержался, свившись кольцами на макушке. Здесь он помешкал немного – надо было прицелиться поточнее, ведь вторую попытку сделать уже не удастся!

Удача оказалась на его стороне – циклоп вдруг поднял голову и подставил пустую глазницу под прохладный ветерок. Змеёж молнией ринулся вниз и изо всех сил воткнул свой шипастый хвост туда, где по его расчётам должен был находиться глазной нерв гиганта!

Дикий вопль заставил дома содрогнуться, как от порыва урагана! Из окон ближайших строений вылетели стёкла, устоявшие ещё под напором времени. Циклоп лупил себя по лицу кулаками и ладонями, но Змеёж держался крепко, глубоко воткнув колючки в плоть, которую собирался подчинить.

И не только держался, он работал! Два полых шипа, выдвинутых из самого кончика хвоста, проникли как можно дальше вглубь глазного нерва циклопа, и сквозь них колючая тварь высунула свои нервные щупальца, соединённые с её собственным позвоночным столбом и...

Циклоп вдруг понял, что может видеть! Да не одним, а сразу двумя глазами! Кроме того он почувствовал, что поум-

нел, каким-то двойным разумом. Он ещё не решил хорошо это или плохо, но вдруг сообразил, что больше не чувствует боль!

Змеёж был поражён, как мало оказалось мозгов у этой горы мяса! Нда, он рассчитывал на большее. Даже зомбаки, оказывается, были умнее. Ну ладно! Сойдёт на некоторое время, а потом он подберёт себе нового носителя. А пока он удобно свернулся в глазнице гиганта и провёл там чистку, предварительно впрыснув в жилы циклопа сильное обезболивающее, чтобы не потерять это новое тело из-за обычного заражения.

Глава 27. Пустой кумир

Стефану отчаянно не хотелось снова лезть под землю, но Ларни "ободрила" его, сказав, что бояться нечего, ведь с ними Инци! Сам Инци утверждал, что внизу не опасней, чем наверху, зато там почти нет разрушений, а здесь у них есть риск запутаться в развалинах, которые к тому же могут рухнуть им на голову. И всё-таки Стефан готов был рискнуть и продолжить путешествие через руины, но Ларни уже побежала вперёд, разгоняя кромешную тьму светом своего факела.

Здесь было всё не так, как в том подземном хранилище боевых машин. Во-первых, они попали в сложный лабиринт ходов, переходов и лестниц, уходящих в головокружительную глубину. Лестниц взлетающих круто вверх, лестниц узких, расположенных по три – по четыре рядом, лестниц широких, на которых человек чувствовал себя потерянным, маленьким, как букашка...

Стефан в родном лесу мог найти дорогу, ориентируясь по листьям на деревьях, по форме муравейника, по мягкости почвы под ногами, а здесь он очень быстро потерял чувство направления и уже не смог бы выбраться назад без посторонней помощи.

Инци ориентировался по непонятным надписям на стенах и свисающих с потолка табличках из пыльного стекла, а

также по странным картам, где были изображены переплетающиеся разноцветные линии, от чего вся картинка напоминала большого помятого паука.

Ларни беспечно бегала от одного непонятого предмета к другому и засыпала Инци вопросами, чем сбивала его частенько с толку и невольно раздражала Стефана. Молодой охотник шёл с карабином наперевес и постоянно всматривался в тёмные углы, не без основания предполагая, что там может таиться опасность. Но как бы он не старался, всё произошло совершенно неожиданно.

Ларни первая вошла в очередной огромный зал, какие здесь встречались через каждый переход, приблизительно на равном расстоянии друг от друга. Эти залы были, пожалуй, самыми интересными местами во всём подземном лабиринте. Роскошные, как комнаты в палаццо, они могли бы вместить по три – по четыре таких маленьких дворца. Эти залы, как объяснил Инци, служили для остановки цепочек из железных повозок, которые развозили людей из одного конца большого города в другой.

Среди помещений не было двух одинаковых и каждое было по-своему прекрасно. Поэтому Ларни и бежала впереди всех, горя от нетерпения увидеть ещё одно чудо. Она как раз обернулась, чтобы что-то сказать своим спутникам, когда за её спиной выросла бесформенная тень на две головы выше самой девушки.

– Сзади!

– Не-ет!

Ба-бах!

Вж-жик!

Бум, бум, бум, бум, бум, бум...

– Ой!

Все эти крики и звуки прозвучали практически одновременно, а случилось вот что!

Выкрикнув предупреждение, Стефан выстрелил поверх головы Ларни в предполагаемого монстра, Инци хотел их от чего-то предостеречь, но, по-видимому, не успел, Ларни выхватила катану и крутанулась вокруг своей оси с такой скоростью, что на долю секунды стала похожа на призрачный кокон бабочки, а затем упала, то ли не удержавшись на ногах, то ли желая уйти с линии огня.

Вместе с ней на пол упал, какой-то шарообразный предмет. Пару раз подпрыгнув, он откатился к ногам Стефана. Инци наклонился и поднял его. Это была человеческая голова, но не настоящая, а сделанная из бронзы. Если бы не сквозная дыра от пули на лбу и в затылке, её можно было бы использовать в качестве котелка. Инци повертел эту голову, срезанную, как бритвой ударом катаны и отбросил в сторону.

– А с вами, дети мои, опасно ссорится! – сказал он, помогая Ларни встать на ноги. – Вас опасно даже пугать. Нда, конец очередному изображению этого жалкого кумира. Но не переживайте, статуя была не ценной и не интересной.

Это и впрямь была статуя, изображавшая какого-то лысо-

го старика. Она была размером побольше человеческого роста, а в неровном свете факела казалась и впрямь монстроподобной.

– Кто это? – поинтересовалась Ларни, походя поближе.

– Один из ложных кумиров, которым люди так часто поклоняются по глупости, – ответил Инци. – Многие считали, что он был наделён величайшей мудростью и добротой, в то время, как на самом деле он создал учение полное ничем не оправданной нелепости, а что касается доброты, то при жизни он вёл себя не добрее шакала, нашедшего в траве гнездо с птенцами. И после смерти его именем творились многие кровавые дела.

– Но почему же люди его так любили?

– Люди склонны верить сказкам, которые рассказывают себе сами. А ещё люди склонны поклоняться кому-либо или чему-либо для того, чтобы взвалить на своего кумира часть собственных проблем или перенести на него ответственность. Беда в то, что этим они успокаивают сами себя, но ни один кумир человеку помочь, не способен.

– Но как же быть? На кого тогда надеяться?

– Надеяться можно только на себя и на Единого Бога-Создателя! Только не надо его ни о чём просить, потому что он и так знает, что человеку нужно и посылает именно то, что каждый заслуживает.

– Ну да! – встрял Стефан. – Значит то, что нас уже раз десять за последние дни чуть монстры не сожрали, нами за-

служено?

– Возможно, вы заслужили остаться в живых и победить в борьбе. Нельзя понимать всё упрощённо, ведь мир не прост и то, что в нём происходит нельзя просто разделить на добро и зло. Часто то, что человек считает злом для себя, посылаётся ему в испытание или как средство для получения гораздо большего блага, чем то, на которое он рассчитывал.

– А какое благо получила моя мать, когда монстр изорвал её в клочья?

– Она спасла тебя! – ответила вместо Инци Ларни. – Видеть своего ребёнка живым и здоровым или хотя бы знать, что он выжил – высшее благо для женщины.

– А почему?..

Последний вопрос Стефан задать не успел, так и, оставшись с открытым ртом, потому что увидел, как у бронзовой статуи отрастает ещё одна голова.

Сначала в отверстии, там, где должна была быть шея, набухло, что-то розовое, переливающееся, как мыльный пузырь. Затем со звуком пробки, туго засевшей в горлышке бутылки, наружу выскочило нечто, сразу приобретшее форму шара с дюжиной коротких щупалец, которые тут же присосались к бронзовым плечам статуи. Наконец, на поверхности этого шара возникли две крестообразные трещины, которые оказались глазами, прикрытые треугольными веками, разделяющимися на четыре части. Эти абсолютно чёрные, без зрачков, глаза могли свободно перемещаться по телу тва-

ри, не имеющей костного основания. Они немного поблуждали, по-видимому, ориентируясь в пространстве, а потом устали на трёх путешественников стеклянным немигающим взглядом.

Счёт следующих событий пошёл на доли секунды. Инци вдруг сильно толкнул Ларни, от чего она полетела кубарем и снова оказалась на полу, а сам встал на её место. Существо с омерзительным чмоком открыло маленький треугольный рот, расположенный как раз между глаз, и выстрелило из него тонким, длинным щупальцем с лопаточкой-присоской на конце. Инци подставил ладонь левой руки, на которой всё ещё была повязка, сделанная Ларни, и вдруг воздух вокруг наполнился гудением, как от сотен пчёл! Тварь мелко задрожала, изменила цвет с розового на кроваво-чёрный, и вдруг из неё со всех сторон посыпались искры!

Инци тоже приходилось нелегко. Его лицо напряглось, как если бы он медленно поднимал что-то тяжёлое, что ни в коем случае нельзя бросить. Вдруг его одежда, волосы и кожа засветились голубовато-белым светом, покрывшим его с головы до ног, словно некое призрачное одеяние! В отличие от электрического монстра, Инци не дрожал, но сохранял удивительное спокойствие. Вот, он поднял правую, свободную руку, зачем-то внимательно осмотрел её, потом опустил руку вниз и... С кончиков его пальцев вдруг слетела молния!

Слетела, но не исчезла, а так и осталась между пальцами и полом, извиваясь, жужжа и шипя! Лишь только это случи-

лось, монстр задёргался и заорал точь-в-точь, как человек, у которого язык клещами тянут изо рта!

Так продолжалось несколько долгих секунд, во время которых тварь отчаянно завывала и старалась вырвать свой язык, накрепко зажатый в кулаке Инци. Вдруг этот язык коротко вспыхнул, почернел, затем побелел и рассыпался светло-серым пеплом! Тварь с визгом исчезла внутри статуи и, судя по звуку, провалилась куда-то глубже под пол, где её вопли, постепенно удаляясь, затихли. Инци отряхнул пепел с ладони и вдруг покачнулся, но Стефан не дал ему упасть.

– Ты... Ты спас её! – сказал он, во все глаза, глядя на того, кого несколько минут назад всей душой ненавидел.

– Я только сделал, что смог. – ответил Инци. – Не меня благодарите, а Бога, снова избавившего вас от опасности.

– Ты спас её! – повторил Стефан, словно не слышал ни слова из того, что сказал Инци. – Я теперь... Ты можешь теперь просить у меня всё, что захочешь! Хоть верхом садись!

На это Инци искренне рассмеялся.

– Спасибо, друг мой! Но я лучше буду ходить своими ногами, пока они у меня есть. Правда, от отдыха я бы не отказался. Где-то здесь были удобные лавки...

– Инци! – Ларни взяла его под другой локоть. – Спасибо тебе!

– Я же сказал, не меня благодари...

– Я его потом поблагодарю, а сейчас тебе спасибо!

– Рад был помочь, дитя! Живи и будь счастлива!

– А что случилось с ним... ну, с монстром?

– Право не знаю. Удрал куда-то глубоко. Сейчас затаится в какой-нибудь норе и будет отращивать себе новый язык. Но я рад, что тебе его жаль. И не говори, что это не так, я же всё чувствую! Значит, душа твоя нежна, как у младенца, несмотря на то, что тело напоминает закалённую пружину... А что касается этой твари, то она сама напросилась. Опасно играть с электричеством, когда кругом столько металла.

Они нашли несколько лавок странной формы, сразу за поворотом. Лавки были такими, что тот, кто садился на них, сразу как бы проваливался на небольшую глубину мягким местом. При этом ноги сами собой задирались вверх.

Ларни это показалось очень забавным, и она принялась весело плюхаться на эти лавки и болтать ногами в воздухе, чтобы тут же вскочить и плюхнуться снова! Так она делала до тех пор, пока не приложилась затылком об стену. Шишка при этом получилась весьма внушительная, впрочем, Инци тут же убрал её, положив на голову непоседливого бесёнка свою ладонь.

В общем, здесь они решили сделать привал, поскольку скамейки и впрямь оказались удобными. Кроме того, Инци сказал, что путь их будет далёким и трудным, пока они не дойдут до какой-то "конечной станции", которая находится на самом краю города или даже за этим краем. Там они поднимутся на поверхность и дальше пойдут по "пригороду", где, по словам Инци, идти легко и безопасно. А уже оттуда

совсем недалеко до знакомого им поля, а значит до изведанной дороги домой.

Глава 28. Положительная сторона мародерства

Воистину, как становится легко, когда обнаруживаешь, что опасение за жизнь и здоровье твоих близких оказались напрасными! А ещё, бывает очень приятно, что твои дети мыслят сходно со своими родителями. Точнее, в данном случае было наоборот – это родители прошли по тому же пути, что и дети, и оказались в том же месте.

Как только Маранта и Михал вошли в двери магазина, где в витрине красовались пыльные ружья, удочки и прочая охотничья и рыболовная атрибутика, они сразу обнаружили следы знакомого разграбления.

Надо ли говорить, как отлегло у них от сердца! Теперь Маранта знала, что дети одеты, обуты, (даже Ларни), и вооружены, буквально до зубов. При всей своей нелюбви к огнестрельному оружию, Маранта понимала и уважала его силу, и сейчас почувствовала, что у неё разбегаются глаза.

Да, она всю свою жизнь больше доверяла доброму клинку, чем самому лучшему стволу, который становился бесполезен, когда заканчивались патроны. (Ну, разве что в качестве дубинки можно использовать.) Однако, теперь она всерьёз присматривалась к выставленным когда-то на продажу винтовкам, как вдруг... ей показалось, что она нашла клад! А

именно, среди пёстрого разнообразия патронов, лежащих на горизонтальном стенде под стеклом, её внимание привлекли те, что были покороче и потолще остальных.

Неужели они? Ну да, конечно! Это были они – патроны, подходящие для пистолетов завещанных ей самим королём Лоргиным. Сейчас эти пистолеты лежали у неё в сумке, потому что она приберегала их на крайний случай, как раз из-за дефицита патронов.

Правда, когда король отдавал ей это оружие, он сказал – "Внучке подаришь". Но до появления внучки, как Маранта прикидывала, было ещё достаточно далеко. И ещё дальше до того времени, как эта предполагаемая внучка сможет поднять и удержать такую тяжесть, чтобы не упасть самой. А потому Маранта решила арендовать эти пушки у будущей внучки, хотя бы на время экспедиции по спасению её будущей матери и возможно отца.

Вторично приятный шок она испытала, когда нашла полуоткрытый сейф до верха набитый такими патронами.

"Мне всё не унести, – подумала Маранта. – Ладно, возьму, сколько смогу, а за остальным вернусь, когда Михал пойдёт за своими топорами и пилами".

Некоторое время она размышляла, не нагрузить ли мужа патронами, но потом оставила эту мысль, решив, что его сила ещё пригодится для других дел.

Михал нашёлся в отделе, где на стенах были развешены луки и арбалеты. Охотник сосредоточенно рассматривал их

и даже что-то бормотал про себя, когда находил, какую-нибудь особо мудрёную модель.

– Ну как? – поинтересовалась Маранта. – Присмотрел, что-нибудь интересное?

– Присмотреть-то присмотрел, но здесь нет ничего, что было бы лучше моего лука, – ответил Михал, вертя в руках чудное сооружение, представляющее собой лук странной формы с роликами на концах и причудливо натянутой тетивой.

– А стрелы?

– Они здесь вообще игрушечные, – презрительно фыркнул охотник и вернул лук на место.

– Винтовку себе не хочешь подобрать?

Михал поморщился.

– Это для молодёжи! Я уже слишком стар, чтобы переучиваться стрелять из огненных трубок. Наши-то, небось, увешались с головы до ног этими железками?

– Насколько я понимаю, – задумчиво произнесла Маранта, разглядывая оружие в прозрачных шкафах и открытые сейфы с патронами, – у Стефана винтовка и дробовик, а у Ларни лёгкий карабин, небольшого калибра.

– Была бы охота таскать такую тяжесть?!

– Не волнуйся, у тебя крепкий сын. Ну, если ничего нужного нам здесь больше нет, тогда пошли.

И они вышли в город, который больше не казался интересным и привлекательным. Обоим хотелось поскорее найти

детей и вернуться домой.

Глава 29. Горькие плоды ревности

Как описать то чувство, когда человек, которого ты совсем недавно решил считать своим другом, исчезает с тобой девушкой? Только что всё было хорошо, и тут холодная, липкая рука, ледяной хваткой, сжимает сердце и не просто сжимает, а рвёт из груди, злобно и безжалостно.

Стефан почувствовал эту руку раньше, чем проснулся, и ещё не открыв глаза, понял, что рядом нет ни Инци, ни Ларни. Он не вскочил, не заметался по небольшой тёмной комнате, где они расположились на ночлег. Впрочем, ему оставили свечу на небольшом железном столике в углу. Позаботились!

Стефан встал и нарочно медленно оделся. В глубине души он надеялся, что пропавшие сейчас появятся и объяснят своё отсутствие, какой-нибудь простой причиной. Но никто не появлялся, всё было тихо вокруг.

Парню вдруг стало зябко, и пустота тёмной станции показала холодную и дикой. По сравнению с ней тесная каморка, освещённая одной свечой, выглядела уютным пристанищем.

Но ледяная рука, вцепившаяся в сердце, тянула его туда, в темноту. Стефан поёжился, надел свою куртку, взял ружьё, (то, первое, стреляющее дробовыми патронами), и отправился искать пропавшую парочку.

Пропажа нашлась почти сразу. Отблеск факелов и голоса, которые и не собирались таиться. Повернув за угол, Стефан увидел следующую картину – Инци и Ларни стояли напротив стены, на которой мозаикой были выложены какие-то шары с надписями.

– Солнце в середине, – рассказывал Инци, указывая на оранжевый шар с расходящимися от него лучами. – Оно огромное, больше всех планет вместе взятых. С Земли оно кажется маленьким, потому что до него очень далеко!

– А Земля где? – спросила Ларни.

– Вот она, – ответил Инци, указывая на небольшой кружок серо-голубого цвета.

– Маленькая!

– Да, по сравнению со многими, маленькая, но не самая маленькая из всех.

– А на других планетах есть люди?

– Не на всех, но вот на этой и на этой есть.

Инци показал два круга размерами похожих на "Землю".

– А какие они? Я имею ввиду людей.

– Ну, здесь вот, такие же, как мы, а вот здесь... В общем-то, тоже такие, но... Понимаешь, они двуполые.

– Как это?

– И мужчины, и женщины сразу.

– А где же они берут детей? От самих себя, что ли рожают?

– Нет, чтобы иметь детей, они так же, как здесь объединяются в пары, но беременеют и... производят потомство оба

родителя сразу или по очереди.

Ларни хихикнула.

– Да, это странно, – согласился Инци, – но такова их жизнь, и они ничем не хуже нас. Отец экспериментировал со многими мирами, пока не создал этот.

– Отец? Так Бог и вправду твой папа?

– Он всем нам отец и любит всех своих детей.

– А он живёт на Солнце?

– Нет, понимаешь, это трудно объяснить. Солнце конечно огромно, но Он больше.

– Больше Солнца?!

– Больше Вселенной.

– Тогда как же?... Где же?..

– Он везде. Он в тебе и во мне, в Стефане и в воздухе, которым мы дышим, во всём, что он создал и что окружает нас со всех сторон. Поэтому от него нельзя спрятаться и нельзя ничего утаить!

Стефан плохо видел фигуры говорящих, свет факелов больше озарял картину на стене, оставляя людей в дрожащей тени. Но ему мнилось, что рука Инци покоится сейчас на плечах Ларни или на её талии... Если бы он застал их занимающимися любовью, врядли кровь бросилась бы ему в голову с **б**ольшей силой, чем сейчас!

Стефан неслышно отступил в тень. Он вдруг поймал себя на том, что ствол его ружья смотрит в сторону его друзей, а ведь оно было заряжено картечью и сейчас стояло на боевом

взводе!

Охотник тут же направил этот ствол в потолок и отёр лицо ладонью, как бы смахивая с него невидимую паутину. Что он сейчас едва не наделал?! В конце концов, если Ларни так решила, значит, так тому и быть! А почему он вообще подумал, что она что-то там решила? Но если это даже и так, то его долг, как брата и как друга, заключается в том, чтобы помочь той, кого он боготворил все эти годы! Помочь или хотя бы не мешать.

Стефан почувствовал, что у него голова идёт кругом и решил вернуться в каморку. Только шагов через сто – сто пятьдесят, он понял, что пошёл не в ту сторону.

Молодой охотник обругал себя, на чём свет стоит. Как он мог быть таким самоуверенным, ведь он сгоряча не взял с собой ни свечи, ни факела! Но ничего, ему не в первый раз приходилось обходиться без источника света.

Правда в лесу даже самой глухой, безлунной ночью, не бывает так темно, но он был уверен, что справится.

Стефан развернулся вокруг своей оси, чтобы ещё раз поменять направление на противоположное и пошёл на звуки голосов, которые стали сейчас значительно глуше. Он отлично ориентировался по слуху, но здесь звуки отражались от мраморных стен, и это сбивало его с толку.

Всё было совсем не так, как в лесу. Возможно, именно это обстоятельство ввело молодого охотника в заблуждение. Он уверенно шагал по гладкому полу и голоса друзей станови-

лись всё громче и отчётливей, когда этот самый пол вдруг исчез у него под ногами, и он почувствовал, что падает!

Стефан инстинктивно вскинул руки, и тут же какая-то сила вырвала у него дробовик, который гулко бабахнул, где-то сверху. Впрочем, голос своего оружия Стефан различил плохо – ветер свистел у него в ушах и переворачивал его в полёте, словно он был не человеком из плоти и крови, а невесомой бумажной игрушкой.

Глава 30. Назойливая арифметика

Змеёж снова был возле того маленького дворца. Правда, сейчас он сидел не на крыше, (они с циклопом сразу проломили бы её насквозь), а прятался за соседним домом, едва помещая мощную фигуру своего носителя за двухэтажным строением.

Змеёж потерял счёт тому, сколько раз он пожалел, что связался с этим циклопом! Сначала тот досаждал ему своей тупостью, теперь надоедал проявлением интеллекта – пока его колючий хозяин разрабатывал стратегические планы захвата той или иной пары людей, циклоп решал несложные математические задачи, почувствовав вдруг вкус к мыслительной деятельности.

Сначала Змеёж не обращал на это внимание, но в последнее время задачи становились всё сложнее, циклоп явно совершенствовался. Всё бы ничего, но это отвлекало умственные ресурсы их обоих от выполнения основной задачи, тем более что циклоп при этом использовал для развлечения интеллект своего хозяина.

С досады Змеёж решил вперёд десяток задач, которые наметил себе циклоп, а затем заставил циклопа играть самого с собой в крестики – нолики. Теперь он мог спокойно подумать, хоть некоторое время, пока великан чертил толстым пальцем в пыли примитивные таблицы.

Итак, первая пара, а точнее теперь уже тройка, людей полезла под землю. Проклятье! И что им только там понадобилось? Как же он теперь в эти лабиринты циклопа потащит? Придётся им передвигаться на четвереньках, с риском застрять в одном из переходов или туннелей.

Бросить циклопа? В крайнем случае, придётся бросить, но всё же жалко – ведь только начал осваивать, да и где ещё здесь найдёшь такого мощного носителя?

Проще было переключить внимание вот на эту пару, которая так тщательно повторяет путь тех первых. Теперь они решили заночевать в том же доме, где спали первые два перед нападением сморкачей.

Нда, а ведь эти вторые показали себя прекрасными бойцами, уничтожив армию зомби. Нападать на них, пока они в доме не выгодно – они могут сильно повредить циклопа ещё до того, как он до них доберётся. Значит, пускай отсыплются, а бой им дадим на открытом воздухе, семью восемь – сорок восемь... Тьфу ты! Циклоп опять за своё принялся!

Глава 31. Разочарование в "Палаццо"

Маранта внимательно вглядывалась в кровать под балдахином. Здесь явно спал только один человек, и это была Ларни. Стефан, конечно, ночевал вон на том диване с раскиданными вокруг подушками. Что ж, видно становится бабушкой пока рано!

Воительница усмехнулась про себя, почувствовав в душе лёгкое разочарование. Да ладно, что уж там, успеется, были бы все живы и здоровы!

Так, значит, после ночёвки они неплохо позавтракали, а потом вышли на улицу и устроили разгром очередной банде монстров, ошмётки которых валялись там повсюду. Судя по всему, на этой улице находилось хранилище горючей смеси, наподобие той, что во дворце короля Лоргина заливалась в электрогенераторы.

Когда Маранта увидела последствия этого взрыва, разворотившего половину квартала, её сердце привычно ухнуло вниз, как это не раз было за последнее время. Тревога была небезосновательной, так-как среди кровавых ошмётков нашлось немало вещей происходивших из того магазина, где они с Михалом только что побывали. Но все обрывки плоти имели здесь явно нечеловеческое происхождение, а пригля-

девшись повнимательнее, Маранта увидела удобный проход через развалины, в котором что-то блеснуло.

Воительница прошла по этим руинам с десятков шагов и подобрала новенькие длинные ножницы в красивом бархатном чехольчике. Это было изделие – близнец из того же набора откуда она сама извлекла точно такие же, только маленькие ножнички, которые сейчас лежали в её сумке. Для верности она достала свой трофей и сравнила с только что найденными. Да, именно их не было в наборе в том первом магазине. Значит, их обронила Ларни во время отступления с места взрыва.

Удовлетворившись этим выводом, Маранта рассказала всё мужу и они вместе отправились в дом.

Теперь она стояла и рассматривала кровать на которой недавно спала её дочь. Это ложе невинности было чистым и незапятнанным, но оставлять его и дальше таковым было бы неправильно. Сегодня они с Михалом заслужили отдых, а не воспользоваться хорошей возможностью провести ночь в любви – непростительная глупость!

Глава 32. Выбор Руфуса

– Ты уверен, Руфус? Жизнь священнослужителя далеко не так проста, как это кажется со стороны. Не пожалеешь?

– Я уверен, падре!

Мальчик был очень серьёзен и слегка дрожал, но не от страха, а от волнения.

– Я не буду ни кузнецом, ни охотником, но изучу все ремёсла понемногу, чтобы знать их природу. Я не вижу перед собой другого пути, кроме служения Богу и сыну его – Инци! А потому, прошу Вас, наставьте меня! Научите меня всему.

Священник задумался. Он и сам давно подумывал о приемнике, ведь старость давала о себе знать всё сильнее. Ко всему прочему, лучше Руфуса здесь никого не было для этой миссии. И всё же он сомневался. От Бога ли видения мальчика? От Бога ли его способности? В таком деле ошибки были недопустимы, иначе рухнет всё, что он сделал здесь до этого!

Глава 33. Колодец

Препятствие. Ещё препятствие. Ещё. И ещё... Сначала они были тонкими, почти незаметными, и довольно тяжёлое тело Стефана, пробивало их, практически не встречая сопротивления. Потом эти непонятные мембраны стали толщиной с бумажный лист и рвались со звуком лёгкого хлопка, но через некоторое время они стали ещё толще и... мокрее! Когда ноги его ударялись об очередную преграду, она рвалась с влажным чмокающим треском, и лицо парня обдавало тёплыми брызгами.

Он падал уже так долго, что потерял счёт времени. До этого Стефан не представлял, что в природе возможна такая высота, (или глубина?), падать с которой, (или в которую?), можно так долго. А тут ещё эти мембраны, натянутые поперёк чего-то, возможно колодца, в который он угодил.

Однако эти непонятные препятствия сослужили-таки ему некоторую службу – его падение замедлилось. Правда при этом удары стали более ощутительными и наконец, одна из загадочных мембран сумела выдержать его вес. Стефан пролежал на ней секунд десять, чувствуя, как эта кожистая плёнка прогибается под ним. Когда она тоже порвалась, он оказался на следующей. Так продолжалось ещё раз пять или больше, а время между очередным "приземлением" на мембрану и разрывом всё увеличивалось.

Но вот падение остановилось. Мембрана, на которой он лежал, прогнулась совсем немного, и рваться не собиралась. Стефан осторожно поднялся на четвереньки.

Встать во весь рост на таком зыбком основании он не решился. Определить природу поверхности, что была под ним, он не мог, но понимал, что это нечто живое, поскольку оно было тёплым и слегка пульсировало. Было ли это отдельное существо или часть некоего организма, оставалось неясным, тем более что вокруг царила непроглядная темнота.

Впрочем, Стефана на самом деле интересовало нечто совсем другое, а именно – как отсюда выбраться и не притаился ли в этой темноте враг?

Не поднимаясь на ноги, Стефан прошёл на четвереньках немного вперёд и нащупал стенку, к которой крепилась мембрана. Стенка была влажной и скользкой на ощупь, её поверхность казалась упругой и мягкой одновременно. Что же это такое, и каких оно размеров?

Продвигаясь вдоль стенки, парень понял, что это нечто и в самом деле имеет форму колодца. Похоже, что больше здесь не было ничего примечательного.

Так что же дальше? И тут Стефан сделал то, что не смог бы объяснить ни тогда, ни после – он вдруг выхватил свой охотничий нож и воткнул его по самую рукоять в то, что было у него под ногами!

Звук, раздавшийся после этого удара, одновременно наполнил тот, с каким лопается струна, рвётся материя и

взвизгивает испуганная женщина. Стефан полетел кубарем вниз, не встречая больше никаких препятствий, пока не приложился обо что-то твёрдое, что выбило из его лёгких воздух и погасило сознание.

Глава 34. Сато

– Эй?! Ты жив? Просыпайся! Не могу я тебя тут вечно греть!

Голос был девичьим. И запах. И тепло тонкого, нежного тела. Но это была не Ларни. Тогда кто же?

Стефан открыл глаза, но поначалу ничего не увидел. Потом ему показалось, что над ним горят две немигающие серо-голубые звёздочки. Эти звёзды оказались глазами на безмятежно-спокойном и чистом личике, правильной формы, обрамлённом густыми каштановыми волосами.

Сперва Стефан подумал, что это какой-то сон. Он видел эту девушку впервые, но она была так похожа на Ларни, что могла бы быть её старшей сестрой.

На вид ей было лет девятнадцать – двадцать. Высокий лоб, слегка изломанные брови, средней густоты, похожие на крылья птицы. Не слишком острые, но всё же выступающие скулы, подчёркивающие гладкость щёк и округлость небольшого подбородка без намёка на ямочку. Чуть крупноватый прямой нос и может быть чуть великоватый рот с изящно очерченными, но не пухлыми губами, придавали её лицу вид элегантного несовершенства, какое выгодно отличает обладательниц истинной женственности от тех, кто кичится деланной, кукольной красотой.

Но больше всего на этом лице поражали глаза. Спокой-

ные, исполненные достоинства, они не были такими яркими, как у Ларни, но в них то и дело вспыхивали искры. То зелёные, то красные...

А ещё... Стефан моргнул и почувствовал, как загорелись его щёки. Девушка была одета, но одежда эта оказалась, мягко говоря, странной. На ней было трико в мелкую, но совершенно прозрачную сеточку. То, что эта одежда облегает всё тело, включая пальцы рук и ног, оставляя не закрытой только голову, и прилегает к коже, не образуя ни единой складочки, отходило на второй план перед бесстыдной открытостью совершенных форм, какие бывают у красавиц на самом пороге зрелости.

Молодой охотник ясно видел высокую, округлую грудь с парой коричневых сосков, впалый живот, крутые бёдра, тонкую, гибкую талию и женское раздвоение между ног, не прикрытое даже намёком на волосяной пушок.

– Что? – спросила девушка, увидев, как он её рассматривает.

"Неужели она не понимает, насколько она... голая?!" – подумал Стефан, голова которого вдруг стала горячей, а в штанах началось решительное восстание.

– Ах, это! – Девушка весело рассмеялась. – Извини, я опять позабыла про эти ваши странные, э-э... обычаи! Ладно, чтобы тебя не смущать, я, пожалуй, надену кое-что ещё.

С этими словами она протянула руку куда-то в сторону, в темноту и достала оттуда лёгкий плащ, который накинула

на плечи. Однако это произведение ткацкого и портновского искусства было едва ли не более прозрачным, чем уже одетая на девушке сеточка. Кроме того, она, то ли нечаянно, то ли нарочно не запахнула его спереди, так что всё должное быть сокровенным осталось на виду, как и было раньше.

Стефан никогда до сих пор не видел, чтобы девушки одевались и вели себя подобным образом. Конечно, отношения между молодёжью в посёлке не были такими уж невинными, но всё, что не предназначалось для посторонних глаз, благоразумно скрывалось и пряталось. А если дело заходило слишком далеко, то всё прикрывало бракосочетание, которое священник проводил, покачивая головой и улыбаясь с лёгкой укоризной.

Сам Стефан видел женскую наготу лишь мельком и случайно, каждый раз поспешно и смущённо отворачиваясь. (Ларни не в счёт, её он помогал мыть в тазике от рождения до пяти лет, а потом долго не замечал, что она женщина.)

– Кто ты? – спросил он, стараясь глядеть в сторону.

– Человек, как видишь! – был ответ, в котором почему-то промелькнула доля сарказма.

– У тебя есть имя?

– Зови меня... *Сато!* – проговорила девушка с лёгкой заминкой, а потом зачем-то хлопнула в ладоши. – Вообще-то настоящее моё имя – *Сата*, но мне больше нравится *Сато!*

Стефан пожал плечами – *Сато*, так *Сато*. Чудное имя, но ведь и "*Ларни*", тоже чудное, если здраво рассудить. *Ларни* в

посёлке была только одна, и до неё так девочек не называли. Это имя принесла с собой Маранта, вместе с ребёнком из своего мира.

– Ты здесь живёшь, Сато? – спросил Стефан, который сам не знал, что имел ввиду под словом "здесь".

– Живу? – искренне удивилась девушка. – Как здесь можно жить?! Как ты думаешь, где мы?

– Под землёй? – нерешительно предположил Стефан.

– Ха-ха! Под землёй! Если бы!.. Поверь, мы намного, э-э... дальше. Вот что. Давай-ка, внучек Адама, я отведу тебя туда, где тебе будет, м-м, проще принять всё как есть.

С этими словами она взяла его за руку и потянула на себя с такой силой, что он сразу же очутился на ногах. Её ладонь была хрупкой и нежной, но Стефану вдруг подумалось, что если в эту маленькую ручку попадёт кусок гранита, то она без труда разотрёт его в песок! Откуда взялись эти мысли, Стефан так и не понял, да и задумываться над ними ему было недосуг, прежде всего из-за сильной боли в затылке, пояснице и правом локте. Очевидно, он основательно разбил-ся, когда упал.

– Пойдём, – сказала Сато, взяв его, как раз под больную руку.

Острая боль полыхнула вспышкой белого пламени, ослепившей мозг, и Стефан снова отключился.

Когда он пришёл в себя, то оказалось, что мир вокруг него изменился. До сих пор он пребывал во мраке, и единствен-

ный свет в нём излучала фигура Сато. Теперь мир вокруг был наполнен светом,

Стефан лежал на чём-то мягком, а голова его покоилась... на коленях девушки. Её рука, (та самая, которая, как он понял, была способна дробить камни), лежала на его лбу. Другая рука прижималась к раскрытой груди в области сердца.

– Какие же вы хрупкие, потомки Адама! – заявила Сато со странной интонацией в голосе. – Такие нежные и слабые тела. Хрупкие... Но симпатичные!

Стефан почувствовал, что боли в его теле уже нет, и попробовал сесть. Ему это удалось, хоть глаза включились в работу не сразу, как бывает после долгого, крепкого сна.

Он огляделся вокруг. Место, где они находились, чем-то напоминало тот странный лес посреди города, где их с Ларни чуть не убил циклоп. Но в отличие от заброшенного парка с его кучами мусора, нелепыми проржавевшими аттракционами и покосившимися статуями, здесь всё дышало свежестью, покоем и чистотой.

Они с Сато сидели на зелёном лугу, покрытом мягкой травой. По краям этого луга росло множество разнообразных деревьев, некоторые из которых были в цвету, а ветви других ломались от плодов. Между их ветвями летали разноцветные птички, стрекозы, пчёлы и бабочки. Стефану показалось, что нежное щебетание и шелест крыльев сливаются в единое пение. Тут и там среди травы и кустов резвились белые пушистые кролики и разномастные котята, а над всем

этим искрилось и сияло ослепительно-лазерное небо, по которому то и дело пробегали белоснежные барашки облачков.

– А теперь мы где? – спросил Стефан глухим и скрипучим, словно после долгого молчания голосом.

– В моём саду.

– А раньше где были?

– Ну, этого я тебе не скажу. Пугать не хочу. На самом деле это вовсе не так страшно, но дети Адама очень уж склонны к предрассудкам и любят сгущать краски там, где по сути всё ясно.

– Послушай, Сато, а почему ты всё время называешь меня потомком Адама?

– Потому, что так оно и есть! Вы, люди – потомки Адама и Евы, своих прародителей. Ты этого, что, не знал?

– Знал. Священник рассказывал. Но ты говоришь так, словно сама не являешься их потомком.

– Я? Нет, не являюсь.

– Как это?

– Очень просто. Создатель не единожды сотворял существ по образу и подобию своему. Я – человек, но я не из адамова племени.

Стефан помолчал. Он был далеко не глупым юношей, но его мозг не был привычен к упражнениям такого рода. К тому же рядом не было Ларни, а без неё он чувствовал себя неудобно, словно что-то важное не взял с собой или даже сам был неполон, вроде охотника без одной руки.

– Как мне вернуться обратно? – спросил он, ощутив вдруг страшную тоску по Ларни, по родному лесу, даже по Инци и Мёртвому городу!

– Вот те раз! Только появился, а уже собирается улизнуть! – едко сказала его новая знакомая. – Сначала расскажи мне, адамово отродье, как ты сюда попал? Да, кстати, если не хочешь, чтобы я каждый раз поминала твоего незадачливого прапредка, назови мне своё имя или хотя бы прозвище, которым тебя называют соплеменники.

Стефан несколько удивился перемене в настроении собеседницы, но всё равно не нашёл причины скрывать от неё что-либо. Когда он закончил рассказывать, Сато надолго задумалась.

– Вот что, Стефан, сын Михала! – В голосе Сато послышались, наконец, прежние доброжелательные интонации. – Можешь мне не верить, но помочь тебе я ничем не могу. Как отсюда выбраться я не знаю, ибо это знание скрыто от меня нарочно. Более того, выйти отсюда за всю историю мироздания удавалось лишь единицам, да и то каждая история, повествующая об этом, звучит, как небыль, а потому нельзя этим историям верить полностью. Но не отчаивайся! Может твои друзья, что-нибудь придумают. Хорошие у тебя друзья и сильные, верь в них!

– Но что же мне делать? – воскликнул Стефан до которого начало доходить в какое положение он попал.

– Я предлагаю искупаться! – воскликнула Сато и вмиг

сбросила то небольшое, что с большой натяжкой можно было назвать её одеждой. – Здесь есть великолепное озеро с водопадом. И не вздумай отказываться, а то буду считать, что ты заплатил мне чёрной неблагодарностью за спасение!

Стефан немного помялся, повздыхал ещё о Ларни, но отправился-таки за своей новой подругой.

– Сато, – спросил он, когда они дошли до края поляны, – скажи мне, только честно – я умер? Мы в Раю?

Девушка удивлённо посмотрела на него и вдруг захохотала весело и звонко, но как-то не совсем по-девичьи. От этого смеха птицы разом снялись с веток, и пропали в голубом небе, кролики и котята исчезли, как будто их и не было, а с деревьев упало несколько плодов и листьев.

– Ты жив, дурашка! – воскликнула Сато, перестав смеяться. – Ты жив и здоров, и ты не в Раю! Повторяю, я не хотела тебя пугать раньше времени, но если тебе уж настолько невтерпёж узнать всё прямо сейчас, то скажу, как есть – ты в Аду, Стефан, сын Михала, в самом его сердце! Ой, только не надо так бледнеть, а то придётся снова тебя приводить в чувства, а это, поверь, было не так-то легко. Вижу теперь тебе точно нужно купание – вспотел, как мышь в кошачьих лапах. Только сделай, пожалуйста, одолжение – сними ты эти тряпки! Самое глупое, что могли придумать дети Адама и Евы, это купаться в одежде.

Стефан и вправду взмок от всего услышанного. Если всё так, то его положение можно считать безнадежным. Но всё

же он попытался взять себя в руки, ведь отец учил никогда не сдаваться, даже если тебя придавил к земле раненый медведь-шатун и уже занёс свою лапу с жуткими когтями над твоей головой!

– Сато! – спросил он, когда девушка помогала ему снять, прилипшую к телу, насквозь мокрую от пота рубашку. – Раз ты мне всё уже и так сказала, скажи последнее – кто ты? Ну, ты понимаешь, о чём я...

Девушка хитро улыбнулась и жёлтые искры в её глазах сменились на зелёные.

– Что ж, знай, Стефан, Сын Михала, – сказала она, гордо подбоченясь, – я ни в чём не обманула тебя. Меня действительно зовут Сато. Я – дочь повелителя этого царства и... и со мной здесь тебе ничего не должно быть страшно!

Глава 35. Ты веришь мне?

– Не-ет! Не ве-е-рю!

Ларни стояла на коленях возле воронки в полу, на краю которой лежало ружьё Стефана.

– Он не погиб! Инци, скажи, что он жив!

Тот к кому были обращены эти слова, стоял тут же рядом с факелом в руке и сосредоточенно вглядывался в неглубокую, шириной в пять шагов, каверну.

– Он там, Ларни, – сказал, наконец, Инци и лицо его казалось, словно от сильной боли.

– Он жив? – спросила девушка с требовательной ноткой в голосе.

– Я не знаю. Скорее всего, нет. Хотя... Я чувствую, что он ушёл туда, вниз, но я не вижу, чтобы он умер. И, тем не менее, его нет среди живых людей, а для человека это означает смерть.

Ларни вдруг бросилась в центр воронки и принялась руками разгребать щебень и песок, заполнявшие её дно. Однако её пальцы вскоре заскребли по твёрдому камню, и дальнейшие раскопки пришлось бросить. Девушка так и осталась сидеть внизу, размазывая слёзы по щекам, расцарапанными в кровь руками, когда на её плечо вдруг легла ладонь с длинными пальцами.

– Ларни, ты веришь мне? – спросил Инци мягким отече-

ским голосом.

– Я верю тебе, Инци! – ответила Ларни, хлюпая носом и не оборачиваясь. – Я всегда тебе верила.

– Если так, то слушай: вернуть Стефана в наш мир будет трудно, почти невозможно, но мы попытаемся. Эта каверна – не что иное, как проход между миром сущего и тем, что люди привыкли называть "тот свет" и считать миром мёртвых. Это не так или вернее сказать, не совсем так, потому, что истина никогда не открывается человеку полностью, и люди судят о подобных вещах согласно своей ограниченности. Но не будем об этом. Сейчас этот проход закрыт и больше в этом месте не откроется, так что побереги свои руки, они тебе ещё пригодятся.

– Так что же нам теперь делать?

– Будем думать, как пройти туда, куда пройти невозможно и как вернуться оттуда, откуда нет возврата.

– О чём ты говоришь, Инци? Что это за место такое?

– В просторечии оно называется Адом и считается средоточием зла.

Глава 36. Смелее!

Они сидели на огромном плоском камне и болтали ногами, глядя, как внизу проплывают диковинные рыбы. После купания Стефан и впрямь почувствовал себя лучше. Правда он не разделял игривое настроение Сато, но зато смог вволю поплавать и понырять, гоняясь за подводными чудовищами.

Теперь они оба были завёрнуты в полотенца такого размера, что те сгодились бы на пару палаток. Несмотря на то, что Стефан старался не смотреть на свою новую подругу, его голова поворачивалась в её сторону автоматически, так, что, в конце концов, у него заболела шея. Волей-неволей он сравнивал двух девушек и, несмотря на их непонятное сходство, находил множество различий.

Кошечка и рысь. Серна и важенка. Белочка и норка. Стефан был охотником, и его образы все были животного характера. Жаль только, что его кошечки, белочки, серны не было рядом. Хотя...

Как знать? Возможно, если бы здесь была Ларни, Сато не была бы такой ласковой. А может быть, они приветливо болтали бы друг с другом, оставив его в одиночестве, или уже катались бы вот по этому берегу, вцепившись друг другу в волосы?

Да, поведение девчонок – вещь непредсказуемая. Но, всё равно вдали от Ларни, с которой он в своей жизни не расста-

вался больше чем на три дня, ему было тоскливо и неудобно. Даже рядом с Сато...

– Думаешь о своей девушке?

В глазах Сато зелёные искры хитрости сменяли красные, означавшие недовольство и раздражение. Стефану не хотелось рассказывать ей о Ларни, но он не умел врать и кивнул, едва успев подавить вздох. На долю секунды среди зелёных и красных искр полыхнули белые – ярость, но они сразу же сменились жёлтыми – задумчивость, а потом и вовсе синими – благодущие и расположение.

Удивительно, но по лицу Сато, хоть его и нельзя было назвать неподвижным, было невозможно узнать о её чувствах, но искры в глазах выдавали её с головой и Стефан быстро научился читать их словно открытую книгу.

– Интересно было бы на неё взглянуть! – задумчиво произнесла Сато, глядя в пространство. – Любопытно, как она выглядит?

Стефан чуть было не сказал, что ей достаточно взглянуть на своё отражение, но он вовремя сдержался и произнёс только:

– Вы с ней похожи.

Однако и этой фразы оказалось достаточно для взрыва.

– Мы?! Похожи?! Внешне похожи? Но этого не может быть! Люди не бывают просто так похожи на членов нашей семьи, если только... Неужели папаня опять погулял? Да нет же, это невозможно. Он ведь заперт здесь и надолго, а на рас-

стоянии делать детей даже он не может. Но всё равно было бы интересно на неё взглянуть!

– Если выйдем отсюда, я вас познакомлю, – решил считать Стефан.

Сато вдруг погрузилась, поникла и, обняв руками ноги, уткнулась лицом в колени.

– Мне нет хода наверх, – печально сказала она.

– Почему?

– Запрещено. Видишь ли, когда я была ещё маленькой и глупой, то натворила на Земле таких дел, что мне строго-настрого запретили туда возвращаться. И не просто запретили, а так запечатали все пути туда, что никаких сил не хватит пробиться через эти заслоны.

– Что же ты такого натворила?

– Тебе интересно? Хорошо, я расскажу. Сначала всё было тихо и мирно. Я играла в куклы и кубики на почти необитаемых островах севера и юга. Очень любила строить маленькие домики из цельных каменных плит и расставлять в самых разных местах Земли. Иногда просто ставила длинные камни торчком, чтобы посмотреть, сколько они так просто-я, пока не свалятся. Был у меня один остров, где "жила" целая семья моих куколок. Их надо было втыкать в песок, чтобы они могли стоять. Они были вырезаны из камня, довольно грубо, но много ли ребёнку надо? Вот смешно – я помнится, расставила их лицами внутрь острова, как будто они разговаривают, и не трогала с тех пор. Они ведь до сих пор

там стоят, а люди никак не могут понять, кто это сделал и зачем? И вокруг моего недостроенного домика на северном острове тоже ходят и удивляются. Смешные они, люди... А ещё я разводила разных зверушек. По большей части зубастых и когтистых. Это были переящерки и недоптицы, но тебя врядли заинтересуют биологические подробности. Я их без спросу разводила. Самых разных, больших и маленьких, плавающих, бегающих и летающих. Их было великое множество, и они населяли всю Землю, но в один прекрасный день вдруг исчезли! Когда я спросила, куда они делись, то мне ответили, что Земля теперь нужна для разведения людей, а мои зверушки мешают! Знаешь, как это было обидно? Правда кое-кто из моих питомцев ухитрился спрятаться и прожил ещё достаточно долго. Люди называли их драконами, но это уже другая история. А моя история заключалась в том, что лишившись привычных развлечений, я начала играть... людьми! Причём сначала эти игры были просто злые и глупые. Скажем, только люди расплодятся, поднимут голову и немного обустроятся, как я им организую извержения, землетрясения и какие-нибудь ураганы. И всё, их цивилизации конец! Потом мне это надоело, и я стала возводить и разрушать империи, а в связи с этим увлеклась войнами, которые становились всё более и более кровопролитными. Дело кончилось тем, что я опрокинула на мир несколько сосу-дов с чумой и другими болезнями, а они выкосили человечество на три четверти! Что ты так на меня смотришь? Дума-

ешь, я злая? Мне просто было обидно, ведь я считала Землю своим домом, а тут появляются эти люди и хозяйничают в моих песочницах, вырубают леса и джунгли, которые я сажала для зверушек, пачкают мою воду! Кстати, с болезнями вышло совершенно случайно. Просто я ловила сбежавшую крысу, и нечаянно толкнула папин стол, где стояли разные склянки. И крысу облила, и на землю много попало.

– Значит, за это тебя изгнали из мира людей?

– Нет, не за это. Понимаешь, все эти дела люди почему-то приписывали моему отцу. Одно время среди них даже утвердилось мнение, что дух мирового Зла – женщина! Он, когда узнал, так смеялся... Но потом надолго запретил мне посещать Землю. Вот за это самое!

– Надолго, это на сколько?

– На целых четыре вечности!

– Сурово.

– Вот и я говорю, что это перебор. Ну, набедокурила, так что с того? Сама же готова всё исправить, но мне, видите ли, больше не доверяют! Дедушка для этой цели, то есть для исправления ошибок, всё время посылает моего дядю, младшего брата отца, и что ты думаешь? Люди каждый раз распинают его, в каком бы виде он к ним не являлся! Сначала мучают и убивают, а потом начинают поклоняться ему, как Богу!

– Сато, скажи, а последняя война, которая почти всё уничтожила, это тоже твоих рук дело?

– Нет, что ты! Я давно уже под домашним арестом, не скажу даже сколько лет. Люди теперь воюют сами по себе. Вошли, понимаешь, во вкус, напридумывали такого, что мне и не снилось, а до меня лишь доходят слухи об их выкрутасах, да и то с опозданием. Значит, говоришь, опять всё разрушили? Во, дают!

– Ну, я точно не знаю, всё или не всё, но говорят, что эта, как её? Цивилизация! Она погибла. Я сам видел мёртвый город, наполненный скелетами. Из него-то я сюда и провалился.

– Но ведь ты родился не под кустом?

Стефан не сразу понял последнего вопроса, а когда до него дошло, рассмеялся в свою очередь.

– Я родился в Междустенье, – пояснил он. – Это посёлок, построенный на развалинах старой крепости. Но, кроме нашего посёлка на Земле есть много разных мест, где живут люди. Маранта, (это жена моего отца и мама... моей девушки), рассказывала, что севернее нашего посёлка есть множество городов, объединённых в государства, со своими правителями, и там есть много всякого такого, чего я не понимаю. Ларни давно собирается туда сходить, посмотреть...

– Ясно! Люди всегда так делают. Разгромишь их мирок, так они тут же начинают строить себе новый!

– Странно, – сказал Стефан, которому почему-то захотелось сменить тему разговора, – я всегда думал, что в Аду всё горит, кипит и плавится, а здесь так красиво!

– Ад большой, есть в нём и огненные места.

– И там горят души грешников?

Сато снова рассмеялась, как тогда на поляне. От этого смеха на миг замерли воды водопада, а по поверхности озера пошла сильная рябь.

– Какое древнее заблуждение! – всё ещё смеясь, воскликнула она. – Ну, сам посуди – ведь мой отец здесь полный хозяин. Он даже Бога не спрашивает, творит, что хочет, так зачем ему наказывать тех, кто своими поступками угоден ему, как повелителю Зла? Он бы скорее их наградил и осыпал милостями, если бы всё было устроено так примитивно, как это себе выдумали люди.

– А как же тогда всё устроено?

– Долго рассказывать. Но если ты хочешь знать про души грешников, то слушай! Во-первых, самый большой и чуть ли не единственный грех, который действительно противен Создателю, это невыполнение своего предназначения, предписанного Богом. Наказание за это – непринятие души в сонм, откуда она вышла и куда возвращается после окончания жизненного цикла, а это для неё самое страшное! Правда, и в этом случае можно искупить этот грех, доделав после смерти те дела, что не сделаны при жизни. Но сделать это гораздо труднее, ведь ты уже не человек из плоти и крови, а призрак, которого боятся, а чаще всего просто не видят и не слышат. К тому же всё делать теперь возможно только чужими руками, ведь у привидений нет тела, а это значит, что нужно убе-

дить кого-то из живых людей оставить в стороне свои собственные дела и заняться твоими. Сам понимаешь наверно, что это непросто. Вот и маятся несчастные души по несколько столетий, а иногда и больше, прежде чем им представится случай исправить результаты своей прижизненной лени, нерешительности, глупости или малодушия.

– Как же это возможно?

– Вот тебе простой пример – родился, скажем, человек музыкантом или художником, но не стал им. Почему? Причин бывает много. Если, как говорится, не пришлось обучиться этому делу по независящим от него обстоятельствам, (денег на учёбу не было или там, где он жил не у кого было учиться, а на то, чтобы уехать в другие места, опять же таки денег нет), то это ещё, куда ни шло. Такое можно и простить, хотя судить о том, кого простить, а кого нет, я не имею права. Хуже, когда человек послушает совет дурака, что заниматься делом, ради которого он пришёл в этот мир, не нужно, что это дело пустое, несерьёзное, что всё уже сыграно или нарисовано до него, а надо становиться мясником или кондитером. И вот, тот, кто должен по своей природе служить музыке, рубит мясо и делает колбасу, ненавидит и проклинает всю жизнь своё занятие, а с горя пьёт и вымещает свою досаду на семье. И дело вовсе не в том, что плохо быть мясником, кондитером или сапожником. Прирождённый мясник тоже не должен музыкантом становиться, а то ведь получится ещё хуже! Беда в том, что такая жизнь бывает, прожита впустую,

даже если человек всё это время делал качественную колбасу или сносно музицировал. После смерти его душа не обретёт покоя до тех пор, пока не свершится то, что упущено этим человеком при жизни.

– Но как же это возможно? Ведь призрак не способен взять в руки скрипку или флейту?

– Да, это так, музыкантом ему уже не быть, но он может найти себе замену и помочь какому-нибудь юному дарованию стать самим собой. Повторяю, это очень непросто!

– Хорошо, это понятно. А как же быть с остальными грехами?

– Я же не зря сказала тебе, что это – "во первых"! Так вот, слушай то, что, во-вторых – большинство того, что вы называете "грехом", придумано вами самими и к божественному промыслу не имеет никакого отношения. К примеру, вот ты – охотник, убиваешь оленя, это грех?

– Нет, ведь я должен добыть мясо и шкуру, чтобы кормиться самому и кормить своих близких, а также сделать одежды для того из нас кто в ней нуждается.

– Понятно. Я думаю, найдётся применение также рогам и копытам. А с точки зрения оленя?

– Что с точки зрения оленя?

– Грех это или не грех?

– Ну, не знаю... Грех, наверное, но ведь он же олень!

– Правильно, он олень и высказаться по этому поводу не может. Но это не значит, что он ничего не чувствует и ни

о чём не думает. С его точки зрения, ты страшный злодей и великий грешник! Ну ладно, оставим оленей в покое. Ты говорил, что у вас в посёлке есть свой священник. Что он говорил по поводу запрета видеть человеческую наготу?

– Много чего говорил! Что показывать свою наготу – грех, что подсматривать за девушками – грех, что девушкам надо соблюдать приличия...

– Вот-вот! А почему тогда вы не закрываете лица? Это что же не нагота? Чем провинились другие части тела? Не знаешь? Я могу тебе рассказать. Много тысяч лет назад так решили "премудрые" старцы одного древнего племени. Почему? Ну, прежде всего потому, что они жили в тех краях, где было много солнца, а понятия о красоте связывались с белизной кожи. Вот и приходилось её прятать, чтобы сохранить красоту, как можно дольше. А ведь красота для людей это приманка, влекущая их друг к другу для продления жизни. Ясно же, что если красота скрыта, то на неё хочется посмотреть, а для этого надо отбросить одежду. Так вот, "мудрецы" эти страдали старческим бессилием и слабоумием, как это часто бывает с людьми, изнашившими себя за жизнь полную забот, лишений и тяжёлого труда. Вид здорового молодого тела, особенно женского, вызывал у них раздражение, замешанное на обыкновенной зависти. Это бывает практически со всеми людьми, пережившими свой разум, но вот беда – старики эти обладали властью, которую нельзя оставлять в руках подобных людей, даже если они когда-то

и впрямь были мудрецами. Эти-то вожди и напридумывали законы, среди которых был доведённый до абсурда запрет на открытие наготы человеческого тела. С этими законами человечество мается уже много эпох. Причём сначала эти запреты были достаточно безобидными, вроде того, чтобы не попадаться старейшинам на глаза без такой-то и такой-то одежды. Но люди не могут ограничиться чем-то одним. Если глупость пущена в дело, то её надо раскормить до состояния полного сумасшествия! Короче, были времена, когда эти запреты касались только отношений между незнакомыми людьми, а было и такое время, когда муж и жена не имели права обнажаться друг перед другом. (Бедные! Как же им было неудобно!) А ещё было правило, что человек не мог смотреть на себя в зеркало, если был раздет. Много чего было! А сколько крови и слёз было пролито из-за этой ерунды! Сколько загубленных жизней, искалеченных судеб! И это моему отцу приписывают всё зло, какое есть на земле?! А сами-то творят чудовищные злодеяния, и в отношении кого?! Молодых женщин, которых по природе своей обязаны беречь, холить и лелеять!

– Да, – вставил Стефан, – падре нам говорил, что в мире за пределами "Божьей горсти" много зла.

– Ваш священник не глуп, но готова спорить на что угодно, что и у вас в этой самой "Божьей горсти" не всё бывает гладко?

– Конечно, всякое случается, но девушки у нас голышом

не бегают.

Стефан чуть было не прибавил – "кроме Ларни", но вовремя сдержался.

– Ты хотел сказать – "к сожалению"? Можешь не отвечать. Судя по тому, как ты покраснел, я права! Кстати, у запрета, о котором мы говорим, есть одна положительная сторона – женская нагота, став недоступной, (или малодоступной), так привлекает противоположный пол, что это стало дополнительным двигателем для размножения людей на Земле. Стоит вам, мужчинам показать хоть немного, так и всё остальное подавай!

При этих словах полотенце, как будто само сползло с нежного плеча Сато, открыв изящную ключицу и часть сладкой, свежей груди. У Стефана на миг перехватило дыхание, и он почувствовал, что она совершенно права, а потому нахмурился и отвернулся.

Ответом ему был ещё один взрыв девичьива хохота, в котором, правда, уже не слышны были громовые раскаты, а только лишь нежные переливы.

– Сато, сколько тебе лет? – спросил Стефан, желая переменить тему.

Девушка перестала смеяться и в её глазах снова произошла перемена красных и зелёных искр.

– Столько, сколько видишь! – игриво ответила она.

– Но ведь ты говорила...

– Дурачёк! Кто же спрашивает женщину о возрасте? Мы

такие, какими кажемся и точка!

– Ну а всё же?

– Вот медведь! Я старше не только вашей цивилизации, но и всех человеческих цивилизаций, какие были на Земле. Понял?! Ну что, теперь ты доволен? Изобличил старуху?

И она с негодованием отвернулась. Стефан почувствовал себя неловко, но что в таких случаях следует говорить и делать он не знал. Пару раз кашлянув, он поёрзал, покрутил головой, соображая, не следует ли уйти, но чувство вины перед обиженной девушкой не дало ему это сделать. Тогда он протянул руку, чтобы потрогать Сато за плечо, но тут же убрал её в смущении.

– Смелее! – вдруг услышал он, и раньше, чем успел что-либо сообразить, Сато обернулась, и её лицо оказалось совсем близко от лица Стефана.

– Неужели я должна просить тебя поцеловать меня? – спросила Сато и её нежные губы прикоснулись к его губам, от чего по телу парня пробежал разряд электрического тока. Стефан сам не понял, как это случилось, но его руки поднялись и крепко прижали к себе гибкое девичье тело, с которого теперь совсем упало полотенце, будто его стянули нарочно.

"Но ведь я же люблю Ларни!" – пронеслось в голове Стефана.

"Ну и что с того? – вдруг заговорил там же голос Сато. – Люби её и будь счастлив с ней всю жизнь, если она тебе ска-

жет "да", а здесь и сейчас будь счастлив со мной, потому, что сейчас "да" говорю тебе я!"

"Инци, что же я делаю?!" – тихо прозвучало, где-то на краю сознания молодого охотника.

Но слова эти тут же погасли. Зато из горла могучего, здорового самца вырвалось хриплое победное рычание! Он повалил женщину, словно хищник жертву и оказался на ней сверху, а она тут же обвила его руками и ногами. Минуты проходили, как годы и самый Ад содрогался до основания от мощных движений их тел, а к его вершине возносилась вечная и ни с чем не сравнимая по красоте песня любви!

Глава 37. Я с тобой!

Маранту что-то неожиданно и пребольно кольнуло в сердце. Ларни? Что-то с Ларни? Нет, не похоже, но это явно как-то было связано с дочерью. Вдруг она всё поняла: Стефан! Что-то случилось со Стефаном и от этого Ларни испытывает боль и ужасное горе, а она – Маранта, чувствует горе своего ребёнка...

О, Боже! Только бы с парнем не стряслось ничего ужасного. Стефан хоть и не был Маранте родным сыном, но она заменила ему погибшую мать, и он был дорог ей не меньше чем Ларни и Руфус.

Но, что же делать? Разбудить Михала и всё сказать ему? А какой с этого толк? Он же сразу побежит догонять детей, чтобы всё выяснить, помочь, спасти, но они отстают от неугомной парочки на день или два и если что-то случилось, то оно уже случилось и предотвратить это *что-то*, никак не получится. К тому же впопыхах они могут потерять след и ходить после этого по каменному лабиринту, хоть всю оставшуюся жизнь.

Маранта потихоньку вылезла из постели и, как была, нагая уселась на пол посреди спальни. Меч класть перед собой было не обязательно, но она это сделала, так как чувствовала себя намного уверенней, когда любимое оружие было рядом.

Итак, она собиралась снова проделать то, что сделала

недавно – отторгнуть свою душу от тела и послать её на разведку, а будет надо, то и в бой, чтобы спасти непутёвых сорвиголов! Памятуя, как всё происходило в прошлый раз, она понимала, что сильно рискует, но как и в прошлый раз, не видела иного выхода.

Воительница сосредоточилась, проделала все необходимые манипуляции, что и тогда, во время битвы с зомбаками, и ... на удивление легко вышла из своего тела! Видно идти по проторенному пути было легче. Что ж, этим не грех воспользоваться! Вдруг на её плечо легла знакомая рука, и мягкий голос мужа спросил:

– Ты куда это собралась?

– К ним, – отвечала Маранта чистую правду, потому что лгать в таком состоянии было совершенно невозможно. – Там что-то неладно со Стефаном, и я иду на выручку.

– Подожди, я с тобой!

И тут Маранта сообразила, что рука Михала лежит не на плече её физического тела, а, если можно так выразиться, на плече её души! А это значит!.. Мгновенный ужас охватил её, но, обернувшись, она увидела, что от души Михала, стоящей рядом, к его телу, лежащему на кровати, тянется прочный, хоть и невесомый канат, такой же, как у неё. Это значит, что он присоединился к ней во сне и, (слава тебе, Господи!), не умер!

– Но как же ты?.. – начала Маранта, но бесплотный Михал рядом только пожал плечами.

– Не знаю, но мне показалось, что ты меня вытянула.

Вытянула? Что это значит? Но ответ нашёлся тут же: Маранта увидела то, чего не видела раньше – короткий, толстый канат, похожий на те, что соединяли их с телами, но на сей раз, он соединял их души! Воительница понятия не имела о том, что бы это значило, но, похоже, что именно за этот канат, напоминающий пуповину, она его и "вытянула".

– Но ведь это же опасно! – слабо запротестовала Маранта. – Я в прошлый раз чуть было...

– Знаю, – прервал её Михал. – Но мы здесь вообще-то не для того, чтобы бегать от опасностей. А потому, не будем терять времени и полетели. Или пошли, ну, в общем, тебе виднее! А по дороге расскажешь мне, что ты там такое почувствовала насчёт Стефана?

Маранте ничего не оставалось, как взять мужа за руку и взмыть вверх, не обращая внимания на чердачные перекрытия и крышу. Взлетая над домом, она подумала только: "Надеюсь, что никто не съест наши тела в наше отсутствие, ведь мы же без охраны? Обидно, если некуда будет вернуться!"

Глава 38. Пятью пять...

Змеёж был снова поражён и шокирован! Он прилагал такие усилия, чтобы убить обе пары людей, а они не только отбили все атаки, но ещё и стали вытворять что-то непонятное! Сначала первая пара превратилась в тройку, потом один из этой тройки бесследно исчез, а теперь люди другой пары взяли и сами по себе просто умерли! Безо всякой видимой причины. Вот уж наглость, так наглость!

Змеёж даже хотел с досады скормить их тела циклопу, но тот решал, какое-то сложное уравнение и пришлось оставить носителя в покое. Этот громила совсем с ума сошёл на почве математики! Если так пойдёт дальше, то он будет непригоден для своей миссии и его придётся укусить.

Но пока что циклоп был нужен, как транспортное средство, способное быстро преодолевать городские завалы. Теперь надо было сконцентрироваться на поиске двух оставшихся людей. Что-то подсказывало, что под землёй они теперь не задержатся, так-как исчезновение третьего поменяло их планы. Но всё-таки, куда же этот третий мог подеваться? Пятью пять... Да чтоб тебя!

Глава 39. Неправильный вопрос

– И всё-таки, почему – я?

Стефан сидел, прислонившись спиной к стволу дерева, ветви которого, отягощённые сочными, вкусными, но совершенно неизвестными плодами, склонялись до самой земли. После бешеной любовной скачки, он ощущал приятную, томную расслабленность и, как ни странно, прилив сил! Сато лежала рядом на животе, подперев голову руками, и болтала ногами в воздухе. Она не потрудилась одеться даже в свой странный наряд из мелкой сетки, но теперь это уже совершенно не смущало парня, ставшего мужчиной.

– Понравился! – ответила она на его вопрос и перекатилась на спину. – Не каждое столетие, знаешь ли, попадаете такой красавчик.

– Не каждое столетие?

– Ну да! Я, видишь ли, здесь на голодном пайке, а точнее сказать вовсе лишена, хорошего мужского общества. А тут, вдруг, ни с того, ни с сего, такой подарок!

– Сато...

Стефан смутился, но всё же задал свой вопрос:

– А много у тебя было... мужчин до меня?

– Ишь, какой любопытный! Думаешь, за восемьсот тысяч лет я их считала?

– Восемьсот тысяч?!

– Ну, или около того. Годы я, знаешь ли, тоже не считаю. Возможно, лет было больше, возможно даже намного больше... Какая разница? Кстати, я надеюсь, ты не будешь читать мне морали? Или думаешь, что всю эту прорву времени я должна была оставаться девственницей в ожидании тебя?

Стефан поморщился.

– Если я уж кого-то и должен винить, так это себя, – сказал он. – Как я теперь посмотрю в глаза Ларни... если когда-нибудь увижу её?

– Вот глупый! Повторяю – ты ни в чём перед ней не провинился. Разве вы давали друг другу какие-то обещания? Если я правильно поняла, то между вами и объяснения-то не было? Любите друг друга? А как любите? Как друзья? Как брат и сестра? Как любовники? Как будущие супруги? Сами не знаете! Так вот, пока не узнаете, ни у тебя перед ней, ни у неё перед тобой, никаких обязательств нет! А значит, нет и повода для того, чтобы заявлять права друг на друга. И для ревности тоже нет повода! Хотя вы, потомки Адама и Евы делаете из мухи слона, когда речь заходит о ревности! Ревнуете, даже если не имеете на это никакого права.

– Но как же можно без этого обойтись? Ведь если бы я узнал, что Ларни с кем-то там... Ну, в общем, я не знаю, как бы я поступил, но остаться равнодушным уж точно не смог бы!

– А и не надо оставаться равнодушным. Просто будь лучше своего соперника, во всём в чём сможешь, а если не по-

лучилось, то уважай выбор той, к которой ты неравнодушен.

– И что же, если у меня не получится быть лучшим, то я должен смириться?

– Конечно, есть несколько выходов из этой ситуации. Например, соперника можно убить, а женщину взять силой. Но разве после этого ты сам будешь счастлив? Никогда! Если ты, конечно же, не урод с пустой душой и деревянным сердцем. Я уж молчу, какой несчастной будет девушка, с которой ты так поступишь.

– Ты говоришь так, словно всё это испытала сама.

– Я жила среди людей и даже притворялась одной из них. Интересно, знаешь ли, было попробовать себя, то в одной, то в другой роли.

– И что, перепробовала все?

– Нет, конечно! Их же бессчётное множество. Я не испытала на себе даже все известные. Например, матью семейства не была никогда, хоть замужем была неоднократно.

– Не получилось завести детей?

– Нет, я не бесплодна, просто потомство для меня это дело особое, ведь я же... впрочем, это долго объяснять. К тому же я не мужчина, что бы позволить себе раскидать бастардов по всему свету. Рожать-то самой придётся! К тому же, чтобы пойти на такой шаг надо подобрать хорошую кандидатуру для отца своего ребёнка, а это непросто.

– Ты не смогла это сделать за восемьсот тысяч лет?

– Это для тебя такое количество времени является огром-

ным. Я же, как видишь, не успела за все эти годы не только состариться, но и войти в возраст полной зрелости. Так что, куда мне торопиться? Правда я не была на Земле лет этак шестьсот, но судя по тебе, люди за это время ничуть не изменились.

– Шестьсот? Ты здесь уже шестьсот лет совсем одна?

– Если ты имеешь в виду общество тебе подобных, то да. И хоть я не старею, но для меня это тоже срок не маленький. Особенно тяжело было всё это время обходиться без мужчин. Без настоящих мужчин.

– А бывают ненастоящие?

– Бывают. Не так сложно сделать себе голема, придать ему вид человека и всему научить. Он ведь потом будет делать всё безупречно, но ведь это не то! Человек должен быть живой, настоящий, так что ты уж не сердись, что я на тебя так набросилась.

– Я не сержусь, только...

– Опять ты за своё?

– Да нет, просто всё было так неожиданно... Но здорово! Сато села рядом и обняла его.

– Хороший! Какой хороший! Знаешь, что? Повезло твоей девушке, и я, конечно, верну тебя ей, но пока мы не придумали, как это сделать, своего я не упусти!

С этими словами прекрасная демоница впиалась в губы парня долгим неистовым поцелуем, и он опять потерял чувство реальности.

Глава 40. Глупые овцы

– Идём!

– Не торопись так, ты измотаешь себя!

– Идём, я не могу ждать!

Они поднимались по бесконечной лестнице огромного здания, похожего на башню. Наверное, это было самое большое здание во всём городе, и, как ни странно, едва ли не менее всех пострадавшее.

Конечно, его могучие лифты, способные поднимать многотонные грузы и целую толпу пассажиров, давно не работали. Но лестница, ведущая на верхние этажи, утопающие в облаках, была в превосходном состоянии, разве что покрыта слоем пыли.

Когда они вышли на поверхность был полдень, а сейчас дело шло к вечеру, но, уставшая до полуобморочного состояния, Ларни, не хотела останавливаться. Инци с трудом отобрал у неё снаряжение Стефана, которое она отказывалась бросить – два ружья, два топора, разные мелочи и запас патронов.

Теперь ему пришлось тащить всё это на себе, и он не раз пожалел о том, что, провалившийся в тартарары охотник, не забрал с собой хотя бы половину. Конечно, они делали привалы на широченных мраморных площадках, где Ларни буквально падала от усталости, но через очень короткое время

вскакивала и, стиснув зубы, шла дальше.

Зачем всё это было нужно? Инци не объяснил, сказал только: "Верь мне!" и повёл девушку за собой. Возможно, он просто не хотел терять время на долгие разъяснения, а может просто не мог растолковать обычному человеку то, что было доступно и понятно только посвящённому в высшие истины.

Но вот, наконец, они вышли на самую верхнюю площадку, которая была даже не смотровой, а скорее предназначалась для ремонтников-верхолазов. Оба страшно устали и теперь, прежде что-то делать, вынуждены были присесть прямо на холодный каменный пол. Впрочем, Инци постелил для Ларни свой сложенный вчетверо плащ и почти насильно усадил на него упирившуюся девушку.

Да, задача была не из лёгких, но только отсюда можно было осмотреть и "прощупать" весь город. Хотя бы, поэтому стоило сюда забраться. Хорошо, что ещё монстры не докучали им по дороге. Впрочем, в самом начале пути высунулось из-под лестницы свиное рыло, увенчанное сверху нелепыми рогами, но от одного взгляда Инци тут же спряталось, обиженно хрюкнув напоследок.

Инци чувствовал – где-то в городе есть ещё один проход, который оставался открытым. Он хотел было сказать об этом Ларни, но, обернувшись, увидел, что девушка спит, свернувшись калачиком и обняв мешок с засунутыми в него топорами.

Что ж, это даже к лучшему. Не стоит показывать всё под-

ряд этой девочке, как не стоит ей всего рассказывать. Инци ненавидел ложь и не собирался к ней прибегать, но ведь кое о чём можно и умолчать ради пользы дела. Например, о том, что к нему вернулась память, и это было больно... Очень больно!.. Так зачем же делиться своей болью с этим ребёнком, у которого случилось горе и которому очень непросто будет помочь?

Между прочим, он от души, (но конечно внутренне), посмеялся над именем, которое ему здесь дали. Как это частенько бывает, оно возникло в результате ошибки рождённой незнанием. Ведь буквы на табличке, прибитой когда-то над его головой, означали издевательское прозвище. Но нынешние люди об этом забыли и превратили эти буквы в имя, которое ему придётся теперь донашивать, пока он пребывает в этом мире.

А ведь девочка его узнала! Узнала и назвала этим чудным именем. Вот парнишка не узнал, но не стоит его за это строго судить, ведь у него глаза были зашорены любовью, а это самые прекрасные шоры! Он увидел только невесть откуда взявшегося мужчину – соперника. Вот глупыш! Видел бы он, что творится сейчас с его подругой.

Такой привязанности Инци не встречал уже давно. Ради их взаимного чувства стоило ещё раз рискнуть в этом негостеприимном мире.

Однако, надо было начинать. Он бесшумно встал и подошёл к ограде площадки. Ветер унёс облака и сейчас город

был, как на ладони. Некогда живой, а теперь представляющий собой гигантскую могилу для тех, кому он был когда-то домом. Сверху не так были заметны разрушения, но на улицах ничто не двигалось, а в окнах не горел свет, и гробовая тишина нарушалась только песней ветра.

Инци закрыл глаза и выставил ладони вперёд. Город был сейчас ему не интересен. Нельзя же вечно скорбеть об утраченном. То, что его сейчас занимало, могло находиться, где угодно – на земле, под землёй, на крыше или внутри дома и даже в воздухе. Где же оно? Он был уверен, что это где-то здесь, он чувствовал это!

Но, что это? Вместо замаскированного прохода, он увидел две, свободно парящие души. Здесь? Откуда? Это что, неприкаянные? Нет, не похоже, но они не поднимаются вверх, как это положено душам, отлетающим от тел и направляющимся к сонму душ для выбора дальнейшего пути. Ах, вот оно что! Эти души были привязаны к телам, ещё наполненным жизнью! А это значит...

Волосы шевельнулись на голове Инци при мысли о подобной дерзости и святотатстве! Он понял, что видит перед собой души исторгнутые искусственно самими обладателями тел! На миг он забыл о цели свих поисков и властно призвал мятежные души к себе. Ну, сейчас он и задаст трёпку этим двоим, а потом загонит их обратно в тела, как загоняют глупых овец, норовящих разбежаться прочь, от своего пастыря!

Глава 41. Как посмели?!

Маранта увидела Ларни, когда их полёт вдруг приостановился. Властная необоримая сила повлекла их, помимо их воли и потянула к себе. Кто-то могучий и грозный тащил их словно расшалившихся щенков за поводки, решительно и гневно.

"Как посмели?!" – прозвучал, будто с небес рассерженный голос, и Маранта вдруг поняла, что принадлежит он кому-то, кто имеет полное право, основание и власть, чтобы сердиться. Сопротивляться они с Михалом не могли, и теперь утешались только тем, что их тащат в том же направлении, где они видели Ларни, (но, увы, не видели Стефана).

Да, вот она – крохотный живой комочек, сжавшийся на крыше самого огромного здания в этом городе. Но кто это рядом? Кто стоит там у парапета? Ведь это он притягивает их к себе, не давая возможности даже пошевелиться!

Инци?!

Не может быть! Хотя почему не может? Тот, кто при жизни покинул своё тело и бесплотным духом парит в воздухе, не должен уже ничему не удивляться.

– Кто вы такие? – гневно спросил Инци, когда они подлетели вплотную.

– Я – мать вот этой девушки! – не дрогнув, ответила Маранта. – А это отец того юноши, который был её спутником!

Мы ищем их.

– Ах, вот оно что! – воскликнул Инци и на пару мгновений задумался. – Это несколько меняет дело, но всё равно, то, что вы проделали, недопустимо!

– Пусть так, но ради спасения детей мы готовы рискнуть покоем своих душ и нарушить законы и правила!

– Ты говоришь, женщина, что делаешь это ради спасения детей? А о другом ребёнке ты подумала?

– О Руфусе? Он уже достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе, если мы не вернёмся. К тому же он под защитой общины "Междустенья"...

– Нет, я не о нём, а о том, который ещё не увидел свет, но уже имеет душу и связывает тебя с мужем неразрывной нитью. О нём ты подумала?

– Маранта поглядела на нить, протянувшуюся от неё к Михалу, и ахнула! Неужели? В их-то возрасте! Хотя, почему нет? Не такие они уж старые... Они оба здоровы и ещё достаточно сильны. Вот это да!

– Немедленно отправляйтесь назад, пока вы не повредили этому драгоценному плоду, судьба которого ещё пишется, – приказал Инци. – Когда будете готовы, явитесь сюда. Мы будем ждать вас внизу этой новой Вавилонской башни. Только скажи мне напоследок, женщина, кто отец вот этой девушки, в глазах которой сияет синева Предвечного Неба?

Маранта посмотрела на спящую Ларни и ответила:

– Её отцом был человек по имени Золас. Он был предво-

дителем разбойников и спасителем жизней многих людей. Мы были любовниками и зачали это вот дитя, но судьба была против нас, Золас погиб во время пожара дворца короля Лоргина, а я пронесла этого ребёнка сквозь огонь и смерть, пока не нашла себе приют в "Междустье".

Инци задумчиво посмотрел сначала на своевольные души, потом на Ларни и, ничего не сказав, отпустил Маранту и Михала, махнув им рукой. Когда они скрылись, он ещё раз внимательно "прочёл" девушку. На ней не было печати смерти одного из родителей. Это значило, что её мать ошибается и тот, кого она назвала Золасом – жив. Но заниматься такими исследованиями было некогда. Может быть потом, если будет возможность, он всё выяснит, а сейчас надо делать намеченные дела.

– Мама? – вдруг спросила Ларни, внезапно проснувшись. – Ой, мне показалось, что здесь была мама!

– Ты скоро увидишь её, дитя! – вставай, нам пора в обратный путь. – Я кое-что узнал и кое-что придумал.

Глава 42. Дорога к Хозяину

– Ты уверена, что мне стоит с ним знакомиться?

Стефан пнул очередной камень, которыми щедро была усеяна эта дорога. Странно было после ухоженных, картинно-красивых мест, где обитала Сато, спотыкаться о колдобины и перепрыгивать ямы, с риском переломать себе ноги. Впечатление было такое, что эта дорога сначала была разбита, а потом заброшена много лет назад. Когда он спросил об этом свою новую подругу, та объяснила, что так оно и случилось.

– Сначала я ходила к отцу каждый день, просилась обратно в мир людей, вот и разбила дорогу, а потом поняла, что это бесполезно и долго-долго не пользовалась ей. До сегодняшнего дня, собственно.

Стефан посмотрел на её маленькие ноги. Сато не носила обуви, но сегодня снова была "одета" в своё сетчатое трико, туго обтягивающее тело, от ступней, где каждый палец был вывязан отдельно, до шеи. С точки зрения Стефана такая одежда ничего не закрывала и ни от чего не защищала.

Впрочем, Сато, похоже, не нуждалась в защите. Она уверенно шагала по острым камням, время от времени отшвыривая те, что покрупнее ударом ноги. Стефан, который был обут в жёсткие сапоги, взятые в магазине, где было оружие, проделывая то же самое, частенько чувствовал боль, но эта

девушка её, то ли не знала, то ли игнорировала. И всё же он не мог себе представить, как это она разбила дорогу, когда ходила по ней?

– Может всё-таки не надо меня с ним знакомить? – снова спросил охотник, которому было не по себе от предстоящей встречи с Повелителем Ада.

– Боишься? – спросила Сато с ехидцей в голосе.

– Не то что бы... А вообще-то, да!

– Правильно. Его невозможно не бояться. Тот, кто говорит, что не боится Князя Тьмы, либо дурак, либо вун. Я сама его боюсь, хоть и знаю, что он мне ничего плохого не сделает. Понимаешь, я не стала бы тебя к нему водить, но точно знаю, что будет хуже, если он сам до всего дознается. К тому же он здесь единственный кто может объяснить, как ты сюда попал и как тебе отсюда выбраться, если это вообще возможно.

– А он не будет э-э... сердиться, если узнает, что мы любовники?

– Ты всё об этом? Если хочешь знать, то первого любовника подарил мне он. А потом дарил их ещё много раз. Повторяю – вы, дети Адама, сами себя мучаете и уродуете, когда создаёте из физической близости очередную проблему! И нас, и вас сотворили так, что всем нам эта близость необходима, без неё жизни попросту нет, а если даже человек ухитрится при этом выжить, то это уже не жизнь, а жалкое и позорное существование.

– А тебе не приходило в голову быть счастливой с кем-нибудь одним?

– Почему бы нет, если бы это было возможно? К сожалению, мои любовники долго не живут. Не меняйся в лице, трусишка! Я не имела в виду, что они живут меньше других людей, скорее наоборот, ведь я искусная врачевательница и могу продлить жизнь человека, правда совсем чуть-чуть, не больше чем на столетие. Но ведь его жизнь рано или поздно кончится, и даже ещё задолго до того, как это случится, он не сможет быть моим любовником.

– А ты не пробовала найти себе кого-нибудь из своих, ведь вы же, с точки зрения людей, бессмертны?

– Я не люблю демонов, они противные!

– Да, у вас одно, а у нас другое.

– У вас другое? Да ведь мы же созданы по одному образу и подобию, из одного и того же материала! Мы похожи так, что сразу отличить невозможно, к тому же можем иметь друг от друга детей. Просто мы – более старшее человечество, вот и всё! И бессмертие-то наше весьма относительно. Что же касается отношений между людьми твоего рода-племени, то конечно, супруги или любовники могут прожить друг с другом всю жизнь, сохраняя верность, если их обоим это устраивает. А если нет? Ведь такое бывает и довольно часто. И тогда начинаются скандалы, ссоры, обман, измены, ревность, иногда дело доходит до кровопролития. Что в этом хорошего? Не всегда двое живут в любви и согласии, поверь мне,

ведь я долго жила среди людей. Так зачем же мучить друг друга? Зачем быть несчастными? Не проще ли отпустить того, кто душой уже не твой и найти себе того кто больше подходит? Сколько бед происходит из-за того, что люди не умеют делать свою любовь свободной! Прячут её, запирают, заковывают в цепи. А она ведёт себя и поступает так, как ей заблагорассудится, не считаясь с законами и правилами, которые напридумывали себе люди. Кстати, мы пришли. Старайся от меня не отставать, но откровенно за спину не прячься. Держись так, будто ничто тебя здесь не удивляет, но не забывай о почтении – Князь Тьмы уважает силу, но не наглость.

Стефан во все глаза смотрел на дворец повелителя Ада. Он никогда не думал, что это место может так выглядеть. А выглядел дворец, как цветок гигантского чёрного тюльпана, размером с гору, высеченный из одного целого камня.

Глава 43. Знать ответы

– Я видел деревья склонившиеся друг к другу, казалось, что они борются. Что они делали на самом деле?

– Не давали друг другу упасть!

– Если человек сильно взмахнёт руками, он может создать ветер. Деревья тоже могут махать ветками. Чем они отличаются от человека?

– Деревья не создают ветер, наоборот, это ветер заставляет их двигаться.

– Как ты думаешь, о чём трещат белки на ветках?

– О том же, о чём разговаривают все твари имеющие голос – о еде, об опасностях, о детёнышах, о соперничестве. О том же самом, что и люди!

– Почему собака и кошка не могут ужиться друг с другом?

– Собака виляет хвостом, когда радуется, кошка – когда сердится. Они просто не понимают друг друга. Но, отче, ведь так бывает не всегда!

– Верно, бывает, что кошка и собака хорошо ладят друг с другом, но для этого они должны расти вместе с самого начала, делить и кров, и сон, и еду, тогда они будут понимать друг друга с одного взгляда, тогда им будет легче понять и других собак и кошек. Однако такое бывает не часто и является скорее исключением из правил, а всякое исключение не опровергает, а подтверждает правило, запомни это!

– Отче, а можно мне спросить?

– Спрашивай, сын мой.

– Зачем нужны все эти вопросы? Ведь мы разговариваем о вещах, которые очевидны...

– Именно очевидное люди часто не замечают или оставляют без внимания, потому что привыкли к ним. Ты же должен свободно разбираться во всех очевидных понятиях и явлениях. С другой стороны, ты должен научиться отвечать на любые вопросы прихожан, причём делать это быстро, точно, мудро и остроумно. К твоей чести, скажу, что пока ты отлично справляешься.

– Тогда задайте мне ещё какой-нибудь вопрос, отче!

– Хорошо. Скажи, где бы ты спрятал сосновую иголку, если бы возникла такая необходимость?

– На сосновой ветке, среди других иголок.

– Правильно. А рыбью чешуйку?

– На берегу ручья, где чистят рыбу.

– А куда бы спрятал истину?

– Истину прятать нельзя, это великий грех и святотатство!

– И это верно. Но запомни – твоё утверждение правильно лишь в том случае, если ты находишься среди друзей. Среди врагов порой приходится прятать истину. И, конечно же, сложную истину лучше всего прятать среди простых, чтобы сохранить её и донести до тех, кому она необходима.

– Я никогда не видел врагов, отче. Мне кажется, Ларни была права, когда хотела посетить мир за пределами каньо-

на. Ведь, чтобы знать, как вести себя с врагами, надо с ними сначала познакомиться.

Священник задумался. С одной стороны Руфус конечно был прав, однако отпускать мальчика во внешний мир, словно агнца на заклание...

– Мне кажется, я не могу стать достойным священником, если не познаю все доступные стороны бытия, – не унимался мальчишка.

– Я думаю, на сегодня хватит, – дипломатично сказал старый священник. – Пойди, отдохни или займись другими делами, а над твоими словами я обещаю подумать.

Когда Руфус ушёл, старик встал на колени перед распятием и долго молился, не обращая внимание на боль, причиняемую ногам полированными досками пола. Обещать подумать над словами ученика, было легко, но вот как быть на самом деле? Ведь он действительно прав, этот способный мальчик, который всегда был не такой, как все... Беречь его как зеницу ока! Но не запирать же... Да, приходится сегодня размышлять над тем, что вчера казалось далёким и незначительным.

Священник закончил молиться и поднял голову, вглядываясь в бронзового Инци. Но Инци молчал, предоставляя своим последователям принимать решения самостоятельно.

Глава 44. Это не было сном

Ларни не роптала. Она лишь немного удивилась, что после такого долгого и трудного подъёма приходится опять спускаться, так ничего и не сделав.

– Всё хорошо! – успокоил её Инци. – Ты очень помогла мне, даже намного больше чем я ожидал. Поверь мне, теперь у нас появилась надежда!

Ларни ему верила и через полночи они оказались внизу, на первом этаже небоскрёба, очень напоминающего тот, где их со Стефаном едва не поглотила волна колючих шаров.

Здесь тоже был бассейн с фонтаном посередине, но воды не было, и его большая чаша была заполнена пылью. Тем не менее, место для привала, Инци выбрал именно здесь, где они провели, не двигаясь с места остаток ночи и всё следующее утро до полудня. Инци хотел сделать Ларни сюрприз, и ему это удалось, когда солнце подошло к зениту.

Маранта и Михал вошли в здание уставшие, запыхлённые, с оружием наизготовку. Колчан Михала был почти пуст, а воительница сжимала в руках окровавленный меч. Видно путь сюда был для них нелёгок, но всё было сразу забыто, когда они увидели Ларни. Сначала мать и дочь явно не верили своим глазам, потом бросились друг к другу и долгое время стояли, молча обнявшись. Михал присоединился к ним, но через минуту разомкнул кольцо могучих рук и посмотрел на

Инци.

– Значит, это всё не было сном? – спросил он, толи у Инци, толи у самого себя.

– Как видишь, охотник! – сказал Инци, приветливо улыбаясь.

– Где мой сын? – вдруг взревел Михал, как будто стоящий перед ним был виновен в исчезновении Стефана.

– Давайте присядем и тогда я расскажу всё, что знаю. – мягко отвечал Инци и такова была сила его голоса, что разгневанный охотник сразу остыл и послушно прошёл туда, куда ему указали.

Ларни всхлипывавшая на груди у Маранты, ("Мама, Стефан! Мама, Стефан!"), тоже успокоилась, но от матери не отошла, а села рядом, прижавшись к ней всем своим тоненьким и хрупким девичьим тельцем.

Рассказ Инци был нетороплив и длился долго, но зато не была упущена ни одна деталь. Время от времени он обращался к Ларни, что бы сделать то или иное уточнение, но скорее это делалось для того, чтобы отвлечь девушку от печальных мыслей и вернуть ей тонус, несколько утраченный после встречи с родителями.

– Других проходов в Ад я в городе не обнаружил, – сказал Инци в конце своей речи. – Но есть возможность того, что под церковью Рогатого есть заготовка для такого прохода. Его жрецы издавна пытались открыть путь между Преисподней и здешним миром, но для этого у них никогда не хва-

тало сил. Однако своими ритуалами им часто удавалось сделать границу между мирами достаточно тонкой, чтобы можно было, при определённой усилении, создать небольшой разрыв, в который сможет проникнуть один человек.

– А почему бы не сделать этот разрыв побольше, чтобы туда смогли проникнуть двое или трое? – поинтересовался Михал.

– Сделать-то это можно, а вот закрыть, потом будет непросто, – пояснил Инци. – Ещё не хватало, чтобы что-то из Ада выскочило сюда! Уверяю вас, что самый страшный монстр из тех, что оскверняют сейчас эту землю, покажется вам милым котёнком по сравнению с теми тварями, которые там обитают.

– Эх, мне бы побольше стрел! – мечтательно произнёс Михал. – Какая бы тварь не была, большая или маленькая, умело пущенная стрела её рано или поздно успокоит.

– Может ты и прав, Михал-охотник, но я тебя туда не пущу, – сказал Инци и в его голосе прозвучали решительные нотки. – Ни тебя, ни твою жену, ни тем более это дитя. Попасть туда и вернуться обратно могу только я. И я сделаю это, чего бы мне это не стоило, а потом я найду этого юношу и верну его на землю. Если он ещё жив, конечно.

– А если нет? – вдруг спросила Ларни и её глаза, как-то странно загорелись.

– Тогда я сопровожу его душу к сонму душ, ибо нечего ей обретаться в Аду, но сама она вырваться оттуда не сможет.

Не отчаивайтесь, друзья мои! Сколько я знаю тамошнего повелителя, он любит способствовать гибели людей на Земле, но попавшего к нему живого человека не тронет, хотя бы из любопытства. Правда в Аду кроме него есть много всего опасного, но будем надеяться на лучшее!

– А что грозит там тебе, Инци? – спросила снова Ларни. – Ведь ты сказал: "чего бы мне это не стоило", значит, чего-то может стоить?

Инци помолчал.

– Не хочу лгать вам, друзья мои, – сказал он, но многие обитатели Ада мечтают отомстить мне за нанесённые прежде поражения, и если им удастся меня схватить, то они захотят убить меня.

– Тебя распнут?

– Врядли. Учитывая их характер, они скорее разорвут меня в клочья. Но это ничего, ведь я снова воскресну возле престола своего Отца – Творца всего сущего.

– Я не хочу этого! Воскликнула Ларни.

– Я тоже не хочу, – улыбнулся Инци. – Поэтому постараюсь быть осторожнее. А теперь, друзья мои, не будем терять времени. Я знаю, что вы устали, но нам необходимо не только добраться до храма при свете дня, но и найти в нём место для проведения тайных ритуалов. Обычно это место скрыто от посторонних глаз и не просто скрыто, а запечатано, но я берусь его найти, а вы мне в этом поможете.

Глава 45. Чёрный тюльпан Ада

Несмотря на все предупреждения Сато, Стефан стоял сейчас с выражением крайнего удивления на лице, что очень забавляло того кто сидел на троне.

– Судя по твоему лицу, сын Адама, – весело сказал Князь Тьмы, – моя внешность тебя настолько поразила, что ты забыл поздороваться!

– З-здравствуй... те! – проговорил Стефан и услышал, как Сато рядом лязгнула зубами с досады.

– Вот так-то лучше! – продолжал повелитель Ада. – А теперь представься, пожалуйста, так как я, надеюсь, в представлении не нуждаюсь.

Стефан представился, Князь Тьмы одобрительно кивнул и спросил:

– Так что же во мне тебя так удивило, что ты полторы минуты подряд изображал здесь жену Лота?

Стефан не понял, о какой такой жене идёт речь, но решил этого не выяснять, а сказал просто:

– Это потому, что ты... что вы так похожи на Инци, что я поначалу подумал, что вы – это он!

– Что? На кого я похож? Какой ещё такой Инци?

Владыка Тьмы был явно сбит с толку. Он в первый раз со времени появления гостей перестал улыбаться и нахмурился.

– Он знаком с дядей Эм, папа. Теперь они называют его "Инци".

– Ах, вот оно что! Значит, малыш Эммануил снова отправился на землю спасать человечество? Он что, хочет, чтобы его опять распяли? Говорил же я ему – присоединяйся ко мне, будем вместе дела делать, и всем сразу станет хорошо, даже людям. Ну... тем, которые выживут. Эй, парень, как тебя там? Стефан! Ты его ещё не распял?

– Н-нет! – промычал Стефан, а сам подумал с удивлением, что ведь действительно был близок к чему-то подобному.

– Ну, значит, это сделает кто-нибудь другой, – продолжал рассуждать повелитель Ада. – Вечно с ним одна и та же история – сначала он всех учит и ему смотрят в рот, потом предают и распинают, потом молятся ему, как Богу и его именем творят такие мерзости, что мне вовек не измыслить! Даже в голову не придёт, честное слово! И каждый раз придумывают ему новое имя. В тот раз – Христос, что значит – распятый, а теперь значит Инци... Что это ещё за "Инци" такое?

– А ты вспомни ту табличку, которую прибили над его головой перед казнью: "Иисус Назарей Царь Иудейский" – ИНЦИ, – объяснила Сато, а сама почему-то смутилась.

– Ах, да...

Князь Тьмы замолчал и надолго задумался. Стефан, наконец, перевёл дух, но сердце всё ещё колотилось. Ещё бы! Как ему не заколотиться, когда он ожидал увидеть Повелителя Мрака, а на троне оказался Инци, который взглянул на него

глазами Ларни...

Сначала Стефан даже усомнился в собственном рассудке, но потом заметил-таки отличия – волосы чуть темнее, борода чуть короче, а главное – глаза! Они были синими, но потом выяснилось, что они могут менять свой цвет на огненно-красный, перебирая все оттенки, однако всегда возвращаются к прежнему ярко-синему цвету.

Когда он и Сато подошли к дворцу, их не встретила никакая стража, да и ворот-то никаких не было. Пока Стефан недоумевал, Сато прошептала несколько слов, и вдруг один из лепестков каменного тюльпана отделился от остальных и опустился, открыв при этом широкий проход в который могла войти целая армия, построенная в колонны. Удивительно, как такая громадина могла двигаться настолько бесшумно? Но впереди их ждало множество гораздо более удивительных вещей.

Как только лепесток, послуживший им в качестве моста, ведущего внутрь, закончился, они оказались в зале настолько огромном, что в нём пять раз могло бы поместиться Междустенье, которое никогда не казалось Стефану маленьким. Его удивило, что дворец Повелителя Тьмы состоит только из одного, пусть и большого помещения, но когда он сказал об этом Сато, она только рукой махнула:

– Здесь всё не как у людей. Ты видишь перед собой не сам дворец, а только то, что можно назвать тронным залом. Помещения, собственно дворца, находятся внизу, под землёй

и, несмотря на роскошь, напоминают кротовые норы. Мне там никогда не нравилось!

Стефан не мог похвастаться своими познаниями в устройстве дворцов, которые видел лишь на картинках в детских книжках, но здешнее устройство показалось ему, по меньшей мере, странным.

Внутри "тюльпана" было множество народа, стоявшего отдельными группками и целыми толпами. Стефан поначалу принял их всех за женщин, но приглядевшись повнимательнее, понял, что это юноши и ни одной женщины среди них нет. Зато все они носили длинные волосы, имели чистые, тонкие и даже нежные лица безо всяких признаков усов и бород.

Они были бы красивы, если бы не презрительно-холодное выражение глаз и губы, искривлённые в недоброй усмешке. Одеты местные обитатели были весьма странно – практически все носили трико чёрного цвета, чёрные плащи с красной и золотой отделкой, на ногах имели башмаки с пряжками или невысокие узкие сапожки, такие же чёрные и расшитые серебром и жемчугом. В тон всей одежде были и головные уборы – береты украшенные перьями, правда, их носили лишь некоторые, большинство ходило с непокрытыми головами. Практически все были вооружены – на расшитых замысловатыми знаками поясах висели длинные мечи, похожие на тот, что Маранта хранила в шкафу, и кинжалы, тоже длинные, со сложными витыми рукоятями. Только у некото-

рых Стефан заметил кривые сабли и ножи в усыпанных камнями ножнах.

– От меня ни на шаг! – шепнула Сато.

– Кто это? – поинтересовался Стефан. – Странные какие-то парни!

– Это павшие ангелы! – ответила Сато. – Те, кого люди называют демонами или чертями, а изображают в виде козлоногих, покрытых шерстью, рогатых существ, но ходящих, как люди. Как видишь, это далеко не так. Козлоногие к демонам не имеют никакого отношения. Они действительно когда-то жили на Земле, но теперь их нет. По крайней мере, на Земле нет, а в Аду они мирно живут в лесах и никого не трогают. А вот демоны есть, но они совсем на козлов не похожи.

– На вид люди, как люди.

– Да они и есть люди, только не дети Адама, а те, что были созданы задолго до тех, что населяют Землю сейчас.

– Вроде тебя?

– Почти. Я младше их, ведь я дочь их предводителя, а они ему что-то вроде младших братьев. Кстати, они меня не любят.

– А где твоя мама?

– Не спрашивай меня об этом. Лгать не хочу, правду сказать не могу. Скажу только, что она и сейчас жива и здорова, но находится далеко. Ты даже не можешь представить, насколько далеко...

Разговаривая, таким образом, они приблизились, нако-

нец, к середине зала, где на возвышении, напоминающем небольшую пирамиду, стоял трон. Стефан ожидал увидеть на нём некоего великана или богатыря в чёрных доспехах, но человек, который там находился, был хоть и высок ростом, но худ, волосы имел длинные, бороду небольшую...

Стефан едва не спросил: "Инци?", когда увидел его глаза – синие, но способные менять цвет, перебирая все цвета и оттенки от ультрамаринового, до пурпурно-красного. А ещё, они не только цветом, но и выражением напомнили ему... Ларни!

И вот теперь, разговаривая с Князем Тьмы, он вдруг понял, что есть ещё одно сходство, на которое он до сих пор не обращал внимание – если Ларни глазами, (и не только), была похожа на Повелителя Ада, то у Сато были такие же глаза, как у Инци!..

– Ну, что ж, Стефан, сын Михала-охотника из рода Адама, – снова заговорил владыка Преисподней, – я вижу, что ты, (хе-хе!), подружился с моей дочерью, а это значит, что у тебя теперь есть некоторые права, как у временно исполняющего обязанности зятя!

– Папа! – почти выкрикнула Сато, злобно зыркнув на отца.

– Ладно, ладно, не буду! – сказал тот примирительно. – Хорошо, шутки в сторону. Что ты желаешь Стефан? Чего тебе не хватает в моих владениях? Может быть, есть какие-то просьбы?

– У меня только одно желание, – произнёс юный охотник, побыстрее попасть обратно в свой мир! И только одна просьба – помочь мне в этом.

Князь Тьмы ответил не сразу.

– Видишь ли, – сказал он, наконец, – я ведь и сам здесь не только повелитель, но и заключённый, пленник. Да, да! В пределах Ада моя власть безгранична, но на Землю мне путь заказан! **Пока** заказан. И не только мне, но и всем моим подданным. Даже дочери теперь туда нельзя, после того, что она там натворила. А потом, что это за новости – только появился и сразу уходит!

– Я здесь не по своей воле! – сказал Стефан, чувствуя, что его захлёстывает отчаяние.

– Ах, вот как! Как же ты сюда попал? Расскажи, только ничего не выдумывай. Меня хоть и называют отцом Лжи, но со мной самим этот фокус не пройдёт, ибо не получится!

Стефан рассказал. Сначала ему совсем не хотелось упоминать имя Ларни, но без неё рассказ не мог быть связан воедино. Рассказав, всё как есть, Стефан опасно покосился на Сато, но та даже и ухом не повела.

– Ты хоть знаешь, что натворил?

У Стефана по спине пробежали мелкие мурашки, и он сразу почувствовал себя виноватым.

– То, во что ты провалился, – продолжал Повелитель Ада, – называется колодцем тысячи дев. Понимаешь? Имеются в виду девственницы. Ты лишил Ад невинности!

Стефан некоторое время стоял, хлопая глазами, а сидящий на троне, смотрел на него немигающим взглядом, который порой устремляет на школьника особо сволочной преподаватель. Так они смотрели друг на друга несколько секунд, и вдруг Повелитель Ада откинулся назад и захохотал так, что эхо заметалось под сводами зала, словно испугнутая птица! Его смех подхватили остальные демоны, и вскоре весь гигантский каменный цветок сотряслся от взрывов громopodobного хохота! Не смеялась одна только Сато. Она стояла рядом, с видом немного злым и скучающим.

– Шучу, шучу! – наконец проговорил князь Тьмы, едва переведя дух. – Даже я не знаю, сколько таких, э-э... проходов было создано за всё существование Ада. Эта ловушка, но поставлена она была не на тебя! Охотиться на людей подобным образом запрещено, и если тебе кто-то рассказывал, что черти-де живых людей в Ад затаскивают, не верь ему!

При этом он смерил долгим взглядом свою дочь от чего Сато вдруг смутилась и потупила глаза.

– Так вот, – продолжил он, – ловушка, поставленная в безлюдном городе, была рассчитана на монстров. Все называют монстров адскими созданиями, а я их даже никогда не видел! Любопытно, знаешь ли... Однако этот проход работает только в одну сторону, и выйти обратно тем же путём не удастся. Можешь попытаться выйти старым проходом, которым ходил ещё Геракл. Только предупреждаю – путь этот опасен, как тонкий лёд над водами, в которых кишат акулы.

Кроме того, туда нужно ещё и дойти, а это отдельный разговор. Впрочем, Сато тебя проводит, и если понадобится, защитит. Но ей запрещено использовать для этого демоническую силу. Да-да! И нечего на меня так смотреть, дочка! Сам я тебе помогать тоже не буду, но дорогу покажу, так и быть. А теперь, дети, подойдите ближе к моему трону!

Когда Стефан и Сато сделали, как он сказал, толпа придворных демонов расступилась, лепестки каменного тюльпана раскрылись, а пирамидоподобное возвышение, будто под действием некоего скрытого механизма, стало подниматься вместе с тронном, и всеми кто находился рядом с ним. Каменная колонна всё вырастала и вырастала из пола, покуда не остановилась, где-то под облаками. Стефан во все глаза глядел вниз и видел леса бушующей зелени, похожие на морские волны, горы с дымящимися вершинами, по склонам которых стекала раскалённая лава, реки, и озёра кристальной воды из которой выпрыгивали резвящиеся рыбы.

Больше всего Стефана поразили города, но не такие, как тот огромный мёртвый город, в который они с Ларни попали на свою беду, а небольшие, с флюгерами на остроконечных крышах, со стрельчатыми окнами, забранными цветными стёклами, с уютно поднимающимися струями белых дымов от печных труб. Города эти, казались вышедшими из сказки и выглядели обитаемыми, хоть Стефан и не мог представить себе тех, кто там жил.

Тут и там на невысоких холмах виднелись роскошные

дворцы и великолепные замки, а между ними раскинулись поля полные спелых злаков и зелёные луга с пасущимися стадами.

– Ты онемел, адамов внук? – заговорил снова Князь Тьмы. – Почему ты молчишь, в то время как твои глаза упорно лезут на лоб?

– Просто я совсем не так представлял себе Ад! – ответил Стефан, очнувшись после очередного шока.

– А как ты его себе представлял? Как пылающую серную яму? Как жерло раскалённой печи? Как видишь, это всё не так. И грешников здесь, кстати сказать, тоже не жарят. Зато здесь проживают, на совершенно добровольных основаниях, те, кто угоден мне. Это вовсе не чудовища или нелюди, пожирающие собственных детей, но существа, конечно, не безгрешные. И живут, заметь, они счастливо! Но я заболтался с тобой. Гляди, вот она – дорога!

Стефан посмотрел вниз и увидел тонкую красную линию, которая петляла между долин и холмов, пересекала леса и реки, проходила через города, ныряла в горы и выныривала, где-то у самого горизонта.

– Если сможешь пройти по ней и выжить, то в конце увидишь выход, идущий через пещеру полузатопленную водой. Там ты встретишь трёхглавого пса. Его зовут Цербер и он, скорее всего тебя съест, но если каким-то чудом этого не произойдёт, то по выходе из пещеры, окажешься в своём мире. Ну, всё, передавай от меня привет Инци, если застанешь

его в живых!

.....

Через некоторое время они с Сато шли по указанной дороге, которая всё ещё отсвечивала красным, хотя этот цвет мерк на глазах, как это бывает с остывающим раскалённым железом.

– Мерзавец! Эгоист! Самовлюблённый самодур! – ругалась сквозь зубы девушка.

– Ты кого это так костеришь? – поинтересовался Стефан, изумлённый её гневом.

– Отца своего, кого же ещё!

– Но за что?

– А ты не понимаешь? Там же столько опасностей, ты можешь погибнуть!

– Жизнь полна опасностей. Я много раз мог погибнуть на охоте и в схватках с монстрами.

– Да, ты такой! Ты всё преодолеешь, ведь тебя ведёт по жизни любовь, и может быть, в конце даже ждёт счастье. А я? А как же я? Обо мне ты подумал?

– Я смогу защитить тебя в пути от опасности, пока мы вместе. В конце концов, ты можешь никуда не ходить...

– Да я не о том! Мне и без демонической силы здесь бояться нечего. Вот дойдёт до драки, посмотрим, кто кого защищать будет! Я доведу тебя до конца, как обещала, но потом... потом ты уйдёшь, а я... я останусь одна, быть может, снова на века...

В голосе Сато послышались слёзы. Стефан почувствовал себя виноватым, но что ему делать и как успокоить девушку он не знал, а потому просто решил переменить тему, пусть это даже выглядело, как фраза сказанная невпопад.

– Здесь так красиво! – сказал он, стараясь придать своему голосу беспечное звучание. – Красивее даже чем у меня дома. Так почему же твой отец говорит о тебе и о всех вас, как об узниках, которые только и мечтают отсюда выбраться?

Глаза Сато как-то моментально высохли и в них полыхнули красные искры.

– Ты просто не видел Царства Божьего! – сказала она с оттенком льда в голосе. – По сравнению с ним всё, что здесь есть, просто жалкие задворки!

Глава 46. Горе от ума

Змеёж понял, что он ничего не понял. Оба умерших человека просто встали и ушли! Да, он уже уяснил, что люди горазды на сюрпризы, но, (шестью девять...), чтобы *такое* отмочить?!

Одно радовало – двое других вылезли из под земли, а значит ему не придётся пропихивать туда циклопа, (восемнадцать минус два...). И ещё – обе пары шли на сближение! Догнать, поймать, прикончить всех разом! (Триста тридцать шесть разделить на... да отстань, ты!) Хватит с него этих экспериментов. Итак, догнать!..

Змеёж не сразу сообразил, что не трогается с места. Более того, увлечшись телепатическими поисками, он позабыл следить за тем, что делается у него перед глазами. А перед глазами у него было вот что – одна огромная рука держала между двумя пальцами книгу, казавшуюся крохотной, а другая прилагала отчаянные усилия, чтобы переверачивать страницы.

Циклоп читает?! Змеёж чуть иголки не сбросил от изумления, но нет, здоровяк всего лишь рассматривал картинки. Но ведь ему и этого не положено!..

"Научи читать!" – вдруг возникла в мозгу явно чужеродная мысль. – "Научи, а то не буду слушаться."

Змеёж едва сдержался, чтобы не укусить бунтаря на месте.

Но это было бы неразумно. Он ведь ему нужен, *пока* нужен! Что ж, пусть учится, если хочет, а потом, когда надобность в этой горе мускулов отпадёт, вся его грамотность будет стоить меньше одной крохотной капельки яда!

Змеёж мысленно сплюнул и принялся осматривать библиотеку, где они прятались, отыскивая букварь форматом побольше.

Глава 47. Тайное место

Вопреки всем опасениям Инци, место тайных ритуалов нашлось практически сразу. Пока Михал, открыв рот, рассматривал впечатляющую статую Рогатого, они с Марантой и Ларни критически осмотрели внутреннее помещение церкви.

Простая логика подсказывала, что потайная комната, (или, что там ещё может быть такое?), находится именно под изображением кумира, которому посвящён этот храм. Но какая же она тогда потайная, если мысль об этом её возможном нахождении приходит в голову в первую очередь?

Если такое помещение и в самом деле имеет место быть в этой церкви, то оно должно быть спрятано так, что об этом нельзя догадаться сразу. Но при всём при этом, что-то должно на это место указывать.

Мысль посмотреть туда, куда обычно не смотрят прихожане во время молитвы, пришла матери и дочери одновременно. Всё внимание посетителей здесь, конечно, поглощал рогатый истукан, а значит, смотреть сейчас надо было не на него, а от него!

Так они и сделали, повернувшись спиной к помпезному изваянию. Поначалу ничего особенного заметно не было. Стены церкви Рогатого были расписаны замысловатыми знаками и изображениями из жизни его древних почитателей,

одни из которых наполняли глубокие рвы зарезанными младенцами, другие совершали акты содомии и скотоложства, а третьи бесновались в молитвенном экстазе, чуть не выворачивая себя наизнанку.

Вдруг взгляд Маранты зацепился за рисунок на стене слева от входа. Это было изображение меча с нелепо изогнутым зазубренным клинком и причудливой, неудобной даже на вид, рукоятью. Художник словно нарочно изобразил меч таким, каким он быть не должен и не может, если только его создатель не законченный псих.

Маранте невольно пришло на ум сравнение с собственным мечом или хотя бы с той катаной, что она увидела на поясе Ларни. (Им некогда было заниматься подобными вещами, но Маранта всё же отметила, что меч, доставшийся Ларни, хоть и неплох, но всё же относится к дешёвым копиям древних мечей такого рода.)

– Он показывает туда! – сказала Ларни, проследив направление взгляда матери.

Маранта тут же увидела, что она права. Остриё нарисованного меча и впрямь показывало на какой-то замысловатый вензель с множеством переплетающихся элементов. Инци подошёл, и некоторое время разглядывал этот знак.

– Не могу понять, что это такое? – в конце концов, сказал он. – Меч похож на жертвенный, но эта символика – абракадабра, какая-то!

– А здесь такой же! Подал голос Михал, оторвавшийся,

наконец, от созерцания статуи.

Никто из присутствующих сначала никакого знака не увидел. Михал указывал на пол в самую гущу скамеек, предназначенных для прихожан.

– Конечно! – вдруг воскликнул Инци. – Вот же он! Надо убрать скамьи.

Знак был нарисован на полу и занимал почти всю правую сторону от центрального прохода. Когда скамьи были сдвинуты в сторону, он открылся полностью во всём своём сумасшествии переплетённых линий.

– Лабиринт какой-то, – заметила Ларни.

– Ты права, дитя! – воскликнул Инци. – Это лабиринт и не самый сложный. Сейчас мы узнаем, какую тайну он открывает.

Он принялся ходить вдоль нарисованных линий, поминутно останавливаясь, прикидывая что-то в уме и даже возвращаясь на несколько шагов назад. Наконец он остановился.

– Это здесь, – заявил Инци уверенно. – Надо найти, чем поддеть плиту, вход прямо под ней.

Плиту поддевать не пришлось. Михал сначала осмотрел её, потопал там и сям, а потом с силой ударил каблуком в один из четырёх углов. Угол плиты вдавился в пол, зато противоположный выскочил и образовал щель, в которую можно было просунуть пальцы.

Дальше, поднять плиту оказалось легче лёгкого. Выясни-

лось, что она закреплена с одного угла на шарнирах и открывает проход, в который мог пролезть один человек. В темноте этого люка виднелась лестница.

– Нам туда, – сказал Инци. – Не бойтесь, внизу нет ничего страшного, разве что паутина. Страшно не то, что мы там увидим, а то, что собираемся сделать... К сожалению, у нас нет выбора. Время на подготовку и репетицию тоже нет. Поэтому надо сделать всё с первой попытки и без ошибок. Слушайте меня, делайте всё, что я скажу, и у нас всё получится.

Глава 48. Засада

– Так они действительно братья?

Стефан поддерживал разговор не столько из любопытства, сколько для того, чтобы не свалиться со спины зверя, походка которого действовала на него убаюкивающе. Они отмахали целых полдня пути, как вдруг Сато хлопнула себя по лбу и сказала, что глупо идти пешком, когда здесь есть на ком подъехать.

Оказалось, что они находятся недалеко от того места, где пасутся её любимые "зверушки", которые когда-то населяли Землю. По мнению Стефана эти "зверушки" могли бы дать фору любому монстру, и были опаснее лесного зубра. Собственно больше всего они напоминали быков, хотя были намного выше в холке и шире в спине. Кроме мощного тела и спокойного, но взрывоопасного нрава, с быками их роднило наличие рогов, но рогов этих было три и торчали они вперёд, как наставленные копьё. Морда такого зверя оканчивалась птичьим клювом, способным перекусить молодое дерево толщиной с человеческую руку. Хвост короткий и толстенький, был не похож ни на свиной, ни на бычий, а ноги тумбообразные и мощные не были снабжены копытами.

Подойди Стефан к этим тварям один, от него и мокрого места не осталось бы, но Сато храбро вошла в стадо и лишь погладила самого крупного по жуткой морде, как он пошёл

за ней, словно кроткий ягнёнок.

В Междустенье не было лошадей, поэтому Стефан знал о езде верхом лишь понаслышке. Но теперь он смог оценить это замечательное преимущество по достоинству.

Спина зверя мерно колыхалась, заставляя седоков покачиваться из стороны в сторону. Сато сидела у Стефана за спиной, прижавшись к нему всем телом, от чего чувство покоя росло в нём всё сильнее и сильнее.

Стефан давно уже клевал носом, и когда Сато дважды поймала его, готового свалиться на землю, понял, что безнадежно засыпает. Тогда он решил вести беседу обо всём подряд, лишь бы тема была не скучной.

– Они братья, – отвечала дочь Князя Тьмы. – Правда матери у них разные, и по возрасту, они различаются на многие века, но похожи они, как близнецы, но только внешне. Мой отец мудр, но грозен, даже страшен, хоть часто насмешлив и любит пошутить. Он всегда делает то, что хочет и никогда нельзя заранее угадать, что он предпримет, а в средствах он, поверь, не стесняется. То, что вы зовёте добром или злом, для него единое целое. Он может делать и то, и другое, но людям больше запоминается, конечно же, зло. Дядя Эммануил, или, как ты его теперь называешь – Инци, он совсем не такой. Он может делать только добро, хоть его именем люди делают такое количество зла, что за ними не могут поспеть поклонники моего отца. Он способен выкупить у Судьбы жизнь никому не нужного бродяги, предложив в обмен

свою. Он это сделает, даже если вдруг узнает, что ему больше не придётся воскреснуть у престола Творца. Но это не значит, что он глупенький добрячок, нет! Я точно знаю, что он сильнее Князя Тьмы, намного сильнее. Гнев его воистину ужасен, а задобрить его нельзя ничем, кроме истинного раскаяния.

Последние слова Сато произнесла почти шёпотом, как будто боялась быть кем-то услышанной. Наверное, поэтому Стефан вовремя почувял опасность. Тонкий свист, похожий на пение, сопровождаемый шипением распарываемого воздуха едва коснулся его уха...

Стрела! Это слово ещё не успело дойти до его сознания, а он уже летел вместе с Сато прочь со спины зверя на землю. И вовремя! Стрела, которая больше смахивала на копьё, пронзила воздух в том месте, где только что находились их прижавшиеся друг к другу тела. Не отреагируй он так быстро, они оба оказались бы пришипленными к ближайшему дереву, в котором теперь засело это смертоносное орудие.

– Беги! – крикнула Сато.

Стефан удивился, но тут же понял, что этот возглас относился не к нему, а к зверю. Охотник вскочил на ноги и выхватил нож – единственное оружие, которое у него осталось. (Зато этот нож был из тех клинков, с которыми иные удалцы ходят на медведя!) Но он не успел ещё понять, где скрывается враг, когда мимо него промчалась разъярённая демонница и, дико завывая, скрылась в кустах.

Треск, грохот и вопли, которые раздались с той стороны, заставили Стефана прибавить шаг, хотя все его инстинкты кричали, что надо убираться отсюда куда подальше! И всё-таки он опоздал – из кустов, выглядевших так, словно сквозь них пронеслось стадо бизонов, вышла Сато, вид которой заставил Стефана отшатнуться.

Она с ног до головы была забрызгана кровью, глаза у неё сейчас были чернее ночи, причём чёрными были даже белки. Волосы на голове этой девы стояли дыбом, а вокруг головы полыхало кроваво-красное свечение! Сетчатое трико на девушке висело ключьями, всё тело покрывали глубокие царапины, как от длинных когтей. В одной руке она несла трофейный лук со стрелами, а в другой оторванную голову, которую держала за длинные чёрные волосы.

По красивым чертам лица этой головы Стефан узнал одного из падших ангелов, которых они видели при дворе Князя Тьмы. Но сейчас надменно-злое выражение на лице демона сменилось смесью боли и гнева.

Сато бросила свои трофеи на землю и попыталась что-то сказать, но из её горла раздалось только глухое рычание. Наконец, справившись с собой, она проговорила:

– Демон – стрелок! Мерзавцы! Я так и знала, что они устроят засаду, но не думала, что это случится так скоро. Сволочи, зверя мне напугали! А ты молодец – вовремя среагировал. И себя спас, и меня! Держи за это подарок.

Она указала на лук со стрелами. Стефан поднял это ору-

жие и примерился. Ого! Совсем недавно он гордился тем, что может уверенно натянуть лук своего отца – лучшего стрелка в Междустенье, но этот лук едва был по силам даже Михалу – охотнику. Надо бы к нему попривыкнуть. Но всё равно, теперь Стефан чувствовал себя намного уверенней, когда у него в руках было мощное дальнобойное оружие!

– Так! – воскликнула совсем успокоившаяся Сато, глаза которой приняли свой обычный вид, а сияние вокруг головы исчезло. – Сначала найдём зверя, а потом айда, купаться! Я чувствую себя чушкой!

Трицератопс, (Сато сказала, что таково его название у людей учёных), нашёлся в ближайшем болоте, где он стоял до смерти перепуганный и увязший, по самое брюхо. Остаток дня ушёл на то, чтобы его вытащить.

Потом они купались в небольшой речке, пока их транспорт отъедался сочной травой, здесь же на берегу. Потом сушились. Стефан не мог оторвать глаз от прекрасного тела Сато, устроившейся на пригорке, чтобы лучше взбить свои пышные волосы. Взять куртку или рубашку парня она категорически отказалась, несмотря на то, что её сетчатое трико совершенно вышло из строя. Она просто смяла его в комок и забросила куда подальше.

– Люди были счастливы, когда ходили нагими! – аргументировала свой отказ девушка, бросая на парня томные зазывные взгляды.

Потом они всю ночь любили друг друга, и уснули лишь

под утро под охраной дружелюбно фыркающего зверя.

Глава 49. Плоды просвещения

"... и тогда охотники убили серого волка и разрезали ему брюхо, а оттуда вышли Красная шапочка и бабушка, живые и невредимые!"

– Ещё хочу!

Змеёж готов был взвыть от бессильной злобы! Циклоп оказался на редкость способным учеником и теперь требовал книги одну за другой. Пока это были всего лишь детские сказки, но ведь это только пока!..

– Хватит с тебя!

– Нет, не хватит!

– Нам давно пора на охоту!

– Я никуда не пойти!

Самое скверное, что носитель уже совсем не подчинялся ему ни душой, ни телом. Когда Змеёж утратил способность управлять Циклопом, он и сам не заметил, но теперь ему приходилось действовать скорее убеждением, чем принуждением. (Между прочим, многие детские сказки ему самому понравились – они были так очаровательно кровожадны!)

– Ты хочешь, есть! – сказал Змеёж утвердительно.

– Хотеть есть! – подтвердил Циклоп в желудке, которого давно урчало.

– Пойдём, достанем еды! – продолжал Змеёж, стараясь пу-

стить ход мыслей носителя в нужном направлении.

– Пойдём... не-а, я хотеть ещё книжка!

Если бы Змеёж имел ноги, он топнул бы с досады. Постучаться о стенку головой тоже было делом невыполнимым, но так хотелось!

– Ну, так бери её с собой!

Такое циклопу в голову ещё не приходило.

– С собой! – радостно воскликнул он. – Книжка с собой! Много книжка с собой! Все книжка с собой!

Змеёж мысленно схватился за голову. Дело кончилось именно так, как он и предполагал – циклоп вылез из библиотеки с целой кучей книг завязанных в штору. Он бы на этом тоже не остановился, если бы Змеёж не подкинул ему идею, что сюда можно ещё вернуться. (Позор!) Они шли на охоту за людьми, повторяя на ходу любимые места из только что прочитанных сказок! А что будет, когда циклоп перерастёт интерес к сказкам, и попробует на вкус, литературу посерьёзней?

Змеёж не переставал удивляться, как он быстро развивается, но в связи с этим возникало столько трудностей, что ему снова захотелось укусить своего носителя. Но теперь он понимал, что это означало бы немедленную смерть для него самого – их нервы срослись намертво, и разъединить их оказалось невозможно.

Если бы у него были руки, то сейчас самое время кусать на них локти. Что делать?! Теперь он составлял с циклопом

единое целое и, похоже, это было навсегда.

Глава 50. Метательница

В потайной комнате действительно не было страшно. Там вообще ничего не было, кроме нарисованного на полу замысловатого знака.

– Галиматья! – прокомментировал Инци своё впечатление от этого рисунка после того, как рассматривал его минуты полторы. – Они слишком увлекались символикой, думали, что правильно нарисованная картинка откроет им двери, запечатанные такими силами, всё величие которых ни один человек не в состоянии познать! Одно хорошо – место выбрано правильно. А теперь, друзья мои, я прошу, помогите мне – там, в углу я видел несколько веников...

Через небольшое время от знака на полу ничего не осталось. Инци расставил своих спутников по четырём сторонам этого небольшого помещения так, что вместе с ним они образовывали крест.

– Жаль, что нас не пятеро! – посетовал Инци. – Я бы тогда встал посередине и сразу перешёл бы в тот мир, где потерялся наш друг, а так мне придётся совершить прыжок, и если я опоздаю хотя бы на четверть секунды, то из нашей затеи ничего не получится, а второго шанса уже не будет. По крайней мере, в ближайшие несколько лет, а может быть столетий... Итак, время пришло, начинаем! Просто закройте глаза и ничего не делайте. Очистите свои мысли, старайтесь предста-

вить себе полную, абсолютную пустоту!

Сначала не происходило ничего, потом комната наполнилась тонким мелодичным звуком, напоминающим звук колокола, который не прекращался, а звучал на одной ноте.

Вдруг этот звук перерос в нечто большее и перестал быть слышен! Комната озарилась голубоватым сиянием, шедшим сразу отовсюду. Казалось, светился сам воздух, при этом пламя факелов виделось почти чёрным. Зато на полу в центре комнаты появилось светлое туманное пятно, бывшее сначала с булавочную головку, которое вдруг начало стремительно увеличиваться в размерах!

– Пора! – крикнул Инци, подаваясь вперёд.

Вдруг Ларни резко взмахнула рукой и бросила в сторону Инци, какой-то предмет! Инци вскрикнул, его правый рукав оказался вместе с кожей плеча крепко прищипленным к деревянной обшивке стены острыми ножницами, которые Маранта вернула дочери по дороге!

Когда он снова перевёл взгляд на комнату, то увидел только стремительно уменьшающееся пятно на полу с неясным силуэтом посередине. Ларни, стоявшей у противоположной стены, не было. Исчезли также вещи Стефана, с которыми девушка всё никак не хотела расстаться. Инци взглянул на окаменевшие лица Маранты и Михала и произнёс:

– Спаси её Творец! Спаси, сохрани и помилуй их обоих!

Глава 51. Путь Руфуса

Один в лесу. В незнакомом, чужом лесу. Он по родному-то лесу ещё ни разу не ходил в одиночку, а тут...

Всё было, как и сказал священник – четыре дня вниз по реке, потом столько же строго на север, стараясь никуда не сворачивать и тогда, двигаясь по прямой, окажешься у полового спуска в каньон, по которому можно выбраться наверх без крюков и верёвок.

После подъёма Руфус оказался... в лесу! Что же это получается? Весь мир что ли покрыт лесом? Может, и нет вовсе других селений, кроме Междустенья, может, не существует никаких городов и целых государств со злыми царями и невежественным народом?

Но нет, не мог он всё это придумать! Священнику Руфус верил, а потому пошёл дальше, без страха углубляясь в незнакомую чащу.

Кстати, лес здесь был не такой густой, как тот, что рос вокруг Междустенья. Зато звериных троп было поменьше в этом лесу, и все они были узкими, едва заметными. Следов монстров не было вообще, чему он был очень рад, так-как до подъёма из каньона несколько раз чуть не столкнулся с чудовищами.

Не зная, куда идти дальше, Руфус свернул направо, где, как ему казалось, заросли были менее густыми. Так прошло

ещё несколько дней. Запас продуктов, захваченных из дома, давно кончился, а попытки поймать в лесу что-нибудь съедобное не увенчались успехом.

Впрочем, Руфус не строил иллюзий насчёт своих охотничьих навыков, так что питаться пришлось одними грибами, так-как орехи ещё не созрели. К концу третьего дня такого питания, он понял, что если в ближайшее время не достанет себе настоящей еды, то дело кончится плохо. А наутро четвертого голодного дня он вдруг увидел стену.

Это была совсем небольшая, всего два человеческих роста, очень старая стена, сложенная из дикого камня и когда-то покрытая штукатуркой, куски которой кучами валялись сейчас внизу. Сверху стены была намотана настоящая паутина из ржавой колючей проволоки, которую вероятно много раз, но не слишком умело подправляли и добавляли, а за стеной поднималась башня, такая же старая с полуразрушенным парапетом на верхней площадке, но с недавно построенным и свежеекрашенным деревянным навесом.

И под этим навесом стоял человек. В руках он держал какую-то палку, в которой Руфус узнал винтовку – древнее оружие сохранившееся кое у кого в Междустенье, но уже давно не действующее. Мама рассказывала про то, как оно устроено и каково его действие, так что Руфус решил, что человек этот охраняет что-то важное, раз он так страшно вооружён.

Часовой смотрел в другую сторону, но мальчику всё равно

стало не по себе, и он отступил под защиту кустов, но тут же обругал себя последними словами. Разве затем он пришёл сюда, чтобы прятаться? Он ведь специально искал встречи с людьми того порочного мира о котором рассказывал его наставник. Искал, чтобы донести до них учение Инци и, чтобы самому побольше научиться и узнать.

Кроме того, здесь наверняка можно раздобыть еду и кров в которых он очень сейчас нуждается. Так чего же он прячется? А ну, пошёл вперёд, к этим людям, к их и своей новой жизни...

Руфус уже поднял ногу, чтобы сделать шаг вперёд, как вдруг ему на плечи обрушилось, что-то тяжёлое и живое, широкая ладонь зажала рот, а обе руки были стиснуты в другой такой же ладони. Парень ахнуть не успел, как оказался на земле с кляпом во рту и повязкой на глазах, связанный словно муха, попавшая в паутину.

– Ты чего там шумишь, Хвоц? – послышался у него над головой грубый мужской голос.

– Да вот, похоже, ещё одного шпиона из Торгового города поймал.

Руфус услышал звук шагов принадлежащих явно не охотнику, настолько они были тяжёлыми и гулкими даже здесь, где была мягкая лесная почва.

– Покажь, покажь, э-э, да он ещё совсем пацан!

– И что с того? Ты что же думаешь, что пацан не может быть шпионом? Как раз может. И пацан может, и девка! Их

нарочно так учат, чтобы подозрений было поменьше. Люди жалеют "несчастливых деток", в дом к себе пустят, накормят, напоят, спать положат, а они на шпионят, узнают чего надо, а то и убьют кого-нибудь и тью-тью, нет их! А потом глядишь, ударят враги по твоему дому, как раз тогда, когда не ждёшь. Вот, чего он в кустах прятался? Слабое место в стенке искал, вот что! Повесить его надо на первом суку.

– Да погоди ты человека вешать! Тут разобраться надо, ведь может ты прав, а если нет?

– И чо, мне теперь, целоваться с ним, что ли?

– Ну, это ты, как хочешь, а перво-наперво надо бы парнишку Диане показать.

– Так нет её! Они с сэром Галлем ещё позавчера на машине укатили. Посольство делать будут, как раз в этом самом Торговом городе! Только ведь Диана его точно повесит. Может, правда, сэр Галль не даст ей этого сделать или тётка Альмери вступится? Диана-то крута, ты знаешь...

– Вот, что Хвощ! – оборвал его рассуждения обладатель тяжёлых шагов. – Давай отведём парня к Порфирию. Он человек рассудительный, когда трезвый. Если захочет, оставит пацана на гауптвахте до дианиного приезда, а захочет отпустить – отпустит, его дело, его ответственность.

– Ладно! – слегка зевнув, ответил Хвощ. – Не очень-то и хотелось его вешать.

После этих слов, спеленатого Руфуса взвалили на плечо и понесли в неизвестном направлении. Единственное, что по-

нял неудачливый пилигрим из разговора своих пленителей, так это то, что прежде чем рассказывать людям о учении Инци, ему похуже придётся спасти свою голову.

Глава 52. Визит к знакомым

Утро выдалось не ярким, туманным и обманчиво прохладным, как раз таким, какое бывает перед жарким, душливым днём. А ещё, оно принесло Стефану сюрприз – Сато, кормившая зверя дикими яблоками, была одета в красивое платье пасторального стиля, с низким, но всё же закрывающим грудь декольте, широким подолом, всё в кружевах, воланах и лентах. На ногах девушки красовались башмачки, пригодные разве что для паркета, но никак не для прогулок по сельской местности. На голове не было ничего, но волосы оказались уложенными в изящную причёску, не умаляющую их длины, но дающую свободно рассыпаться по плечам.

Сато почувствовала взгляд Стефана и обернулась к нему с лучезарной улыбкой.

– Ну как? – игриво спросила она, поворачиваясь туда и сюда, чтобы дать рассмотреть себя с разных сторон.

Странно, но Стефану, который видел её совершенно без одежды, одетая Сато показалась ещё более красивой и привлекательной. Он хотел ответить, но в горле откуда-то взялся комок, и сначала пришлось откашляться.

– Ты прекрасна! – выдавил он, наконец.

Сато зарделась от удовольствия и тут же спросила:

– А как одевается твоя девушка?

Стефан, который не думал сейчас о Ларни, вынужден был

приложить усилие, чтобы вызвать в памяти её образ.

– Ну, она не любит сложной одежды, – наконец сказал он. – Летом ходит в сарафане, иногда в простом платье без всяких хитростей. В остальное время одевается, как мальчик – рубашка, куртка, штаны, сапоги или чёботы. Украшений не носит.

– Значит она необыкновенная девочка, – прокомментировала Сато. – Обыкновенная, даже если скромница, обязательно нарядится, когда сможет. И побрякушек нацепит, хотя может в них и не нуждается, как не нуждается в украшениях свежая роза. А что она любит?

– Что любит?

Стефан задумался. Его этот разговор о любимой с любовницей, начинал немного раздражать.

– Любит животных, всех подряд. Поросёнка при ней не зарежешь! Хотя на охоте способна застрелить любую дичь и приготовить потом, как надо. Любит забраться куда-нибудь, куда только кошка влезет. Книги любит, истории любит слушать всякие, которые охотники рассказывают или священник...

– Значит умная, смелая и добрая, а ещё хорошая хозяйка. Повезло тебе!

Стефан не совсем понял, как можно считать везучим человека, который провалился в Ад, в то время, как его девушка осталась, где-то там, в Мёртвом городе, далеко от дома. Правда она была не одна, но Стефан не чувствовал себя спо-

койным за Ларни, когда не мог присмотреть за ней сам.

Конечно, она сейчас была не с кем-нибудь, а с Инци, но всё же... Всё же он знал, что его ненаглядный бесёнок способен отмочить что-нибудь даже, когда рядом Инци. (О своей ревности Стефан успел забыть, как впрочем, и о сомнениях в том, настоящий ли это Инци или нет.)

Сато скормила трицератопсу последнее яблоко, что-то нашептала ему на ухо и легонько хлопнула ладошкой по крупу. Зверь дружелюбно мукнул, махнул хвостом и скрылся в кустах.

– Ты его отпустила? – удивился Стефан. – Мы что, дальше пойдём пешком?

– Да, – ответила Сато, – прогуляемся! Дальше наш путь идёт через город. Он тут недалеко, во-он за тем леском. Полчаса ходьбы и мы там. А со зверем туда нельзя.

– Даже тебе, принцессе Ада?

– Даже мне. Кстати, во владениях отца я не пользуюсь никакими привилегиями, кроме тех, что даёт мне сила. И популярностью я здесь тоже не пользуюсь.

– Почему?

– Много будешь знать, скоро состаришься! Поднимайся, собирайся и пошли, а то скоро совсем жарко станет.

Город встретил их тишиной пустынных улиц, слепыми окнами, закрытыми ставнями, скрипом флюгеров и шелестом ветра, безнаказанно гуляющего, где ему вздумается.

– Странно! – удивилась Сато. – Здесь всегда было полно

народа, и жители все такие приветливые...

В этот момент мимо пробежали две собаки. От природы чёрные, теперь они были грязно-серого цвета, к тому же тощие и облезлые. Их появление вызвало у Сато неподдельный ужас.

– Монсеньор?! Мадемуазель?! – воскликнула она. – Что случилось?

Собаки на это ничего не ответили, но повернули к Сато и принялись ласкаться к ней, виляя хвостами и утыкаясь в ладони сухими горячими носами.

– Пошли! – сказала девушка, наигравшись их ушами и загривками. – Показывайте!

Собаки рванули с места в карьер, Сато побежала за ними, отстав лишь на пару шагов, только каблучки по каменной мостовой защёлкали. Стефан припустил было за своей спутницей, но вскоре понял, что его сил едва хватает, чтобы не терять из вида юбку Сато, раздувшуюся на ветру колоколом. Через минуту-другую такого бега, Стефан решил, что играть в догонялки с ветром бесполезно и остановился, тяжело дыша.

Всё же он прислушивался к дробному звуку каблучков, затихающему где-то впереди. Он постарался взять это направление и через некоторое время увидел следующую сцену – Сато разговаривала с двумя незнакомцами, стоявшими перед ней в картинных позах. То есть каждый из них был прям, как палка, а руку с тростью отставил в сторону. Собаки си-

дели тут же по бокам этой группы, похожие на два изваяния.

Оба незнакомца были тощими и высокими, выше Сато на целую голову. На этом, правда, их сходство заканчивалось.

Тот, что стоял справа, обладал удлинённым бледным лицом без всяких признаков растительности. Несмотря на зрелые, приближающиеся к старости годы, он обладал, какой-то хрупкой, почти женственной красотой. Его кожа была бледной и, несмотря на возраст, гладкой, а волосы, белые, почти бесцветные и прямые, падали, словно струи водопада до самого пояса.

Одет этот странный старик был в камзол небесно-голубого цвета, короткие, такого же цвета бриджи, белые чулки и синие башмаки с хрустальными пряжками. Свою бело-голубую, с короткими полями и высокой тульей, шляпу он держал в руке и время от времени обмахивался ей словно веером, хотя было совсем не жарко.

Тот, что стоял слева, волосы имел огненно-рыжие, стоящие торчком, вроде львиной гривы. Шляпа, такая же, как у правого, только зелёного цвета, торчала у него на самой макушке, и было непонятно, за счёт чего она там держится. Зелёной была также вся одежда этого рыжего.

Черты лица его были резкими, само лицо морщинистое, насмешливое и немного зловещее, как будто его обладатель только и ждал шанс, чтобы сыграть с вами злую шутку. В противоположность правому, левый весь кипел молодежностью и энергией, но при этом от него веяло опасностью.

Когда Стефан подошёл, оба незнакомца замолчали и принялись сверлить его взглядами, вопросительно поглядывая при этом на Сато.

– Стефан, это – Виллоэль и Керс, правители этого города, – сказала Сато церемонно. – Они же являются старшинами двух народов, живущих в городе и окрестностях. Ты не можешь знать их языков, так что если понадобится что-то сказать, я переведу. Но на всякий случай запомни – ты странствующий принц, сын короля Михала и троюродный племянник князя Влада Цепеша. Это придаст тебе вес, здесь без этого никак нельзя, так что если не можешь врать сам, то хотя бы не опровергай меня, если что. И пусть твоя совесть будет спокойна – здешние жители отчаянные вруны, об этом следует помнить всегда. Вот только сейчас им не до вранья. В городе большое горе – пропали дети обоих правителей. Сын Виллоэля и дочь Керса, оказывается, любили друг друга, несмотря на запрет на такую связь. Они долго это скрывали, но, в конце концов, были замечены и решили сбежать. Теперь два народа воюют друг с другом на улицах города, и война эта будет длиться вечно, если беглецы не вернуться.

– И что же, ты предлагаешь нам вмешаться в это? Что-то мне не по душе искать этих ребят и тащить в город.

– Я бы и пальцем не пошевелила, чтобы разрушить счастье влюблённых и остановить войну дураков! Но... всё плохо. Эти несчастные бежали не куда-нибудь, а в сторону Трол-

лиевых гор. Глупые! Не нашли другой дороги! Тролли никого и никогда не пропустят через свои владения и... голову парня уже видели насаженную на кол возле межевого столба, так что, если и можно что-то ещё сделать, так это спасти девочку.

– Но почему ты думаешь, что она ещё жива?

– Тролли не убивают женщин до тех пор, пока не натешатся ими.

Стефана передёрнуло.

– Значит надо собрать побольше народа, найти гнездо этих тварей и раздавить их!

– Нет. Местные ещё всего не знают. И не стоит им говорить, а то распря вспыхнет с новой силой, и тогда никакой помощи от них не жди. А идти туда большим числом нельзя – тролли убьют свою жертву сразу, как только увидят настоящее войско, а сами потом так спрячутся, что их и за сто лет не отыщешь. Я думаю, что туда надо отправиться вдвоём, но нам необходимо снаряжение, которое можно достать только здесь. Выступаем сразу, как только будем готовы. Ты со мной?

– Да, – ответил Стефан, не задумавшись ни на секунду. – Только я вот чего в толк никак не возьму: если здесь никто не знает о гибели сына этого, как его? Виллоэля! То откуда об этом знаешь ты?

– Они рассказали, – просто ответила Сато, указывая на собак.

Глава 53. Пленница

Как может чувствовать себя человек, которого выкрутили, как мокрую тряпку, а потом взяли за ноги и, как ту же тряпку, встряхнули? А теперь представим, что это было сделано раз десять и ещё десять раз по десять.

Вот так Ларни себя и чувствовала. Она с трудом поняла, что лежит на спине, а не летит кубарем в бездонную пропасть, как это было вначале. Теперь она лежала, а мир крутился вокруг неё волчком, да ещё и приплясывал при этом. Почему-то, она была уверена, что если откроет глаза, то увидит, как вокруг неё кружится вселенная, и потому ей глаза открывать совершенно не хотелось.

– Герла! Гы! Гы! – раздалось где-то рядом.

Голос был, как бычий рёв.

– А ну пошёл! – крикнул другой голос, высокий, девичий, звонкий и мелодичный.

Последний выкрик сопровождался звонким шлепком, за которым последовал звук удаляющихся тяжёлых шагов, и снова первый, грубый голос повторил – "Герла! Герла!".

– Странно, – сказал второй голос, но уже негромко и задумчиво. – Кто же это? Похоже на эльфийку, но такая маленькая, хоть и не ребёнок и ушки совсем не те... Гуль? Но где же когти? И клыков нет.

При этом Ларни почувствовала, что ей залезли пальцами

в рот, но сопротивляться сил не было.

– Красивая, как рогачка, – продолжал рассуждать голос, – но ни рогов, ни копыт... Неужели нимфа? Но откуда же здесь нимфе-то взяться? Скорее дриада... Но кожа такая нежная и тонкая, какой у дриад не бывает. Откуда ты, прекрасное дитя?

– Гы! Гы! – снова послышалось откуда-то со стороны.

Обладательница второго голоса набросилась на этого гы-кающего с бранью, что-то загремело, что-то разбилось, а потом весь конфликтный клубок выкатился вон. Настала тишина, в которой Ларни слышала лишь стук своего сердца.

Она попробовала открыть глаза, но выяснилось, что веки слиплись, будто их склеили нарочно. Тогда она попыталась поднять руки, чтобы протереть ими глаза и... обнаружила, что руки скованы!

Впрочем, поднять их всё же было можно, но на запястьях красовались железные браслеты, от которых куда-то тянулись прочные цепи толщиной в два пальца.

Продрав глаза окончательно, Ларни смогла оглянуться и рассмотреть место, в которое попала. Больше всего это место напоминало пещеру, но пещеру обжитую, больше похожую на кухню из-за обилия разнообразной посуды и прочей утвари, расставленной на многочисленных столах и полках.

Стены этого странного помещения были выскоблены и выглажены, под высоким потолком висела на цепях коряга, уставленная свечными огарками, которые сейчас не горели.

Свет проникал сюда сквозь неровное овальное отверстие, служившее дверью и несколько таких же, только поменьше дыр в стене, исполняющих роль окон.

У противоположной стены был сложен примитивный очаг, над которым виднелась закопчённая дыра, служившая, по-видимому, дымоходом. Сейчас огня в нём не было. Впрочем, всё это мало занимало Ларни. Прежде всего, надо было выяснить, где она и что с ней?

Её не слишком удивило, что на ногах обнаружили такие же браслеты с цепями, какие "украшали" сейчас её руки. Увидев, что мир прекратил своё вращение вокруг неё, а руки и ноги способны двигаться, Ларни попыталась сесть.

Сделать это удалось не сразу, но, в конце концов, она заняла сидячее положение, что тут же вызвало у неё приступ головной боли и цветные круги перед глазами. К тому же сильно заболела спина, как от долгого лежания на ней без движения. Наверное, так оно и было.

Лежала она на сдвинутых вместе лавках, покрытых множеством шкур. Прямо-таки царское ложе, если не считать цепей. Но цепи были налицо и шли они откуда-то из-под этих самых лавок. Ларни попробовала потянуть одну из них и обнаружила, что та довольно длинная, как и все остальные. Значит, если она и прикована к этому ложу, то встать с него всё-таки можно. Всё это было в высшей степени странно.

Ложе из скамеек было невысоким и Ларни, спустив ноги вниз, тут же коснулась ими прохладного пола. Это вызвало у

неё воспоминание о том, что когда она прыгнула в открытый Инци проход, на ней были сапоги, которые сейчас бесследно исчезли. Одежды тоже вроде было побольше.

Собственно из того, во что она была тогда одета, на ней сейчас ничего не было. Единственное её одеяние составляла теперь совершенно незнакомая, доходящая до бёдер туника, выкрашенная в цвет летней травы и листьев. А где её вещи? Там же, наверное, где и оружие – в недоступном для пленницы месте.

Ларни встала, чуть не опрокинулась обратно, но всё же удержалась на ногах. Когда она поняла, что может стоять, то сделала несколько осторожных шагов к ближайшему окну. Это оказалось не так уж и трудно, но подойти к самому окну, не вышло – цепи были не настолько длинны.

– Если хочешь прогуляться – переставляй гири.

Ларни обернулась. В овальном дверном проёме стояла девушка. Ростом она была повыше Ларни, но такая же тонкая и стройная. Волосы незнакомки были ярко-рыжими, пышными и свисали почти до земли, не убранные ни в какую причёску. Острые черты лица в сочетании с зелёными раскосыми глазами, придавали ей несколько лисий вид. Удивительными были её уши – длинные, заострённые кверху, они торчали по бокам головы, видные даже через шапку волос. Кожа её была гладкая, белая, чуть тронутая веснушками, без тени загара и без единой родинки. Одетая девушка была в платье такого же цвета, как туника, которая сейчас была на Ларни,

из чего та заключила, что это её нынешнее одеяние является частью гардероба незнакомки.

– Я говорю – переставляй гири, если хочешь куда-то пойти, – сказала она увидев замешательство Ларни. – Всё очень просто: ты прикована к четырём гилям, они тяжёлые, едва под силу поднять, чтобы сделать три – четыре шага. Поднять или тащить за собой все гири, дело немыслимое, даже не пытайся, а вот, переставляя одну за другой, можешь прогуляться куда угодно. Скажем в отхожее место, оно там за дверью, шагах в двадцати. Я понимаю, что это медленно и неудобно, но всё же лучше чем быть прикованной к стене, не имея возможности двинуться с места, задыхаясь от вони собственных нечистот, на голых камнях, имея корку хлеба и кружку воды на весь день. Я тебя не пугаю, просто рассказываю, как обращались здесь со мной, когда я сюда попала.

– Где я, и кто ты? – спросила Ларни, с удивлением заметив, что её голос слегка дрожит.

– Сразу два вопроса? – удивилась незнакомая девушка и, переступив высокий порог, вошла в пещеру.

Ларни заметила, что она тоже была босиком, а на щиколотках у неё зачем-то намотаны бусы из красных и чёрных ягод.

– Ладно, отвечу сначала на первый – ты во владениях троллей, что в Троллиевых горах. Стало намного яснее? А теперь на второй – я такая же пленница, как и ты, но теперь я хозяйка этой кухни и пока ты здесь, то находишься, как бы

под моей защитой. Это понятно?

Ларни кивнула.

– Понятно. Только непонятно, как ты можешь быть хозяйской, если ты пленница? И если ты пленница, как и я, то где же твои цепи?

– Просто я пленница уже давно! – отмахнулась девушка. – Ты тоже можешь избавиться от цепей и заработать для себя кое-какие привилегии, если хорошо послужишь хозяевам.

– Как это, "служишь"?

– Телом, детка, телом! Нежной девичьей плотью! Что, ещё неясно? Неужели ты так наивна, что не знаешь чем бывают заняты женщины и мужчины в постели?

Ларни была ошарашена. Конечно, она знала о любовных утехах взрослых, ведь мама ей давно всё рассказала, но она ещё не могла толком представить себя в этой роли, тем более с незнакомым мужчиной. Тем более...

– Но ведь ты же сказала, что здешние хозяева тролли. Как же?..

– Ха – ха – ха! Да ты и вправду наивнее незабудки. То, что они тролли, совершенно не значит, что они не мужчины! Как раз наоборот, именно тролли самые охочие мужики до женского тела! При этом им всё равно, женщину какой расы они кладут к себе в постель. И ещё – любовники они просто великолепные! Таких ты больше нигде не найдёшь.

– Я не соглашусь.

– А кто спрашивает твоего согласия? Забыла? Ты пленни-

ца! С тобой, что захотят, то и сделают. Захотят – поймут всей толпой, а захотят – сожрут без соли! Это они могут.

– Да я лучше в пропасть!

– А вот это уже нельзя. Вот этого я тебе сделать не позволю. Думаешь, зачем ты к гирям привязана? Как раз для того, чтобы не натворила чего-нибудь подобного. В пропасть захотела? Так до неё ещё дойти надо, а пока ты с гирями доковыляешь, я тебя раз сто перехвачу! Это ведь я такую штуку с гирями придумала. Учти, что ни порвать, ни разбить тебе эти цепи не удастся – гномья работа! Взломать замки тоже не получится, они тоже о-очень хорошо сделаны. А ключик-то вот он!

С этими словами, рыжая запустила руку в лиф платья и извлекла на свет небольшой чёрный ключ, подвешенный на шнурке.

– Так-то вот! – продолжила она свою речь. – Да ты не бойся! Сначала всем страшно и немного больно, но потом... Обещаю, тебе понравится, ведь ты не из дерева!..

"Бо-амм!" – пропела медная сковорода на длинной ручке, встретившись с головой рыжеволосой девицы в зелёном платье. Не успела она, падая, коснуться каменного пола, как руки Ларни сорвали у неё ключ с шеи! Оставив её лежать, девушка принялась тыкать ключом в замочные скважины на своих браслетах, но он упорно не желал влезать ни в одну из них. Она вдруг поняла, что её обманули, но продолжала возиться с ключом, когда на её плечо легла мягкая рука. Ларни

обернулась. Её тюремщица стояла рядом, одной рукой держась за голову, другой скорее опираясь о плечо Ларни, чем стараясь её от чего-то удержать.

– Извини! – проговорила рыжая совсем другим голосом. – Я кажется, слишком грубо тебе это сказала. Нет, нет! Оставь в покое сковородку, на ней и так мой профиль отпечатался. Один раз ты меня поймала, молодец! Но теперь я настороже и больше так стукнуть себя не дам. Прекрати свои старания и верни мне ключ или можешь его выкинуть, если хочешь – он не от этих замков – я тебя обманула.

Ларни устало опустила голову и выронила ключ, который жалобно звякнув, отскочил к ногам рыжей девушки.

– Ну вот, так-то лучше! – ласково сказала та. – А теперь давай поговорим. Расскажи мне кто ты и откуда взялась в этих горах? Но прежде скажи, как мне следует называть тебя? Как твоё имя?

– Меня зовут Ларни, – ответила Ларни, которой незачем было скрывать своё имя. – Я прибыла сюда, чтобы найти своего брата, который имел несчастье попасть в этот мир не по своей воле. Как я сама сюда попала? Долго объяснять, да я и сама не всё понимаю. Можно сказать, что я упала с неба. Ах, да, ты же всё гадала, что я за существо? Так вот, я – человек.

– Человек?! Ты хочешь сказать, что ты прадочерь Евы? Та-ак! Вот что, не вздумай сказать об этом кому-нибудь из троллей, или я за твою жизнь не ручаюсь!

– Почему? Ведь ты же сама говорила, что я смогу многого

добиться, если...

– Вот именно поэтому. Понимаешь, жить с одним – двумя троллями несложно. Можно даже жить с семьёй, как это делаю я, но сотню ты не выдержишь! А если пройдёт слух, что ты человек, то их сюда слетится тысячи полторы – две, а это верная смерть! Каждый захочет тебя попробовать, и в результате сотрут в порошок, измылят, как кусок мыла. Поэтому, давай договоримся: ты – эльфийка из равнинного племени, невысоких короткоухих эльфов.

– Повторяю, я никогда на это не пойду! Лучше пусть убьют...

– Это я повторяю – у тебя нет выбора. Дело в том, что ты ещё ничего не знаешь. Вот что! Давай-ка я расскажу тебе всё с самого начала и, как смогу, постараюсь объяснить, что к чему.

Она увлекла Ларни обратно на ложе из шкур, сама села рядом и приобняла её за плечи, как подружку. Странно, но Ларни не оказала никакого сопротивления. Возможно, она ещё не пришла в себя, а может, всё дело было в этих раскосых зелёных глазах...

– Меня зовут Кейни, я дочь Керса, соправителя города, который называется "Двународье". Там действительно проживают два народа, не очень дружных, несмотря на близкое родство.

Мой народ называют лепреконами, а наших соседей – эльфами. Нигде больше нет такого сочетания, как у нас. Во всех

других местах лепреконы и эльфы строят свои поселения по-дальше друг от друга и всё равно, время от времени, сталкиваются и ухитряются передрасться. У нас же царит мир и согласие, и хоть все знают, что это баланс на лезвии бритвы, всё равно настоящих конфликтов не случилось уже несколько столетий.

Мой отец и его соправитель, старейшина эльфов Виллоэль, строго следили за тем, чтобы их народы имели, как можно меньше точек соприкосновения. Всё наше добрососедство сводилось к тому, чтобы церемонно поздороваться, друг с другом на улице, купить друг у друга, что-нибудь на рынке и вместе веселиться на празднике, где по одну сторону площади поют и пляшут лепреконы, а по другую – эльфы.

На собраниях в Ратуше наши представители тоже сидели по разные стороны прохода, а потом расходились по разным кабакам, где лепреконы и эльфы проводили время, не мешая друг другу. Понятное дело, что наши дети не играли друг с другом, а юноши и девушки тоже не встречались с представителями другого пола из соседнего народа.

Но ведь никогда не бывает правил без исключения. Мы с Аллеолем, сыном Виллоэля выросли вместе. Почему-то наши отцы, строго следящие за своими народами, закрывали глаза на наши совместные игры и прогулки. Наверное, потому, что и он, и я рано лишились своих матерей и проводили больше времени не дома, а подле отцов, которые постоянно заседали в Городском Совете дома. Пока они там со-

вещались, мы находили себе занятия в помещениях или во дворе той же самой Ратуши.

Прошли годы, незаметно для своих родителей мы выросли и полюбили друг друга. Сначала это выглядело, как игра во взрослую жизнь, но настал момент, когда мы оба поняли, что это не игра, и дальше так продолжаться не может. Мы уже не могли друг без друга жить. Ночь или день, проведённый в разлуке, были настолько в тягость, что это очень трудно стало скрывать.

Но и объявить открыто о наших отношениях мы не могли. Что нам было делать? Некоторое время нам удавалось встречаться в рощах за городом, где только птицы и звери были свидетелями нашей любви. Там мы стали любовниками и там были счастливы. Но если свидетелей способных рассказать об этой запретной связи не было, то наше отсутствие, конечно, не могло быть не замечено.

Это вызвало недоумение и лишние вопросы. Ещё бы немного и нас разоблачили бы, а это означало неминуемую разлуку. И тогда мы решились бежать. У меня есть подруга, с которой мы... но это другая история и к делу отношения не имеет. Может быть, потом я тебе расскажу. В общем, я надеялась на её помощь, но беда была в том, что живёт она далеко отсюда, а послать ей весточку не было никакой возможности. Оставалось только одно – пойти до её личных владений, где нас не могли бы достать не только наши отцы, но даже сами короли эльфов и лепреконов.

В один прекрасный день мы вышли из города в разное время и из разных ворот. Никто не остановил нас, удача нам пока сопутствовала. Сделав два изрядных крюка, мы встретились в условленном месте и направились к Троллиевых горам. Нет, мы вовсе не обезумели. Мы были влюблены, но не до такой степени, чтобы вовсе потерять голову. Нам нужно было только оставить ложные знаки, чтобы сбить со следа возможную погоню.

Иными словами, мы собирались лишь сделать вид, что идём в горы, а сами думали пройти лесами, на юг, где много пустошей, в которых легко затеряться. План был хорош, но кто же знал, что как раз тогда семеро братьев – троллей выйдут за пределы своих владений на незаконную охоту?

Мы едва успели расположиться лагерем в предгорье на живописной поляне и как раз обсуждали, какие бы нам наделать обманки, чтобы они указывали на то, что мы полезли в горы, как вдруг камни, стоящие вокруг поляны стали оживать и мы оказались окружены троллями. Всё произошло так быстро, что мы не только не успели оказать сопротивление, но не смогли даже опомниться!

Аллеоля... моего Аллеоля схватили и обезглавили раньше, чем я смогла понять, что происходит... Они проделали это со смехом и, продолжая смеяться, принялись перекидывать его голову один другому. Не помня себя, я бросилась отнимать у них эту голову, но меня тут же сбили с ног и связали по рукам и ногам. Однако глаза и рот мне оставили сво-

бодными. Кажется, им нравились мои крики...

А потому я видела, как они разорвали и сожрали его тело... Мне тоже кажется, совали кусок его плоти в рот, но сейчас я не могу с уверенностью сказать, не было ли это плодом моего воображения.

А потом я оказалась здесь, точнее не совсем здесь, а в темнице, внутри горы. Я была именно в таком положении, как недавно рассказывала тебе – прикована к стене короткой цепью, которая не давала ни лечь, ни встать, а позволяла только сидеть, прислонившись спиной к холодному камню. Кормили меня тоже так, как я тебе уже говорила, только я не упомянула, что хлеб мне кидали издалека и частенько он отскакивал от стены раньше, чем я успевала его поймать, а, отскочив, он отлетал, бывало на такое расстояние, что я уже не могла до него дотянуться.

С водой дело обстояло не лучше. Мне давали её в грязной посудине, которую подталкивали ногой. При этом половина воды расплёскивалась, а случалось, что кружка опрокидывалась и я оставалась совсем без питья, ведь длина цепи не позволяла мне слизать воду с пола.

Зачем всё это делалось? Я тогда не знала, но думала, что из презрения к моему народу. Оказывается, я ошибалась. Тролли просто хотели таким образом сломить мой дух, чтобы я стала помягче, как то мясо, которому дают слегка протухнуть, чтобы не сломать об него зубы.

Тупые создания! Мой дух был сломлен, а жизнь закон-

чена, когда я увидела своего любимого мёртвым. Но самое ужасное ждало меня впереди, хотя то, что произошло, потом принесло мне облегчение.

Так вот, однажды, не знаю только, день это был или ночь, но я тогда забылась в тяжёлой полудрёме, которая заменяла мне нормальный сон. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. С трудом я подняла голову и увидела, что передо мной стоит Аллеоль!

Он стоял и улыбался, а я не могла сказать ни слова, и только смотрела на него, думая, что это сон. Когда я всё же нашла в себе силы заговорить, он сделал мне знак молчать, а сам прикоснулся к моей цепи, и она тут же разлетелась на части, словно стеклянная.

Я попыталась встать, но ноги не слушались, и тогда Аллеоль подхватил меня на руки и понёс куда-то. Наверное, я на какое-то время потеряла сознание, потому что совершенно не помню, как очутилась в роскошных покоях на ложе, покрытом дорогими тканями. Аллеоль был рядом, он снова сделал мне знак ничего не говорить, но я бы и так не смогла этого сделать – счастье, переполнявшее меня, отняло силы и погасило разум.

И тогда мой любимый начал ласкать меня. Он делал это так, как никогда до тех пор не было. Несмотря на истощение, я вдруг почувствовала такое наслаждение, что забыла и про боль, и про слабость. Наше соитие было подобно извержению вулкана, подобно урагану, сметающему всё на своём

пути. Мне казалось, что я сейчас умру, но умру счастливой!

Мы провели в любви остаток ночи, (если конечно это была ночь), и я не заметила, как уснула. А когда я проснулась, то не было вокруг ни роскошных покоев, ни шикарного ложа, ни дорогих тканей. Не было и Аллеоля. Конечно, я подумала, что всё произошедшее накануне было сном, но тут же исследовав своё тело, поняла, что на самом деле занималась любовью всю ночь. Это открытие привело меня в полнейшее недоумение, ведь я знала, что Аллеоль мёртв, но я была слишком слаба, чтобы по-настоящему размышлять над всем происшедшим.

Я забыла сказать, что обстановка, в которой я проснулась, изменилась. Я уже не сидела прикованной цепью к стене в сыром и вонючем подземелье, а лежала на охапке соломы покрытой шкурами, в тесной, но тёплой и сухой комнате, освещаемой масляной лампой, стоящей на столе, заваленном снедью.

Почувствовав волчий голод, я, как могла, подползла к этому столу, который на моё счастье оказался невысоким, но достаточно широким, чтобы уместить еду, которой хватило бы на десятерых. Там я нашла копчёную оленину, свежий хлеб, неочищенный лук, яблоки, корзину каких-то кислых ягод и ещё много чего в таком духе. Рядом стоял объёмистый кувшин с ключевой водой, и хоть я предпочла бы вино, эта вода показалась мне тогда божественным напитком.

Насытившись, я едва смогла доползти до своего ложа из

сена и шкур, где уснула, как убитая. А когда проснулась, то снова оказалась в объятиях Аллеоля. Этот второй раз я очень плохо помню и не могу поручиться за то, не было ли это сном на самом деле. Наверное, всё было наяву, но я была ненамного, лучше спящей.

После этого я проспала неделю, не меньше и никто меня не беспокоил. Просыпалась только, чтобы наскоро поесть и справить естественные потребности. Теперь я думаю, что в еду было подмешано какое-то средство, заставляющее меня пребывать в таком состоянии, но возможно всему виной было моё истощение, физическое и душевное.

Однако прошло время, и я начала приходить в себя, а вместе с хорошим самочувствием ко мне вернулась и способность рассуждать. Как это может быть, что меня навещает погибший возлюбленный? Почему он молчит? Каким образом келья, в которой я нахожусь, превращается в роскошные палаты, которые мне толком не удалось ещё рассмотреть? Может, я имею дело с призраком? Но тогда этот призрак умеет воплощаться, ведь я ощущаю его физически, живого и тёплого, к тому же настолько страстного, что он заставляет меня позабыть обо всём на свете.

Я решила, что в следующий раз буду внимательнее, и если бы ты знала, как я до сих пор жалею об этом решении! Иногда лучше оставаться в мире собственных иллюзий, чем знать горькую правду, когда ты не в силах, что-либо изменить.

Так вот, когда я окончательно пришла в себя, Аллеоль снова навестил меня, и мы снова любили друг друга. Но на сей раз, я нашла в себе силы, чтобы задавать вопросы, однако он лишь улыбался мне в ответ и я ничего не добилась.

К следующему разу я решила подготовиться, и когда настало время, провела ночь любви так, что мой возлюбленный совершенно вымотался. Он уснул первым, а я всё рассматривала его, но так и не нашла никаких отличий от того Аллеоля, которого я знала раньше.

Всё выяснилось на следующее утро. Сквозь сон я чувствовала своего возлюбленного, и когда он встал, почувствовала тоже, но не подала вида. Я наблюдала за ним сквозь приоткрытые веки, а он, думая, что я сплю, забыл об осторожности.

И вот, когда он подошёл к двери и обернулся, чтобы ещё раз взглянуть в мою сторону, я увидела, как прекрасные черты Аллеоля изменяются, превращаясь в страшную тролличью рожу!

Стало понятно сразу всё – тролли, существа низкого порядка, но они обладают потрясающими способностями к маскировке, причём не просто отводят глаза и создают иллюзию, но изменяют собственное тело, буквально превращаясь, в то чем хотят прикинуться. Недаром мы тогда на поляне не смогли отличить их от больших валунов. Они ухитряются пребывать в преображённом состоянии даже во сне и принимают свой прежний вид только, когда сами захотят этого.

Превратиться в Аллеоля любому из них было тем проще, что они все вкусили его плоти! Я сама удивляюсь, как я теперь могу так спокойно об этом говорить. Тогда я металась от мыслей о самоубийстве, до планов страшной мести всем живущим в этих пещерах троллям. Однако они хоть и примитивные создания, но достаточно хитры, чтобы не допустить ни того, ни другого.

Меня держали взаперти, в моей келье не было ни одного предмета отдалённо похожего на оружие. На моём столе не было даже самого маленького столового ножа, всё из еды, что требовалось нарезать, подавалось уже нарезанным.

Вот если бы я владела искусством древних гейш, способных раздавить и вырвать во время соития мужское естество, пользуясь только мышцами своего естества женского! Но таким искусством я не обладаю, да и вряд ли такое удалось бы сделать с троллями – больно уж они крепкие.

Но я приготовилась выцарапать глаза этому лже-Аллеолю, даже если бы с меня тут же сняли голову. Но вечер настал и "Аллеоль" пришёл, и каморка вновь превратилась в расписные покои с неясными очертаниями, а моё грубое ложе стало роскошной постелью покрытой драгоценным шёлком, атласом и бархатом. Теперь я знала, что передо мной тролль, но в то же время это был мой возлюбленный, и я не смогла поднять на него руку, а он был со мной так ласков и нежен, что заставил меня позабыть обо всём...

С тех пор так и пошло – мучительные дни, и сладостные

ночи, боль и наслаждение. Я ненавидела себя, но я любила... по-прежнему любила погибшего Аллеоля и не в силах была противостоять тому, что происходило между мной и этим его... двойником. Точнее двойниками.

Я уже говорила тебе, что в пещерах этой горы живут семеро троллей – братьев. Так вот, у меня они перебивали, как потом выяснилось, все семеро по очереди, и не по одному разу.

Сначала я не умела их различать под личиной Аллеоля, но потом научилась и этому. Мне даже стали нравиться особенности и пристрастия каждого из них, как бывает нравится приправлять интереса ради одно и то же блюдо разными пряностями. Однако это было ещё не всё.

Как-то вечером ко мне пришли сразу два Аллеоля! Я сначала ужасно смутилась, хоть и знала понаслышке о подобных изысках в любви. Вот только себя я никогда не представляла в такой роли. Но потом я подумала – а что я теряю? Почему не попробовать с двумя то, что доставляет мне такое удовольствие с одним? И я решилась. В ту ночь наслаждение было настолько сильным, что я почти потеряла сознание, а сердце готово было выпрыгнуть из груди!

С тех пор они часто стали приходиться ко мне по двое, по трое, а иногда и по четыре сразу. Я только просила их не являться всемером, так-как это уже слишком – удовольствие безумное, но потом всё так болит, что отходить приходится дня два или три, так что мы практиковали такое сумасше-

ствие всего лишь пару раз за всё время.

Кстати, тогда наконец-то с наших встреч была сорвана печать молчания. Оказывается, мои любовники молчали из-за того, что не услышали тогда голос Аллеоля, а потому не смогли его повторить.

А ещё, меня выпустили из кельи и разрешили выбрать любую пещеру горы. Я выбрала эту, а когда стала встречаться с троллями днём, то постепенно привыкла к их настоящим лицам и теперь они не кажутся мне столь безобразными. Недавно я даже попросила их не надевать больше личину Аллеоля, когда они захотят навестить меня ночью, но они такие забавники – часто надевают личины разных эльфов, лепреконов и даже животных. Сначала было чудно, а теперь мне это даже нравится!

Ларни сидела, как во сне, убаюканная рассказом Кейни. Но вот этот рассказ закончился, и девушка обнаружила, что они сидят в обнимку, что её голова лежит на плече рыжеволосой бестии, а рука той нежно гладит грудь Ларни сквозь тонкую ткань туники.

Какая-то часть пленницы пыталась воспротивиться этим странным ласкам, но девушка вдруг почувствовала, что на это у неё нет ни сил, ни желания. Настойчивая рука женщины-лепрекона, между тем, мягко раздвинула ножки Ларни и осторожно проникла в святая святых девичьего тела.

Ларни вскрикнула от неведомого раньше сладостного чувства, пронзившего всё её существо, но тут губы Кейни

нашли её губы и слились с ними в долгом умопомрачительном поцелуе...

– Великие силы! – прошептала Кейни, нежно прижавшись к Ларни всем телом. – Ты же ещё девочка! Нежная, как лепесток лилии, хрупкая, как хрустальная паутинка и невинная, как само Дитя Света! Не бойся, я тебя ещё долго-долго троллям не отдам!

Глава 54. Хаюк

– Пять месяцев?! Но ведь об этом говорилось так, будто всё случилось вчера!

Стефан был по-настоящему удивлён и даже немного сбит с толку, когда услышал, что с момента побега влюблённых прошло уже пять месяцев. А началось всё с того, что они, подойдя к подножию Троллиевых гор, увидели надетый на острую ветку, обклёванный птицами череп с кипой серебристых волос, спускающихся до земли неровными, словно обгрызенными патлами.

– Ну и что? – возразила Сато. – Что такое пять месяцев для здешних жителей? Краткий миг, да и только. Ты не представляешь, как они медлительны в своих действиях из-за их "долгожизней", или как это называют люди – бессмертия. И как меня это в них раздражает! Они способны годами совещаться и ничего не делать, в то время как действовать надо быстро и решительно. Я же намерена найти свою подругу независимо от того сколько прошло времени – пять месяцев или пятьсот лет!

– Не могу никак решить, чего в тебе больше – безрассудства, доброты или храбрости?

– Всего понемногу. Но дело не только в этом: Кейни моя подруга и немножко любовница.

– Немножко кто?!

Стефан от неожиданности остановился.

– Ты что, ревнуешь?

– Нет. Ты же знаешь, что нет. Но как это? Как девушка может быть любовницей... другой девушки?

– Ах, вот оно что? – Сато искренне расхохоталась. – Так для тебя это новость? Какой же ты ещё наивный, малыш! Неужели никогда не слышал, что иногда происходит между девочками, если им не хватает мальчиков? Правда, не слышал? Так вот, это случается и не так уж редко. Между мальчиками такое тоже происходит, но их принято за это осуждать, а на девичьи утехи обычно смотрят сквозь пальцы или просто их не замечают, а ещё девочки умеют лучше маскироваться. Подруги мы, дескать, и всё тут!

Такая, э-э... дружба, прежде всего тем хороша, что от неё не забеременеешь, как ни старайся! Я не про себя говорю, а про девочек вообще. Ты – мужчина, и пока не стал отцом хотя бы одной дочери, не понимаешь насколько это для девочек важно, не забеременеть раньше времени. Да и когда станешь папой, всё равно не сможешь понять всех женских проблем.

Так вот, мы с Кейни подружились давно, когда она была совсем юной, лет триста, не больше, а я гостила в доме её отца. Тогда мы частенько спали в одной постели, и мы полюбили друг друга, может быть не так крепко, как настоящие влюблённые, но всё же достаточно, чтобы продолжать встречаться подальше от посторонних глаз.

Это было ещё до того, как у них возникло взаимное влечение с этим вот беднягой! Тогда он её ещё за косички дёргал и глумил на каждом шагу, как и всякий мальчишка, не знающий, как на самом деле надо вести себя с девушкой. Но когда у них закрутилось по серьёзному, я сразу ушла в сторону и от души посмеялась, когда увидела, что моего исчезновения никто не заметил, настолько они увлеклись друг другом!

Кто ж знал, что всё так получится?..

– Ну-у... Ты не думай, что я отговариваю тебя идти спасать подругу. Просто за пять месяцев тролли могли уже обглодать её до костей!

– Тогда пойдём и заберём у них кости, а по дороге срубим несколько тролличьих голов!

С этими словами Сато перешагнула символически обозначенную границу и храбро углубилась во владения троллей. Стефану не впервой было следовать за упрямыми девичьими ножками, но сейчас он понимал, что ввязывается в историю, которая будет, посерьёзней мелких и крупных авантюр Ларни.

Даже их подземное приключение и прогулка по Мёртвому городу, могли показаться лишь лёгонькой разминкой перед войной, которую напророчила Сато. Правда сейчас в добротной лепреконской одежде и вооружённый эльфийским оружием, (впрочем, демонический лук он всё же оставил), Стефан чувствовал себя героем волшебных сказок – могучим, грозным и почти невидимым – зелёный охотничий костюм,

подаренный ему Керсом, мог замаскировать кого угодно в траве, листве и в скалах.

Кроме того, сейчас он путешествовал в компании женщины, способной голыми руками оторвать голову демону Ада!

– А куда нам теперь идти, ты знаешь? – спросил Стефан и тут же цыкнул на себя, ведь Сато могла подумать, что он ноет и жалуется, а значит трусит.

– Нет, не знаю! – ответила девушка беспечно. – Я очень давно не бывала в этих горах, но ты не беспокойся, я что-нибудь придумаю. В крайнем случае, поймаем двух – трёх троллей и спросим у них.

Как у неё всё просто – "Поймаем двух – трёх троллей"! И это после того, как она сама все уши ему прожужжала, какие это твари свирепые, хитрые и опасные!

Однако поймать тролля оказалось делом совершенно несложным. Просто, когда они проходили мимо сломанного дерева, Сато вдруг выбросила в сторону правую руку и ухватила за шкуру... оставшийся от этого дерева пень, торчащий у дороги. Дерево тут же куда-то исчезло, а пень оказался на редкость уродливым мальчишкой, с кожей цвета синей глины, который принялся верещать и вырываться. Ни дать, ни взять – поросёнок, угодивший копытом в силок для кроликов!

Сато попыталась с ним заговорить, но все попытки оказались напрасными. Тогда она отвесила ему мощнейшую затрещину, эхом отозвавшуюся в горах. Пацан тут же прекра-

тил вырываться, сел прямо посреди дороги и захныкал.

– Почему всё так пло-охо? У семи братьев новая герла, а Хаюк попался в плен и ему теперь отрежут голову! У них теперь две герлы, а у Хаюка ещё не было ни одно-ой! Все смеются над Хаюком, говорят, что он ещё слишком молодой, а Хаюк уже совсем взро-ослый! Хаюк хочет герлу-у!

У Стефана зубы заболели от его завываний. К тому же этот урод явно не желал с ними разговаривать, и ломал комедию, а потому юный охотник в сердцах произнёс слова, которые в детстве как-то слышал от рассерженных взрослых – неприносимые слова:

– Если ты не заткнёшься, я тебе яйца отрежу, и не понадобится никакая герла!

Пацан вскочил, будто его подбросил хороший пинок.

– Ты это сделаешь? Хороший мужика! – залопотал он. – Режь яйца Хаюка! Режь! Ты обещал!

– Сядь! – рывкнула Сато, возвращая тролля на землю ударом ладони по плечу.

– А ты, – обратилась она к Стефану, – думай, о чём говоришь! Чего бы, ты не отрезал у тролля, отрастёт у него заново, только будет вдвое больше. Поэтому они такие уроды, ведь тролли рождаются такими же, как все люди, и отличить ребёнка тролля от человеческого младенца невозможно. Но они от природы ужасно злы, драчливы и неуживчивы, а потому постоянно награждают друг друга новыми увечьями и теряют всё, что выступает на теле. Вот у этого, например,

когда-то отгрызли оба уха и нос, а ещё он терял левый глаз и зубы с правой стороны. Несколько пальцев на обеих руках у него тоже были откусаны, а правую ногу похоже оторвали, как раз по колено.

– Угу, угу! Гы-ы! – одобрительно закивал польщённый Хаюк.

– Так вот, – продолжала пояснения Сато, – чтобы убить тролля, надо отрубить ему голову или рассечь тело пополам, неважно вдоль или поперёк. Так или вот так!

Свои слова девушка сопровождала соответствующими движениями, показывая на пленённом тролле-подростке, как это лучше сделать.

– У-у! – снова завыл Хаюк, услышав такие речи. – Злая герла, злой мужика! Они не будут резать яйца Хаюка! Проти-ивные! Они хотят Хаюка уби-ить! Совсем уби-ить! А у Хаюка ещё не было герлы-ы!

Сато вlepила ему ещё одну затрещину.

– Заткнись, а то надрежу шею до половины, да так и оставлю! – Пригрозила она.

Бедный Хаюк до того перепугался, что не только замолчал, а ещё и свернулся в клубок, закрыв голову руками на которых все пальцы были разной длины.

– Так-то лучше! – прокомментировала Сато. – Этого они боятся пуще смерти, ведь тролль, получивший такую травму, теряет большую часть своей силы и вынужден влачить жалкое существование с головой вечно свисающей набок. Он

был бы даже рад, если бы его доби́ли, но его собратья – народ жестокий и они скорее будут держать беднягу для потехи, чтобы ежедневно издеваться над покалеченным.

– У-у! – снова заскулил Хаюк, и в этом голосе слышались нотки панического ужаса.

– Я кому сказала – заткнись! – выкрикнула Сато, сделав страшное лицо. – Всё, я вынимаю меч! Что, не хочешь? Тогда быстро веди нас к семи братьям и если я услышу от тебя лишний писк по дороге, то немедленно надрежу твою шею! А если попытаешься сбежать, то знай: вот это – знаменитый рыцарь Стефан – Безжалостный, который не знает пощады. Он немедленно догонит тебя и рассечёт твоё тело до грудины. Подумай, как ты при этом будешь выглядеть? Представил? Понял? А теперь всё, хватит разговоров, вставай и пошли!

Хаюк хрюкнул, зашевелился и встал во весь рост, но голову держал ниже плеч и всё зыркал с опаской то на Сато, то на Стефана, похлопывающего рукой по рукояти эльфийского меча. Он глубоко вздохнул, что-то булькнул и поплёлся по дороге, поминутно оглядываясь. Вдруг он замер и задрожал, как осиновый лист, потому что на плечо ему опустился кончик холодного, как лёд клинка.

– Так! – сказала злая Сато. – Последнее предупреждение: не халтурить, ноги переставлять нормально – не быстрее чем положено, но и не медленнее. Лишний раз не оборачиваться, молчать, пока не спросят. Кстати, сколько по времени идти

до горы, где живут эти семь братьев?

– Дней пять, – пропыхтел Хаюк. – Эльф добежит быстрее.

При этом он снова зыркнул на Стефана, но тут же испугался своей смелости и пошёл вперёд, всем своим видом выражая готовность к послушанию.

– "Эльф" не будет никуда бежать! – Сато прижалась вдруг к Стефану всем телом. – Я не знаю, сколько нам ещё осталось пробыть с этим "эльфом" вместе, но я не собираюсь терять ни один день и ни одну ночь!

Глава 55. Что бы на это сказали...

"Что бы на это сказал священник?"

Ларни не хотелось вылезать из под тёплого одеяла под которым даже цепи не казались холодными. Солнце давно уже заглянуло в неровные проёмы окон уютной пещеры и теперь поднялось выше, потихонечку убирая свои лучи с пола на подоконники.

Кейни, наверное, с час, как встала и теперь бесшумно передвигалась по своей комнате-кухне, тихонько позвякивая посудой. Ларни чуть-чуть приподняла краешек одеяла и понаблюдала за девушкой-лепреконом. Ей вспомнилась их ночь. Трущиеся друг о друга тела, ласковый шепот, нежные вздохи, горячее дыхание, запретные прикосновения... И наслаждение... Бурное, радостное, взрывное, а в другой раз глубокое, медленное, долгое, не кончающееся!..

Священник предупреждал молодёжь о греховности "соития" до свадьбы. Его слушали, но слушались не всегда. Ларни об этом знала, но не предавала таким вещам большого значения. В конце концов, любовь – это дело тех двоих, которые попали в её сети и никто больше не должен им указывать, как, когда и где любить друг друга, даже священник.

Почему-то в этом она была убеждена. А вот о любви между девочками священник не говорил никогда. В Междустенье об этом и слыхом не слыхивали, а если что и было, то

молчали, так-как люди почему-то думают, что самый надёжный способ избавиться от проблемы, это молчать о ней. Однако...

"Что бы на это сказала мама?"

В отличие от большинства своих подруг, Ларни знала, что между девочками такое бывает – Маранта рассказала ей. Правда мама тут же оговорилась, что сама никогда не чувствовала тягу к таким развлечениям, ну и понятно, не пробовала их на деле.

Ларни знала, что в жизни мамы было несколько мужчин, и не исключала, что у неё, Ларни тоже может так случиться. (К Стефану она тогда испытывала исключительно братские чувства и как мужчину его не воспринимала.)

Тогда она подивилась рассказу о любви женщин друг другу, посмеялась, решила, что это её не касается, и выкинула из головы за ненужностью. А вон оно, как всё вышло!..

Что же тогда говорила мама? Вроде бы относилась к таким вещам без враждебности, но и без одобрения. Да-а, есть от чего почесать в затылке!

"А вот, что бы на это сказал Стефан?"

При этой мысли Ларни зарделась, как маков цвет, но под одеялом этого совершенно не было видно. Почему-то мысль о Стефане вызвала у неё крайнее смущение и стыд. Ей вдруг показалось, что она чем-то обидела Стефана или даже предала его. Но чем и в чём?

Они ничего не говорили друг другу, ничего не обещали.

Конечно, Ларни прекрасно видела, как Стефан на неё смотрит. Ну и что с того? Мальчишки вечно пялятся на девочек, как вороны на блестяшки, как коты на птичек.

И, чего греха таить, девочкам это нравится! Не всегда и не всем, или не все себе в этом признаются, но где-то в глубине души, нравится. Ларни как-то даже видела смешную картину – несколько девушек постарше парились в баньке, а молодые охотники всё пытались подсмотреть за ними через крохотное банное окошко. Видно было плохо – окошко запотело, но вдруг его изнутри кто-то протёр! Тщательно так протёрли, сухой, чистой тряпочкой.

А ведь девушки знали, что за ними подсматривают. Значит, они хотели, чтобы их увидели? Причём увидели именно нагими, во всём блеске первозданной красоты, которая не нуждается в каких-то там добавках и украшениях.

Но при этом всё должно было выглядеть, как бы нечаянно, а когда один из парней, не выдержав, сунулся в дверь, то тут же получил мокрой мыльной мочалкой по физиономии!

Стефан был не лучше и не хуже других. Он также вожделенно смотрел на девушек... На всех девушек, а потом уходил за Ларни, как привязанный. Была ли это любовь или дружба, Ларни не знала, но всё же была склонна думать, что это всё-таки дружба, ведь Стефан её значительно старше, а вокруг было полно девиц вошедших в возраст невесты.

Впрочем, такое в последнее время говорили и о ней, а ещё прибавляли, что раньше девушки бывало, выходили замуж,

когда были на пару лет помладше. Она это с трудом себе представляла, ведь те, что были младше на пару лет, совсем ещё дети, они же в куклы ещё играют, у них же не видно ещё ничего, чем гордится любая женщина!

Но потом... совсем недавно... в подземелье, куда они провалились... Но ведь это был всего лишь поцелуй! Всего лишь... А если честно? Вспомни эти губы, от которых закружилась голова!.. Сладкие, как мёд и хмельные, как вино, которое делает священник из смородины! А эти руки, способные сломать шею медведю? Как они тебя держали... Как тончайший сосуд необыкновенной красоты и ценности, как ребёнка, как хрупкую, нежную птичку! А как отозвалось на это твоё собственное тело? Все волосы на нём, даже самые мелкие, вдруг встали дыбом, и её лёгкая одежда из-за этого показалась колючей, как шерстяной свитер, одетый на голое тело. Соски затвердели и так увеличились, что стали тереться о ткань сарафанчика, отзываясь, какой-то сладкой болью и это... было приятно! По рукам и ногам словно пробежали искры, как между деревьями перед грозой, а внизу живота потеплело и заняло так сладко-сладко!

Стефан ведь тоже был сделан не из камня, и Ларни сразу почувствовала отзыв его тела. Да-да! В виде набухающего бугра между ног. И что же? У неё это не вызвало смеха, как это было раньше, когда случалось говорить с кем-нибудь о таких вещах. Ей было приятно, что Стефан так реагирует на её близость. Было приятно чувствовать *это* под собой...

(Она чуть было не сказала "в себе", и от этой мысли ей вдруг стало жарко под одеялом!) Но тогда она ещё не была к таким вещам готова. Тогда не была, а сейчас? Сейчас ей было стыдно, но вовсе не за тот раз, а за...

А с другой стороны чего это она так застыдилась? Кого ей стесняться после того, что произошло между ней и Кейни прошедшей ночью? Впрочем, девушка-лепрекон сохранила то, что было физической девственностью Ларни, объяснив это тем, что с её стороны было бы кощунством срывать этот цветок!

Но разве душу бесёнка можно было теперь назвать девственной? И разве можно назвать девственными её губы, ласкавшие губы и тело любовницы? Нет, постойте! В таком случае она потеряла душевную девственность ещё тогда, когда целовала Стефана?

Ларни поняла, что запуталась. Наверно вопрос надо ставить не так. Любит ли она Стефана? Да! Теперь она понимала, что да! Конечно, любит. И как жаль, что его мужская плоть тогда не оказалось в ней, ведь сейчас Стефан далеко и неизвестно увидятся ли они ещё раз в этой жизни?!

Правда тогда она ни о чём таком совершенно не думала, а всё осознала только сейчас, когда уже случилось то, что случилось и сделанного не вернёшь.

Хорошо! В таком случае, любит ли она Кейни? Нет. Эту девушку она едва знает, и пусть Кейни ей очень-очень нравится, (такая забавница и фантазёрка!), но всё же любовью

это чувство не назовёшь. Правда, назвать Кейни подругой она тоже могла лишь условно. Тогда, как же это называется? Ладно, поставим вопрос по-другому – хочет ли она её, эту зеленоглазую демоницу?

Да! Я и сейчас хочу её, неутомимую, искреннюю, заботливую, нежную и... раскрепощённую, развратную, потрясающую, великолепную в своём бесстыдстве, в своей похоти!

"В таком случае, – шепнул кто-то язвительно внутри Ларни, – признаваться, так признаваться! Скажи, детка, изменила ли ты Стефану?"

– Д-да, – сказала девушка вслух и почувствовала, как к горлу подступили слёзы.

Но вдруг внутри неё заговорил ещё кто-то, кто до сих пор молчал, и хотя голос звучал на удивление мягко, Ларни поняла, что тот, кому он принадлежит, обладает огромной силой и властью.

"Умница, что призналась! – сказал этот голос, и у бесёнка создалось впечатление, что её погладили по голове. – Давай признаем, что это так. А ещё скажем, что это было нехорошо с твоей стороны, если рассматривать дело с точки зрения привычной тебе морали, которая ой-ой, какая зыбкая вещь! Но разве это конец жизни? Нет! В жизни много может случиться чего похуже, но и это не будет конец жизни. Тебя беспокоит то, как к этому делу отнесётся сам Стефан? Если любит, то не сочтёт большим проступком, а то и вовсе не заметит. Даже если бы ты была с мужчиной, это не отвратит

от тебя действительного влюблённого. Что он любит, в конце концов, тебя или крохотный клочок плоти внутри твоего женского естества? Если второе, то он тебя не любит, более того – он тебя недостоин. Но ведь мы знаем, что это не про Стефана. Он любит тебя, а потому примет тебя любую и прежде всего, будет безумно счастлив, видеть тебя живую и здоровую, а всё остальное отодвинет в сторону, как ненужный хлам, не стоящий внимания. Утешься! Ты на самом деле ничего не потеряла прошлой ночью, а если и приобрела... кое-какой опыт, то это не повредит ни тебе, ни Стефану. Постарайся не достаться троллям, а если это всё же случится, то помни – это тоже не конец жизни! Всё у тебя будет хорошо!"

– Всё будет хорошо! – повторила Ларни, но пара слезинок всё же выступили у неё в уголках глаз. – Спасибо, Инци!

– Ты с кем там разговариваешь?

Кейни откинула одеяло и Ларни совсем близко увидела её задорное, раздурманенное от печного жара лицо в обрамлении гривы ярко-рыжих волос и с вечно смеющимися глазами.

– Вставай, соня! – сказала девушка-лепрекон. – Завтрак готов!

Ларни вместо ответа вдруг обвила шею подруги-любовницы руками и стала покрывать её лицо поцелуями. Она целовала её в губы, в щёки, в лоб, в глаза! Целовала исступлённо, страстно, и всё никак не могла остановиться!

– Лапонька моя! Котёнок мой милый! – говорила изум-

лѣнная Кейни, отвечая на ласки разошедшегося бесѣнка. –
Остановись! Ну, хотя бы не будь такой скорой! Великие си-
лы! Да ты ещё интереснее, чем я о тебе думала!

Глава 56. Оставшийся без герлы

– А женщины у них есть?

– Женщины? Трольчихи? Есть, конечно, а тебе зачем?

Ах, ты потаскун!

Сато перевернула Стефана и оказалась сверху. Ей почему-то особенно нравилась эта поза. Стефан обычно был не против, но сейчас проявил упрямство и перевернул девушку обратно с той же лёгкостью, что и она его до этого.

– Ты, что с ума сошла? – воскликнул он, не останавливаясь, но наоборот увеличивая темп. – Чтобы я позарился на такую уродину?

– Мр-р! – ответила вечно юная демоница. – Ты не знаешь, о чём говоришь. Женщины-тролли – красавицы, понимаешь? Умопомрачительные красавицы. Они берегут себя, очень ценят свою красоту. Для них недопустимо получить хоть малейший изъян, а если такое случается, то эту трольчиху ты уже не увидишь – уйдёт под землю, спрячется навсегда... Ой! У меня подходит! Ты готов?

– Да!

Стефану, который раз, показалось, что произошёл взрыв. Сама земля содрогнулась от великолепного финала их любви! Вздогнули горы, и деревья на миг склонили свои кроны, всплеснув руками-ветками от этого триумфа сверхчеловеческой страсти!

А потом они долго лежали в объятиях друг друга, наслаждаясь близостью и слушая последние аккорды затихающего возбуждения.

– А ты стал сильнее, – сказала Сато, пальчиком вычерчивая, что-то на груди Стефана. – Когда будешь любить свою девушку, постарайся быть с ней осторожнее, не сломай её!

– С кем поведёшься! – хотел поддеть её Стефан, но демонница и ухом не повела.

– Нет, я серьёзно, – продолжила она ту же тему. – Ты привык это делать со мной, но все женщины разные, и то, что нравится одной, может быть неприемлемо для другой. Поэтому я вовсе не пошутила насчёт тролльчих. Я бы тебя познакомила с эльфийками, они ведь великие мастерицы по части плотской любви, но нам некогда, а этих дам надо долго уламывать, слишком уж они церемонные. Девушки-лепреконы не менее искусны и даже более заводные, но у нас и на них времени нет. А с тролльчихами всё просто – они не только не откажут, но потом от них не так-то просто будет отделаться.

Стефан рассмеялся.

– Ты что, и впрямь совершенно не ревнива?

– Ревность – одна из побочных дочерей моего отца, с помощью которых он истязает человечество. Я старше сводной сестрёнки и терпеть её не могу. Ещё не хватало, чтобы я подчинялась этой стерве! Так вот, я могу поймать для тебя молоденькую тролльчиху или двух, ради опыта, но потом при-

дётся придумать куда их девать...

– Я думаю, что мы без этого сможем обойтись. Хотя я посмотрел бы на них, если нам доведётся их встретить. Любопытно, знаешь ли! Так говоришь, они красивы? Как же они уживаются со своими мужьями? Или это правда, что красивые женщины предпочитают мужиков поглубее?

– Ну, это чушь, а что касается тролльчих, то у них не бывает мужей. Тролльчихи с троллями-самцами не связываются никогда, потому что от их союза рождаются такие монстры, что сами тролли боятся их и ненавидят.

– Откуда же тогда берутся тролли? Не из камня же рождаются, как в сказках?

– Они рождаются от связей тролльчих с мужчинами других народов. Тролли-самцы тоже могут зачать ребёнка, но для этого им приходится похищать для себя женщин, а это связано с изрядным риском. Эльфы, например, завидев тролля, поднимают тревогу, и если тот не успеваает удрать, рубят в капусту безо всякой жалости! Поэтому случаи похищения женщин весьма редки, а участь похищенных незавидна, ведь с ними будет жить вся община, и кое-кто из соседей захочет ещё присоединиться. Бедняжку оставят в покое, только если налицо признаки беременности. Тогда к ней относятся, как к королеве и буквально носят на руках, но уже через две-три недели после родов её кошмар продолжится. Ох, я боюсь за Кейни! Она девочка крепкая, но сразу семь похотливых самцов, это и для неё многовато. Впрочем, может она уже

носит тролльчонка? Надеюсь, что мои уроки не прошли для неё даром, я ведь в своё время обучила её кое-каким женским хитростям, которые не только люди, но и эльфы с лепреконами не знают.

– Вот ещё одна причина не связываться с местными бабами, какими бы красавицами они не были – я не хочу, чтобы мои дети были троллями.

– Возможно, ты и прав, щепетильный ты мой. Большинству мужиков это без разницы, но есть и такие, которые склонны думать и о том потомстве, которого не увидят никогда. Что ж, придётся тебя охранять.

– Зачем?

– Ты, что не понял? Тролльчихи ужасно похотливы, а мужики им достаются нечасто. Так что они могут тебя у меня просто украсть, а если узнают, что ты сын Адама, то сделают это обязательно!

– Ой, страшно!

– Поверь, это не самая лучшая жизнь. Быть пленником – консортом в этих горах, исполнять прихоти нескольких фурий, которые могут обращаться с тобой совсем неласково, особенно если проявишь, хоть малейшую строптивость. Кстати, когда твоя мужская сила пойдёт на убыль, а при такой жизни это случится очень скоро, тебя попросту сожрут. В буквальном смысле слова. Они людоеды, знаешь ли, эти тролли!

– Вот те раз! А зачем сама меня к ним толкала?

– Я имела в виду другое – поймать пару самочек, да поиметь их под моим присмотром, а потом дать пинка под зад, чтобы катились куда подальше. Просто я хотела бы, чтобы ты имел представление о других женщинах, прежде чем возмёшься за свою девочку. Но если ты не хочешь...

– Теперь уж точно не хочу! А что касается Ларни, то – да, я люблю её, и теперь скажу честно – люблю совсем не как сестру. Но про её чувства мне ничего не известно. Поэтому я не знаю, захочет ли она со мной...

– Судя по тому, что ты о ней рассказывал, она не дура, а значит захочет. Ну ладно, пора нам трогаться в путь, так что веди сюда нашего проводника, а то он там один совсем соскучился.

Стефан послушно поднялся, натянул одежду и отправился за скалу, где в компании с жареным оленьим боком, сидел Хаюк, привязанный к дереву неразрываемой эльфийской верёвкой, с узлами, секрет которых, знала только Сато.

Идти было недалеко, и молодой охотник вскоре увидел торчащие за поворотом тропинки уродливые лапы тролля. Стефан прошёл ещё несколько шагов и встал, как вкопанный, не в силах двинуться с места от удивления: Хаюк сидел, как его и оставили – прислонясь спиной к дереву, а голову свою держал на коленях. Голова у парня была отрублена...

Глава 57. Шарль

– Что же теперь делать?

Маранта выглядела растерянной. Впервые в жизни она действительно не знала, что делать и ощущение, что всё потеряно и ничего исправить уже нельзя, стало заполнять её сознание с катастрофической быстротой. Михал видел свою жену такой впервые, и это ему совершенно не понравилось.

– Да, в самом деле, что делать? – спросил он, обращаясь к Инци. – И вообще, что-то можно теперь сделать?

– Нам остаётся только ждать.

Инци устало опустился прямо на пол, привалившись спиной к стене.

– Ваши дети, люди необыкновенные, а потому у них есть шанс выйти живыми оттуда, откуда люди возвращались лишь дважды за всю историю человечества.

– Тогда мы будем ждать здесь! – заявила Маранта, и Михал согласно кивнул.

– Нет, нет! – отозвался Инци. – Это совершенно бессмысленно. – Здесь проход больше не откроется никогда. Он не открывается в одном и том же месте дважды, а вот, где это случится, предсказать нельзя. Поверьте, я тоже очень тревожусь о ребятах, но ничего не могу сейчас поделать! Повторю – теперь нам осталось только ждать. Возвращайтесь домой, и надейтесь на лучшее. Ларни и Стефан *могут* спра-

виться с силами зла и вернуться живыми, а если им удастся выйти с того света, то дорогу домой они как-нибудь найдут.

– Но когда это будет? – спросила Маранта.

– Может завтра, может через год, может через двадцать-тридцать лет. Это нельзя сказать наверняка.

Все замолчали. Михал увидел, что вокруг рта у Маранты пролегла горькая складка, и понял, что если сейчас не предпринять, что-то особенное, это выражение останется у неё навсегда.

– Ну, что ж! – сказал он, как можно бодрее. – Раз тут делать больше нечего, то и не надо здесь торчать. Пошли наверх, а то тут слишком душно. Дамы – вперёд!

Маранта кивнула и направилась к лесенке, чтобы подняться наверх. Когда она достигла выхода из подвала, Михал жестом предложил Инци последовать за ней, но тот отрицательно покачал головой и охотник уже взялся за поручни, чтобы отправиться вслед за женой, как вдруг увидел её летящую вниз прямо ему на голову! Каким-то чудом он всё же успел её поймать, сохранив и свои, и её кости в целости.

– Оступилась? – спросил Михал и понял, что сморозил глупость: Маранта превосходно владела акробатикой и была в прекрасной форме, поэтому предполагать, что она оступилась на обычной лестнице, было, по меньшей мере, нелепо.

– Там монстр! – ответила Маранта, вставая на ноги. – Здоровенный, во весь собор. Кажется это тот циклоп, которого мы видели в парке, но тот был с выбитым глазом... Впрочем,

у этого вместо глаза тоже, что-то странное.

– Дайте-ка, я посмотрю, что там можно сделать! – сказал Инци, подходя к лестнице.

– Не надо! – возразила Маранта. – Он тебя меж пальцев разотрёт – пятерню над входом сюда держит, как кот лапу над мышьиной норкой.

– Ничего, ничего! Я буду осторожен.

Инци, не торопясь, поднялся по лестнице, вышел на поверхность и стал разглядывать нависшую над входом в тайную комнату фигуру циклопа. Он и впрямь занимал большую часть собора, в который влез-то только благодаря широченным высоким дверям, сделанным такими, не иначе, как для того, чтобы статую Рогатого сюда протащить.

Сейчас он сидел, подмяв под себя скамьи с одной стороны и нависая над открытым люком с другой. Свою широченную лапищу он держал, таким образом, что каждый, кто высунулся бы из люка, сразу оказался у него в ладони. Инци прикоснулся к этой ладони и отвёл руку циклопа в сторону.

– Вау? Ы? – спросил циклоп и задрожал мелкой дрожью.

– Не бойся! – ответил ему Инци. – Я не сделаю тебе больно и не причиню зла. Дай посмотреть, что у тебя с глазом?

– Ы-ы-ву-у! – застонал циклоп, но послушно наклонил свою страшную голову почти к самому полу.

Заглянув в то место, где когда-то был его глаз, Инци обнаружил странную и плохо понятную картину – в не полностью зажившей ещё глазнице, сидело некое существо, похожее на

змею покрытую, как шерстью длинными, ровными иглами. Эти иглы глубоко вросли в плоть циклопа и, похоже, сейчас достать это существо, не убив самого носителя, было невозможно.

По-видимому, эта тварь спала или находилась в трансе, потому что не двигала своей змееподобной головой, а поворачивалась таким образом, как будто и впрямь являлась глазом циклопа. Да, видимо теперь это и был его глаз, и сейчас он начал затягиваться сверху полупрозрачной кожистой плёнкой. Со временем она обещала полностью скрыть начинку этого "глаза", превратив голову колючего существа в зрачок. Выглядеть будет страшновато, но ничего, ведь циклоп сам по себе не красавец!

Инци положил ему левую руку на лоб, а указательным пальцем правой дотронулся до головы колючей твари. Ах, вот оно что! Мозг циклопа, устроенный весьма примитивно, соединился со сложным мозгом этого монстра, вытянутым во всю длину тела и объёмом не уступающему человеческому. Теперь их разум слит воедино, причём, как личность, победил циклоп и теперь он пользуется интеллектом поселившегося в нём паразита, а заодно и его глазами!

Инци понял, что злобный паразит сопротивляется, как может, и процесс ещё не завершён. И тогда он решил вмешаться.

"Всё, – подумал Змеёж, – проиграл! А жаль, ведь тайны человеческой живучести только-только начали приоткры-

ваться. Но ничего, рано или поздно придёт кто-нибудь сильнее и злее меня, и тогда последним людишкам на земле останется долгожданный конец".

Злая часть вновь созданного сознания, была крепко-накрепко связана и спрятана в недосыгаемую глубину, считай, что уничтожена. Инци увеличил тягу циклопа к познанию мира, упорядочил его память, усилил логику и наблюдательность. Не забыл он и о таких вещах, как милосердие, справедливость и... осторожность, ведь если такое существо, как циклоп открыто выйдет к людям с проповедью добра и пропагандой знаний, его поймут с точностью до наоборот и дело может кончиться плачевно.

– Кто я?! – первым делом спросил циклоп и на его физиономии отразилось крайнее удивление.

– Ты – это ты, – пояснил Инци. – Теперь ты сам себе хозяин и можешь делать, что хочешь.

– А как моё имя?

– У тебя пока нет имени, но ты можешь его выбрать или придумать.

– Хочу быть Котом в сапогах!

– Это врядли подойдёт. Очень уж ты не похож на кота.

– Тогда Шарль Перро!

– Тоже не очень подходяще, ведь многие знают кто такой был Шарль Перро, а ты не он, так что может выйти путаница.

– Но мне нравится Шарль!

– Хорошо, пусть будет Шарль. А теперь, Шарль, скажи,

что ты хочешь?

Циклоп призадумался.

– Шарль хочет читать книжка и... Шарль хочет кушать!

– Вот и хорошо! Я вижу, книг ты себе уже набрал, и можешь потом взять ещё, а покушать...

Тут призадумался Инци.

– Вот что! На востоке отсюда раньше были огромные яблоневоы сады. Поищи еду там, правда, яблоки, наверное, ещё не созрели, но у тебя такой желудок, что тебе годятся в пищу даже ветки. Ты можешь также есть всё, что бегаёт, плаваёт и летает, но никогда и ни при каких обстоятельствах не ешь людей, даже мёртвых, договорились?

– Договорились! Шарль идёт читать книжка и кушать!

– Иди! Ты больше не создание Тьмы, теперь ты своё собственное и немножко моё создание. Я благословляю тебя, иди!

Счастливый циклоп выбежал из храма Рогатого, размахивая на ходу своим мешком с книгами. Только сейчас Инци заметил, что за всей этой сценой наблюдают из открытого люка Маранта и Михал, готовые в любой момент то ли прыгнуть вниз, то ли дать залп из нацеленного оружия. Он поманил их, и они вышли наружу.

– Инци, – спросила его воительница, всё ещё с опаской поглядывая в сторону выхода из церкви, – что ты только что сделал?

– Сам точно не знаю, – ответил Инци задумчиво. – Воз-

можно, я создал новое языческое божество?..

Глава 58. Какой же это шпиён?

– Шо ж вы, душегубы, делаете? Нет, я спрашиваю, шо творите, окаянные? Совсем парня замучили! Чуть до смерти не уходили! Ну, какой же он вам шпиён? Какой шпиён, я спрашиваю?! Вы хоть раз шпиёна живого видали? То-то! Шпиёны нас за сто вёрст обходят, такой страх на них Диана нагнала! А этот... Ну-ка, живо его ко мне, да поаккуратнее, живая душа всё-таки!

Лысый, бородатый старик, неохватных размеров, еле протиснулся в дверь сырой холодной камеры, где уже третий день, (или четвёртый?), на куче каких-то промасленных тряпок, дрожал Руфус. Его пленители так намяли ему бока, что поначалу трудно было дышать, но это скоро прошло. Хуже всего было то, что его никто не хотел слушать.

Порфирий, к которому его собирались отвести, "лежал в запое". Руфус не знал, что это такое, но решил, что речь идёт о какой-то болезни, которую местные почему-то находили смешной, так-как заговаривая о "запоях" этого Порфирия, всегда смеялись.

Руфуса развязали, но заперли в странной, холодной комнате, стены которой, были сплошь сделаны из железа, а окон не было вообще. Заперли и, по-видимому, забыли, потому что никто к нему не приходил до тех пор, пока он не принялся лупить кулаками по гулкой железной двери своего узили-

ща.

Наконец засов ржаво лязгнул и на пороге возник плюгавенький такой мужичонка, заспанный, сморщенный, как печёное яблоко, со щербатым ртом и одним косящим глазом. Он уставился на Руфуса, словно увидел привидение и, после минутного разглядывания, осведомился, кто он такой и что здесь делает?

Руфус ответил, что он – шпион, (слово, значение которого, ему было неясно, но так его называли те двое, что набросились на него у стены), и что он несёт с собой учение Инци. Мужичонка страшно перепугался при слове "шпион", ничего не понял ни про какие инци-дринци, и, сказав, что пойдёт и всё выяснит, захлопнул дверь.

Выяснял он это часа два или три. За это время Руфус почти совсем отчаялся и, (чего греха таить?), наделал в углу, так-как терпеть дольше уже не мог. Кроме того, его начали сводить с ума муки голода, ведь даже последняя трапеза из грибов собранных в лесу была давно переварена. Он уж совсем собрался по новой колотить по стенам, когда дверь открылась и в её проёме показалась физиономия того самого мужика, который хотел повесить его в лесу.

– Чо те надо? – процедил мужик и сплюнул на пол.

– Я хочу выйти отсюда! – пробормотал Руфус, который вдруг почувствовал, что его начинают душить слёзы.

– Порфирий ещё не проспался, – заявил мужик и повернулся, чтобы уйти.

– Постоите! – воскликнул Руфус, почти в отчаянии. – Я голоден и... и мне надо в туалет.

Мужик хмыкнул и, ничего не сказав, закрыл дверь перед носом парня. Но минут через десять дверь открылась, и давешний плюгавенький мужичонка вошёл к Руфусу, держа в руках небольшую корзинку и ведро с крышкой. В корзинке нашлось пол каровая чёрствого хлеба, несколько луковиц, несъедобного вида сыр и бутылка с жидкостью странного цвета, оказавшаяся брагой. Ведро призвано было служить парню отхожим местом.

Изголодавшийся пилигрим, набросился на еду, словно голодный волк, и она быстро исчезла, словно её и не было. От браги у него закружилась голова и потянуло в сон, хорошо ещё, что было куда лечь – помещение, где он был заперт, было на треть завалено старыми тряпками. Возможно, оно служило для их хранения.

Так прошло дня три или больше. Больше всего он страдал от холода, так-как теперь мужичонка появлялся у него по два раза в день со своей корзинкой, и проблема питания была решена. Меню, правда, было однообразным, только вот брагу, по просьбе самого Руфуса, поменяли на обычную воду.

Хуже холода и плохой еды было отчаяние. Так вот он, какой этот мир, в который Руфус так стремился! И это люди, которым он собирался принести слово Инци? Стоило ли ради такого покидать родное Междустенье? Похоже, священник был прав, а он, Руфус, свалил дурака.

Попытки заговорить с мужичонкой, приносящим еду, успехом не увенчались. Руфус быстро понял, что тот был большим поклонником той самой браги, которой напоил его в первый день. Когда же от него не пахло брагой, он становился пуглив и убегал, лишь только Руфус раскрывал рот, чтобы что-нибудь сказать. Парень совсем было отчаялся, но тут, наконец, появился Порфирий.

Это и был тот плешивый, бородатый, необъятных размеров старик, который устроил разнос тюремщикам Руфуса. А ещё у него была широкая, красная физиономия и очень добрые, хоть и немного мутноватые, глаза. (Правда, брагой от него разило похлеще, чем от десятка таких, как тот, что носил Руфусу еду.)

Узника поставили на ноги и вывели на свет. Оказывается, сейчас был ясный, тёплый день, по небу плыли небольшие облачные барашки, ласковый ветерок дохнул освобождённому пленнику в лицо ароматом цветущих деревьев, к которому примешивался волшебный запах, доносящийся из невидимой пока кухни.

Во дворе их встретила женщина, немного постарше его мамы, но всё ещё красивая и стройная. Она всплеснула руками, увидев измождённого мальчишку, и через пару секунд он уже жевал, невероятно вкусный, горячий пирог с начинкой из ягод, которым второпях чуть не подавился.

– Её благодари за то, что не сидишь сейчас в кутузке! – сказал старик Порфирий. – Это Альмери – хозяйка форта, то

бишь не форта уже, а колонии нашей, потому как мы значительно выросли. Видишь, как оно вышло – выпил я намедни лишнего, (ну бывает, что поделаешь!), а эти дураки вообразили, что я совсем в запой ушёл и ничего мне не докладывали. Какой там запой?! Стар я уже в запои уходить. Раньше случалось, не скрою, а теперь ни-ни, разве что переберу малость, да и то совсем чуть-чуть! Так вот, не далее, как с полчаса назад, поймала наша Альмери одного пропойцу возле жбана с брагой. "Ты чего, – говорит, – Кузьма, без спроса брагу берёшь? Вот я тебя половником!" А тот ей: "Не суди строго, хозяйюшка! Замучила меня жажда окаянная от трудов моих – денно и ночью шпиёна сторожу, нет больше моей моченьки!" Она ему: "Какого такого шпиёна?" Вот тут-то он ей всё и выложил. Она ко мне, а я к тебе, значит. Так что не сердчай, а хозяйке спасибо скажи. Я ещё дуракам этим уши-то оборву! А тебя, прежде всего, прикажу сейчас в баньке попарить. Баня дело первейшее! И отогреешься, и в себя придёшь!

Через час, чистый, как надраенный самовар, Руфус, сидел за столом напротив Порфирия и Альмери, одетый в свежую рубаху, принадлежавшую, наверно, Порфирию, так-как ему пришлось несколько раз обернуться этим одеянием, чтобы не запутаться.

Голова шла кругом от обилия еды, стоявшей перед ним, и он еле сдерживался от желания запихать себе в рот всё сразу. Хозяева его не торопили, давая насытиться, и только под-

кладывали на тарелку всё новые и новые угощения. Но вот, наконец, Руфус понял, что не может больше проглотить ни кусочка и, встав из-за стола, поблагодарил хозяев, как это было принято дома. Тогда Порфирий указал ему на плетёное из лозы кресло и начал расспрашивать.

– Ну, теперь рассказывай, парень, кто ты, да что ты, и за каким делом к нам пожаловал? Но сперва скажи своё имя.

Руфус назвал. Ему незачем было скрывать имя от таких приветливых и щедрых людей.

– А скажи мне, Руфус, – продолжал Порфирий, – что ты ищешь в наших краях или у тебя какая-то цель?

– Я хочу увидеть мир, – отвечал Руфус, – и рассказать людям об учении Инци.

– Инци? Это бог, что ли такой? Я о нём слышал, кажется, давным-давно от одного моего хорошего знакомого. Его, вроде, толи до смерти забили, толи повесили? Только, что это за бог, если дал себя повесить? Не обижайся, парень, но по мне, так все боги одинаковые, и от всех от них мало толку.

– Инци не "какой-то там бог", а сын Бога-Создателя, – терпеливо объяснил Руфус. – И его не повесили, а распяли, прибив гвоздями к деревянному кресту. А учил он...

– Хорошо, но это ты потом расскажешь, а сейчас скажи-ка – откуда ты родом и какого роду-племени? Родителей твоих, как зовут?

– Родом я из Междустенья, а родителей моих зовут – Михал-охотник и Маранта-воительница.

– Что-о?!

Красное лицо Порфирия вдруг побледнело, а сам он даже привстал со своего места, потом переглянулся с Альмери и переспросил слегка дрожащим голосом:

– Как ты говоришь, зовут твоих родителей?

– Михал-охотник и Маранта-воительница, – повторил недоумевающий Руфус, который никак не мог понять, что же так удивило обоих его хозяев.

Порфирий уже справился с собой, но руки его всё ещё дрожали. Он налил себе объёмистую кружку браги и сказал:

– Ну-ка, давай, парень, рассказывай всё по порядку! Где оно, это самое твоё, как его? Междуречье?

– Междустенье!

– А, ну да. Расскажи-ка поподробнее об этом месте и о своих родителях. Особенно интересуется меня твоя матушка. Сдаётся, что бывали мы с ней в давние годы знакомы!

Глава 59. Чёрные помощники

Стефан не был трусом. Охотников-трусов не бывает, просто не все те, кто убивает зверей в лесу – охотники. Но сейчас холодные мурашки побежали у него по спине при виде трупа юного тролля, которого он час назад оставил здесь живым.

Вдруг сзади раздался лёгкий шорох одежды и резкий свист рассекаемого воздуха! Стефан успел пригнуться, острый слух охотника спас ему жизнь. Клинок, цвета ночи, сверкнул у него над головой, словно тёмная молния! Быстро развернувшись, Стефан выбросил вперёд правую руку и его кулак пришёлся, как раз в солнечное сплетение тому, кто напал на него сзади.

От этого удара нападающий сложился пополам, (кулаки у парня были пудовые), и отлетел к скале, о которую с размаха приложился спиной. Это его распрямило, и Стефан, наконец, увидел лицо своего противника – правильные, красивые черты, пламенеющие глаза, губы искривлённые в злобой, презрительной усмешке, и всё это в обрамлении гривы чёрных длинных волос, ниспадающих ниже плеч.

Демон! Один из придворных Князя Тьмы. Опять?!

Демон, тем временем, быстро пришёл в себя. Свой меч он выронил и тот отлетел на несколько шагов в сторону, но это не остановило ангела Ада, и он ринулся на Стефана врукопашную! Кулаки у солдата Преисподней выглядели почти

женскими, но после первых ударов охотник понял – перед ним грозный и невероятно сильный противник.

Он был ловок и совершенно беспощаден. Не прошло и нескольких секунд, как демон поднырнул под вытянувшуюся в молодецком взмахе руку Стефана и, используя его и собственный вес, нанёс ему сокрушительный удар в грудь!

Стефан почувствовал, как сердце его останавливается. Дышать было невозможно, мышцы заставляющие расширяться и сжиматься лёгкие не работали. Его, как будто боднул лесной зубр! К тому же страшная боль почти отключила сознание. Цветные круги поплыли перед глазами и грозили в скором времени потемнеть и слиться в одну непроглядную пелену мрака.

Стефан понял, что сейчас погибнет. Даже если удар, который он получил, не смертелен, то демон обязательно добьёт его. Он уже видел, как тот подобрал свой меч и, не спеша направился к нему, прикидывая куда лучше нанести последний удар...

Чёрная тень пронеслась над упавшим на оба колена охотником, сбила демона с ног и подмяла под себя. В следующую секунду стальные челюсти сомкнулись на горле врага, и всё было кончено!

Мадемуазель? Он не мог произнести её имя вслух, но демоническая сука поняла, что её узнали. Она приветливо махнула хвостом, обнюхала Стефана с головы до ног, лизнула в нос и, тут же развернувшись, побежала по тропинке, по ко-

торой он сюда пришёл.

И тут Стефана обожгла внезапная мысль – Сато! Он тут же вскочил на ноги и едва не упал навзничь, когда резкая боль захлестнула его огненной петлёй! Но всё же он смог устоять и заставить себя идти, (бежать было невозможно), и только один раз остановился, чтобы подобрать демонический меч.

Когда он доковылял до места их временного лагеря, то битва уже заканчивалась. Возле костра лежали два мёртвых демона, и над ними с победным видом стоял Монсеньор. Поодаль, вздыбив шерсть и страшно ощерившись, дралась Мадемуазель, но было видно, что её противники, (их тоже было двое), сейчас упадут, так они были изранены, почти изорваны в клочья.

Возле самой тропинки лежал ещё один. Его голова была свёрнута набок, почти на спину, и смотрела вверх, в то время, как он сам лежал на животе, вцепившись в землю скрюченными пальцами. И наконец, последний боролся с самой Сато, с отчаянием обречённого, но без всякой надежды на победу.

Вероятно, он с самого начала выбрал неправильную тактику, навалившись на девушку сверху, (демон был крупный, не в пример другим), и стараясь задавить её своим весом. Сато не пыталась из-под него вырваться, но наоборот, ещё плотнее прижалась к своему врагу, вцепилась в его горло зубами, когтями рук расплосовала лицо и вырвала глаза, а

когтями ног, (?!), выпустила наружу внутренности.

Когда Стефан подошёл, демон ещё слабо шевелился. Охотник скинул его с тела девушки и одним ударом отделил голову от туловища. Он протянул руку Сато, чтобы помочь ей встать, но тут же отдёргнул её, так-как острые зубы лязгнули у самых его пальцев. Глаза у дочери Князя Тьмы были совершенно дикие.

Она узнала Стефана, но никак не могла с собой справиться. Прикоснуться к ней сейчас было опасно, но он всё же прикоснулся, мягко и нежно. Внутри девушки что-то урчало, словно по дну большого металлического таза перекачивались чугунные ядра. Все её мышцы были напряжены до такой степени, что она казалась деревянной статуей, обтянутой кожей.

Стефан встал рядом с ней на колени и погладил по щеке. Руки Сато взметнулись вверх, но не ударили, а медленно опустились. Тогда Стефан обнял её. Она была грязная, вся в крови и в экскрементах из распоротых кишок своего врага, но Стефан не обратил на это никакого внимания. Некоторое время он слушал затихающее ворчание у неё внутри, потом она положила окровавленные руки ему на плечи, уткнулась лицом в широкую грудь молодого охотника и... заплакала!

Стефан гладил её по слипшимся волосам и всё шептал и шептал на ухо, что-то успокаивающее. Потом он подхватил её на руки и понёс к небольшому озерку, в который водопадом сбегал быстрый и чистый ручей. Туда они и погрузились

оба, Стефан, как был, в одежде, а Сато не надо было раздевать, она так и не успела ничего на себя накинуть после их последней любовной схватки.

Когда, наконец, кровь, грязь и напряжение битвы были смыты и они обрели способность говорить, Сато призналась.

– Я так испугалась... за тебя! Я думала, что мы больше не увидимся. Как тебе удалось выжить?

– Меня спасла Мадемуазель, – честно признался Стефан. – Когда она подросла, я уже считай, проиграл. Так стыдно!

– Брось! Ты хорош во всех отношениях. Возможно ты лучший из мужчин, которых я любила, но, прости, тебе не справиться с демоном. Поверь, они намного сильнее. Это всё равно, что годовалого бычка сравнить с трицератопсом. Они и в любви из наипервейших, но я скорее с троллем свяжусь, чем с этой нечистью!

– Но ты же побеждаешь их в бою.

– Я, другое дело. Я одной с ними природы, но я рангом выше, хоть и младше годами – они-то существуют с начала времён, а я появилась на свет, когда мир Земли был ещё молод, но уже пережил несколько циклов взросления. Мне нельзя быть слабее, иначе убьют, и даже отец ничего сделать не сможет.

– Что же всё-таки им надо от тебя?

– Я считаюсь здесь предательницей, человеколюбивой сучкой. Они такого не прощают и уже давно ведут на меня

охоту. Слушай, давай не будем об этом. Расскажи лучше, как было дело с тобой?

Стефан поведал всё без утайки, и Сато ещё раз подивилась его растущей мощи.

– Вот это да! Отбросить демона от себя и не умереть на месте от полученного от него удара! Я не завидую твоим врагам на Земле, если такие появятся.

Услышав про участь, постигшую юного тролля, демоница скрипнула зубами.

– Они заплатят за это отдельно! Я не люблю троллей, но этот парень был моим проводником, и я обещала сохранить ему жизнь, когда наша миссия будет закончена. Что ж, такова видно его судьба и здесь уже ничего не поделаешь. Надо дать знать его родственникам, но этим займутся собаки, а мы позаботимся о его голове. Не смотри на меня так, я вовсе не сошла с ума! Голова тролля – ценная вещь, когда находишься в окружении его сородичей. Разменная монета, так сказать, козырная карта в местной дипломатии. Грех это не использовать. Тролли ведь не хоронят своих покойников, а съедают их. Так что жаркое им обеспечено, но придётся обойтись без супа. Да ладно, шучу, шучу! Но всем этим займемся позже, а сейчас у меня к тебе есть одна просьба.

– Какая?

– Отлюби меня ещё разочек! Нет ничего лучшего для того, чтобы сбросить камень с сердца и смыть грязь с души, чем хорошее соитие с человеком, который тебе симпатичен!

Стефан подумал, что с ней нельзя не согласиться, и вскоре Троллиевые горы снова слушали великолепную песню их любви!

Глава 60. Подруги

Ларни недоумевала. Сегодня Кейни пришла какая-то задумчивая, грустная и немножко раздражённая. Она даже не поцеловала Ларни в щёчку, как это было у них заведено, а просто погладила её по голове.

– Что с тобой? – спросила девушка, подползая к краю лужа, на который присела подруга.

– Ничего, – ответила Кейни, рассеяно глядя в пустоту. – Не обращай внимания.

– Что-то не так с ними?

Ларни всегда удивляло, как это Кейни хватается на любовь и с ней, и с троллями, но та объяснила, что она ведь лепреккон, а лепрекконы в любви неутомимы, впрочем, как и эльфы. Поэтому после бурной ночи с братьями-троллями, она шла к ручью, протекавшему неподалёку, тщательно в нём мылась и под утро приходила к Ларни, где праздник любви начинался заново.

Это продолжалось уже недели три с небольшим, и Ларни научилась с нетерпением ожидать появления зеленоглазой бестии с гипнотическим взглядом, заставляющим сердце трепетать в предвкушении чего-то сладкого, нежного, тёплого...

Но вот сегодня, что-то было не так. Ларни легко подтянула к себе по одной все четыре гири и села рядом с Кейни.

(За, почти месяц, перетаскивания гирь, мышцы её окрепли и стали упругими, а вес цепей она и вовсе не замечала.)

– Что случилось? – снова спросила она. – Ты словно только что с похорон.

– Ты угадала, – ответила Кейни, затем обняла Ларни одной рукой и нежно поцеловала в лоб. – Я действительно была на похоронах. На тролличьих похоронах. Кто-то убил племянника семерых братьев – отрубил ему голову. И теперь его тело, по местному обычаю, съели всем племенем. Даже мне достался кусочек. Тролли народ не жадный! Да ты не бойся, я потом помыла рот с мылом. Отказаться от такой великой чести не было никакой возможности, ведь это означает, что меня приняли в семью на равных правах со всеми. Это бывает и довольно часто, но только после того, как женщина родит тролльчонка, а ведь я никого им не рожала и не собираюсь!

– Я понимаю, это так на тебя подействовало...

– Да нет же! – Кейни нетерпеливо махнула рукой. – Не в этом дело! Просто, когда я увидела обезглавленное тело этого подростка, мне вдруг вспомнился Аллеоль... то, как мы любили друг друга, как убежали тогда, а потом его смерть и голова, надетая на заострённую палку... Я сегодня подумала, какая же я... Живу с его убийцами и нахожу в этом своё особенное удовольствие. Ведь я не забыла его! Я по-прежнему люблю его, мёртвого...

Кейни вдруг схватила Ларни в объятия и разрыдалась,

уткнувшись своим, обычно таким задорным лицом ей в грудь. Ларни тоже обняла свою подругу-любовницу и, сама не зная от чего, заревела вместе с ней.

– Слушай, давай сбежим вместе! – предложила Кейни, когда они, вдоволь наплакавшись, лежали в объятиях друг друга. – Я всё равно не отдам тебя троллям, я это давно уже решила, но это невозможно, если мы останемся здесь.

– Но как же ты? – возразила Ларни, которой совершенно не хотелось доставаться троллям, но и не хотелось подвергать Кейни опасности. – Ведь ты говорила, что если мы совершим такой побег, то меня не тронут, чтобы сделать наложницей, а тебя убьют!

– Ну и что? Ещё немного такой жизни и я сама кого-нибудь убью! Одного из братьев, (двух врядли получится), тебя, чтобы не давать этим уродам или себя. Так что выбирай, ты со мной или нет?

– Я с тобой! – ответила Ларни, не задумываясь. – Но как же цепи?

– Очень просто!

Кейни наклонилась и развязала ягодные бусы у себя на щиколотках. Оказалось, что под этим украшением припрятано два ключика! Тем, что висел на нитке с чёрными ягодами, она открыла браслеты на ногах Ларни, а тем, что был на красных – на руках.

– Эти цепи нужны были больше для твоей защиты, чем для пленения, – пояснила она. – Защиты от тебя самой, а

теперь в них больше нет необходимости. Всё, не будем терять времени! Сейчас у нас больше шансов уйти незамеченными, чем ночью. Тролли ночью активнее, к тому же, когда я не приду к ним ночью, они сразу поймут, что здесь что-то не так, но мы к тому времени будем уже далеко! Эх, жаль, что шансов дойти живыми до населённых мест у нас всё же очень мало!

– Погоди! – воскликнула Ларни. – А где вещи, с которыми я сюда, ну-у... прибыла? Там есть оружие, которое может сильно увеличить наши шансы, если дойдёт до драки.

– Это ты про свою сабельку, что ли? – Да я бы и с эльфийским мечом не была бы в победе уверена! У троллей знаешь, какая шкура?

– Да нет же! Там есть такие штуки, ружья называются, на длинные трубки похожи. Из них быка или кабана можно с пятисот шагов завалить. На троллей они, я думаю, тоже действуют!

– Это те, у которых с одной стороны железная трубка, с другой деревяшка, а посередине механизмы, какие-то? Я думала, что это музыкальные инструменты и всё хотела спросить тебя, как на них играть, да как-то было недосуг... Так они в чулане, я их сейчас принесу!

– Я с тобой! Я же теперь без цепей?

– Сиди здесь, пока я не скажу, что можно выходить! Ещё не хватает, чтобы тебя кто-нибудь из троллей без цепей увидел!

Кейни ушла, оставив Ларни в тревоге и размышлениях. Прошло совсем немного времени, но девушка начала беспокоиться. Ей казалось, что подруга не появляется слишком долго. Ларни не знала, где находится тот чулан, о котором говорила Кейни, но он врядли был далеко. Тогда куда же она пропала? Девушка пыталась выглядывать в окна и в дверь, но они были расположены так, что давали плохой обзор площадки перед входом в пещеру, а Ларни действительно не хотела быть замеченной троллями. Вдруг снаружи раздался какой-то шум, потом совсем рядом вскрикнула Кейни, и внезапно оглушительно бабахнул выстрел!

Забыв об осторожности, Ларни со всех ног бросилась вон из пещеры. Яркий солнечный свет ослепил её, но уже через секунду девушка увидела картину, от которой замерла на месте в полнейшем недоумении!

Посреди двора лежал человек. По крайней мере, он выглядел, как человек. Это был мужчина или скорее юноша высокого роста, с длинными тёмными волосами, одетый во всё чёрное. На его холёном лице застыло выражение неистовой злобы и отвращения, смешанное с предсмертной мукой.

В груди лежащего зияла дыра, в которую можно было просунуть кулак. Он всё ещё сжимал в руках длинный, узкий меч на остром кончике, которого повисла капля крови. Над убитым стояла Кейни, бледная, как смерть, но с глазами горящими зелёным огнём. На левом плече девушки-лепрекона расплывалось алое пятно, а в её руках дымился дробовик

Стефана. Она посмотрела на Ларни так, будто не сразу узнала её и произнесла только одно слово:

– Демоны!

Глава 61. Только не отчаяние

– Всё, что угодно, только не отчаяние. Прошу вас, верьте мне!

Инци, как мог, утешал Маранту и Михала, и уговаривал их отправиться домой. Бродить по Мёртвому городу смысла не было, а предугадать, где откроется следующий портал, тоже не представлялось возможности.

– Поэтому, – говорил Инци, – если вы хотите увидеть своих детей, то отправляйтесь домой, и ждите их там. Они скорее найдут дорогу к родному дому, чем вы найдёте их, наугад бродя по свету.

Он повторял им это в который раз, они соглашались, кивали в ответ, но Инци чувствовал, что до конца эти двое его словам не верят. Сколько раз ему приходилось сталкиваться с таким вот неверием! А сколько бед от неверия-то произошло...

Впрочем, сейчас он не ждал новых бед. Родители Ларни и Стефана, конечно, удручены, но они послушаются, им ведь больше ничего не остаётся. Теперь им нужно больше думать не о пропавших, но уже почти взрослых детях, а о тех, кто ещё мал и слаб, кто нуждается в помощи и опеке, а ещё о тех, кто должен родиться.

Но, о чём это он? Родители будут всегда беспокоиться о детях, взрослые те или нет, если конечно это настоящие ро-

дители.

Но вот, наконец, Михал и Маранта ушли. Инци очень хотелось навестить это их Междустенье, но он понимал, что его место не там. Ему снова надо было идти туда, где люди нуждались в его помощи, но сначала надо было доделать кое-что здесь.

Поэтому он проводил своих новых друзей до поворота улицы, а сам вернулся в храм Рогатого. Инци не торопясь вошёл внутрь, окинул невидящим взглядом картину царящего здесь разгрома, потом сел на одну из немногих уцелевших скамеек и глубоко задумался. Через некоторое время он понял, что сидит на скамейке не один.

– Привет, – сказал этот второй, которого можно было бы принять за отражение самого Инци, если бы он не был... прозрачным.

– Твоя работа? – спросил Инци, не ответив на приветствие.

– Ты про город? Не буду вилять – подача моя, а остальное люди сами себе сделали. Как всегда!

– Я про этих ребят, они у тебя?

– Ах, вот, что тебя беспокоит! У меня эта мелочь, у меня.

Отдыхают, развлекаются...

– Отдай!

– Ты думаешь, я их держу? Они вовсе не пленники, а ещё – я их к себе не звал – сами влезли. Пускай уходят, когда захотят, но если ты думаешь, что я возьму их за руки и сам

выведу из Ада, то не жди этого! Постараются, так выберутся самостоятельно, на то они и герои. И сами со всеми напастями справятся, а поможет им, эта, как её? Любовь!

– Хоть скажи, где следующая дырка откроется?

– А я знаю? Да и зачем тебе?

– Я бы их там встретил.

– Охота тебе возиться?..

– Охота! Более того – имею в них свой особый интерес, а если бы и не имел, то всё равно б не бросил.

– Знаю, знаю! Ты своих никогда не бросаешь. Иначе кому было бы тебя распинать? В общем, насчёт прохода, скажу только, что там, где тонко, там и рвётся. Поищи, тебе это легче увидеть отсюда, чем мне оттуда.

– Понятно. Ловушку-то на меня, что ли поставил?

– Ну не на этого же пацана. Нужен он мне сто лет! Дочке моей, правда пригодился. Кстати, привет тебе от Сато!

– Опять врёшь?

– Вру. От тебя ничего не скроешь! Но если бы Сато знала, что мы будем разговаривать, она бы обязательно передала тебе привет!

– В таком случае, передай ей привет от меня, когда встретитесь, – сказал Инци, вставая со скамьи.

– Обязательно передам! *Если* встретимся...

Инци обернулся. На скамейке рядом с ним никого не было.

Глава 62. Семь братьев

Единственное, что поняла Ларни после увиденного, так это то, что побег отменяется. Кейни, конечно, могла бы объяснить происходящее, но у девушки-лепрекона вдруг закатились глаза и подогнулись колени. Она упала бы, но, подскочившая вовремя, Ларни подхватила её и бережно опустила на землю.

Как могла, она постаралась привести подругу в чувство. Лишь Кейни открыла глаза, в них отразился неподдельный ужас! Похоже, она не могла говорить. Ларни осмотрела её рану и поняла, что ранение не опасное, но прокол глубокий и требует немедленной перевязки. Она невольно оглянулась в поисках перевязочного материала, который, конечно же, надо было искать в пещере...

Вокруг них стояли тролли. Девушка до сих пор видела их только через окно, а они её лишь тогда в бессознательном состоянии. Ну и уродами же они ей показались вблизи! Их лица и конечности были настолько непропорциональны, что это выглядело одновременно и смешно, и нелепо. Но при этом в их физиономиях совсем не было злобы. Ларни видела сейчас только тревожные взгляды, обращённые на мёртвого демона и сочувственные направленные на Кейни. Ну и немного похотливые, какими они окидывали её, однако видно было, что троллям сейчас не до этого.

"По сути, обыкновенные мужики, – вдруг подумала девушка. – А раз так..."

– И что вы уставились? – услышала Ларни свой собственный голос, властный и сердитый. – Не видите, что ли, что она ранена? Не стойте, как истуканы – надо перенести её в пещеру, а эту падаль выкиньте вон в ту пропасть!

Тролли переглянулись, потом один из них бережно поднял Кейни и осторожно понёс её в пещеру, а другой ухватил одной лапищей труп демона за ноги и, несильно размахнувшись, швырнул его, как куклу, через весь двор и через край обрыва, за которым была глубокая пропасть.

Тролли слушались! Но этого было мало, Ларни чувствовала, что их надо чем-то срочно занять, иначе они выйдут из-под контроля. Девушка лихорадочно соображала, чтобы придумать для них такого особенного, когда ей на помощь пришла, очнувшись на миг Кейни.

– Он был не один, – прошептала она.

– Что? Что? – Ларни подскочила к подруге буквально одним прыжком.

– Демон был не один, – как в бреду простонала Кейни, – их здесь много...

– Вот что! – воскликнула Ларни. – Кругом полно демонов! Хватайте оружие и прочёсывайте всё вокруг. Загляните под каждый куст, под каждый камень. Ищите демонов! Слышали?!

Тролли слышали. Их огромные уши шевелились, а камен-

ные лбы хмурились, стараясь осмыслить то, что кричит этот маленький сердитый командир, притоптывающий для убедительности босыми пятками.

На какой-то миг Ларни показалось, что они её, то ли не понимают, то ли игнорируют, но вдруг они забегали все разом. Откуда-то на свет были вытащены дубины и грубые, но острые тесаки. Тролли разбежались в разные стороны, словно их ветром сдуло, но Ларни успела поймать двоих замешкавшихся братьев и вручила им топоры Стефана.

– Не отходите далеко от пещеры! – приказала она. – Будьте во дворе. Необходимо всеми силами защищать госпожу!

"Вот так! Кейни уже и госпожа, – подумала Ларни. – Но это сейчас на руку. Пусть будет госпожой, а я от её имени пока покомандую!"

Глава 63. Последний шанс

– Ты уверена, что мы идём правильно?

– Да. Мадемуазель никогда не ошибается с направлением, если побывала, где-то хоть раз.

– И как ты их понимаешь?

– У тебя, когда-нибудь, была собака?

– Нет. В Междустенье собак мало, и щенки все нарасхват.

Мне так ни одного и не досталось.

– Бедненький! Почему же у вас собак мало? Вроде охотничье поселение.

– Отец говорил, вырождаются они – слишком близкие родственники, вот и дают слабое потомство.

– Вот чудаки! Поймайте несколько волчат, приручите, обращайтесь с ними ласково, вот вам и будет вливание свежей крови для пёсьего племени. Ведь, по сути, волк и собака это одно и то же животное, раз у них может быть общее потомство. Кстати с людьми та же история – если вы запрётесь от всего мира в своём Междустенье, то рано или поздно ваши женщины станут рожать одних уродов и дураков, не способных жить самостоятельно.

– Кого же тогда нам наловить? Люди в наших лесах не водятся.

Сато рассмеялась.

– Да, с людьми всё гораздо сложнее. Помнится, в обычаях

иных народов было красть женщин соседних племён, чтобы сделать их своими жёнами. Это конечно варварство, но это тоже выход. Однако вам нужно нечто иное. Необходимо нарушить своё уединение и попытаться наладить связь с внешним миром.

– Твои бы слова, да нашему священнику в уши! Он-то наоборот всё твердит, чтобы мы из каньона нос не высовывали. Мир, дескать, там жестокий, за пределами Божьей горсти, то есть.

– Дурак он, этот ваш священник. Ох, как часто я такое видела! Умный, умный, а дурак! Впрочем, он старик и ему, конечно, свойственно сидеть на месте и забывать о том, чем жив род людской. Да, мир жесток и несправедлив. Да, в борьбе с ним легко свернуть себе шею. Но если от него прятаться, то жизнь самому тебе будет не в радость. Вы же люди, а не раки-отшельники. Впрочем, раки-отшельники тоже время от времени сбрасывают свои панцири, чтобы заняться любовью.

– Может, хватит на сегодня, или хотя бы подождём до вечера?

– Ах ты!..

Сато дала ему подзатыльник в притворном гневе.

– И это говорит мне мужчина? Или ты больше не можешь? Слабак!

– Я покажу тебе, какой я слабак!

С этими словами Стефан набросился на неё, повалил на

траву и они принялись кататься на ней в шутливой борьбе, финал которой был вполне предсказуем.

– Гав! – раздалось вдруг рядом с ними. – Гав! Гав!

Стефан ещё не слышал, чтобы Монсеньор лаял. Кроме того, когда они с Сато сходились в любовном поединке, было ли это днём или ночью, умные собаки скромно удалялись, чтобы встать на стражу. Так было до сих пор, но не теперь.

Сейчас Монсеньор сидел на небольшом холмике рядом с поляной, где собрались было поразвлечься Сато и Стефан. Всем своим видом пёс, как бы старался напомнить хозяевам, что у них мало времени. Из-за его плеча на них с укоризной поглядывала Мадемуазель.

– Ладно, ладно! – сказала Сато, поднимаясь на ноги и поправляя одежду. – Вы правы! Вы все правы, нам надо спешить. Только позволю себе напомнить, так, между прочим, что каждый миг человеческой жизни, потерян навсегда, а любой неиспользованный шанс может быть последним!

Сказав это, она повернулась к Стефану спиной и зашагала вслед собакам, потрусившим впереди. Некоторое время они шли, сохраняя неловкое молчание. Затем Стефан, чтобы немного разрядить атмосферу, спросил:

– И всё-таки, как же ты понимаешь, что они говорят?

– Ты всё об этом? – произнесла Сато устало. – Говорю тебе, заведёшь щенка, вырастишь его сам, с маленького и научитесь вы понимать друг друга с полуслова, полугава и полувзгляда, как я вот с этими дворнягами.

– Так ты их вырастила?

– Нет, вообще-то это они меня вырастили.

– Как это?

– Они были моими няньками в те далёкие годы, когда дни Адама ещё не начались. Вот что – хватит об этом, а то я начинаю чувствовать намёки на мой преклонный возраст!

И она опять обиженно замолчала. Стефан понял, что если так пойдёт дальше, то они поссорятся. У него было мало опыта общения с женщинами, (Ларни была строптивая, но не обидчивая), поэтому он не знал, стоит ли сейчас молчать или сказать, что-нибудь, чтобы разрядить напряжённую атмосферу.

– Если вы так легко общаетесь, то спроси у них, долго ли нам ещё идти? – спросил он, гадая какую реакцию, может вызвать его вопрос.

– Мы уже обсуждали это, – ответила Сато задумчиво, имея в виду, что обсуждала этот вопрос с собаками. – Если будем и дальше идти в обход, как сейчас, то потеряем ещё день-полтора, а если пройдем коротким путём, то будем на месте часа через три или вообще никогда не дойдём до пещер семи братьев.

– Что значит, никогда не дойдём?

– А то и значит, что нас съедят по дороге. Короткий путь лежит под горой и проходит через старые гномьи шахты и тоннели. Гномов там сейчас нет, но зато водится много всяких хищных и прожорливых тварей. Собаки там уже бегали

и остались живы, но ведь собаки бегают быстрее нас.

– Я бы рискнул! – храбро заявил Стефан и погладил рукоять демонического меча.

После давешнего нападения он решил его себе оставить. Сато при взгляде на этот клинок поморщилась и сказала, что предпочитает эльфийское оружие. Стефан удивился, так как демоническое изделие было втрое острее, но спорить не стал, ведь у его подруги были большие нелады с соплеменниками.

– Ну что же, – глубокомысленно ответила Сато, – может ты и прав. Может, стоит рискнуть. В конце концов, Госпожа Судьба с равным успехом найдёт нас и на горе, и под горой.

– А как мы туда попадём?

– А вот так! Проще некуда.

Стефан взглянул в направлении, куда указывала Сато, и увидел в склоне горы отверстие. Как раз собаке пролезть.

– Это что, и есть ворота в царство гномов? – с сомнением спросил он.

– А ты ожидал, что здесь будут золотые створки высотой в два человеческих роста?

– Да нет, это я так, размышляю. Не застрять бы! Надеюсь не весь путь такой?

– Не весь. В некоторых местах можно подняться на четвереньки. Ха-ха! Он поверил! Не делай такие круглые глаза, я пошутила.

– А если я всё-таки застряну?

– Тогда я пошлю Монсеньора, он живенько обежит вокруг и куснёт тебя за зад. Вылетишь, как пробка!

– А если?..

– Никаких если! Ты со мной или нет? Если хочешь, то можешь остаться!

И тут Сато скользнула в нору, будто была ужом, а не человеком.

Глава 64. Мара

Он рассказал им все истории, которые десятки раз слышал от родителей и от соседей. Всё, что случилось до его рождения, чему он сам не был свидетелем, но что касалось его семьи, её недавней истории, а значит и его самого.

Толстый старик, его немолодая, но очень красивая жена и ещё пять женщин, таких же красивых, но гораздо моложе, от девятнадцати до двадцати двух – двадцати трёх лет, слушали его, открыв рты и распахнув глаза от удивления.

Они слушали, едва не позабыв о маленьких детях, что лежали и сидели на руках и о детях постарше, которые бегали вокруг. У старика дрожали губы. Он тайком смахивал слёзы, но они тут же набегали снова.

Старшая из женщин откровенно разрыдалась, когда Руфус рассказывал, как мама появилась полуобнажённая, вымазанная глиной и спасла от монстра Стефана, которому тогда было всего пять неполных лет. Спасла и едва не погибла сама, придавленная расстрелянным чудовищем.

Потом он рассказал про Ларни и про то, как мама и папа поженились, когда Ларни было два года. Рассказал про себя...

По всему было видно, что присутствующие здесь люди, (кроме маленьких детей), были когда-то знакомы с Марантой-воительницей и чем-то ей обязаны. Зная свою маму, Ру-

фус не очень этому удивился.

Всё было бы хорошо, но... только он принялся излагать учение Инци, как его тут же прервали.

– Ты это, парень, брось! – заявил толстый старик. – Мы тут разных сказок наслушались. Вера вещь хорошая, но мы верим только в свои руки, ноги и голову, а во всякие там "инци" пусть верит тот, кого родители и руками, и ногами обидели. Голова вообще штука сложная, о ней лучше не судить. Ты расскажи лучше...

Руфус скрипнул зубами, но смолчал. Священник предупредил, что донести истины, провозглашённые Инци до невежд, будет непросто, и действовать в лоб здесь нельзя, иначе они замкнутся и совсем не станут слушать или подымут его на смех. И то, и другое означало провал, а ведь сидящие перед ним люди, всерьёз заинтересовали его и даже начали нравиться. Значит, хотите подробностей? Будут вам подробности!

И Руфус подробно изложил историю исчезновения Стефана и Ларни, потом рассказал о своих голосах и видениях, и наконец, о том, что родители пошли выручать заблудившихся сестру и брата, оставив его дома одного, на попечение священника.

Услышав такие новости, всё общество взволновалось. Особенно был потрясён старик Порфирий. Он вскочил, несмотря на всю свою тучность и принялся бегать по комнате, бормоча при этом:

– Помочь! Помочь? Чем помочь? Может, дождёмся Дианы? Она что-нибудь придумает! Нет, нельзя Диане о Маранте говорить. Хоть и прошло много лет, кто знает, как она примет то, что Маранта жива? Лучше не рисковать.

– Тогда что же делать? – спросила хозяйка, заломив руки.

– Для начала надо отыскать это Междустенье, но кто туда пойдёт? Жаль, что сэра Галля тоже нет – вместе они уехали. Правда здесь есть немало хороших и храбрых ребят, но как им объяснить, зачем всё это нужно?

– Для разведки новых территорий в каньоне, – резонно заметила Альмери. – Столько лет живём бок-о-бок, а не знаем, что место, которое считается проклятым – обитаемо! Это Междустенье может стать хорошим союзником, если захочет с нами иметь дело, а то союзников у нас только и есть, что лагерь Золаса, который сейчас называют Золас-градом, а этого маловато против Торгового города, а он, сам знаешь, давно на нас зубы точит.

Руфус поймал себя на том, что голоса вокруг него звучали, как-то глухо, будто его уши были набиты сухим мхом. Потом он обнаружил, что его голова стала слишком тяжёлой и держать её на плечах трудновато. Чтобы не уронить, он положил её на руки и удивился тому, что вместо голосов теперь слышит шум леса, какой бывает поздней осенью, когда птички трели раздаются всё реже, и всё слышнее бывает песня ветра в кронах деревьев.

Проснулся он в чистой постели, в незнакомой, аккурат-

но прибранной, комнате. Его разбудило солнце. По-летнему яркое и тёплое, оно освещало комнату своими развесёлыми лучами даже сквозь зашторенные окна. Первое, что увидел Руфус, разлепив мутные от долгого сна глаза, была девушка, сидящая возле его кровати на табурете. Он сразу узнал её – это была одна из пяти молодых женщин, пришедших послушать его рассказ. Единственная, у которой на коленях не было ребёнка.

– Проснулся? – спросила она, улыбнувшись ему такой улыбкой, что в комнате стало, как будто ещё светлее. – Ты проспал двое суток, мы даже испугались и решили дежурить у тебя по очереди. Правда отец говорит, что это всё от усталости и что с тобой всё в порядке. Он ведь лекарь у нас, а ещё он здесь самый главный, хоть в последнее время многое уже без него решается. Ты, наверное, есть хочешь?

– Д-да, – проговорил Руфус и густо покраснел. – Только мне бы сначала...

После двух суток сна его мочевого пузыря готов был взорваться, и парень понимал, что если выход не будет найден прямо сейчас, то произойдёт катастрофа.

– Понятно! – сказала девушка, ничуть не смутившись. – Пройдёшь по коридору налево до конца. Там выход на задний двор, а уборная прямо напротив. Выйдешь, сам всё поймёшь. Как закончишь, приходи на кухню, она с другой стороны. Я пока соображу, что-нибудь из еды.

С этими словами она встала и вышла из комнаты. Руфус

лихорадочно огляделся и сразу нашёл свою одежду, вычищенную, выстиранную и починенную во всех местах, где это требовалось. Он, как мог, натянул штаны, ругаясь сквозь зубы, и не попадая ногами в нужную штанину, и понял, что остальное надеть уже не успеет.

Коридор в пять шагов показался ему необыкновенно длинным, а дверь, выходящая на, залитый солнцем, задний двор, тугой и тяжёлой. Но вот она, наконец, заветная кабинка, одинаковая во всех мирах и во всех местах, где живут люди, до которых не дотянулся ещё изнеживающий прогресс. Он успел! От страшного напряжения мальчика бросило в пот, и даже голова закружилась, но облегчение было настолько сильным, что ему показалось – ещё немного и он взлетит в воздух, как мыльный пузырь!

Из кабинки Руфус выбрался почти счастливым. Его не смущало даже то, что он в незнакомом месте полуголый и босой может попасться на глаза кому-нибудь из хозяев. (У себя дома он почему-то ужасно стеснялся таких вещей и частенько вызывал этим смех у Ларни.)

Здесь же нашлась бочка с кристально чистой дождевой водой, стоявшая под углом крыши, и Руфус, не ожидая особого приглашения, с наслаждением умылся в ней. Вот теперь можно было принять приглашение той девушки и навестить кухню, о которой она ему говорила.

Он зашёл в спальню, где лежали его вещи, только лишь, чтобы взять рубашку, которую не только постирали и заши-

ли, но даже выгладили. Хотел было для солидности обусть сапоги, но в доме было так тепло и чисто, что Руфус решил – в сапогах, предназначенных для хождения по лесу, он будет нелепо выглядеть.

Кухня нашлась именно там, где сказала девушка, и когда мальчик туда вошёл, выяснилось, что у его новой подруги уже всё готово, расставлено на столе и прикрыто от мух рушниками. Впрочем, последняя предосторожность была излишней, так-как во всей кухне не видно было ни одной мухи. Возможно, их отпугивали многочисленные пучки трав, развешанные под потолком, но задумываться над этим Руфус не стал, а сосредоточился на том, что было на столе.

– А, вот и ты, молодец, что так быстро! – приветствовала его девушка. – Садись вот сюда и ешь, пока всё горячее!

Когда рушники были сняты, то выяснилось, что "сообщила" она еды на десятерых взрослых мужиков, а десятилетнему парню такого количества провизии хватило бы на неделю. Здесь была и каша, и дымящиеся паром, щи, и вареники на большом деревянном блюде, и пироги нескольких сортов, и хлеб, и ватрушки, и баранки с кренделями, и парное молоко в полуведёрной кринке!

Руфус никогда не был обжорой, но сейчас испытывал волчий голод, а потому набросился на еду с похвальным рвением. Пока он уплетал за обе щеки все эти угощения, девушка сидела напротив и смотрела на него с улыбкой, подперев щёку кулачком.

Она не задавала вопросов, но и не отводила взгляд, что несколько смущало бедного Руфуса. На это было две причины – во-первых, редко кому нравится, когда на него пристально смотрят во время еды, а во-вторых, эта девушка казалась ему ослепительно красивой!

Парню далеко было ещё до возраста любви, и в женской красоте он понимал пока маловато, но сейчас ему казалось, что напротив него сидит и улыбается некая принцесса из детской сказки.

Наконец, когда Руфус наелся до отвала и уже собирался поблагодарить добрую хозяйскую дочку и встать из-за стола, она сказала негромко, словно самой себе:

– Вот бы мне такого братика!

А потом спросила вслух:

– Добавки хочешь?

От добавки Руфус отказался. Тогда она протянула ему руку и сказала:

– Давай знакомиться. Я – Мара, а ты Руфус, я знаю. Представляешь, меня назвали в честь твоей мамы! Правда раньше меня по-другому звали, но старое имя забылось вместе с прошлой жизнью.

– Как это? Как у тебя может быть, какая-то ещё прошлая жизнь?

– Очень просто – я приёмная дочь Альмери и Порфирия. В эту семью попала четырёх лет от роду. Они вырастили меня, как родную, и я за это им очень благодарна, но всё же я

хотела бы увидеть свою настоящую мать, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Так она жива? Почему же тогда ты не с ней?

– Потому, что она хотела меня убить.

Руфусу показалось, что пол дрогнул у него под ногами. Священник говорил, что этот мир порой, не просто жесток, а необъяснимо безумно жесток.

– Только не спрашивай "от чего?", да "почему?", я сама ничего не знаю и почти ничего не помню. Помню из детства ощущение чего-то родного и тёплого, а потом это куда-то пропало, а на его месте появилась страшная седая старуха с ножом в руке. В общем, меня отбирали у неё несколько раз, а потом привезли сюда, где я и выросла.

– И теперь ты хочешь её увидеть?

– Да, хочу. Видишь ли, я знаю, где она живёт, это на полпути к Торговому городу, в месте известном под названием Золас-град. Я давно бы туда пошла, но одной в такой путь отправляться страшновато, а Диана меня с собой не берёт. Ты, как я понимаю, путешествуешь, может, возьмёшь меня с собой, когда захочешь идти дальше?

Руфус задумался. Сказать, что ему не льстило такое предложение, значило бы солгать, а лгать он не хотел, в особенности самому себе. Совершить путешествие в компании такой красавицы, пусть она почти вдвое старше его самого! Почувствовать себя мужчиной, способным защитить женщину, уберечь от опасности, а ещё обустроить ей жилище, пусть

это в дороге будет просто шалаш или навес, и накормить тем, что сам добудешь на охоте...

– Эй, ты чего? О чём задумался?

Голос Мары вернул его к реальности. Руфус понял, что размышлял во время разговора и снова ужасно смутился.

– Если ты не можешь или не хочешь меня взять, то так и скажи. Ничего страшного, я как-нибудь сама...

– Нет, нет! Я буду только рад, если мы пойдём вместе, но я ещё не знаю, когда это будет и как. Для начала, я хотел бы здесь немного осмотреться, ведь я ещё ничего не видел, кроме железной комнаты, где просидел столько времени и этого дома, в котором большую часть времени спал. А потом, я должен рассказать людям об учении Инци, но меня пока не слушают...

– Расскажи об этом учении мне, я буду слушать!

Вот это было действительно здорово! У него теперь будет свой ученик! То есть ученица...

– Только вот за один вечер этого не расскажешь, – честно признался Руфус. – Не расскажешь и за неделю.

– Вот и отлично! – воскликнула Мара, которая совершенно не испугалась перспективы стать ученицей двенадцатилетнего пацана, – начнём хоть сегодня, а остальное расскажешь, когда будем в дороге. Место, где живёт моя... мама, далеко, туда за одну неделю не дойдёшь, а других поселений поблизости всё равно нет. А пока у нас ещё время есть, пойдём, я покажу тебе наш форт!

Глава 65. Ушедшие матери

Монстр развалился на две неравные дымящиеся части, и Стефан ещё раз подивился на трофейный демонический клинок. Он был лёгкий, удобный, сделанный, словно по его руке и такой острый, что тонкая грань лезвия была почти не видна. Разбирать на части монстров таким мечом оказалось любо-дорого!

– Вот только не пойму, – сказал он Сато, когда она разделалась со своим противником, – почему твой отец сказал, что хотел поймать несколько монстров, так-как их у него нет. Вот же ведь они – точно такие, как те, что встречались мне на Земле.

– Ты что, не слышал, что его называют Отцом Лжи? Так вот – Ложь, это ещё одна моя сеструха. Я люблю её ни, чуть не больше Ревности, но вынуждена признать, что личность эта гораздо привлекательнее, хоть и любит пребывать, как правило, в бестелесной форме. И что самое примечательное, ухитряется быть одновременно везде и даже на отца имеет неслабенькое влияние. Даже на меня... А уж людей-то, как любит! Некоторых ухитряется сделать счастливыми. Не всех конечно, чаще приносит несчастье. А ты, что поверил, что в Аду нет монстров? Наивный!

– Тогда на кого была поставлена та ловушка?

– На того, кого ты знаешь под ошибочным именем "Ин-

ци". Впрочем, у него едва ли не все земные имена ошибочны.

– Но зачем?

– Он давно пытается привлечь его на свою сторону. Во-первых, потому, что он такой союзник, сильнее которого просто не бывает, а во-вторых, это уберегло бы э-э... Инци от очередного распятия.

– Он, что, так заботится о брате?

– Нет, просто Инци тем и побеждает, что бывает, распят, и так происходит снова и снова, потому что люди никак не могут искренне и бескорыстно поверить ему. Окончательная его победа состоится, как раз тогда, когда человечество отбросит сомнения, свои низменные чувства и вожделения ради веры, которой он учит адамово потомство. Но это всё очень сложно, и если тебе так интересен этот вопрос, то расспроси вашего священника, он разъяснит тебе эту путаницу лучше, чем я. А теперь пошли, а то сюда скоро явятся ещё с десяток таких вот тварей и сведут нашу победу к нулю.

Они шли сводчатыми галереями и узкими проходами, переходили пещеры похожие на залы некоего дворца и через какие-то склады забитые древними рассевающимися ящиками, в которых были самые обыкновенные на взгляд камни.

– Так это Князь Тьмы, что ли посылает на землю монстров? – спросил Стефан после долгого молчания.

– Нет, не он, – ответила Сато. – Посылает не он, но монстры, это его создания, причём старые-престарые. Когда-то давно он пытался сконструировать воинов огромной силы и

наделял их особыми свойствами. Казалось бы, что проще – соединяем крокодила с лошадыю, а сзади приделываем скорпионий хвост. Чтобы, значит, эта тварь быстро бегала, хорошо кусалась и ещё жалила в придачу. А что выходит на деле? Бегаёт это чучело плохо – ему мешают и голова, и хвост. К тому же хвост опаснее для его сородичей и для него самого, нежели для врага, особенно, когда, по лошадиной привычке, тварь начинает отгонять им мух. Крокодиля голова кусается знатно, но чтобы отхватить кусок мяса у жертвы, крокодил крутится вокруг своей оси, причём делает это мощно, рывками. С лошадиным телом проделать такое гораздо сложнее – можно переломать себе ноги. К тому же несчастное существо никак не может решить для себя, что ему больше по вкусу – сено или мясо? Насчёт того, как ему удобно есть мясо, я уже говорила, но переварить его в лошадином желудке вообще невозможно, а сено крокодилыми зубами не прожухёшь. Поэтому большая часть подобных созданий быстро погибла самым естественным способом – от голода и от невозможности жить в мире, созданном для нормальных существ. Некоторые, конечно, приспособились, но их жизнь весьма нелепа. У зомбаков, например, челюсти на вид человеческие, но такие мощные, что для мозга в черепе места уже не осталось, так что они спинным мозгом довольствуются, а потому дураки дураками. Кстати, во-он за тем поворотом ждут нас штук пять или шесть. Пыхтят так, что аж отсюда слышно. Так что папа попробовал всяких чудиков создавать, да и бросил эту

затею, а тех, что наделал, загнал под землю, чтобы не мешали. Но кто-то ухитрился раздобыть папины технологии, а потом воспроизвёл некоторых монстров на Земле. Так что те "исчадия Ада", с которыми ты сталкивался дома, имеют чисто земное происхождение. Ну, всё – оружие к бою!

Стефан выхватил меч из ножен и, продолжая движение, одним ударом отделил верхнюю половину зомбака от нижней. Сато воткнула эльфийский клинок нападающему в разъяренный рот, так, что кончик высунулся у того из затылка. Потом она резко повернула оружие в ране и ударила зомбака ногой в грудь. Тот отлетел на несколько шагов и опрокинулся навзничь, захлёбываясь и поливая всё вокруг фонтанами крови.

Оставшиеся в живых твари не обратили на гибель товарищей ровно никакого внимания. Они навалились на людей всей толпой, беспорядочно размахивая когтистыми руками. При этом их удары чаще приходились друг по другу, чем по тому, кого они собирались убить.

Беда была в том, что схватка состоялась в узком коридоре, где размахивать мечами было неудобно. К тому же зомбаков оказалось не пять или шесть, как предположила Сато, а намного больше.

– Отступаем! – крикнула Сато, выдёргивая свой клинок из живота очередного монстра.

Стефан и так отступал. Сейчас ему приходилось отбиваться сразу от трёх противников. Двоим, он уже успел отрубить

по одной руке, но третий дотянулся-таки когтями до его груди и оставил на ней четыре глубокие кровоточащие полосы. Охотник едва не взвыл от боли и следующим ударом снёс обидчику голову! Но эта маленькая победа дала слабые результаты – выбывших из строя зомбаков заменяли новые, а отбиваться мечом становилось всё труднее.

– К лестнице! – скомандовала Сато.

Эту лестницу они только что прошли. Как и многое другое в этом странном месте, она удивляла своей необъяснимой нелогичностью. Широкая, мраморная, украшенная изящными коваными перилами, эта лестница упиралась в стену, в которой и был грубо прорублен узкий проход.

– Встанем у выхода и бьём всех, кто высунется из прохода! – изложила Сато свой тактический план. – Нельзя дать им окружить нас! Если пропустим хоть одного, то всё – нам конец!

Стефан это понимал, но он понимал также, что сделать это будет непросто. Боль от неопасных, казалось бы, царапин сковывала движения, располосованная лепреконская куртка набухла спереди от крови и казалась тяжёлой.

Стефан с удивлением понял, что у него кружится голова. Он даже вынужден был переступить с ноги на ногу, чтобы не упасть. Обругав себя размазнёй, охотник пошире расставил ноги и взял меч двумя руками.

Следующий натиск монстров был особо неистовым. Стефан заколол первого же уroda, подскочившего к нему слиш-

ком близко, но тут произошло то, чего ему раньше видеть не приходилось – двое зомбаков подхватили труп павшего товарища и прикрылись им, как щитом!

Теперь удары меча стали не так эффективны. Сато поняла, в каком он оказался положении, но ничем помочь не могла – на неё саму навалились сразу четверо!

– Проклятье, где же собаки? – пробормотала она сквозь стиснутые зубы.

Монсеньор и Мадемуазель незадолго до начала схватки убежали вперёд на разведку и до сих пор не вернулись, а ведь сейчас их помощь была бы очень кстати.

Какой-то особо ретивый зомбак выпрыгнул из-за спин тех кто защищался с помощью мёртвого тела, но Стефан тут же рассёк ему голову до самой шеи, где его меч застрял в шейных позвонках монстра. Стефан, что было сил, рванул меч на себя, и в это время ему кинули труп под ноги!

Охотник почувствовал, как непреодолимая сила выворачивает у него рукоять меча из руки, в то время как земля уходит у него из под ног. Стефан попытался сохранить равновесие и выпустил меч, но каблуки предательски скользнули на окровавленном мраморе, и он полетел кубарем! В следующее мгновение на нём сидело уже несколько зомбаков. Один из них зубасто улыбнулся, глядя Стефану в глаза, и занёс руку с длинными острыми когтями над его горлом...

Вдруг этот монстр резко дёрнулся, будто его ударили, и упал сверху на Стефана, заливая его потоками своей крови!

Остальные зомбаки повскакали, но только для того, чтобы попадать обратно с воплями боли и предсмертными хрипами.

"Вжик! Вжик! – раздалось где-то сверху. – Тр-р-р! Вжик! Вжик!"

Галдёж зомбаков сменился топотом ног и наконец, всё стихло.

– Так, так! – послышался откуда-то сверху мелодичный, но немного низковатый женский голос. – Кто тут у нас? Эльфы переодетые лепреконами? И как следует понимать этот маскарад?

Стефан сбросил с себя труп врага и приподнялся на локте. Прежде всего, он отыскал глазами Сато. Её меч в опущенной руке был красным от крови, да и весь костюм был заляпан так, что зелёного цвета почти не было видно под алыми пятнами. Она смотрела куда-то вверх, и он, проследив за её взглядом, увидел тех, кому они были обязаны своим спасением.

На верхней площадке лестницы, там, где был вход в галерею, ведущую в один из залов, заполненных ящиками, стояли несколько женщин. Все они были вооружены луками и арбалетами. Все были одеты ярко, даже черезчур, и у всех лица были закрыты снизу платками по глаза. Открытым оставалось только лицо той, что стояла впереди всех.

Стефан пригляделся к ней и челюсть его упала. Оно могло бы называться красивым, это лицо, если бы не нос, который

свисал... ниже подбородка. Трольчихи! Из тех, что ушли под землю из-за уродства, возникшего в результате травмы, когда утраченная часть тела отрастает, но становится вдвое больше, чем была.

– Странные вы какие-то эльфы, – продолжала говорить главная трольчиха. – Может и не эльфы вовсе? Тогда кто же?

Она подошла к Стефану, наклонилась и бесцеремонно обнюхала его своим длинным носом.

– Непонятный запах! – озадаченно воскликнула трольчиха. – Или я на старости лет сошла с ума, или... Но если это так, то это то, что я не ела уже очень, очень давно!..

Она оборвала сама себя и с опаской оглянулась на своих товарок, которые с интересом прислушивались к разговору.

– А ты у нас кто, детка? – повернулась она к Сато. – Что это значит? Пахнет демоном!

Трольчиха отскочила и ощерилась, а вся её компания тут же натянула луки и прицелилась в только что спасённую ими пару.

– Ты... Вы... Не вы ли те демоны, что убили моего сына?

Голос трольчихи сорвался до визга, а лицо сделалось страшным. В этот момент она больше всего была похожа на ведьму из детских сказок.

– Выслушай нас, троллия-мать! – заговорила Сато, как-то нараспев. – Не мы убили твоего сына. Это сделали наши враги, те, кто пришёл убить нас, но они сами погибли от на-

шей руки.

– Я не верю тебе, самка демона! – закричала тролльчиха. – На теле моего сына был след от демонического меча, такого, как у твоего консорта! И пахло от Хаюка так, будто он общался с демонами!

– Тогда пусть он сам о себе расскажет!

С этими словами Сато запустила руку в дорожную сумку и вытащила оттуда отрубленную голову тролля-подростка. Вид у несчастного Хаюка был сейчас ещё хуже, чем при жизни, и Стефан вдруг почувствовал внезапную жалость к этому уродливому существу и к его матери, глаза которой сейчас вылезли на лоб. Вдруг по мёртвому лицу тролля пробежала судорога, и веки его поднялись.

– Скажи нам, Хаюк, – спросила Сато, обращаясь к голове, – кто твои настоящие убийцы?

Синие губы разомкнулись, и сначала изо рта головы донёсся невнятный, гаркающий звук, но вслед за ним послышались и слова.

– Меня убил демон, который охотился за этой госпожой и её другом, – проговорил Хаюк голосом, лишённым выражения. – Те, что владеют мной сейчас, убили моего обидчика.

– Ты слышала это, троллиня-мать? – спросила Сато.

Глаза тролльчихи, казалось, готовы были выскочить из орбит. Она протянула к Сато руку со скрюченными пальцами и проговорила, словно вытолкнула слово из самых недр своей груди:

– Отдай!!!

Но Сато спокойно убрала голову Хаюка обратно в сумку и сказала:

– Ты знаешь правила! Мы владеем этой головой, поскольку месть за твоего сына совершена нами. Впрочем, я могу отдать её тебе, если ты согласишься оказать нам помощь в одном деле.

– Что вам нужно?

– Для начала, еда и отдых, а затем ты проводишь нас к жилищу семи братьев и поможешь забрать у них девушку, которую они держат в плену. Эта девушка – моя подруга, и я заберу её, во что бы то ни стало, с тобой или без тебя, но ведь можно обойтись без пролития лишней крови, не так ли?

Трольчиха смотрела на Сато так, будто хотела прожечь её взглядом.

– Пошли! – коротко бросила она и, повернувшись к девушке спиной, пошла, не оглядываясь, вглубь гномьего лабиринта.

Глава 66. Назойливые демоны

-А-ы! А-ы! А-ы! Бу-у!

– Хак благодарит маленькую герлу и говорит, что ему совсем не было больно.

Это был уже четвёртый брат, которому понадобилась медицинская помощь. Первый приковывлял на одной ноге, заывая от боли. В руках он нёс свою отрубленную по колено ногу, словно надеялся, что её пришьют обратно. Второй лишился кисти левой руки, когда неудачно блокировал её удар демонического меча. Третьего проткнули насквозь, и Ларни думала, что он не жилец, но, пришедшая в себя, Кейни объяснила, что такая рана для тролля не смертельна, да и потерянные конечности отрастут снова, только будут при этом больших размеров.

Поэтому Ларни оставалось только заговорить троллям боль и остановить кровь, чтобы они не ослабли. И в самом деле, едва она заканчивала перевязывать очередного тролля, он тут же рвался в драку, не желая отдохнуть даже лишнюю минуту.

С последним троллем по имени Хак, ей пришлось повозиться, хотя его рана была несравнимо более лёгкой – у Хака из зада торчала длинная, как дротик демоническая стрела.

Это был самый младший из братьев, который к тому же не умел говорить и плохо маскировался. Конечно же, сунув го-

лову за камень, он решил, что спрятался, ну и получил стрелу в мягкое место, выставленное наружу.

Беда была в том, что стрела, которую он так "удачно" поймал, была с шипами, не позволяющими выдернуть её из тела. Пришлось вырезать, а чтобы незадачливый Хак не слишком дёргался во время операции, брат, который привёл его в пещеру, огрел младшего со всей дури по затылку поленом, от чего у бедняги глаза съехались к переносице.

– Бу-у! – повторил Хак, но Ларни сомневалась, что это было выражением благодарности.

Когда они ушли, девушка разогнула, наконец, усталую спину и вымыла руки, по локоть перемазанные тролличьей кровью. Она ещё раз обошла, наскоро сооруженную линию обороны, состоящую из мешков с мукой и горохом, которыми были заложены окна. В каждой такой баррикаде, (их было три), была оставлена узкая щель – бойница, возле которой стояла заряженная винтовка. Со стороны двери их охраняли два оставленных при особе командира, тролля, которые сейчас скучали во дворе.

Вообще-то тролли оказались отличными бойцами – уже более полусотни демонов со сломанными хребтами, скрученными шеями или попросту разорванные пополам, были сброшены в пропасть. На пещеру пока нападения не было, но Ларни не теряла бдительности, ведь кто знает, сколько во-круг ещё врагов и, что у них на уме? По поводу последнего, они с Кейни строили разные догадки, но так и не пришли к

единому мнению.

Кейни было уже намного лучше, но Ларни запретила ей вставать. Девушка-лепрекон была ещё слаба и мало чем могла помочь подруге, разве что советом.

– Ты откуда знаешь, как обращаться с ружьём? – задала Ларни вопрос, давно вертевшийся у неё на языке.

– А я и не знала до сих пор, – ответила Кейни. – Я же говорила тебе, что считала эти штуки музыкальными инструментами. Просто мы – лепрекконы, народ способный. Когда ты рассказала мне, что это такое, я, конечно же, заинтересовалась и стала вертеть ту здоровенную дудку, тем более что по двору шлялись два тролля, и я не хотела привлекать их внимание. Пока они не ушли, я успела раскумекать, что к чему, только не ожидала, что эта штука такая шумная. А тут вдруг появляется, как ниоткуда, этот гад с мечом в руке и тарачится на меня, как волк на козу! Постоял так пару мгновений, всё принюхивался, а потом сказал: "Не та!", и, как ткнёт меня остриём в плечо, да ещё так быстро, что ни увернуться, ни отскочить! Но на спуск я всё-таки нажала. А отличная оказывается штуковина! Раз, и дырка в нём, как бревном мужика проткнули.

Ларни промолчала. Владение оружием ей давалось легко. Пугающе легко. Она знала, что превосходит в этом, например Стефана, но... Это не заставило её полюбить оружие, как любила его Маранта. А тем более она не могла полюбить убийство, и потому восторги подруги по поводу дей-

ствия дробовика при стрельбе в упор, не разделяла. Но одно дело твои мысли и чувства, а другое жизненная необходимость. Ангелы Ада были нападающей стороной, и церемониться с ними никто не собирался.

Снаружи пещеры раздался топот и возбуждённые голоса сразу нескольких троллей. Внутри ворвался Хрык, старший из братьев. Он был самый уродливый, зато самый умный – умел даже читать и писать.

– Надо уходить! – крикнул он с порога. – Демонов целое войско, они ищут кого-то одного, но убивают всех, кто им встретится.

Ларни и Кейни переглянулись.

– Но как мы прорвёмся, если их там так много? – возразила Кейни. – Не проще ли остаться здесь, как в крепости и принять бой?

– Мы не пойдём по верху горы, – ответил Хрык. – Здесь есть другой выход.

С этими словами он подошёл к очагу, упёрся в него руками и с видимым усилием сдвинул с места, открыв широкий чёрный люк с лестницей, уходящей в темноту. Только девушки вытянули шеи, чтобы с любопытством заглянуть туда, как из темноты выскочили два непонятных чёрных существа и с неистовым лаем принялись носиться по пещере! Кейни взвизгнула, Ларни отлетела к стене и прижалась к ней спиной, нащупывая одну из винтовок, тролли схватились за дубины.

– Стойте! Стойте! – вскрикнула вдруг Кейни. – Я знаю их! Это собаки моей подруги! Монсеньор, Мадемуазель, ко мне!

Удивительно, но собаки перестали бегать по комнате и подбежали к ней, виляя хвостами. Монсеньор сел рядом с Кейни с видом часового на посту, а Мадемуазель подошла к Ларни, обнюхала её, заглянула в глаза снизу вверх, после чего заскулила и завиляла хвостом, предлагая дружбу. Ларни понимала, что может остаться без руки, но всё же погладила её по голове и умная псина расплылась от счастья!

Недовольными здесь остались только тролли. Они никогда не держали никаких домашних животных и в любой твари видели только опасность, либо источник пищи.

– Если собаки здесь, значит и Сато, где-то неподалёку, – сказала Кейни. – Это же здорово! Она ведь такой ценный союзник, какого и представить себе невозможно.

– Раз так, то нам лучше не медлить, – веско заявил Хрык. – Собирайте, все, что может пригодиться, но лишнего не берите, демонам всё равно не нужно ничего из наших вещей. И пошли, пока ещё это можно сделать по-тихому!

Глава 67. Учение Инци

– И всё-таки, я не уверен, что мы поступили правильно!

Руфус, как настоящий мужчина, тащил теперь большой мешок, в котором побрякивали миски, сковородки и котелки.

– Я считаю, что всё надо было сказать Порфирию, попроситься со всеми, поблагодарить...

– И остаться в форте навсегда!

Мара шла на шаг позади него, хотя именно она указывала направление. Она взяла на себя заботу о его охотничьем луке, который неудобно было тащить вместе с тяжёлым мешком. Ещё, когда они были в форте, девушка показала, что умеет обращаться с этим оружием лучше самого Руфуса. Парень был немного раздосадован этим обстоятельством, но, в конце концов, махнул рукой и смирился. Он уже привык к мысли, что ему никогда не стать хорошим охотником.

– Почему остаться? Почему навсегда? – спросил Руфус, который никак не мог понять, зачем они ушли тайком.

– Просто ты плохо знаешь Порфирия, – пояснила Мара. – Это же настоящий медведь-пестун! Нет, они бы никогда не оставили нас насильно, но ты бы и сам рад был бы остаться, лишь бы не слушать его бесконечных проповедей о том, как за стенами форта страшно и опасно! А ещё, он окружил бы тебя такой заботой и вниманием, что уйти от него было бы

чёрной неблагодарностью!

– Но ведь я так себя и чувствую! Он ко мне со всей душой, а я... а мы...

– Ты записку оставил?

– Да.

– И всё там объяснил?

– Всё объяснил, извинился, поблагодарил и карту нарисовал, как дойти до Междустенья.

– Последнее я бы на твоём месте делать не стала. Из твоих рассказов видно, что живёте вы там неплохо. Нет ни обмана, ни воровства, ни подлости. Небось и замков на дверях нет? Так вот, теперь или в ближайшем будущем, эта счастливая жизнь закончится, и начнётся другая, а случится это тогда, когда к вам станут регулярно захаживать чужаки. Только вот насколько хороша будет эта новая жизнь, неизвестно. Ну да ладно, не буду тебя пугать. В конце концов, у нас всякие люди живут, сам видел, но совсем уж поганцев нет – всех, каких выявили, давно передавили. Диана с подлецами крута, да и Порфирий, хоть и мягкий, но душегубов и подлецов не любит. Кстати, ты насчёт него не беспокойся, он человек отходчивый, и Альмери тоже. Они всё поймут и зла держать не будут. Самое главное – нам с тобой надо было уйти. Ведь надо?

– Надо!

– Ну, вот мы это и сделали! А теперь давай рассказывай, что там ещё прикольного сказал твой Инци?

– Не прикольного, а мудрого!

– Хорошо, хорошо! В прошлый раз ты говорил, что он забрался на гору и стал оттуда учить людей уму-разуму. И что дальше? Гора-то хоть была высокая?

– Да нет, не очень. То есть это вообще была не гора, так, пригорок или холмик небольшой. Он встал туда для того, чтобы его было всем видно и слышно, а народу собралось много, разные люди пришли, не только одни его ученики. Так вот! Он сказал, что многие люди, которые соблюдают Десять Заповедей, (помнишь я тебе о них рассказывал?), думают, что они безгрешны и чисты перед Богом.

– А разве не так? Что же ещё надо?

– Дело даже не в том, что надо, а в том, что человек, думающий, что он безгрешен, уже совершает грех, потому что представляет себя равным Богу!

– Это что же получается – не грешить, это грех, потому что человек при этом слишком хорошо о себе думает?

– Ну, как-то так. Пытаться сравняться с Богом, это грех, страшнее которого быть не может. Все другие можно отмотить, а этот... ну, наверное, тоже можно, только очень-очень трудно!

– М-мм, надо запомнить. Не грешить – это грех... Интересно!

– Кроме того, он сказал, что люди, даже соблюдающие Десять Заповедей, всё равно грешат этими грехами, сами не зная того.

– Как это?

– Очень просто – Господь сверху видит всё, что творится в человеческих душах, читает мысли, знает желания людей, даже если они сами человеком не осознаны.

– И что?

– А ты сама подумай. Разве ты не желала в своей жизни смерти кому-нибудь?

– Это я то? Хотя погоди! Когда Лия, (это моя подруга), поставила, как-то тяжёлый ларь мне на ногу, я от души пожелала ей сдохнуть.

– Вот-вот! А кто-то может и убил бы, да боится ответственности перед людьми, а если нет свидетелей, то перед Богом. Но ведь он же желает смерти ближнему своему, а значит, уже нарушает заповедь – "Не убий!".

– Круто! А если я жуть, как хочу серьги той же Лии, ну прям, стащила бы! Это я нарушаю заповедь – "Не укради!"?

– Совершенно верно.

– И так со всеми заповедями?

– Со всеми.

– А что он ещё сказал по этому поводу?

– Например, он сказал: "Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своём!"

Мара остановилась.

– Это что же, – сказала она голосом, в котором потрясение смешивалось с желанием расхохотаться, – если сосед-

ский парень тарашится на меня так, что едва глаза не выпрыгивают, то мне впору бежать к Альмери, чтобы проверить, не следует ли ждать через девять месяцев маленького гостя?

Тут уж расхохотался Руфус, хоть и сильно покраснел при этом.

– А если на меня, г-мм, с вожделением пялятся, чуть ли не все мужики, проживающие в форте? – продолжала Мара развивать всё ту же тему. – Тогда кто же я при этом, если такая прорва народу со мной прелюбодействовала, да ещё и одновременно?! Такое даже Альмери не снилось!

Руфус уже не знал, куда девать глаза и шёл красный, как рак, ругая себя за неосторожные слова, которые можно было бы и не говорить. По крайней мере, сейчас не говорить...

А с другой стороны, чего он стесняется? Священник всегда говорил ему: если веришь – не стесняйся! Даже если вокруг тебя гогочущая толпа и все считают тебя дураком или сумасшедшим, всё равно не стесняйся не единого слова из учения своей веры! Однако сейчас он промолчал, так-как говорить с Марой на такие темы было для него ещё слишком трудным испытанием.

– Вот я и говорю, приколист он, твой Инци! Я бы с таким пообщалась. Люблю, когда человек за словом в карман не лезет. И что он ещё сказал интересного?

– Сказал, что не следует надоедать Богу своими просьбами и выпрашивать у него что-то. Бог сам знает, что кому нужно и всё слышит, но даст только то, что посчитает дей-

ствительно необходимым и только тому, кого сам выберет.

– Тоже правильно! Это нашим бабам надо рассказать. У них ведь чуть что – "Бог, дай!", да "Бог, помоги!". И стирать, значит, Бог помогай, и готовить, и за детьми присматривать, а ещё следить, чтобы муж к соседке не ушёл. Прямо больше делать Богу нечего, как во все такие дела, да случаи лезть!

– Вот видишь, это тебе понятно, а большинство думает, что Бога надо просить о чём-то почаще, глядишь он что-нибудь да сделает. Ещё хуже, когда люди считают, что с Богом можно договориться, вроде: ты – мне, я – тебе! Мы, дескать, ему соблюдение тех Заповедей, а он нам – здоровье, богатство и счастливую судьбу! Глупо до странного.

– Но зачем же верить в такого Бога, который всё равно ничем помочь не может или не хочет?

– В Бога верят не зачем-то, а потому, что он есть, потому, что он единственный, как отец. Да он и есть Отец всего сущего.

– Так, что же на самом деле является самым большим грехом?

– Ничегонеделание. Человек может ошибаться, делать всё неправильно или вообще делать то чего нельзя. Это всё плохо, но хуже всего, когда он вообще ничего не делает. Ошибки можно исправить и даже зло искоренить или превратить его в добро, если над этим хорошо поработать. Но, когда человек даже не пытается делать ни хорошее, ни плохое, то это оскорбляет самого Создателя, сотворившего человека по

своему образу и подобию. Ведь Создатель всегда был деятелен и трудолюбив. Посмотри вокруг и увидишь, сколько всего он сделал и как всё тщательно продумал! Конечно, после всего этого, он не любит ленивых.

– Иногда мне кажется, что я разговариваю не с мальчиком двенадцати лет, а с очень мудрым и стареньким дедушкой!

Это замечание снова заставило Руфуса залиться краской. Он вспыхнул, как порох и покраснел, как помидор. К довершению всего, Мара вдруг нежно обняла его и прошептала в самое ухо:

– Извини, извини! Я не хотела тебя смутить. Просто хотела сказать – какой ты у меня умненький! А теперь давай-ка пообедаем. Умненьких надо хорошо кормить, вы ведь на вес золота! Всем подавай сильных да смелых, но если приглядеться, таких не так уж мало. А вот умненький, это редкая птица, её не часто встретишь и совсем не легко поймать...

Глава 68. Пасть земли

Пасть земли зияла чёрным, бездонным провалом, словно это и в самом деле была отверстая глотка чудовища. Впечатление усиливалось видом створок ворот, похожих на плоские жвала невиданного насекомого.

Маранта подошла к входу в тоннель. Здесь на полу, покрытом вековой пылью, ещё видны были две цепочки следов человеческих ног. Одна больших, мужских, обутых в сапоги, другая маленьких, босых, женских, а точнее девичьих...

Маранта почувствовала, как волосы шевельнулись у неё на затылке. Чувство безысходности, которое она всё последнее время загоняла подальше, вглубь своего сознания, вдруг вырвалось, накрыло её с головой, сжало сердце ледяными, бездушными тисками.

Если бы перед ней был противник, в сотни раз, превосходящий её по силе, она, не задумываясь, бросилась бы в бой. Если бы перед ней зияла бездна, на дне которой она могла бы надеяться найти дочь и сына, она полезла бы вниз, она нырнула бы в любую пропасть, даже если бы знала, что на то, чтобы достичь этого дна уйдёт весь остаток её жизни!

Но ни противника, ни пропасти не было, как не было и её детей. Их вообще не было на Земле, ни среди живых, ни среди мёртвых. Маранта пошатнулась, но большая рука Михала поддержала её. Она совсем забыла о муже, а ведь он должен

был чувствовать то же самое, что и она, но он держался. Да, он держался, хоть снег почти выбелил его бороду.

– Я хочу войти туда, – вдруг сказала Маранта. – Я не знаю зачем, но я хочу туда войти.

– Ну, что ж, – ответил Михал, не раздумывая ни секунды, если у тебя возникло такое желание, значит это и впрямь за чем-то нужно.

– Но я!.. – попыталась оправдаться воительница.

– Не надо, – оборвал её муж. – Мне тоже хочется знать, как всё было. Я думаю, там, где прошли они, мы тоже пройдем, так что не будем терять времени!

Вскоре на пыльном полу заброшенного тоннеля протянулись ещё две цепочки следов, уходящих в пасть земли.

Глава 69. Специальная маскировка

Чёрные галереи, лестницы. Тёмные залы, заполненные хламом и пустые кладовые.

Путешествие, когда-то давно совершенное со Стефаном по длиннющему подземному тоннелю, было простым и прямолинейным по сравнению с этим блужданием по лабиринтам, где монстров нашлось в сотни раз больше.

Правда теперь Ларни была не со Стефаном, а с раненой подругой, которая уже поправлялась. К тому же справа и слева, спереди и сзади шагали здоровенные тролли с дубинами, тесаками и топорами. Они рвали монстров на части, если те имели неосторожность подойти слишком близко к их драгоценным "герлам".

Ларни ни один и ни два раза подумала, что они заблудились, но собаки уверенно вели их вперёд, и у девушек была теперь одна забота – следить, как бы собак втихомолку не сожрали тролли.

Всю поклажу, не считая оружия, братья тащили на себе, практически не замечая её веса. Если бы девушки захотели, то могли бы ехать на их могучих плечах, но им не улыбалось всё время стучаться о притолоки дверей и выступы на потолке.

Всё было бы неплохо, но вскоре они поняли, что оторваться от демонов не удалось. Первый демон, которого они встре-

тили здесь, был занят – он стоял над тушей ящероподобного монстра и вытирал свой меч с видом настройщика с драгоценной скрипкой в руках.

В последний миг он обернулся и на его красивом, злом лице отразилось сначала недоумение, а когда его взгляд упал на девушек, то оно сменилось дикой, безумной радостью. В следующее мгновение дубинка, брошенная кем-то из троллей, стёрла всякое выражение с его лица, превратив его в сплошное кровавое месиво.

– Ему, что, нужна герла? – задумчиво произнёс Хрык, от которого не укрылась странная смена настроений поверженного врага.

– Демоны до сих пор никогда не проявляли интерес ни к моему народу, ни к... эльфам, – сказала Кейни, покосившись с опаской в сторону Ларни. Может быть, он принял нас за кого-нибудь другого?

Хрык посмотрел на неё с подозрением, но промолчал.

Следующая стычка произошла, где-то, через час. На сей раз, демонов было четыре, и дрались они отчаянно. Ещё двое из братьев лишились кистей рук, а одному выбили глаз, про-ткнув голову насквозь. Зато врагов буквально разорвали в клочья.

– Странно, – почти шёпотом сказала Ларни, когда всем пострадавшим была оказана помощь, – я всегда думала, что ангелы Ада очень сильны и уступают только Воинству Небесному. А теперь, что же получается, тролли сильнее?

– Тролли очень сильны в этих горах! – также шёпотом ответила Кейни. – За пределами своих владений они быстро теряют силы, становятся вялыми и сонными. Поэтому они покидают горы редко и ненадолго. С демонами же всё наоборот – они сравнимы по силе с людьми, пока не вырвутся отсюда. Хотя я всё равно не советовала бы никому из людей вступать с ними в открытое единоборство – девять шансов из десяти за то, что победа будет за демоном. Зато, когда они вырвутся, (а это уже было), каждый из них обретёт силу урагана и будет страшнее землетрясения, извержения вулкана и чумы, вместе взятых. И тогда берегись, живой мир!

– Ужас! И всё-таки, я представляла себе Ад по-другому.

– То, что ты называешь Адом, многие называют домом. Между прочим, многие народы, в том числе и мой, живут здесь совершенно добровольно. Но демоны здесь заперты, как узники, и выход отсюда им заказан на веки вечные.

– Что же заставило, например, твой народ покинуть Землю? Вы ведь когда-то жили там?

– Некоторые и сейчас живут, а ушли мы из-за людей. Да, да! Люди, гораздо более беспокойное и назойливое соседство, чем демоны! Демоны вообще никогда не совались в наши дела, и я не знаю, что их сейчас так взбеленило. Возможно, они почуяли тебя.

– Меня?

– Или Сато.

– А что, она тоже человек?

– Сато – антидемон, а вообще-то она дочь Князя Тьмы.

– Что значит "антидемон"?

– Антидемон, тоже демон, но своим сородичам не друг.

Она их ненавидит, а они её. При этом изначальною причину этой ненависти найти почти невозможно. Взаимных обвинений хватает, но с чего всё началось, похоже, они сами забыли. Сато любит людей, лепреконов, эльфов, она в хороших отношениях с гномами и прочими народами, которые обитают здесь и в других мирах. А ещё она любит животных, прямо, как ты, и вообще любит жизнь, красоту и наслаждение. Всё, что демоны ненавидят. Странно, но вы с ней чем-то похожи. Здорово будет вас познакомить!

Их разговор прервал, подошедший Хрык.

– Надо уходить отсюда! – прогудел он и почему-то сверкнул глазами на Ларни.

– Что случилось? – спросила Кейни, незаметно становясь между ним и подругой.

– Мы во владениях ушедших матерей, – ответил Хрык, всё так же исподлобья поглядывая на человеческую девушку. – Это само по себе небезопасно, а сейчас кто-то возмутил здешних хозяек. Похоже, они очень злы и раздосадованы, что их покой нарушен. Мы нашли множество растерзанных монстров, а все обиталища матерей оказались брошенными.

– Может быть они недовольны вторжением демонов?

– Нет. Демоны до них ещё не дошли. Наверное, их покой

смутила твоя подруга со своими псами, но есть ещё кое-что.

– И что это?

Хрык повёл носом, словно принюхиваясь.

– Запах! – сказал он. – Такой же, как от неё.

Он ткнул пальцем в сторону Ларни. Кейни незаметно положила руку на винтовку, и Ларни почувствовала, как она напряглась.

– Остальные не знают, – продолжал Хрык, от которого не ускользнули приготовления Кейни. – Если узнают, кто на самом деле эта герла, сама знаешь, что будет. Мне их тогда не остановить. Демоны, похоже, тоже за ней явились. Каша заваривается такая, что скоро будет непонятно, кто кого ест! Эх, спрятать бы вас, а с демонами мы, как-нибудь разберёмся.

Кейни оставила в покое винтовку и нежно погладила тролля по грубой лапище.

– Ты не говори остальным, – сказала она, имея в виду принадлежность Ларни к человеческому роду.

– Не скажу! – ответил Хрык, расплывшись в улыбке. – Только ты натри её чем-нибудь пахучим, чтобы запах отбить.

Хрык повернулся и пошёл к своим, оставив девушек в страхе и беспокойстве.

– Ну и чем же мне таким натереться? – спросила Ларни, у которой от всего этого изрядно подпортилось настроение.

– Ничего на ум не приходит, кроме помёта летучих мышей. И не делай такую гримаску! Дерьмо можно отмыть, а

утраченную жизнь вернуть не получится!

Глава 70. Меч – искушитель

– И тогда он извернулся и откусил мне нос!

Главная тролльчиха давно сменила гнев на милость и теперь развлекала своих незваных гостей историями из собственной жизни.

– Я тогда его, ка-ак об пол шваркну! – продолжала она. – Так у него левый нижний клык и вылетел!

Стефан припомнил – у Хаюка левый нижний клык и впрямь торчал наружу, что совсем не мешало парню, есть и говорить.

– Такой вот был поганец! Я ему тогда чуть сама голову не оторвала. Отправить меня сюда, когда я среди красоток Гремучей горы считалась наипервейшей! Но ничего, вот рожу его ещё разок, тогда он у меня попляшет!

Стефан вопросительно посмотрел на Сато.

– Это она сможет, – ответила та, – если съест его голову.

Стефана передёрнуло.

– Да, да, голову! – подтвердила тролльчиха, жадно поглядывая на сумку Сато. – Мужик, правда, тоже нужен, как же без него родишь-то?

При этих словах она подарила Стефану масляный взгляд, от которого его передёрнуло ещё раз. Сато нахмурилась, но тут же рассмеялась, увидев несчастное выражение на лице своего спутника.

– Руки прочь, троллия-мать, он мой! – заявила Сато, то ли шутя, то ли всерьёз.

Стефану этот разговор нравился всё меньше. Поэтому, когда к ним подбежала одна из тролльчих, он был рад, хоть и понимал, что она вряд ли принесла доброе известие.

– Монстры сошли с ума! – сказала новоприбывшая, голосом, звучащим глуховато из-за повязанного на лицо платка.

Стефан невольно задался вопросом – какое уродство скрывает этот платок? Огромную губу? Неестественно раздувшуюся щёку? Выпяченный подбородок, за который можно ухватиться двумя руками? Нда, судя по названию этого места – "Приют ушедших матерей", и по рассказу их предводительницы, здешних обитательниц покалечили их собственные дети. Бр-р! Скорее бы наверх. Нет! Скорее бы вообще выбраться из этих гор с их жутковатыми обитателями. Выбраться и продолжить путь к дому...

– Что там ещё с монстрами? – спросила старшая.

– Лезут отовсюду, нападают на нас и друг на друга! Их кто-то напугал или разозлил.

– Странно. На всякий случай, будьте наготове!

То, что случилось потом, Стефан запомнил на всю оставшуюся жизнь, потому что ни до, ни после он ничего подобного не видел! Они вошли в очередной зал, каких здесь было множество. Зал был большой, пустой и тёмный, освещённый только светом факелов, которые они несли с собой. В этом зале не было ящичков набитых камнями, зато в его дальнем

конец шевелилась какая-то бесформенная масса.

– Назад! – крикнула главная тролльчиха, но было поздно.

Монстры нахлынули на них, как морская волна на берег во время шторма. Стефан едва успел выхватить меч из ножен и выставить его перед собой, как на клинок нанизались сразу две твари, а в следующий миг он лишился своего оружия! Впрочем, тут было уже не до меча.

Масса верещащих, дёргающихся тел, была такая плотная, что размахнуться клинком уже не представлялось никакой возможности. Стефан едва успел вытащить из-за голенища сапога свой верный охотничий нож и заметить краем глаза, что Сато выпустила когти, а вокруг головы у неё разгорается знакомое багровое сияние!

Дальше было сплошное месиво, которое он резал, крошил и рвал, а это месиво резало, крошило и рвало его. В ход шло всё – кулаки, локти, колени, зубы...

Стефан до этого участвовал, разве что в дружеских потасовках, но по серьёзному на кулаках и с ножом в руке не дрался никогда! Теперь, распарывая чью-то дрожащую, извивающуюся плоть, он почувствовал, как его захватывает странное, неведомое доселе, но жгуче-сладкое и щекотно-весёлое, чувство кровавого безумия!

Его заливали потоки крови, а он хотел ещё и ещё! Чтобы эта кровь залила всё вокруг! Чтобы её было море! Чтобы захлебнуться в ней!

– Стефан!

Голос прозвучал откуда-то издалека, и он не сразу понял, что зовут именно его. (Откровенно говоря, сейчас он с трудом вспомнил своё имя.)

– Стефан, остановись! Ты обезумел, Стефан! Так нельзя, так ты не сможешь вернуться...

Сато стояла вся залитая кровью, с выпущенными когтями, с которых тоже стекала потоками кровь. Её глаза пылали, как угли, но сияние вокруг головы уже стало угасать.

Стефан остановился и вдруг обнаружил, что рычит. Этот рык рождался где-то в диафрагме и поднимался к горлу глухими громовыми раскатами. Сато положила руку ему на плечо, и он невольно дёрнулся в её сторону – ударить!.. уку-сать!.. убить!.. Она не убрала руку, только пристально заглянула ему в глаза и прошептала несколько слов, которые он не понял.

А бой, между тем, ещё кипел вокруг них. Тролльчихи побросали свои луки и теперь дрались с пугающей силой и смелостью, кто ножом, кто кистенём, а кто просто голыми руками. Трупы монстров вокруг лежали грудями, на каждую тролльчиху приходилось по несколько десятков. Стефан и Сато наколотили не меньше, и монстры вскоре кончились.

– Это я виновата! – сказала Сато, отводя Стефана в сторону. – Я не должна была позволять тебе так делать.

– О чём ты?

Стефан чувствовал себя так, будто он только что проснулся от тяжёлого долгого сна, из тех снов, что не в радость и

не в отдых.

– О мече твоём, вот о чём! – почти плача проговорила Сато. – Нельзя людям брать это оружие и не подбирай его больше! Пусть он здесь так и лежит. Я думала, что ты справишься, ведь ты не такой, как другие, но... человек слаб.

– Но ведь я не могу без него!

– Тебе ещё долго будет казаться, что не можешь. Эти клинки вызывают жажду убийства, которая тем пуще разгорается, чем дольше человек им владеет.

– Но ведь у меня же его выбили почти сразу, почему же я до сих пор жажду крови?

– Ты ещё долго будешь её испытывать. Может быть, за всю жизнь до конца не отделаешься, но с этой минуты она будет слабеть и слабеть. Возможно, тебе поможет любовь, но твоей женщине придётся быть терпеливой.

– А зачем от неё избавляться? Так драться легче!

– А когда перед тобой не будет врагов, что будешь делать?

– Искать их!

– Точно! И найдёшь, только не там, где надо. Поймёшь вдруг, что в друзьях течёт не менее вкусная кровь, чем во врагах, и далеко ходить не потребуется!

– А что, правда? Она действительно такая же вкусная?

– Так, всё с тобой ясно! На-ка, съешь!

Сато достала откуда-то маленький красный шарик и протянула его Стефану, не вытерев перепачканных кровью пальцев. Он жадно слизнул это непонятное угощение и... без-

вольно осел на пол, так что Сато едва успела его подхватить, чтобы он не разбил голову.

– Троллиня-мать, – обратилась она к главной тролльчихе, – у тебя все живы?

– Все! – ответила та. – Хаско откусили обе руки, а Хизра стала короче на одну ногу, но все живы.

– Мой консорт ранен! – соврала Сато, не моргнув глазом. – Надо отнести его в безопасное место, там и ваших раненых подлечим.

Тролльчиха открыла, было, рот, чтобы поставить на место раскомадовавшуюся чужачку, но вовремя сообразила, что та совершенно права. Поэтому она ограничилась тем, что презрительно дёрнула плечом и пробормотала под нос:

– Вот же охота бывает некоторым выбирать себе в консорты берсерков!

Глава 71. Ифрит

Кажется, они смогли оторваться. Тролли превосходно знали эти пещеры, хоть они и не были здесь хозяевами, а жили на поверхности горы. К тому же они, похоже, не ведали усталости, а вот девушки устали насмерть.

Зелёные глаза Кейни почернели от невероятного напряжения, ведь она ещё не полностью оправилась от раны. Жутко злая Ларни, выглядела бодрее. Она вышагивала на слегка дрожащих ногах, стиснув зубы и стараясь забыть о собственном запахе.

Больше всего её бесила реакция троллей, которые принимались и с подозрением косились друг на друга на каждом шагу. В конце концов, они обнаружили-таки источник запаха, смутившего их тонкое обоняние, и теперь перешёптывались у неё за спиной, гыкали и показывали пальцами.

Нет уж, пусть Кейни в следующий раз мажется этой дрянью сама! У Ларни даже возникло желание заставить подругу не вымыть, а вылизать её дочиста!

При воспоминании о немножко шершавом язычке девушки-лепрекона, о её нежных руках и ласковых губках, Ларни вмиг оттаяла. Она давно уже перестала удивляться сама себе и корить себя за эту странную связь, которую она себе позволила, несмотря на любовь к Стефану.

Всё вышло, как-то само собой и теперь оставалось только

принимать всё, как есть, ведь изменить прошлое невозможно, а что будет в будущем, неизвестно. Зато настоящее для неё видно яснее ясного – настоящее, это Кейни. Ведь она заботилась о Ларни ещё тогда, когда заковала её в цепи, и тогда, когда не отдавала троллям, отвлекая на себя всё их внимание.

Ну и конечно сейчас, когда вымазала её с головы до ног свежим помётом летучих мышей. Нет, конечно, Ларни ни за что не даст подруге прикоснуться к себе, пока не помоеется!

Из задумчивости её вывела внезапная остановка троллей. Она даже чуть не налетела на Хрыка, шедшего впереди.

– Что случилось? – спросила Ларни, снова принявшая командование по случаю плохого самочувствия Кейни.

– Впереди, что-то непонятное, – ответил тролль, всматриваясь в темноту подземной галереи в которой Ларни решительно ничего не могла разглядеть. – Это не монстры и не демоны. Может быть это ушедшие матери? Но почему они тогда прячутся от нас, почему не выходят?

– Надо послать собак, – замогильным голосом произнесла Кейни, привалившаяся к стене.

Хрык поморщился, но всё же спросил:

– Ты можешь это сделать?

Вместо ответа Кейни тихонько свистнула и собаки появились перед ней, словно из ниоткуда, виляя хвостами и злобно косясь на троллей. Кейни принялась их гладить и что-то говорить, глазами указывая на дальний конец галереи. Монсе-

ньор и Мадемуазель сначала не понимали, что от них хотят, а потом откровенно поджали хвосты и заскулили, виновато поглядывая на девушку.

– Они не пойдут, – сказала она, выпрямляясь. – Если того, что там засело боятся даже демонические псы, значит там действительно что-то страшное и сильное!

– Тогда я пойду сам, – сказал Хрык, опуская свою поклажу на землю и вытаскивая из-за пояса здоровенный тесак.

– Может не надо? – спросила Кейни. – Хотя бы факел туда кинь.

Совет был разумным. Хрык взял свежезажжённый факел и, хорошенько размахнувшись, бросил его в дальний конец галереи. Факел прочертил в воздухе световую дугу, раз другой подпрыгнул и наконец, замер, озарив всё ярким, но неровным светом.

Тогда они увидели странную фигуру. Это был мужчина, стоящий на одном колене со спиной согнутой так, что колено другой ноги упиралось ему в грудь. Кулак его правой руки, огромный, как кузнечная кувалда, лежал на полу, а ладонью левой он прикрывал глаза. На вид он был, наверное, вдвое, если не втрое крупнее самого здоровенного из троллей, и казалось, состоял из одних мускулов, бугрившихся под кожей цвета базальта.

С первого взгляда его можно было принять за статую. Но вот эта "статуя" зашевелилась, опустила руку и подняла голову. И тогда из-под низкого лба, усеянного странными ко-

роткими шипами, глянули не два глаза, как это положено у людей или тех же троллей, а две сквозные дыры, через которые ярко светилось, что-то красное, словно внутри черепа у него пылал раскалённый уголь!

– Ифрит! – воскликнул Хрык и тролли в ужасе отпрянули.

Вдруг оглушительный хлопок сотряс своды подземной галереи. Стреляла Ларни. Винтовочная пуля легла аккуратно между глаз ифрита, чуть повыше переносицы.

Теперь на физиономии чудовища загорелись уже три огненных дырки. Ифрит вскинул голову и взревел, как целое стадо бизонов, выпустив при этом фонтан пламени из открытой пасти! Ларни успела разглядеть, что челюсти и щёки у него составляют единое целое и раскрываются на полголовы. Зубов у ифрита, по-видимому, не было, зато края челюстей были зазубрены и эти треугольные зубцы при смыкании входили друг в друга, как зубья шестерёнок.

В следующий миг ифрит бросился к ним, на скаку лязгая челюстями. Он бежал на четырёх конечностях, и всё вокруг сотрясалось от его топота!

Мир вдруг перевернулся, завертелся волчком, и Ларни почувствовала, как что-то страшно сдавило её в области талии. Она тут же поняла, что её несут, и при этом тот, кто её несёт, бежит со скоростью перепуганного оленя!

Через минуту бешеной скачки стало ясно, что Хрык во все лопатки удирает с двумя девушками под мышками, что слева и справа бегут до смерти перепуганные тролли, а сзади их

нагоняет страшилище, которого эти здоровяки боятся пуще смерти!

Не помня себя, они влетели в просторный зал, больше похожий на пещеру с высоким потолком, теряющимся во тьме. И в этом зале стройными рядами стояли демоны, словно собравшиеся на парад. Хрык недаром считался самым умным из братьев.

– В стороны! – заорал он и в несколько пинков разогнал братьев направо и налево от входа.

Ифрит ворвался в зал, как ураган и с ходу врезался в толпу, не ожидавших такого поворота демонов! Похоже, ему было всё равно, кого рвать. Волк, врывающийся в овечий закут, ведёт себя подобным образом.

Его челюсти лязгали, перемалывая кости и изрыгая пламя, от чего в воздухе поднялась волна вони от палёного мяса. Руки ифрита, оказавшиеся длиннее ног, напоминали сейчас крылья сбесившейся ветряной мельницы. Каждый взмах его руки сметал с ног и вышибал мозги сразу несколькими демонам. Те не остались в долгу, и на чудовище посыпался ливень дротиков, от чего оно взбесилось ещё больше!

– Назад! – прохрипел Хрык громким шёпотом, как будто это могло скрыть его присутствие от дерущихся.

Тролли не заставили себя долго упрашивать и тут же выскочили обратно в коридор.

– Двери! Закройте двери! – прохрипела полузадушено Кейни.

Двери, ведущие в зал, подались с трудом, но всё же захлопнулись, подняв тучу песка и пыли. По-видимому, их не трогали несколько веков.

– И что теперь, вернёмся на прежний путь? – спросила Кейни, когда их наконец поставили на ноги.

– Нет, – ответил Хрык, – Дверь его надолго не задержит, к тому же он может знать обходные пути. Пойдём вокруг.

Ларни скрипнула зубами – там, в галерее остался дробовик Стефана и вторая винтовка.

– Ифрит дикий, но он не дурак! – продолжал свои разъяснения Хрык. – Он знает здесь всё и ходит везде, но всегда возвращается в своё логово. Наверное, оно там, где мы его встретили.

– И куда теперь?

– Попробуем выйти на другой склон через забытые тоннели. Это приведёт нас, почти к самому подножью и может быть, мы там не встретим демонов.

– А этот... ифрит, он кто? – встряла в их разговор Ларни.

Хрык на этот вопрос только фыркнул и отвернулся. Кейни взяла подругу за локоть и отвела в сторону.

– Не заговаривай с ними об этом, если не хочешь нажать себе неприятностей! – проговорила она ей в самое ухо. – Тролли вообще относятся к этой теме очень болезненно. Короче говоря, ифрит, это их восьмой брат!

– Ничего себе! Не очень-то он похож на этих семерых. Впрочем, они и между собой-то не очень похожи.

– Это потому, что все они братья по матери. Отцы-то у них разные. У кого эльф, у кого лепреккон, гном или титан, или ещё что-нибудь. А у ифрита отец – тролль.

– Тролль? И что с того? Они же сами – тролли.

– Ты ещё не поняла? Тролли не должны сочетаться друг с другом, иначе от такой связи рождается ифрит!

– И что, каждый раз так получается?

– Каждый. Но этого мало – когда ифриту приходит время появиться на свет, он разрывает когтями тело матери и... пожирает её!

– Кошмар! Значит этот ифрит тоже сожрал свою мать? Погоди, ты говорила, что он им брат? Значит, их мать съели?

– Да. Кстати, тролли очень привязаны к своим матерям. Правда, именно они их частенько калечат – откусывают носы, уши, губы, а уж соски на груди обязательно. Это последнее за недостаток не считается, но уберечься от прочих увечий очень непросто.

– Брр! Не хотела бы я быть матерью тролля!

– А придётся, если не сможем удрать вовремя. Ведь детей у троллей могут делать не только самки, но и самцы, но для этого им нужны женщины из других народов. Мы с тобой, как раз подходим.

– Как же ты до сих пор не забеременела?

– Секрет. Я бы рассказала, но он тебе не нужен. Думаю, что мы всё ещё сможем уйти, если постараемся.

– Надо постараться, а то в отличие от тролльчих, мы не

сможем отрастить ни носы, ни уши!

Девушки посмотрели друг на дружку и вдруг расхохотались звонко и весело.

Глава 72. Тётушка

– Иди ко мне! Иди ко мне, маленький! Иди ко мне, лапочка! И кто это обидел моего славенького мальчика, моего дорогого племянничка – ифритика?!

Ифрит извивался у ног тролльчихи, как огромный кот. Кончилось тем, что он завалился на спину и подставил ей живот, чтобы его почесали. Поодаль стояли Стефан и Сато, и глаза у них были на лбу, особенно у Стефана. Впрочем, Сато была не менее поражена.

– Как давно я не видела живого ифрита!

Сато смотрела на умильно мурлыкающее чудовище, как замороженная.

То, что ифрит был "поцарапан", это было мягко сказано – на нём живого места не было! Порезы, царапины, колотые раны, глубиной с локоть, светились и полыхали тем же внутренним огнём, который был виден сквозь его глазницы. Но сквозь все эти раны не пролилось ни капли крови. По-видимому, у чудовища её просто не было.

– Это то, о чём ты говорила?

– Да, это плод любви между троллем и тролльчихой, можешь на него полюбоваться!

Стефан нервно терял рукоять меча, на сей раз эльфийского. Демонический он всё же не бросил, но теперь нёс его за спиной в качестве поклажи, крепко замотанным в цвета-

стую тряпку, одолженную у тролльчих.

– Кошмар какой-то! – сказал он напряжённым голосом. – Но ведёт себя очень дружелюбно.

– Это потому, что рядом его родная тётя, которую он любит больше матери. Матушкой своей он закусил сразу после рождения, а тётка его вырастила и воспитала. Такова цена, которую платит тролльчиха за извращённую любовь! Да, здесь именно это считается извращением. А ифрит... Как видишь, у него есть чувства, правда на первом месте из них – голод, но все остальные тоже имеются. Нда, если бы не присутствие родственницы, мы бы достались ему на ужин. Впрочем, он плотно пообедал. Демонами.

– А убить-то его можно? – спросил Стефан, глядя на то, как многочисленные раны ифрита затягиваются буквально на глазах.

– Не знаю, я не пробовала. А зачем тебе? Я как раз думаю, как бы воспользоваться случаем и приручить это существо, которое может стать сильным и ценным союзником.

– Я бы на вашем месте этого не делала! – мелодично пропела тролльчиха, оглаживая шипастую голову ифрита, от чего тот и впрямь мурчал, как кот.

Казалось, что нутро у него сделано из меди и там перекатываются чугунные ядра. Удивительно, но при отсутствии лицевой мускулатуры и даже век, физиономия этого чудовища приняла умильное выражение!

– Почему? – спросила Сато, нахмурившись.

– Потому, что ифрит существо непредсказуемое. Никто не знает, что он такое, известно только, что при любовной связи тролля и тролльчихи всегда появляется на свет именно ифрит. Исключений не бывает. Наверное, это какое-то проклятие нашего народа, но даже легенды не дают никакого объяснения, откуда оно взялось, за что и кем наложено. Между прочим, это первый ифрит, которого удалось приручить за долгое время. По крайней мере, я других не видела.

– Я приручала аллозавров! – с гордостью заявила Сато.

– Ифрит не животное! – возразила тролльчиха. – К тому же он опаснее любого хищника настолько, насколько медведь опасней комара.

– Тогда оставим его и пошли?

– Нет, надо отвести его в логово и уложить спать, а то натворит что-нибудь. Ифриты могут спать годами, когда сыты, а сейчас он сыт.

Стефан невольно обернулся в сторону зала, где закончило свой путь демоническое войско. Да, он должен быть сыт. То, что они проделали недавно с монстрами, казалось детской игрой по сравнению с тем, что учинил ифрит с ангелами Ада. Здесь не было ни одного целого трупа, некоторые оказались попросту размазаны по полу и по стенам.

Логово ифрита было не далеко, по крайней мере, к нему не надо было спускаться или подниматься на другие этажи по лестницам. Они уже почти пришли, когда тролльчиха вдруг остановилась и принялась.

– Здесь были семь братьев! – заявила она. – А с ними две герлы. Одна из лепреконов, а другая... Хм, странно!

– Что тебя удивляет, троллия-мать? – спросила Сато, не понимая, к чему клонит их предводительница.

Та опасливо глянула в сторону своих единоплеменниц и сказала:

– Если бы не мой нос, я подумала бы, что ошиблась, но Хаюк удружил мне ещё в младенчестве, и теперь я могу различать такие запахи, которые не слышны никому, даже если их пытались скрыть. Так вот, вторая герла семи братьев явно происходит из того же народа, что и твой консорт, но это ещё не всё!

– Что же ещё может тебя так удивить, троллия-мать?

Троллячиха помедлила с ответом, потом наклонилась к Сато, так-как была выше ростом, сдвинула в сторону свой нос и зашептала ей что-то на ухо. Пока она говорила, девушка несколько раз менялась в лице, от выражения удивления с оттенком недоверия до крайней озадаченности.

– Я думаю, братья не знают, – заключила она вслух.

– Невероятно! – тихо воскликнула Сато. – Но если это так, то как же они не заметили? Запах запахом, но ведь она же их герла!

– Это значит, что она ещё не была ни с кем из них. Почему? Не понимаю, может что-то не так с братьями?

Стефан слушал их разговор вполуха, как собственно только и можно слушать разговор, который от тебя наполови-

ну скрывают. Вдруг он споткнулся обо что-то, незамеченное им в полумраке галереи. Наклонив факел, он осветил им несколько лежащих на полу предметов и вскрикнул от изумления! У его ног валялся дробовик, который он обронил, когда попал в ловушку, приведшую его сюда.

Казалось, это было целую вечность назад, а может быть и все две вечности. Как же попало сюда потерянное оружие? Стефан наклонился, подобрал ружьё и осмотрел его. Оно было исправно и, похоже, из него недавно стреляли. Поодаль лежало ещё что-то.

Стефан узнал свой собственный мешок и привязанный поперёк него нарезной карабин, который они взяли из магазина в городе. Лёгкой винтовки Ларни не было... Ларни...

Ларни!

– Ларни! – вдруг крикнул Стефан и закрутился на месте, оглядываясь, будто ожидал, что увидит девушку, где-то рядом.

– Не может быть! – воскликнула Сато, но Стефан как будто не услышал её и, встретившись с совершенно круглыми глазами подруги, не узнал их.

– Ларни, – почти прошептал он.

– Чой-то с ним? – полюбопытствовала старшая тролльчиха.

– Вторая герла семи братьев, его сестра, – пояснила Сато, не вдаваясь в подробности.

– А, ну тогда его можно поздравить! Братья наверно про-

сто не успели до неё добраться из-за всей этой возни с демонами, но когда эта ерунда закончится, они сделают ему много-много маленьких племянников. Хе-хе! Много розовых, славненьких тролльчат! Только вот не пойму, а как же?..

– А вот, чтобы этого не случилось, мы с тобой должны очень постараться, троллия-мать!

– А мне-то чего стараться? Да и тебе, что за дело до сестры консорта, даже если она твоя...

– Не твоя забота мои интересы, троллия-мать! Только знай – если в ближайшее время обе девушки не будут у меня, не видать тебе головы Хаюка!

– Но ты же обещала!

– Я своё обещание сдержу, если ты своё сдержишь.

– Но ты же говорила про одну подругу! Как мне забрать у семерых братьев сразу две герлы? Да они меня на части разорвут и не посмотрят, что я им тётка! К тому же, кто знает, трогали они её сейчас, пока мы здесь разговоры разговариваем или нет?

– Меня не интересует, объездили уже тролли эту кобылку или она ещё целенькая, как свежевыпеченная булка. Мне нужно, чтобы она была жива, здорова и с полным набором рук и ног. Зачем? Это никого не касается! Но если я не получу того, что мне надо, то сама съем голову твоего сына!

Если бы взгляд тролльчихи был способен испепелить, то от Сато ничего бы не осталось. Но дело кончилось тем, что та, которую называли троллиней-матерью, тяжело вздохнула

и сказала:

– Пойдём. Я сделаю всё, что смогу. И захватим с собой ифрита!

Глава 73. Падшее величие

Город был мёртв. Но он не был разрушен, его стены величественно возвышались, словно их вчера только выстроили. Снаружи не были видны следы пожаров и разрушений, но вокруг этого города витала холодная серая аура нежизни.

О том же говорили распахнутые настежь ворота, возле которых не видно было стражи, пустые дороги, заросшие жёсткими колючими сорняками и конечно же противоестественная для такого места тишина, не нарушаемая ни человеческими голосами, ни скрипом колёс, ни единым звуком сопровождающим человеческое житьё в середине дня.

– Что это за место?

Руфус снял с плеча тяжёлый мешок и уселся на бревно, валявшееся на обочине. Ноги гудели, как два улья. Мара, похоже, вообще не зная, что такое усталость, всё шла и шла вперёд, не делая даже небольших привалов.

Как правило, они останавливались только раз в сутки – на ночь. Ужинали, спали, завтракали, чтобы потом весь день, до зари вечерней, мерить шагами дороги и лесные тропы, держась направления на запад, туда, где солнце прячется вечером за верхушками деревьев.

В результате Руфус, вчерашний книгочей и домосед, не чуял под собой ног и боялся, что его сапоги скоро запросят каши. Мара решила этот вопрос для себя просто – она связа-

ла свои изящные замшевые сапожки верёвочкой и закинула их за плечо, прикрепив к ремешку на котором висел колчан со стрелами.

– Босиком легче! – объяснила она. – И сапоги сохраню.

– Ты совсем, как мама, – пробормотал Руфус. – Она тоже, когда в лес идёт, сапоги на плече носит, зачем их только берёт с собой непонятно? А Ларни вообще никогда не обувается.

– Ну, меня же не зря назвали в честь Маранты-воительницы! – ответила Мара, которой это сравнение понравилось.

Руфусу тогда вдруг остро захотелось увидеть маму и отца, и Стефана, и Ларни... Познакомить их со своей новой подругой и ученицей. Но ведь он сам выбрал себе такую судьбу, так на что же теперь жаловаться? Если он будет до конца верен учению Инци, то в итоге встретится со своими родными снова, и это будет ему наградой, лучше которой он не желал.

– Похоже, мы взяли правее, чем нужно и пришли к столице короля Лоргина, – сказала Мара, нахмурившись. – Зря мы вышли из леса.

Насчёт того, что зря вышли из леса, Руфус был согласен целиком и полностью. Выросший среди лесов, он неуютно чувствовал себя, когда вокруг не было деревьев.

– Пройдём мимо? – спросил он с надеждой. В мёртвый город заглядывать было страшновато, да и незачем.

– Нет, зайдём, – ответила Мара тоном, по которому было ясно: возражения бесполезны. – Это мой родной город, в ко-

тором я не была много лет, и может быть, никогда больше не побываю, так что зайдём.

– Неужели ты что-то помнишь?

Мара не ответила. Воспоминания были неясными, отрывочными. Возможно, даже не все они были истинными – кое-какие воображение дорисовало, заполнив пустующие места, но всё же она помнила...

Помнила отца поднимающегося по ступенькам лесенки, чтобы открыть люк подвала, в котором они прятались, когда монстры громили город. Помнила, как бесформенным мешком свалилось обратно его обезглавленное тело. Помнила, как глаза матери становились всё безумнее и страшнее. Помнила нож, сверкнувший в её руке...

А потом были эти чужие руки. Две могучие мужские руки, способные гнуть железо и дробить камни. Они взяли её крохотное, полумёртвое четырёхлетнее тельце и вынесли из подвального мрака на свет... А вот, что было потом, она не помнила.

Ей рассказывали, что обезумевшая мать всё хотела её убить, а ей не давали, и, в конце концов, решили разлучить их. Тогда её, несмышлёную кроху, отправили подальше от матери в форт, где хозяйничала Альмери, и решил осесть Порфирий, взявшийся устраивать жизнь беженцев.

Но это всё её память почему-то не сохранила. Единственное, что выплывало из подсознательного тумана, это большие мягкие ладони и огромный тёплый живот Порфирия.

Это и было началом её новой жизни.

– Мы ненадолго, – сказала она, тряхнув головой, словно хотела освободиться от прилипшей ко лбу паутины. – Просто посмотрим и пойдём дальше. Я, конечно, не надеюсь найти свой дом, но...

Внутри стен город предстал гораздо более разрушенным, чем это виделось снаружи. Большинство домов было сожжено или попросту разбито страшными ударами нечеловеческой силы. Ходить по улицам оказалось весьма непросто – они по большей части были завалены мусором и обломками, а кое-где перегорожены упавшими зданиями. Недалеко от входа, справа, виднелся остов, какого-то огромного строения от которого остались одни закопчённые стены без крыши и перекрытий. Оттуда до сих пор несло гарью.

– Это, наверное, и есть знаменитый дворец короля Лоргина! – сказала Мара шёпотом.

Почему она говорила не в полный голос, врядли удалось бы объяснить ей самой, но шуметь здесь почему-то казалось неправильным.

– Хочешь его осмотреть? – спросил Руфус.

– На что там смотреть? – пожала плечами Мара. – Сгорел и всё тут! Пойдём лучше к центру города. Там есть на что посмотреть, точнее было...

Они пробирались сквозь завалы, протискивались меж домов и очень часто сворачивали с прямого пути, так что Руфус вскоре понял, что заблудился. Вдруг Мара остановилась

так резко, что шедший сзади парень едва не сбил её с ног.

– Это... то место... – прошептала девушка еле слышно. – Это мой дом...

Руфус взглянул туда, куда она показывала. Никакого дома не было. Точнее он действительно когда-то стоял на этом месте, но теперь от строения, занимавшего некогда немаленькую площадь, остался лишь фундамент.

– Ты уверена? – спросил Руфус, почему-то предчувствуя недоброе.

– Да, уверена. Посмотри туда!

В том месте, куда она показывала, в полу зияло квадратное отверстие. Приглядевшись, Руфус понял, что это люк с откидной крышкой. Внизу была сплошная чернота, и парню даже в голову никогда не пришло бы спуститься туда по доброй воле, но Мара похоже собиралась именно так и сделать.

– Стой! Куда ты? – успел крикнуть мальчик, увидев, как его подруга направляется к этой малопривлекательной дыре.

В следующую секунду раздался треск, и девушка исчезла в туче чёрной пыли. Руфус стоял, словно его пригвоздили к месту. Он вдруг подумал, что теперь он один, совсем один в этом мёртвом городе, где всё ему незнакомо, чуждо и враждебно.

Самым разумным казалось бежать отсюда без оглядки, бежать обратно, под спасительную сень родного леса! Но он отогнал эти мысли, выкинул из головы, как недостойные, позорные и вредные, ведущие к гибели. И тогда, забыв о про-

гнивших досках, забыв о своих страхах, Руфус бросился к распахнутому люку, ведущему в злополучный подвал!

Глава 74. Дорога вспять

Вот здесь они были. И здесь, и здесь. А здесь вот была битва, в которой дети победили, оставив после себя тела поверженных врагов.

Путь Маранты и Михала сейчас был прямолинеен и прост. Его можно было бы назвать лёгким, если бы не камень, который лежит на родительском сердце, когда судьба детей неизвестна, а беспокойство и тревога перерастают в острую режущую боль.

Да, неизвестность ничуть не лучше плохих вестей, а может быть её переносить даже тяжелее, но человек всё равно чаще предпочитает её фатальным известиям, так-как рука об руку с неизвестностью всегда идёт надежда!

Теперь они стояли в огромном подземном хранилище машин. Следы Ларни и Стефана здесь были повсюду – вековая пыль надёжно хранила их и сохранит ещё долгие годы, если её не тревожить.

Родители уже побывали на всех этажах, куда был доступ, в том числе и на самом верхнем, куда Ларни и Стефан попали во время обрушения древних руин. Было ясно, что тогда дети выжили чудом.

– Их, конечно, хранят Высшие силы, – тихо сказал Михал, и Маранте показалось, что голос его дрожит. – На них и будем надеяться.

Маранта никогда не думала, что услышит такое от мужа, совсем не склонного к мистике и суевериям, а к проповедям священника относившегося скорее снисходительно.

– Подумать только, над нами дом, – сказала она, чтобы отвлечь его от мыслей о детях, но мы не можем в него попасть.

– Да, я проверил, – отозвался охотник. – Через эти завалы не пробраться, так что придётся вернуться к входу в тоннель и оттуда идти известной дорогой через каньон до Междустенья.

– А может и не придётся! – вдруг сказала Маранта. – Зачем снова шагать пешком, когда у нас под рукой столько самоходных машин?

– Но как?.. Ты что умеешь ими управлять?

– Ну не то, чтобы умею, но давным-давно Наставница рассказала нам, как это делается, объяснила, как они устроены и заставила вызубрить наизусть древнюю инструкцию, которая сохранилась у неё в единственном экземпляре и буквально рассыпалась в руках. Практических занятий не было, так как не на чем было потренироваться, но много позже, когда я уже служила у Лоргина, мне доводилось видеть такие машины. Их у него было четыре, и все были спрятаны в городе, практически замурованы. Для чего это понадобилось Лоргину, не знаю, но мне тогда удалось рассмотреть одну из них весьма подробно.

– Ты думаешь их ещё можно сдвинуть с места?

– Конечно. Это же военная техника, а значит, она сдела-

на так, что может выдержать испытание огнём, водой, холодом и временем. Самое главное, это есть ли здесь пригодное топливо?

Что бы ни говорила Маранта, завести удалось только пятую машину, остальные требовали ремонта или отладки. Устройство для заправки машин топливом тоже не работало, но они быстро нашли доступ к резервуару, где оно хранилось, и натаскали вёдрами два полных бака дурно пахнущей жидкости. Кроме того, в углу нашёлся небольшой склад пустых канистр, которые было решено заполнить и набить ими багажник.

Автомобиль снялся с места тяжело, как некогда сильный, но уже одряхлевший старик. Однако через некоторое время он, как будто вспомнил молодость и бодро покатил вперёд, уверенно урча мотором.

Нельзя сказать, чтобы Маранта вела машину с лёгкостью. С непривычки руки её ходили ходуном, что заставляло автомобиль слегка "вилять" из стороны в сторону. Ей было очень стыдно за своё неумение, но, бросив косой взгляд на Михала, она поняла, что её неловкость не будет замечена – в глазах её мужа плескался, плохо скрываемый ужас, и видно было, что ему дела нет до её неловкости.

Расстояние, на которое у них пешком ушло два с половиной дня, сейчас преодолели за полтора часа. Не только Михал, но и Маранта глазам своим не поверила, когда они выкатили из тёмного туннеля на свет и увидели вдали знако-

мые очертания проклятого города, где потерялись их дети.

– Это всё хорошо, – сказал Михал, уже начинающий привыкать к техническим чудесам, которые слушались его жёну, – но как же мы попадём в каньон? Или эта штукавина умеет лазать по отвесной стене?

– Нет, этого она не умеет, – ответила Маранта. – Но если поехать на юго-запад то можно найти спуск, ведь стена каньона заметно снижается в этом направлении. Потом мы поищем нашу реку и по её течению поднимемся до знакомых мест.

– Но разве она сможет проехать по берегу? Лес по большей части подступает прямо к воде.

– Ничего, эта машина умеет плавать, хватило бы горючего.

– Да-а, хорошо, что она не умеет летать!

– Хорошо? Но что же здесь хорошего? И как я не догадалась? Но в следующий раз мы обязательно возьмём такую машину и долетим до Междустенья с попутным ветром!

В зеркале заднего вида отразилось растерянное лицо Михала. Вид у него был такой обескураженный, что Маранта прыснула со смеху! Тут охотник понял, что его разыграли, и присоединил к смеху жены свой басовитый могучий хохот.

Глава 75. Кости горы

Стрела пропела свою смертоносную песнь, и ещё один демон упал с древком, торчащим из глазницы. Кейни показала себя превосходной лучницей, а в ответ на похвалу Ларни сказала коротко:

– Аллеоль научил.

Демоны преградили им дорогу у самого выхода. Великий Инци! Сколько же их набилось в эту гору?! Казалось, что вся армия Князя Тьмы собралась здесь, чтобы поймать... Кого? Это было неизвестно, но Кейни считала, что их целью была Ларни. Сама Ларни не исключала этот вариант, но не могла взять в толк, чем она так заинтересовала ангелов Ада?

Ларни берегла патроны. Их было пока достаточно, но она отдавала себе отчёт в том, что они не бесконечны, а пополнить запас, пока она здесь, не получится. И всё же стрелять время от времени приходилось, что вызывало неоднозначную реакцию у троллей – недоумение, страх, недоверие и одновременно уважение к её неожиданной силе. Они даже придумали ей прозвище – Гремучая Оса. Ларни была не против.

Сами тролли кидали в демонов обломки скал, компенсируя недостаток меткости разрушительным действием этих снарядов. Вот очередной такой бульжник приземлился недалеко от группы демонов и всем уже виделся явный промах, но каменюга подпрыгнул ещё пару раз и разбил че-

реп одному, переломал ноги двум другим демонам, и ещё нескольких сбил с ног.

– Они не дадут нам выйти, – сказал Хрык, в котором уже торчал пяток демонических стрел. – Если их здесь так много, то снаружи ещё больше.

– Куда же нам идти? – спросила Кейни, осторожно выглядывая из-за скалы в поисках новой мишени.

– Пойдём вглубь, в самое сердце горы. Там множество пещер, которые даже троллям неведомы, а уж демонам и подавно. Плохо только, что там совсем нет еды. Вот если бы встретить гномов!

– Думаешь, они поделились бы с нами провизией?

– Нет, гномы жадные, но сами по себе весьма вкусные и питательные, если правильно приготовить.

Ларни подумала, что он шутит, но Хрык был серьёзен. Значит, гномы съедобны. Тролли друг для друга тоже съедобны. А они с Кейни для троллей? Ещё как съедобны! Нет, так дело не пойдёт. Идти туда, где нет еды в компании голодных каннибалов? Если они хотят жить, то надо придумать, чем накормить троллей. (О себе тоже не мешало бы позаботиться.)

– А демоны съедобны? – с надеждой спросила Ларни.

– Только для ифрита, – разочаровал её Хрык. – Для тролля их мясо – яд, причём смерть будет долгой и мучительной, а тот, кто так умер, не будет удостоен должного погребения.

Ларни вспомнила, что "должным погребением" у троллей

считается поедание трупа почившего сородича. Нда! Она успела привыкнуть к троллям за последние несколько часов, но сейчас ей очень захотелось сменить компанию.

– Давай мы тебе хоть стрелы вынем, – сказала она вслух.

Для Хрыка демонические стрелы были, что занозы. Он и бровью не повёл, пока Ларни вытаскивала их из его тела. По счастью среди этих стрел не было шипастых и к ножу прибегать не пришлось.

– Есть ещё один выход, – сказал Хрык, когда операция закончилась.

– Какой? – хором спросили девушки.

Троль ответил не сразу. Некоторое время он что-то ворчал про себя, будто пережёвывал камни. Потом сказал:

– Можно попробовать сломать кости горы.

Ларни и Кейни переглянулись.

– И что произойдёт? – спросила девушка-лепрекон.

– Гора упадёт, что же ещё? Рухнет и раздавит всех демонов!

– И нас? Не проще ли перерезать себе горло прямо здесь? – мрачно сказала Ларни.

– Троллей не раздавишь! – заявил Хрык самодовольно. – А демоны все погибнут.

– Троллей не раздавишь, а нас? – крикнула Кейни, закипая. – Что будет с нами? Может вообще лучше нас сожрать заранее, чтобы не возиться?

– А ведь это дельная мысль! – воскликнул Хрык и обна-

жил в хищной улыбке острые зубы. – Ведь ни одна из вас не беременна, а значит, это не будет нарушением закона!

Кейни слегка побледнела, поняв, что сболтнула лишнего, а Ларни с нарочитым спокойствием вставила в свой карабин новую обойму. Хрык, увидев это, улыбнулся ещё шире, а потом сделал серьёзное лицо и сказал:

– Когда кости горы будут сломаны, мы встанем в круг, а вас посадим в центр. Потом мы, как можно крепче возьмём, друг друга за плечи и соединим головы в центре. Может быть, тогда вам удастся выжить.

– А если нет?

– А если нет, то мы откопаем ваши тела и съедим их. Не пропадать же добру?

Глава 76. Сёстры, в ком!

Сато ехала верхом на ифрите с таким видом, будто для неё это самое простое дело. Справа от них шла злая и одновременно озадаченная тролльчиха. Слева шагал Стефан, из-за обилия, торчащего в разные стороны оружия, напоминающий ежа.

Как ей удалось приручить ифрита, так никто и не понял, но Стефан видел, что она, как-то раз, когда старшая тролльчиха отвернулась, воспользовалась моментом и вложила, что-то в отверстие во лбу ифрита, сделанное пулей. С тех пор он стал с ней кротким, как ягнёнок и послушным, как хорошо выдрессированный пёс. Но Стефан всё равно держал оружие наготове.

– Перестань теребить свои хлопушки – Иф нервничает! – сказала она с хитренькой улыбкой.

"Ну вот, теперь он ещё и Иф!" – подумал Стефан и с удивлением почувствовал в глубине души укол ревности.

– Можно подумать, он что-то понимает? – сказал он вслух.

– Представь себе – да! Он не дурак и прекрасно знает, что такое оружие, пусть оно у тебя и не такое, как у всех в этом мире.

Сато внимательно рассмотрела ружья Стефана ещё тогда, в галерее и пришла от них в восторг и в ужас одновременно.

– Это оружие отличается от того, которое я видела на зем-

ле, как взрослый мужик-головорез от мальчишки с деревянной сабелькой! – сказала она тогда. – Впрочем, люди всегда стремились довести орудия смерти до совершенства. Как я вижу, в огнестрельном деле им это удалось!

Ифрит действительно опасно косился на арсенал Стефана и глухо ворчал при этом. Видно не забыл пулю, выпущенную из подобного ствола, которая ударила его в лоб.

Стефан понял, что Сато права и повесил карабин на плечо. Всё равно, что он может сделать этому монстру с помощью пуль? Ещё один глаз добавить? Ифрит только лучше видеть станет, а потом перекусит Стефана пополам, как волкодав дикую кошку.

Сначала раздался треск, но не такой, какой бывает от ломающегося дерева, а с характерным каменным хрустом. Где-то вдалеке, но совершенно непонятно с какой стороны, послышался звук сыплющегося песка и камней, всё нарастающий, назойливым шорохом, пока он не стал почти оглушительным. Потом пришёл гул.

Он появился сразу со всех сторон, заслонив собой звуки ломающегося и осыпающегося камня, проникая в мозг и заставляя его биться мелкой дрожью о стенки черепа! Гора гудела и вздрагивала. Вдруг пол под ногами заходил ходуном и заизвивался, словно был сделан не из камня, а из кожи!

– Сёстры, в ком! В ком! – закричала главная тролльчиха, и её товарки на самом деле стали сбиваться в единый ком, вцепляясь друг другу в волосы и одежду, прижимаясь, как

можно плотнее.

– Кости горы ломаются! Да что же это?! – снова крикнула она, и в это время по полу галереи молнией пробежала трещина.

Разлом отделил Стефана, Сато и ифрита от сбившихся в кучу тролльчих и, стремительно расширяясь, вмиг превратился в глубокую пропасть.

– Демоница! Ведьма! Отдай! – вдруг завопила главная, протянув в сторону Сато руку со скрюченными пальцами.

Та одарила её лучезарной улыбкой, потом запустила руку в сумку и вытащила на свет голову Хаюка.

– Лови, троллия-мать! В расчёте!

С этими словами она швырнула голову через пропасть, и тролльчиха ловко поймала её, вцепившись обеими руками.

– А этого я забираю себе! – заявила Сато, хлопнула ифрита по крупу и, не обращая внимание, на злобный крик с другой стороны пропасти, коротко бросила Стефану:

– Садись!

Охотник колебался не дольше секунды, а потом запрыгнул на спину ифрита, который несколько не прогнулся под его весом.

– Иф, выноси нас отсюда! Стефан, держись!

Ифрит что-то гукнул и взял с места в галоп, делая длинные мощные прыжки от которых у Стефана всё заплясало перед глазами. Они скакали через залы, где с потолка падали камни размером с дом. Они перепрыгивали через пропа-

сти, края которых расходились на глазах, и лапы ифрита едва успевали зацепиться за противоположную кромку. Они неслись вдоль галерей, и стены сходились у них на глазах, грозя раздавить в лепёшку.

В одном таком месте Стефан разорвал куртку сразу на обоих плечах и это едва не сбросило его со спины ифрита, на которой он и так удерживался каким-то чудом. В другом месте, потолок, оказавшийся достаточно крепким, чтобы не разрушиться, стал целиком опускаться, кроша и сминая колонны, его поддерживающие. А когда они уже готовы были выскочить из этого помещения, им пришлось буквально лечь на спину ифрита, чтобы не разбить себе головы о декоративные выступы и крепления для светильников, которые торчали там в изобилии. Беглецам пришлось бросить факелы, чтобы освободить руки, но все три глаза ифрита светили в темноте так ярко, что всё было прекрасно видно.

Внезапно темнота кончилась. Твердь под ногами тоже. В глаза им ударил яркий свет и одновременно ифрит распластался в длинном прыжке, который перешёл в полёт, а затем в падение...

Перед их глазами мелькнули сначала голубые небеса с белыми барашками облаков, потом изумрудная зелень деревьев и наконец, их взгляды упёрлись в волнующуюся гладь озера, вдруг возникшего прямо перед ними.

– Ахшш-ф-ф! – произнесла или выдохнула Сато, но не успел Стефан спросить, что с ней такое, как они с оглуши-

тельным плюхом обрушились в воду!

И... не намокли! Стефан с удивлением увидел, как вода сомкнулась у них над головами, но оставалась при этом на расстоянии вытянутой руки. Сила притяжения по-прежнему, увлекала их вниз, но Сато сказала:

– Это ничего, скоро начнём подниматься! Только бы пузырь не лопнул до берега.

– Не беда если лопнет, – отозвался Стефан, – я хорошо плаваю, если что – вытащу нас обоих!

– Для тебя и меня не беда, а для него – смерть! – возразила Сато, указывая на притихшего ифрита.

Стефан совсем позабыл на ком сидит. Конечно, раз это существо имеет огненную природу, для него водная стихия смертельно опасна.

Но вот их движение замедлилось, потом прекратилось совсем и наконец, они стали подниматься, сначала медленно, потом всё быстрее. Стефану показалось, что они даже подпрыгнули над поверхностью воды, когда выскочили наружу.

– Ещё! Ещё! – кричала непонятно кому Сато. – Ближе! Ближе к берегу!

Они были уже совсем рядом, когда пузырь лопнул! В тот же миг ифрит, оказавшийся по колени в воде, взвыл дурным голосом и в один сумасшедший прыжок преодолел расстояние до той части берега, где было уже сухо. Не рассчитав, по-видимому, от боли, место приземления, он с размаху ударился грудью о группу больших серых валунов, живописно

расположенных в кружок на берегу, от чего его наездники покатались со спины кубарем. В тот же миг раздались вопли:

– Восьмой брат!

– Ифрит!

– Спасайтесь!

"Валуны" повскакали на ноги, на ходу превращаясь в троллей. В мановение ока они скрылись в ближайших кустах, оставив после себя ещё кого-то... И тут в наступившей тишине раздались одновременно четыре голоса:

– Ларни?!

– Стефан?!

– Кейни?!

– Сато?!

Глава 77. Ты звал меня

– Ну вот, теперь ей нужен только покой.

Голос говорящего слегка дрожал. Руфус знал, это от усталости вызванной многочасовым напряжением. Само по себе это обстоятельство было не менее удивительно, чем неожиданная помощь, полученная, когда положение казалось совершенно отчаянным.

– Я думал, ты всех излечиваешь наложением рук! – сказал Руфус, стараясь, чтобы в его голосе не было слышно лёгкого разочарования.

– Ну, я не всех вылечиваю, – улыбнулся Инци, – а только тех, кого действительно можно вылечить. Что же касается наложения рук, то – да, иногда это получается, но далеко не всегда. Когда требуется излечить недуг душевный, то это несложно, а вот чтобы срастить кости одним наложением рук не обойтись.

Руфус посмотрел на умело забинтованную и уложенную в лубок ногу Мары. Всё было сделано так, что ни одна из знахарок Междустенья не смогла бы лучше. Руфус в этом кое-что понимал, так-как с малолетства бегал к целительницам, чтобы помочь, посмотреть и поучиться. Сейчас девушка спала глубоким спокойным сном и даже улыбалась, а тогда...

Тогда Руфус опрометью бросился в чёрный проём люка, не думая о том, что может налететь на что-нибудь в темноте,

или под ним просто рухнет прогнившая лестница. Долго искать ему не пришлось. Практически сразу он увидел широко распахнутые и совершенно бессмысленные глаза Мары.

Девушка сидела на полу, привалившись плечом к бревенчатой стенке и неподвижно смотрела в пустоту. И тут его взгляд упал на её ногу, выгнутую под неестественным углом, с рваной раной на голени из которой торчала сломанная, словно палка, кость!..

Ноги Руфуса подкосились. Он уже видал такие травмы и знал одно – залечить их очень не просто, частенько, чтобы спасти человеку жизнь, пострадавшую конечность проще совсем отрезать...

– Эй, вы там живы? – раздался неожиданно голос сверху. – Подождите, я к вам сейчас спущусь!

Руфус, ошарашенный внезапно свалившейся бедой, поначалу даже не разглядел вошедшего. Отметил только его высокий рост и худобу. Узнавание пришло только, когда они вынесли несчастную Мару на поверхность. Точнее даже тогда Руфус не сразу понял, с кем имеет дело. Возможно, он просто не поверил своим глазам?

– Инци? – робко спросил мальчик, разглядев длинные волосы, небольшую бородку и странную одежду, пришедшего им на помощь человека. – Инци, это ты?

Тот поднял на него голубые глаза и произнёс с лёгкой улыбкой удивления:

– Я вижу, здесь меня знают, хоть и называют неправиль-

ным именем. Но, вот что – давай отложим все объяснения на потом, а сейчас перенесём эту бедняжку в уцелевший дом. Я видел здесь один неподалёку.

– Инци, спаси её! – крикнул Руфус, на которого вдруг накатила истерика.

– А я, что делаю? – искренне удивился тот к кому он взывал. – Я для того сюда и пришёл, когда услышал твой призыв.

– Но я никого не звал...

– Это тебе так кажется, – возразил Инци. – Ты меня зовёшь уже давно, а в последнее время так настойчиво, что я просто не мог не прийти. Ты кричал о помощи ещё до того, как случилась эта беда. Даже раньше, чем произошло несчастье с твоими старшими братом и сестрой... Впрочем, это долго объяснять, а сейчас времени нет. Теперь просто помоги мне!

Они перенесли Мару в дом, который и вправду был не разрушен, но выглядел так, будто к нему не прикасались полтора десятка лет. И началось лечение. Инци не отходил от постели больной, Руфус был на подхвате, но основные тяготы легли всё же на Инци.

– Теперь я могу с уверенностью сказать, что ногу отнимать не придётся – сказал он по истечении нескольких суток. (Руфус потерял счёт времени.)

– Она будет ходить? И не будет хромать?

Мальчик чувствовал себя дурачком, задавая такие вопросы, но сейчас ему было не до себя.

– Молись, чтобы было так и всё получится!

Руфус упал перед Инци на колени.

– Да не мне, глупыш! – засмеялся тот. – Создателю молись, Отцу всего сущего и только ему одному. Верь в него всей душой, и он поможет! Он всегда помогает тем, кто в него верит искренне. Впрочем, и остальным тоже, просто люди часто не видят этой помощи, считают её чем-то обычным, очевидным.

– Как же это?

– Очень просто – твоя подруга могла бы сломать себе шею, но расплатой за неосторожность была лишь нога. Это ли не божья помощь?

– Ну-у...

– Вот тебе и ну-у! Ты думаешь, что могло произойти и так, и этак, и всё случилось само собой? Нет, Руфус, это рука Провидения. Выбор у этой девушки, конечно, тоже был, но она его сделала, когда наступила на гнилые доски. А вот, когда летела вниз, выбора уже не было, тогда всё решала Воля Божья!

– Но ведь тогда можно было сделать так, что она вообще не пострадает или просто слегка стукнется. Зачем же было ей ноги ломать? Мара не такая уж грешница...

– Не суди того, что решило Провидение! Ей был дан урок необходимый для жизни, и теперь её жизнь зависит от того, насколько хорошо она его усвоит.

– Тогда зачем же мы её лечим? Если уж провидение так

решило...

– Мы с тобой, тоже часть этого решения. И мы обязаны приложить все усилия для её спасения. В таких делах надо идти до конца и не искушать Судьбу, потому что здесь уже вступает в силу наш выбор, а он не менее важен, чем её, когда она вступила на зыбкий путь. Только вот это был лишь её путь, а теперь мы идём по одному пути все втроём и отвечаем друг за друга.

– Всё так запутано, но, кажется, я понял!

– Вот и славно! Через полчаса наша подопечная проснётся. Будь добр, накорми её, а я пока отдохну в соседней комнате. Если что – разбудишь.

Инци ушёл, оставив Руфуса дежурить возле спящей Мары. Она просыпалась и раньше, чтобы поесть, но при этом оставалась такая сонная, что едва узнавала Руфуса. Инци объяснил, что специально поддерживает её в таком состоянии, иначе она может умереть от боли. Но вскоре это состояние должно пройти и боль уже не будет такой сильной.

– Привет!

Знакомый девичий голос вывел его из задумчивости.

– А что случилось?

Руфус хотел что-то ответить и не смог. Слова вдруг застряли комом, где-то в горле и теперь он не мог не только говорить, но и дышать. Увидев такую его реакцию, девушка нахмурилась и огляделась. Взгляд её упал на её собственную ногу, зажатую в лубке. Мара ахнула и попыталась вскочить,

но Руфус вовремя опомнился и не дал ей этого сделать.

– Я попала, да? – грустно спросила Мара и в глазах её блеснули слёзы.

– Ничего, ничего, всё образуется, – говорил обретший голос Руфус, – нога твоя заживёт, боль уйдёт, и ты даже хромать не станешь, это я тебе обещаю!

Мара улыбнулась сквозь слёзы.

– Малыш! Ты принёс меня сюда, ты лечил меня, заботился обо мне! Спасибо тебе!

– Не меня благодари, а Инци, это он о тебе заботился! – сказал Руфус совершенно серьёзно.

– О, да, конечно! – ответила девушка уже со смехом. – Когда встречу его, то поблагодарю обязательно!

– Встретишь, когда он выспится! – ответил на это Руфус.

Мара поглядела на него слегка озадаченно. Она уже привыкла к метафорам своего юного друга, но сейчас он выглядел так торжественно! Прямо сиял.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, перестав смеяться.

– То, что он спит в соседней комнате. Это он тебя лечил, я только помогал, чем мог, без него я бы не справился.

Мара посмотрела на Руфуса с тем выражением, с каким смотрят на сумасшедших, когда не знают что от них ожидать.

– Вы скоро познакомитесь, – продолжал Руфус, понимая, что она ему не верит. – Я просто не хочу его будить, он ведь почти не спал всё это время.

– Руф, ты хорошо себя чувствуешь?

Руфус едва не вспыхнул, но сдержался.

– Давай поедим, – сказал он, желая сменить тему, – я тут кое-что приготовил...

– Руф, в соседней комнате правда кто-то есть?

– Ну да! Я же говорю тебе, там Инци, но он сейчас спит...

– Ты что, встретил человека, которого зовут так же, как твоего бога, или он похож на его изображение?

Руфусу захотелось наорать на неё и даже ударить, но вместо этого он терпеливо сказал:

– Тот, кто действительно верит в Бога и принимает учение Инци, тот никогда не ошибётся при встрече с ним самим. Инци объяснил, что шёл в Торговый город, но услышал мой призыв о помощи и сделал крюк, чтобы зайти сюда. Правда он говорит, что слышал этот призыв задолго до того, как с тобой случилось несчастье... Я не совсем понимаю, как это может быть, но знаю, что ему доступно многое и не удивляюсь, что он мог услышать слова, которые ещё не были произнесены. Прими пока что, хотя бы то, что ты жива, твоя нога останется при тебе, несмотря на то, что рана была ужасной. Скажи, тебе сейчас очень больно?

– Нет, если не двигать, то совсем не болит, но жуть, как чешется!

– Вот видишь! Без Инци ты бы с ума сошла от боли и вообще могла её не выдержать. Я не знаю, что он сделал, но похоже... взял эту боль на себя!

– Но ведь он же умер! Ты сам рассказывал, что его убили!..

– А ещё я рассказывал, что он воскрес из мёртвых и вернулся к людям. Знаешь, что? У меня такое впечатление, что его убивали не один раз, но он всё равно любит людей и каждый раз возвращается, чтобы учить тех, кто способен понимать. И чтобы помогать тем, кто нуждается в помощи!

Последние слова Руфус почти выкрикнул и на его глазах выступили непрошеные, странные и даже злые слёзы.

– Что ж, если это так, если тебе всё это не приснилось, то я хотела бы с ним поскорее познакомиться.

– Ну, так будем знакомы, дитя! – сказал Инци, входя в комнату. – Я знаю, что зовут тебя Мара, и ты получила это имя в честь матери этого мальчика. Кстати, Руфус, я ведь так и не нашёл времени передать тебе привет от родителей. Я встретил их по ту сторону каньона, в таком же мёртвом городе, как и этот. А ещё у меня есть новости о твоих брате и сестре, правда они не утешительные, хоть и не совсем плохие. Мара, ты можешь называть меня "Инци", как Руфус, и многие другие, кого я встретил недавно. Это имя неправильное, но я к нему уже привык.

– Инци, но ты же так мало поспал! Мы тебя разбудили? – воскликнул Руфус.

– Ничего, ничего! Не важно, сколько спишь – важно, как спишь. Я спал недолго, но хорошо. К тому же, беседа с хорошими людьми с успехом заменяет отдых. Вы всё ещё не пообедали? Я бы тоже съел чего-нибудь. Руф, у тебя там, ка-

жется, что-то булькало в котелке?

Руфус со всех ног бросился на кухню, в которой по счастью была работающая дровяная плита. Мара так и сидела всё это время с открытым ртом, хлопая глазами и внутренне спрашивая себя – не спит ли она?

Между тем, Инци, который совсем не походил на надменное, возвышающееся над всеми божество, запросто принялся освобождать обеденный стол от разложенных на нём вещей, чтобы поставить тарелки.

Глава 78. Я люблю тебя

Они сидели в стороне от всех, обнявшись, нет вцепившись друг в друга. Ларни прижалась к Стефану всем телом, но этого ей показалось мало, и она стиснула в своих маленьких кулачках его одежду, будто боялась, что её вот-вот начнут от него отрывать. Стефан и сам едва сдерживался, чтобы не обнять её покрепче, но руки сами собой сжимались в кольцо, грозящее переломать девушке кости.

Их объяснение было кратким. Они не бросились друг к другу на шею, а приблизились медленно, будто боялись, что порывистое движение может спугнуть или развеять кого-то из них. Остановившись на расстоянии вытянутой руки, они замерли, и некоторое время смотрели друг на друга, не улыбаясь и не отводя взгляд.

– Кто это с тобой? – первой спросила Ларни, глядя на Стефана снизу вверх.

Стефан никогда не умел врать, и сейчас делать этого не собирался, а потому он ответил прямо:

– Это Сато, дочь Князя Тьмы, местного владыки, и моя любовница, а это, ифрит – полутроль, полудемон или что-то в этом роде. А с тобой кто?

– Это Кейни, дочь главы племени лепреконов и моя любовница, а это – тролли, известные, как семь братьев. Они любовники Кейни и хозяйева вот этой горы, которая только

что рухнула.

– Так значит, это ты вторая герла семи братьев о которой все говорят?

– Да, это я.

– Я люблю тебя, – сказал Стефан ровным голосом, словно это было естественным продолжением разговора.

– Я люблю тебя, – словно эхо ответила Ларни.

Вот тогда-то они и вцепились друг в друга. И тогда Госпожа Судьба взмахнула своим звёздным клинком, отсекая прошлое от настоящего. Мир вокруг перестал существовать для этих двоих. Они не видели, как Кейни бросилась на шею Сато, как ифрит и тролли долго рычали друг на друга, а собаки всё бегали кругами, перебегая от одной группы к другой, словно проверяли порядок в стаде.

Ларни и Стефан ничего не говорили друг другу, они вообще ничего не говорили. Просто сидели, тесно прижавшись, наслаждаясь одной лишь близостью любимого человека, без которого сама жизнь, не жизнь, а лишь тень жизни.

Так их застала ночь. А когда небо покрылось мириадами любопытных сверкающих глаз, а с озера подул свежий, прохладный ветерок, от леса отделились две тени и бесшумно подошли к парочке, уже спавшей крепким сном.

– Надо же, – тихо сказала Кейни. – Ты говорила, он так крут, но он даже не сделал её своей женой сегодня!

– Всему своё время, – так же тихо отозвалась Сато. – Я вижу, здесь поработала моя любимая тётка, а она не терпит

торопливости, хоть сама бывает очень быстра.

– Это ты о ком?

– О Любви конечно. У Создателя ведь есть не только сыновья, но и дочери. Их имена известны всем: о Любви я уже сказала, а есть ещё Надежда, Вера, Верность, Счастье, Справедливость, Удача, Красота и многие другие. Их много и они все разные. Кто-то любит людей, кто-то не очень. Кто-то служит Добру, кто-то ухитряется дать себя использовать Злу. Но Любовь из них, пожалуй, самая милая. Она посещает всех людей, хоть раз в жизни. Правда не все узнают её, но это не относится к нашим друзьям. Они-то её давно узнали, вот только признались в этом только сейчас.

С этими словами Сато сняла с себя широкий плащ и укрыла им спящих влюблённых.

– Давай не будем им мешать, – сказала она, беря подружку под локоть и отводя её в сторону. – Скажи мне лучше, ты сохранила семя Аллеоля?

– Да! – ответила Кейни с гордостью. – Оно здесь и оно живо, всё до последней капли.

При этом она положила руку себе на низ живота.

– А сколько там тролльчат?

– Ну-у... Тоже прилично. Братья, знаешь ли, постарались. Ты хочешь, чтобы я избавилась от них?

– Нет, но нам придётся основательно поработать, чтобы изменить агрессивные свойства их племени во благо будущим поколениям. Ну что ж, всё в порядке. Аллеоль погиб не

зря и теперь он возродиться в своих детях, а в соединении со способностями троллей, новый народ будет поистине могуч.

– Даже представить трудно. Лепреконо-эльфо-тролли? Не терпится их увидеть! А у тебя как дела?

– Всё в порядке. Я собрала дары лучших из лучших за многие поколения людей, предпочитая отмеченных Божьей искрой – разумом, а этот юноша дал мне неожиданную добавку, о которой я долгое время не думала – силу и благородство. Мы создадим два великих народа! И когда они сольются в единое целое, произволу демонов придёт конец! Два-три поколения и войско будет готово.

– А что, ты ему ничего не скажешь? – Кейни показала на Стефана. – Всё-таки там будут его дети.

– Да, и его тоже будут. Между прочим, он был лучшим... Только ему об этом знать не следует. У этой пары родятся свои дети, которые будут по-своему хороши.

– Но не так хороши, как рождённые тобой. Ведь ты ангельской крови!

– Она тоже.

– Как?!

– Ты глазки видела? Папочкины. Но это не сестра, иначе я бы почувствовала. Скорее племянница, какая-нибудь правнучатая. А может это вообще не папа постарался.

– А кто же?

– Кто знает, кто знает? Пути Создателя неисповедимы. Как объяснить, что мне достались такие же глаза, как у дяди

Эм, а папины оказались у этой крохи?

– Значит, среди людей тоже есть ваши ветви?

– Есть и всегда были.

– Это хорошо или плохо?

– Ты же знаешь, что на самом деле этих понятий не существует. Всё в человеческих головах. Как она тебе? Я про Ларни.

– Прелесть! Нежная, милая, но сильная и с огоньком. Ну, прямо – пикси!

– Вот и славно! Буду знать, что лучший из моих консортов в хороших руках. А теперь нам пора исчезнуть!

И они исчезли, растворились в лесных тенях, смешались с лиловым туманом, наползающим с озера. Исчезли, как будто их и не было...

А на утро, когда Стефан проснулся и высунул голову из-под невероятно тёплого и уютного плаща, который невесть откуда взялся, (Ларни ещё спала), первое, что он увидел, был мраморный пюпитр в виде колонны, метра полтора высотой, на котором лежала мраморная книга. Юноша подошёл к этой книге, раскрытой посередине и с удивлением прочёл следующее:

"Дорогой Стефан! Прости, что не попрощалась с тобой лично, но мне кажется, так будет лучше. Мы с Кейни должны удалиться, чтобы сделать одно очень важное для нас дело. Не буду скрывать, скорее всего, мы больше не увидимся, но ты не беспокойся, Кейни мне скучать не даст, к тому же, как она

говорит, её тролли такие забавники! (Ну, ты понимаешь, о чём я.) Конечно, жаль с тобой вот так расставаться, но ведь я оставляю тебя с твоей любимой, так что всё в порядке. Кстати, хочу ещё раз предупредить – будь с ней нежен, ласков и осторожен, ведь сейчас ты нечеловечески силён! Но всё же помни – каждый раз, когда вы решите отложить свою близость на потом, это будет драгоценность потерянная навсегда, и никто не знает, когда это может случиться в последний раз. Оставляю вам собак, они без проблем доведут вас до выхода, как бы далёк он не был. А вот ифрита забираю. Конечно, он мог бы мигом вас домчать куда надо, но он существо опасное, так что лучше держать его при себе. Ангелов Ада не бойтесь, они вас больше не беспокоят. Я тут выяснила, что они действовали без папиного ведома, и охотились именно на меня. Ларни они преследовали потому, что мы с ней пахнем одинаково. То есть для демонов одинаково, ведь мы и в самом деле родственницы. Вот и всё. Прощай, береги своего бесёнка, не забывай меня, а я уж точно тебя никогда не забуду!

P.S.

Передай Ларни привет от Кейни. Не удивляйся, если она не сразу вспомнит кто это. Будьте счастливы.

Сато."

.....
Стефан перевёл взгляд на Ларни и увидел, что девушка проснулась и немного запуталась в широченном плаще.

– Тебе просили передать привет от Кейни, – Сказал Стефан, помогая Ларни вылезти из под многочисленных складок ткани.

– А кто это? – нахмурила лоб Ларни. – Ах, да!..

Стефан оглянулся на пюпитр с книгой... Никакого пюпитра не было. Там, где он только что стоял, качали головками несколько бело-жёлтых ромашек.

Глава 79. Старые друзья

Увы, на плаву машина оказалась гораздо хуже, чем на суше. Переплыть небольшое водное препятствие, одно дело, но использовать её, как корабль, да ещё идти вверх по реке, против течения, это оказалось непосильным испытанием для древней техники.

К чести автомобиля надо сказать, что он не сломался, но в короткий срок израсходовал вдесятеро больше горючего, чем, если бы продолжал движение посуху. Маранта поняла, что до Междустенья они не дотянут. Не идти же на шестах, используя тяжеленный бронеавтомобиль, как плот?

Бросать машину в реке или в лесу было жаль, но тут на счастье им подвернулся остров, (река в этом месте была вчетверо шире, чем дома), заросший кустарником и невысокими деревьями.

Загнав свою крепость на колёсах в эти заросли так, чтобы её не было видно со стороны, путешественники тщательно закрыли все двери и переправились на нужный им берег вплавь, чтобы дойти вдоль реки до дома пешком.

Маранта надеялась когда-нибудь вернуться сюда с баками заполненными самогоном, чтобы привести-таки механического монстра в Междустенья. Михал не возражал, хотя никак не мог взять в толк, зачем ей это нужно?

Остаток пути прошёл легко, насколько легко, может быть

путь, проходящий через девственный лес. Но для опытного охотника и закалённой воительницы, такие испытания были нипочём. Дни складывались в недели, недели в месяцы, а незнакомые места незаметно сменились знакомыми, и наконец, настал тот день, когда взорам супругов предстали до боли родные деревянные мостки, еле различимые в камышах над берегом.

Маранта улыбнулась, вспомнив, как много лет назад подходила к этим самым мосткам, только с другой стороны, неся в утробе, готовую появиться на свет Ларни. Она не очень удивилась, почувствовав, как сейчас у неё под сердцем толкнулось её новое, безымянное ещё дитя. История повторяется и в человеческой жизни вполне может случиться ряд подобных друг другу событий.

Стоп. Воительница вдруг встала, как вкопанная и поправила на поясе свою неизменную скьявону, а другой рукой расстегнула сумку, где лежали пистолеты Лоргина.

– Ты чего? – спросил её Михал и, не дожидаясь ответа, тут же оглянулся вокруг, но не увидел ничего необычного.

– Так, на всякий случай, – неопределённо проговорила Маранта. – Просто вспомнила того монстра, который напал тогда на нас со Стефаном.

Михал снял с плеча лук и достал из колчана стрелу с наконечником, рассчитанным на медведя.

– Ладно, – коротко ответил он, демонстрируя свою готовность к сюрпризам.

Сюрприз ожидал их буквально за поворотом, но он очевидно не предполагал надобность в оружии. На той поляне, где Маранта, когда-то не на жизнь, а на смерть схлестнулась с монстром, стояли палатки, а между ними мирно расхаживали незнакомые мужчины и женщины, х-мм... поголовно вооружённые.

– Мара?!

Маранта оглянулась. Её окликнул плешивый, бородатый старик, толстый, как пивная бочка и почему-то странно знакомый...

– Порфирий!

Маранта бросилась к нему на шею, будто была не почтенной дамой, а порывистой девчонкой.

– Какими судьбами? – спросила она, когда взаимные объятия, похлопывания по спине и слёзы радости от счастливой встречи, немного пошли на убыль.

– Да вот решил заглянуть к тебе в гости на старости лет, раз сама не заходишь, а заодно передать привет от сынка твоего!

– От какого сынка? От... от...

– От Руфуса, других не знаю.

– Но... разве он не дома?

– Пойдём, сядем за стол и я всё тебе расскажу, но сначала познакомь меня вот с тем молодцом, который скромно стоит в сторонке и сверлит меня очень ревнивым взглядом.

Он указал на Михала, который и впрямь от необычности

ситуации чувствовал себя не в своей тарелке. Через некоторое время они сидели в просторной палатке Порфирия, так и не дойдя до своего дома. К их компании присоединился священник, странно постаревший и осунувшийся за время их не такого уж долгого отсутствия. Сейчас он с виноватым видом изучал дно своего стакана, в котором плескалась местная ягодная настойка.

– Я боюсь и волнуюсь за всех своих детей, – потерянными голосом говорила Маранта, – но... Михал – молодой медведь, способный постоять за себя, Ларни – оса, которая и в Аду задаст жару демонам, но Руфус... Он же такой... беззащитный!

Она уронила голову на руки, и Михал с удивлением понял, что его стальная, упругая, как боевая пружина, женщина – плачет!

– Мара, не убивайся ты так! – говорил Порфирий, приобняв её за плечи. – Во-первых, не такой уж он у тебя тихоня, как ты о нём думаешь. Это надо же, и от Панкратия ушёл, и от меня!

– От кого ты говоришь он ушёл? – не поняла его слов Маранта. – От какого Панкратия?

– Да от него вот! – Порфирий ткнул пальцем в сторону священника. – Ты думаешь это кто перед тобой? Сам Микаэль-Панкратий – король воров и контрабандистов Торгового города. Он там был тем, чем в своё время был Золас в королевстве Лоргина! Только вот работал он по-другому – без

стрельбы и поножовщины. Вообще старался обходиться без кровопролития, если только речь не шла о стукачах. Их он ненавидел, и все кого удавалось выявить, исчезали бесследно. Сам Золас его уважал, а он уважал Золаса, тогда ещё совсем молодого бандита.

– Между прочим, не за то, что он бандит, а за способности великолепного взломщика и за совесть, – ворчливо вставил священник.

– Так вот, – продолжил Порфирий, – твой парень ухитрился обвести вокруг пальца того, кто в течении многих лет дурил головы полиции и страже двух государств. А потом Руфус так же легко ушёл от меня – дурака старого, а ведь я, как-никак глава Форта Альмери, который считается самой неприступной из всех известных крепостей!

– Это, во-первых, а что же во-вторых? – вмешался в разговор Михал.

– А во-вторых, он ушёл не один. С ним отчалила дочка моя приёмная. Твоя, Мара, тёзка! То, что я ей уши оборву, когда встречу, это разговор отдельный. Я хочу сказать, что деваха она – ядрёная, с головой, да с руками. Не чета тебе, конечно, но – отличная лучница. Её сама Диана за это отметила. Так, что не пропадёт твой парень, когда с ним такая спутница!

– А в-третьих, – вдруг грохнул кулаком по столу, захмелевший из-за отсутствия долгой практики священник, – с ними тот, кто стоит всех спутников и лучников в мире – с

ними сам Инци! В это я свято верю и на это надеюсь, прежде всего!

И он ещё раз для убедительности припечатал кулаком по столу.

– Эге, приятель, я вижу, тебе хватит! – заметил Порфирий. – А ведь он прав. Если этот самый Инци и может проявить заботу о тех, кто принял его учение, то сейчас это в самый раз бы сделать стоило. А теперь, Мара, давай подумаем, как помочь двум твоим старшим детям, которые, как я слышал, потерялись, где-то под землёй.

– А что тут думать? В Аду они, – мрачно сказал на это Михал.

– Да с чего ты взял? – нахмурился Порфирий, а взгляд священника вдруг перестал мутнеть из-за хмельного перебора.

– Инци сказал, – ответила за него Маранта. – Мы встретили его в Мёртвом городе по ту сторону каньона. Это он открыл, врата Ада в, которые прыгнула Ларни, чтобы спасти Стефана. Он тоже призывал не терять надежды, набраться терпения и обещал помочь.

Над столом повисло молчание. Порфирий и, вмиг протрезвевший, священник переглянулись. Маранта явно не шутила. Да и не стала бы она шутить по такому поводу, а сейчас ей, конечно, вообще было не до шуток.

– Рассказывай! – выдохнул, наконец, Порфирий, а, потерявший дар речи, священник кивнул.

Глава 80. Любимая тётка Сато

Дистанция. Они шли на расстоянии вытянутой руки друг от друга, не приближаясь и не удаляясь ни на шаг. Оба были молчаливы и задумчивы. Оба внутренне рвались друг к другу, но... сохраняли дистанцию. Проклятую дистанцию!

После их взаимного объяснения в любви, после целомудренной брачной ночи, проведённой под плащом Сато, вдруг возникла эта самая дистанция, которую они оба соблюдали не сговариваясь. Возникла она сама собой, ниоткуда, но почему-то при этом потребовала себя соблюдать, будто она, а не они, здесь главная.

"Это от того, что я был с другой женщиной, – думал Стефан. – Теперь Ларни никогда не простит меня, а если и простит, то всё равно не будет моей. Так и будет отводить взгляд при встрече и грустно смотреть в сторону".

"Всё из-за моей связи с Кейни, – думала Ларни. – Конечно из-за этого. Он меня презирает, считает ненормальной извращенкой, недостойной, чтобы быть ему даже сестрой, не говоря уж... То, что было, теперь никогда не вернётся. Что же мне делать? Если всё так оборачивается, то лучше бы я досталась троллям или демонам!"

Иногда между ними шли собаки, и тогда становилось легче. Но когда собаки уходили, дистанция чувствовалась острее, словно это была каменная стена, усеянная отравленными

ми шипами.

На привалах продолжалось то же самое – они сидели по разные стороны костра и молчали. И упорно отказывались замечать, что каждый из них только, и занят тем, что ищет повод сделать, что-нибудь для другого. Ларни старалась выловить из булькающего котелка самые лучшие куски для Стефана. Он в ответ укрывал её, когда она засыпала, плащом Сато, которого хватило бы на четверых, хоть его демоническая подруга вовсе не была крупной женщиной.

Когда они вошли в лес, Ларни сдержала своё давнее обещание и тяжелые сапоги-башмаки, которые она надела ещё в Мёртвом городе, украсили первую же ёлку. Правда пока она с наслаждением погружала свои, сбитые жёсткой обувью, ноги в мягкий и влажный лесной мох, Стефан украдкой снял эти башмаки с ёлки и сунул себе в мешок.

Так прошло два долгих, мучительных дня и две долгие, мучительные ночи. Оба извели себя до крайности и уже совсем не разговаривали, находясь на грани срыва, готового вылиться в большую беду. Их несчастью помог случай – неожиданный помощник всех запутавшихся.

Местная порода кабанов, хоть и не дышала огнём, но отличалась редкой свирепостью и скандальным характером хрюков. К тому же они были вдвое крупнее тех, что водились в лесах, окружающих Междустенье. Вот такая зверюга, с клыками размером с человеческую руку, вылетела прямоком на пару угрюмых, злых на себя и на весь мир, влюблён-

НЫХ.

Ларни и Стефан, занятые лишь своими невесёлыми мыслями, едва успели отскочить в разные стороны, когда расвирепевшая гора жира и мяса, с бивнями наголо, пролетела между ними. Секач пробежал пару десятков шагов, сообразил, что промазал, развернулся и бросился в атаку снова. Но тут его уже ждали.

Залп из двух ружей ахнул, как один удар! Выстрел из дробовика Стефана разворотил кабану бок, пуля из винтовки, которую выпустила Ларни, врезалась в круп вепря. Поразительно, но картечь, сделавшая в сале глубокую яму, так и не достала до жизненно важных органов, а пулю в заднице он вообще не заметил.

И тут кабан принялся метаться, нанося резкие, мощные удары клыками вслепую! Один из таких ударов смёл, неведь откуда взявшегося Монсеньора, бросившегося людям на вырубку, другой пришёлся в грудь Стефана, и охотника спасло только то, что удар этот был нанесён плашмя, а не остриём страшного бивня.

Тем не менее, Стефан отлетел словно мяч, который наподдали битой, и приземлился плашмя на спину через дюжину шагов от места схватки. Падение и сам удар оглушили его настолько, что он потерял сознание и лежал неподвижно. Вепрь повернул к нему своё хищное рыло, отчаянно завизжал, и хотел было снова броситься на неподвижного человека, но в это время Ларни стала садить ему в бок пулю за пу-

лей из карабина, который наконец-то смог пробить *сальную* броню могучего животного.

Правда эффект от этого был не тот, что хотелось бы – кабан не упал и не сбежал в лес, а развернулся на девяносто градусов и бросился на девушку!

Ларни даже не поняла, что её сшибло с ног, но она вдруг оказалась лежащей на спине, её обдало волной звериного запаха, а перед глазами пронеслось видение из клыков, щетины и копыт, чудом её не задевших! Вепрь вдруг завертелся волчком и заверещал пронзительным, истошным голосом! Ларни приподнялась и увидела, что на загривке зверя висит Мадемуазель, вцепившаяся ему в холку зубами.

Девушка вскочила и перезарядила винтовку, но вепрь не стоял на месте, а она всё боялась попасть в собаку и медлила с выстрелом. Вдруг жуткая зверюга, словно обо что-то споткнулась и завалилась на бок. Из-под лопатки вепря торчала рукоять эльфийского меча. В следующее мгновение Стефан подбежал к Ларни и быстро ощупал её с головы до ног.

– Цела?! Не ранена?! – спросил он прерывающимся от волнения голосом.

– Н-нет, вроде! – неуверенно ответила Ларни и тут же оказалась стиснутой в медвежьих объятьях, от которых внутри неё даже что-то хрустнуло и отдалось болью.

Но какая сладкая была эта боль! Стефан, словно безумный покрывал поцелуями её лицо, шею, руки, и девушка вдруг почувствовала, что её сознание куда-то уплывает...

Наверное, в страну блаженства!

Вечером они опять сидели у костра, на сей раз под одним плащом, а над огнём аппетитно шкворчал кабаньей окорок.

– Я думал, ты мне не простишь того, что у нас было с Са-то, – говорил Стефан, всё ещё косясь на девушку с опаской.

– Я? Я не прощу тебя? Вот глупый! Да я бесконечно благодарна ей за то, что она берегла и хранила тебя всё это время. А, что до всего остального... Хм-м, вроде в тебе ничего такого не изменилось. Кажется, всё на месте и даже стало лучше с тех пор, как я видела тебя в последний раз. Вот если бы чего-то не хватало, тогда другое дело! Тогда я, возможно, потребовала бы возместить убытки. А так... мне жаль, что наше знакомство с этой девушкой было таким коротким. Мне бы хотелось сойтись с ней поближе, обсудить многое, что касается нас, женщин, ну и тебя тоже. Ведь она знает тебя с такой стороны, с которой я ещё совершенно не знаю. Не думай только, что я совсем не ревнива! Конечно я вне себя от того, что ты завёл себе подружку без моего ведома. Вот что! В наказание за то, что ты сделал, расскажешь мне, как у вас всё это было. С подробностями!

Стефан от такого требования покраснел до корней волос и долго отнекивался, но Ларни переубедить было невозможно и он, в конце концов, сдался.

Сначала его рассказ был нестройным и сбивчивым, но через некоторое время он успокоился и даже вошёл во вкус, отдаваясь воспоминаниям о недавнем времени. К тому же Лар-

ни постоянно переспрашивала его о чём-то, уточняла и всё требовала подробностей, будто такие разговоры были для неё делом привычным и вполне нормальным.

Стефан вдруг обнаружил, что ему самому интересно всё это с ней обсуждать, а от давешнего стеснения уже мало что осталось. Наконец, он дошёл до последнего послания, оставленного ему Сато в мраморной книге, на мраморном пюпитре, тогда на берегу озера, возле оседающей горы.

Когда он закончил, Ларни надолго замолчала, обдумывая всё услышанное. Стефан некоторое время ждал продолжения её расспросов, а потом решил пошутить.

– А теперь, – сказал он, – раз я был с тобой так откровенен, ты тоже расскажи о том, что у вас было с этой девушкой – Кейни и... с троллями?

Ларни шутки не приняла. Она искоса поглядела не него снизу вверх, улыбнулась странной улыбкой и кивнула.

Её рассказ сначала шокировал Стефана больше чем повествование о его собственных приключениях. Ларни, похоже, сама забыла, где она и с кем, и предавалась воспоминаниям мечтательно, изысканно, без тени стыда, уделяя должное внимание подробностям.

Слушая о вещах и событиях, которые люди зашоренные тупым представлением о "незыблемых" моральных устоях, как правило, стараются скрыть, Стефан вдруг понял, что не ощущает ни капли ревности, не осуждает подругу, а испытывает перед ней, какое-то странное восхищение! Узнай он

сейчас, что она была любовницей троллей, он принял бы и это, а его любовь к Ларни не претерпела бы никаких изменений. Новость о том, что девушка так и не стала на самом деле "второй герлой семи братьев", не наполнила его дополнительной радостью. Он как-то пропустил это сообщение мимо ушей. Стефан поймал себя на том, что испытывает лишь нежность после рассказа Ларни и только крепче прижал её к себе.

Когда Ларни закончила, Стефан не сразу это понял, а поняв, немного растерялся. Он почувствовал, что возбуждён до крайности, но что ему следовало делать дальше, не понимал, так-как не всё ещё между ними было выяснено.

– Ну что, теперь может, поедим? – спросил он неуверенно.

– После, – сказала Ларни, глядя ему в глаза с выражением, живо напомнившим Сато.

– После?

Руки девушки легли ему на плечи, а сама она переместилась к любимому на колени. Стефан понял, но поверить всё ещё не мог. Это было совсем иное, чем то, что происходило между ним и Сато. Это было...

– Помнишь, – прошептали девичьи губы в самое его ухо, – что написала тебе эта умница, твоя подружка в прощальном послании? Я всё запомнила! "Каждый раз, когда вы решите отложить свою близость на потом, это будет драгоценность, потерянная навсегда, и никто не знает, когда это может случиться в последний раз!" Так вот – я не хочу терять ни од-

ного раза!

Недалеко от их костра, уютно мерцающего в темноте, на поляне, где недавно произошла смертельная схватка с диким кабаном, две огромные чёрные собаки наслаждались его сочной, хорошо откормленной плотью. Окружающий мрак совершенно не смущал их, ведь превосходный нюх и слух могли рассказать им больше чем глаза, даже если бы сейчас был день и светило солнце.

Вдруг со стороны костра раздался короткий девичий вскрик. Собаки оторвались от своей трапезы и повернули острые морды в сторону, где расположились на ночлег люди. Если бы в этом крике был страх, тревога или призыв на помощь, они бы уже летели на выручку, готовые к новой драке. Но в нём была боль и... торжество! Собаки втянули в себя воздух, и букет всевозможных запахов рассказал им всё, что происходило у людей, отданных под их временную опеку.

Монсеньор и Мадемуазель переглянулись и, не найдя в действиях своих подопечных ничего для них опасного, вернулись к еде.

Глава 81. Прощайте не навсегда

– Что ж, дети мои, здесь я вас оставлю!

Инци остановился перед коваными воротами, достойными стоять при въезде в большой город. Тем не менее, они стояли при входе в поселение, только обещавшее стать городом, и возникшее на месте старого разбойничьего лагеря Золаса. Тем не менее, его жители гордо именовали это место Золас-градом.

– Может, всё-таки зайдёшь вместе с нами? – спросил Руфус с робкой надеждой.

– Нет, нет! Я и так уже задержался дольше чем хотел, но не жалею об этом. Однако мне пора – Торговый город отчаянно нуждается в помощи. То, что там происходит, чревато большими бедами, как всегда случается, когда людская алчность переходит допустимые границы. Впрочем, дело там не только в алчности... Но я вас задерживаю, друзья мои! Идите, а я продолжу свой путь. Больше не хочу терять ни минуты!

– Инци, спасибо тебе! – сказала Мара. – Спасибо за всё. И за то, что спас меня, и за то, что был всё это время с нами. Дни, проведённые вместе, были самыми лучшими, что случались в нашей жизни!

– Бог вас благослови, дети мои! Когда я общаюсь с чистыми душами, то отдыхаю лучше, чем, если бы предавался неге в самых роскошных покоех!

– Инци! – сделал последнюю попытку Руфус. – Неужели здесь никто не нуждается в твоём слове? Ведь это место не хуже других...

– Правильно, Руфус, не хуже, – ответил Инци. – Поэтому я думаю, здесь ты и сам справишься. Я же должен быть там, где хуже всего. Именно там я больше всего нужен, там мне и быть. Прощайте!.. Но не навсегда!

С этими словами Инци повернулся к ним спиной и пошёл обратно по дороге, которая привела их сюда. Мара и Руфус стояли и смотрели ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за поворотом, но и тогда они ещё долго не двигались с места и всё смотрели на пустую дорогу. Наконец, Руфус тяжело вздохнул и повернулся к своей подруге.

– Ты хоть знаешь, где искать свою маму? – спросил он.

– Нет, но мне кажется, я её узнаю, когда увижу.

– Нда. Сколько ты говоришь, тебе было лет, когда вы растались?

– Четыре.

– Отлично. Тогда, прежде чем начать поиски, нам надо позаботиться о еде и ночлеге.

– Ну, за этим дело не станет! – весело сказала Мара. – На вот, посмотри.

И она дала ему небольшой мешочек, туго набитый чем-то тяжёлым. Руфус развязал тесёмки и высыпал на ладонь несколько желтых, блестящих кругляшей со странными картинками на обеих сторонах.

– Что это? – спросил он, недоверчиво рассматривая один из этих дисков, на одной стороне которого было изображение бородатого мужика в странной шляпе, а на другой рельефная цифра десять в окружении веток и листьев, какого-то растения.

– Что это такое? – снова спросил Руфус, потому что Мара не ответила, слегка потрясённая его незнанием.

– Как, что? Деньги! – наконец очнулась она. – Ты, что, никогда их не видел?

– Нет, не видел, – честно признался Руфус. – Только в книгах читал. А откуда они у тебя?

– У Порфирия стащила! У него таких несколько сундуков, я взяла совсем немного.

– М-м, грех воровства! Плохо, плохо! Но всё же можно отомстить и искупить. А как ими пользоваться-то, хоть знаешь?

– Не-а!

– Ясно, значит, будем учиться.

Жильё они нашли довольно быстро. Совсем недалеко от ворот расположился постоялый двор, устроенный специально для заезжих торговцев. Постояльцев сейчас там было мало, настоящий сезон открывался только осенью, поэтому для Мары и Руфуса комната нашлась сразу же.

Они представились братом и сестрой, идущими на заработки в Торговый город. Хозяин постоялого двора кивнул и... не поверил, но всё же выделил им комнату. Руфус, ко-

торый был против этой лжи, (настояла Мара), ещё не знал хорошо это или плохо, что вышло всё так гладко при полном недоверии. Он вообще не привык, чтобы ему не верили.

Первый день прошёл так – они слонялись по лагерю, действительно разросшемся до состояния средних размеров города, и Мара вглядывалась в лица всех женщин, которые по возрасту годились ей в матери. К концу дня у обоих зарябило в глазах, и, конечно же, они не нашли ту, которую искали.

На следующий день повторилось то же самое с той разницей, что они принялись за прочёсывание всех лавок, лавочек и магазинчиков с недорогими товарами, которых здесь было великое множество. Этот лагерь-городок жил торговлей и нехитрыми ремёслами. Впрочем, за деревянными стенами виднелись обработанные поля, но их было не так много из-за дефицита пригодных для земледелия земель.

– Может, всё-таки спросим кого-нибудь? – предложил Руфус, которому методы их поиска всё больше начинали казаться неправильными.

– Я хотела бы сама её узнать, – ответила Мара голосом, в котором не было уверенности. – Да и что мы можем спросить? Не знаете ли вы женщину, которая была матерью четырёхлетней девочки и жила в столице Лоргина? Таких здесь будет десятки. Но ведь я даже имени её не помню.

– А своё, данное при рождении имя, помнишь?

Мара надолго замолчала, глядя себе под ноги. Руфус сна-

чала подумал, что она пытается вспомнить своё имя, но потом вдруг сообразил, что ей просто тяжело его выговорить.

– Я... Я не могу... – наконец, едва прошептала она.

Руфус пожал плечами, и хотел было идти дальше, но девушка не двинулась с места.

– Понимаешь, – сказала она, мягко прикоснувшись к его плечу, – это имя... это последнее, что я услышала тогда от мамы. Она позвала меня, потом... Потом я увидела занесённый над собой нож...

– Ничего себе! – выпалил Руфус и сам себе зажал рукой рот.

Он знал, что в детстве с его спутницей произошла странная и тёмная история, что её мать обезумела и почему-то хотела убить свою дочь, но девушка никогда не рассказывала подробности.

– С тех пор, – продолжала она, – каждый раз, когда меня кто-то называл по имени, я пугалась до того, что начинала биться в истерике. Поэтому, когда я попала к Порфирию, он дал мне другое имя, за что я ему очень благодарна.

– Так может мы всё-таки зря сюда пришли? То есть не зря, конечно, но стоит ли нам дальше продолжать поиски?

– Не знаю... Нет, знаю! Я буду её искать, но тебе это делать совершенно не обязательно. Ты ведь хотел общаться с людьми и нести им слово Инци, а тратишь время на меня.

– Одно другому не мешает. Мне что-то не хочется оставлять тебя одну. Конечно же, благословение Инци с нами, но

мало ли, что может случиться? Нельзя же рассчитывать, что он снова окажется поблизости.

Мара от души рассмеялась.

– Обещаю по гнилым доскам не ходить! Не бойся, я – де-вушка самостоятельная. Смело иди, занимайся тем, чем хотел, а я продолжу поиски. Кстати, на, держи! Это может пригодиться.

С этими словами Мара насыпала в карман Руфуса горсть монет, ласково потрепала его по голове и, сказав: "До вечера!", направилась к ближайшей лавке, все плоскости в которой были уставлены глиняными горшками и тарелками. Руфус немного потоптался на месте, потом нехотя повернулся и пошёл в другую сторону.

Что касается людей, то их здесь было много, но как заговорить с ними? Он уже пробовал разговаривать с людьми в форте Альмери. В общем и целом у него это получалось, но его никто не воспринимал всерьёз. Слушали в основном потому, что он был сыном "самой Маранты", о которой там ходили легенды. Но, когда он начинал рассказывать им про Инци, то многие смеялись, отшучивались, а некоторые раздражённо отмахивались. Дескать, некогда им слушать сказки!

Охотнее всего его слушали старшие дочери Альмери, хозяйки форта, но они были взрослыми замужними женщинами, обременёнными всем набором домашних забот, и не могли уделить ему достаточно много внимания. Так что са-

мым благодарным слушателем была и до сих пор оставалась Мара. Особенно после личного знакомства с Инци.

Руфус вдруг почувствовал, что ему не хватает её присутствия. За время их путешествия он привык к тому, что она рядом. Да что греха таить, она ему нравилась! Будь мальчик немного постарше, дело бы не кончилось одной лишь дружбой, но в свои двенадцать лет Руфус ещё не смотрел в сторону девушек с вожделением.

Надо было всё-таки настоять на том, чтобы пойти вместе! Ведь он понятия не имел с кем и как здесь говорить, кому нести слово Инци? Здешние жители казались людьми беспокойными, даже суетливыми. Заговорить с ними о чём-либо, это всё равно, что пытаться вставить слово в разговор с природными болтунами.

Не становиться же на перекрёстке, обращаясь к толпе? Хоть многие последователи Инци так и делали, священник предостерегал Руфуса от такого способа разговора с людьми. Уличного проповедника частенько принимают за сумасшедшего или бездельника, и тогда его слова окажут действие обратное ожидаемому. Так что Руфус решил пока что подождать с проповедями, и просто походить, присмотреться к месту и к людям.

С этими мыслями он вошёл в оружейную лавку. Хоть Руфус и не преуспел, как начинающий охотник, да и на уроках воинского дела, которые Маранта преподавала своим детям, выглядел, мягко говоря, слабовато, он всё же был мальчиш-

кой и сыном своих родителей. То, что он там увидел, хорошо характеризовалось восклицанием – "Ух, ты!".

– Ух, ты! Арбалет! Стенобитный? А это рыцарский, да? Точно рыцарский – с упором для седла!

Хозяин лавки озадаченно приподнял бровь, а потом нахмурился. Незнакомый пацан, который выказывает познания, имеющиеся не у каждого воина, выглядел несколько подозрительно.

– Послушай, сынок, – заговорил этот честный торговец, пытаясь придать своему голосу дружелюбное звучание, – кто ты и откуда прибыл в наши края? Ведь ты не местный, это сразу видно.

– Зовут меня – Руфус, – ответил Руфус, – а пришёл я сюда из Междустенья.

– Ага. А скажи мне, Руфус из Между..., как его там? Какого ты роду-племени?

Этот вопрос Руфус не понял.

– Я хотел узнать – кто твои родители? – пояснил лавочник.

– Мой отец – Михал-охотник, а мама – Маранта-воительница! – простодушно ответил Руфус.

– Ах, вот оно что! – воскликнул торговец оружием. – Сама Маранта-воительница! Тогда всё ясно.

Лавочник буквально засветился от доброты и дружелюбия, только где-то в глубине его глаз затаилось, что-то недоброе, но Руфус этого не заметил.

– Тогда скажи мне, сын великой воительницы, а вот это,

что такое?

И он выложил на прилавок устройство похожее на арбалет, но со странно выгнутом ложем и с небольшой кожаной чашечкой, закреплённой на тетиве.

– Балестра! – тут же определил Руфус. – Арбалет, стреляющий пулями. Сила такая, что только на кроликов охотиться, а меткость – по медведю с десяти шагов промазать можно.

Лавочник поднял вторую бровь, что означало у него крайнюю степень удивления.

– Был бы ты сыном оружейника... Да и то... Балестру в наших краях вообще никто не знает, а где знали, там забыли давным-давно.

– Мне мама рассказала, – пояснил Руфус.

– Это та, которая Маранта, да? Лады. А что, ты только в арбалетах мастак или в клинках тоже понимаешь? Ну-ка, скажи, что ты такое видишь на этой стенке?

Там куда он указывал, висело множество мечей и сабель.

– Эспадон, бретта, чинкуэда, – стал перечислять Руфус, – акинак, скрамасакс, мизерикорд, кацбальгер, корабеля, драгунская сабля, кирасирский палаш, охотничий кортик, морской кортик, пехотный тесак, ханджар, бебут, крис, ята...

Руфус не успел договорить название причудливо изогнутого клинка, заточенного с внутренней стороны изгиба. Он даже не успел осознать причину внезапной боли в темени, когда свет вдруг погас в его глазах, и он, как будто провалил-

ся в бездонный, чёрный колодец.

– А мама не говорила тебе, что много будешь знать – скоро состаришься? – спросил лавочник у неподвижно лежащего на полу мальчика.

Сейчас в лице торговца не было ничего приветливого. Он смотрел на поверженного Руфуса, как птичник мог бы смотреть на убитого хорька. В руках у лавочника была короткая, тяжёлая, обтянутая кожей дубинка.

– Эй, Лопес! Иди сюда, бездельник, да поживее! – крикнул торгаш, пряча свою дубинку.

На его зов явился растрёпанный, худосочный мальчишка-заморыш, с косящими, словно от сильного страха, глазами.

– Ну-ка давай, дуй в Управу к Теренцию, – проговорил лавочник. – Скажи, что ещё один соглядатай из Торгового города по наши души явился.

Глава 82. Мама родная и призыв Инци

– Живорез! Живорезом был, живорезом и остался!

Оружейный торговец стоял, виновато потупив взор, но глаза его сверкали злобой и досадой. Руфус слышал каждое слово, сказанное рядом с ним, но говорить не мог, язык повиноваться отказывался. Глаза он разлепил, но видел ещё плохо, всё вокруг, то покрывалось прозрачной кисеёй, то начинало двоиться.

– Да ты ж пойми! – оправдывался лавочник перед невысоким, щуплым стариком с совершенно седыми волосами. – Он ведь кем представился? Сыном Маранты! Кого хотел обмануть-то? Если бы я хоть Маранту не знал или был бы не в курсе, что она умерла бездетной, тогда другое дело. Мало нам того, что каждый второй нищий здесь представляется сыном короля Лоргина?

– Но бить-то его, зачем было? Ты ж его чуть было, на смерть не угрохал!

– Не рассчитал малость. А и то – одним шпиёном Торгового города было бы меньше!

Руфус дёрнулся. Уже второй раз его называли, таким образом, но сейчас обошлись ещё хуже, чем тогда.

– Кажись, очухивается, – сказал лавочник, а стоявший ря-

дом старик наклонился и стал вглядываться в глаза Руфуса, один из которых вдруг предательски задёргался.

– Где он?! Что с ним?! – раздался знакомый девичий голос и в комнату, словно вихрь, ворвалась Мара.

– Дядя Теренций, что с ним? Руф? Что они с тобой сделали?!

Старичок, которого называли "дядей Теренцием", раскрыл от удивления рот, а девушка бросилась к Руфусу и обхватила руками его перевязанную голову, будто желая загородить от следующих ударов.

– Мара, это ты что ли? – спросил старик Теренций, всё ещё не веря своим глазам.

– Я это, я! – огрызнулась Мара. – Четвёртый год к нам носа не кажете, вот и не узнаете! Ой, Руфчик, миленький, кто же тебя так?

– Да вот этот вот старый Сыч, – буркнул Теренций. – Сыч он и есть, только подурневший!

Мара наградила "Сыча" крайне недобрым взглядом и зашипела. Руфусу вдруг стало страшно за этого мужика, который глядел теперь на всех как-то затравленно. Мальчик невольно взглянул на руки девушки, которые она сейчас поджала по кошачьи, словно готовясь к падению, и немного удивился, увидев вместо втяжных когтей обычные розовые ногти.

– Стоп, стоп, без драк! – сказал Теренций, становясь между ними и разведя руки с выставленными ладонями в сторо-

ны.

– Шш-то те-бе он сс-делал? – прошипела девица, обращаясь к матёрому бандиту, который был втрое старше и вдвое тяжелее её.

– Дык он представился сыном Маранты-воительницы! – стал оправдываться этот лавочник-разбойник, невольно отступая от разъярённой девахи. – А потом он слишком много знал и всё вынюхивал что-то... Ну, шпиён, ни дать, ни взять!

– Ничего он не вынюхивал! Слышите вы оба, старые да мудрые?! Он ничего не вынюхивал и он действительно сын Маранты-воительницы! А пришли мы сюда, чтобы найти мою мать!..

Старики переглянулись. Тот, который назывался Сычом, стал, будто бы пониже ростом и диковатыми глазами поглядывал то на Мару, то на Руфуса.

– Но ведь Маранта погибла?.. – полувопросительно промолвил Теренций.

– Маранта жива! – выкрикнула девушка. – Мы сами об этом узнали недавно, но она жива и счастлива с новой семьёй, а это её младший сын, который согласился сопроводить меня сюда и мы ничего не вынюхивали, мы просто маму мою искали!..

– А чего её искать-то? – удивился Теренций. – Здесь она работает, в больнице, санитаркой.

Руфус вдруг понял, что больше не видит окружающих. Его глаза были открыты, но их словно завесили тёмным по-

крывалом. Голоса тоже стали отдаляться, зазвучали приглушённо, как будто он слышал говорящих сквозь дверь или стену. Руфус подумал, что он засыпает, но это не было похоже на сон.

Он полностью осознавал себя, понимал, что лежит в постели раненый, а вокруг стоят люди, но в то же время он был где-то ещё, но где именно, пока было неясно. И тут он понял, что покрывало на его глазах вовсе не покрывало, а туман, и этот туман рассеивается. А когда туман окончательно посветлел и пропал, Руфус увидел Инци. Бронзового Инци, прибитого к деревянному кресту.

Инци вдруг повернул голову, посмотрел на Руфуса и что-то прошептал своими бронзовыми губами, но Руфус ничего не услышал. Зато он внезапно понял, что Инци перед ним не бронзовый, а настоящий! И этот настоящий Инци, по настоящему был прибит к кресту здоровенными, кованными гвоздями! Из рук и ног его струилась кровь, перепачкавшая и свежее дерево креста, и жалкие остатки одежды, которые едва прикрывали избитое, в ссадинах и кровоподтёках, тело.

На лице распятого было написано невыразимое страдание, но взгляд был осмысленным. Он посмотрел Руфусу прямо в глаза и полупрошептал, полупрохрипел:

– Быстрей... Опоздаешь... Поторопись!..

Руфус ничего не понял и продолжал оставаться на месте. Он только с удивлением отметил, что на голове у Инци не терновый венец, а ещё более жуткое сооружение из колючей

проволок! (В Междустенье её было полным-полно, и Руфус с детства знал, какая это дрянь.)

Мальчик не мог взять в толк, что от него хочет Инци, а тот, по-видимому, не мог говорить в полную силу, и было понятно почему – в боку у него зияла широкая, колотая рана, которую мог оставить только наконечник копья.

Руфус моргнул раз, другой и открыл рот от удивления! Инци больше не был распят. Он стоял на небольшом возвышении, скорее всего на пригорке. Его одежда была белоснежной, лицо чистым, длинные волосы тщательно расчёсанными и умащенными маслом. В руках он держал книгу, а вокруг головы у него разгоралось сияние.

Увидев Руфуса, Инци приветливо улыбнулся и помахал рукой, но тут же поглядел с тревогой и, указывая на что-то, что было за спиной мальчика, воскликнул:

– Скорее! Помоги! Только ты можешь...

Окончание фразы Руфус не расслышал. Голос Инци ещё звучал, но слов было не разобрать, словно он говорил издалека. К тому же туман перед глазами Руфуса снова стал сгущаться, пока не превратился в прежнее непроницаемое покрывало, которое заслонило от него любимого друга и учителя.

В больничной палате, между тем происходило следующее – Теренций подошёл к двери, открыл её, высунул голову в коридор и позвал:

– Почтенная Евстафия, зайди-ка сюда на минуточку!

– Может, стоит позвать Ханну? – угрюмо спросил Сыч.

– Не стоит! – ответил Теренций. – Столько лет прошло.

К тому же Евстафия давно зарекомендовала себя, как самая добрая и терпеливая сестра и нянечка!

В палату, толкая перед собой столик на колёсах, накрытый марлевым покрывалом, вошла сухонькая пожилая женщина, одетая в белый халат и чепчик.

– Вот, Евстафия, – сказал Теренций, улыбаясь, – посмотри на эту девушку! Узнаёшь ли...

– Ниа? – сказала вдруг вошедшая женщина. – Ниа! Доченька!

Недавняя спутница Руфуса, услышав это имя, вздрогнула, и на лице её отразился неподдельный ужас. Но в следующую секунду она подалась вперёд, неуверенно протягивая слегка дрожащие руки.

– Мама? Мама!

Всё произошло так быстро, что никто из присутствующих не успел даже глазом моргнуть. Рука Евстафии змеёй метнулась под марлевое покрывало на передвижном столике и, не останавливая движение, устремилась к груди дочери, но уже с зажатым в цепких, сильных пальцах блестящим предметом!

В то же мгновение мальчишеское тело, одетое в длинную больничную рубашку, сорвалось с койки, налетело на девушку, так и не успевшую опустить руки, и сбило её с ног! В дверях вдруг возникла высокая седая женщина, жилистая и су-

хая, как палка, и в следующее мгновение Евстафия уже билась и верещала, скрученная её умелыми, сильными руками!

Теренций и Сыч ошарашено поглядели друг на друга.

– Я же говорил, что нужно позвать Ханну, – проворчал последний, а его товарищ вообще не мог вымолвить ни слова.

Мара сидела на полу и глаза у неё были, как блюдца. Она не видела и не слышала ничего, что делалось вокруг. Она сидела и механическими движениями гладила перевязанную голову Руфуса, ничком лежащего перед ней. Руфуса, у которого промеж лопаток торчала никелированная рукоятка большого медицинского скальпеля...

Глава 83. Пушистые дети Ночи

Женщина. Жена. Жена, с которой муж не сводит глаз, всё не может поверить, осознать, налюбоваться! А что собственно изменилось?

Стефан смотрел, как Ларни резвится, словно жеребёнок на зелёном лугу, то убегает вперёд, то прячется в высокой траве, но при этом её тут же находит кто-нибудь из собак. По сути своей она ещё девочка, совершеннейший ребёнок. Вот только ночью эта девочка проявляет такую бурную фантазию, так быстро учится, что вскоре в своей опытности догонит Сато!

Стефан не забыл прежнюю подружку, и, конечно, сравнивал её с Ларни. Понятное дело, Сато во многом превосходила бесёнка – ростом, силой, статностью, опытом и умелостью в любви. Но Ларни легко совершенствовалась во всём, за что бралась с энтузиазмом, а за науку любви она именно так и взялась, со всей, вдруг открывшейся, страстью и неутомимостью молодости.

Но самое главное для Стефана было то, что он не любил Сато, хоть и привык к ней, и теперь даже скучал немного, (как о подруге и собеседнице, но почему-то не как о любовнице). А вот Ларни он любил. Любил всегда, сначала неосознанно, потом тайно. И в то время, когда был, раздираем сомнениями. Любил, когда уже решил, что им больше не суж-

дено встретиться, любил, когда спал с Сато, а Ларни почти превратилась в воспоминание об утраченном счастье. Любил он её и сейчас, ещё не осознав, почти не веря в реальность происходящего.

Женщина. Жена. Но Ларни не чувствовала себя взрослой. (Только сиськи, как будто, увеличились за последние пару недель. Или ей это только показалось?) Она совсем не видела изменений ни в себе, ни в Стефане. Просто сбылось то, о чём недавно лишь мечталось или даже не мечталось, а неосознанно виделось в отдалённой перспективе, которая станет реальностью, когда-то, с кем-то, но не сейчас и не с ней.

Просто она проснулась вот и всё! Проснулась для жизни, и это было здорово! Когда они вернутся, священник освятит их брак. Родители, конечно, будут не против, в этом она ни минуты не сомневалась. Только бы добраться домой поскорее!

Первыми неладное почуяли собаки. Монсеньор убежал далеко вперёд, влез на холм и встал на вершине, как изваяние, вглядываясь, вслушиваясь, внюхиваясь в окружающий мир. Мадемуазель оцетинилась, опустила хвост, но не поджала его и, глухо ворча, жалась теперь к ногам людей.

В воздухе повисла тревога. Вокруг как будто потемнело. Впрочем, солнце и впрямь зашло за, невесть откуда взявшись, тучи.

Стефан в самом начале своего пребывания здесь удивлялся, как это может быть, что в Аду светит солнце? На что Са-

то, откровенно посмеявшись, ответила:

– Ты же не думаешь, что Ад находится под землёй? Так люди считали в былые времена, но они ошибались: Ад и Рай, Земля и другие тверди, которых множество, это параллельные миры, существующие отдельно, но сцепленные друг с другом, зависящие друг от друга и являющиеся, по сути, отражениями друг друга. Поэтому и солнце светит во всех этих мирах одинаково, ведь солнце одно на все измерения!

Стефан тогда далеко не всё понял, но принял слова по-другому на веру и больше не задумывался над этим вопросом.

Что-то шло с востока. Какая-то тьма надвигалась среди бела дня стеной от горизонта до самого неба. Очень скоро эта тьма сгустилась настолько, что и в самом деле выглядела, как стена – чёрная, непрозрачная, шевелящаяся.

А потом пришёл гул. Всеобъемлющий, тяжёлый сверлящий мозг ржавым тупым сверлом. Монсеньор сорвался со своего холма и пулей прилетел к людям.

Пару секунд они совещались с Мадемуазель, повизгивая что-то друг другу в уши и перенюхиваясь. Потом они оба повернулись к Ларни и Стефану и потащили их, (в буквальном смысле, за одежду), в направлении, которое было ведомо им одним.

Как назло сейчас они были на открытой местности. Кругом зеленели живописные холмы, поросшие мягкой травой, клевером и вереском. Нигде не видно было ни скал, ни деревьев, ни даже кустов, за которыми можно было бы укрыться.

Но от чего? Это пока было не ясно.

Собаки притащили их к подножью холма, подтолкнули поближе друг к другу, словно это были не люди, а овцы и принялись рыть. Они рыли отчаянно, далеко отбрасывая позади себя комья мягкой земли. Вскоре в склоне холма появился грот, в который Ларни и Стефан были засунуты без всяких церемоний, а оба пса навалились на них сверху, закрыв собой, от чего-то неведомого.

Только эти приготовления были закончены, на мир накатил жужжаще-стрекочущая волна, способная свести с ума одним только звуком. Насекомые! Ларни и Стефан поняли это одновременно. Мириады мириадом насекомых кружились в вихрях, и каждое из них было готово оторвать от своей жертвы по крохотному кусочку!

Собаки заскулили, завизжали, а потом начали выть, но не сдвинулись с места. Они готовы были быть съеденными заживо, но ни за что не оставили бы своих подопечных!

Волна крылатой нечисти схлынула внезапно, оставив после себя звенящую тишину. Люди выбрались из под неспособных больше двигаться собак, огляделись вокруг и ужаснулись!

Холмы, совсем недавно покрытые пёстрым убором из трав и цветов, стояли голые. Они вдруг стали похожи на вросшие до половины в землю черепа великанов. Могильной безжизненностью веяло теперь отовсюду.

На собак было страшно смотреть – клочья мяса и шкуры

свисали у них с боков, тут и там торчали выпирающие кости. Они не могли держаться на ногах, не могли даже выть и только стонали, как-то совсем уж по-человечески.

Ларни нашла неподалёку ручей, и они со Стефаном долго носили горстями воду, чтобы хоть немного дать несчастным псам напиться. Так прошёл вечер, а когда наступила ночь, собаки затихли. Ларни и Стефан улеглись тут же на голой земле, потому что сил разбивать лагерь и разводить костёр, уже не было.

Утро началось с умывания. Причём умывание это было проделано в один приём и одним движением. Стефан не понимал, что это такое влажное и тёплое враз смахнуло с него сон.

Открыв глаза, он с великим изумлением увидел улыбающуюся физиономию Монсеньора, который стоял над ним, вывалив язык живой и здоровый, чёрный и пушистый. Он даже стал как будто больше.

Рядом, абсолютно целая и невредимая Мадемуазель, тем же способом будила Ларни. Девушка села, ошарашено глядя на собак, ничего не понимающими глазами. А псы, между тем, как ни в чём не бывало, всем своим видом показывали, что пора продолжать путь.

После завтрака конечно! Создания ночи, они может, и не были бессмертны с точки зрения Высших сил, но и умирать от укусов, какой-то там саранчи, тоже не собирались.

Ночь вылечила их, дала новые силы, сделала выносливее и как будто моложе. Они, похоже, даже выиграли от про-

изошедшего вчера странного и мучительного приключения. Люди невольно задумались – а что от всего этого получили они?

Глава 84. Ханна

– И тогда Инци сказал мертвецу: "Встань, возьми постель свою и иди отсюда!" Покойник ожил, свернул циновку, на которой лежал, вместе с погребальными покрывалами и вышел из пещеры, в которой его похоронили, к жене своей и детям. А те сначала очень его испугались, а потом обрадовались, потому что он был не только жив, но и совершенно здоров!

Мара отложила только что зашитую наволочку и взяла другую. Четвёртую неделю она жила в больнице, где Руфус балансировал между жизнью и смертью. Чтобы не быть бесполезной, девушка принялась ухаживать за пациентами, убирать и мыть палаты, стирать и чинить больничное бельё.

Однажды, врач, который пользовал Руфуса, позвал её в его палату и спросил, не знает ли она о чём это он говорит в бреду?

Мара прислушалась – Руфус беседовал с Инци! Именно тогда у неё отлегло от сердца, и она поняла, что мальчик поправится, ведь для неё знающей Инци, говорившей с ним и спасённой им, было ясно – это не бред, разговор настоящий!

Она поделилась своими соображениями с врачом, а он совершенно не удивился, сказал, что это бывает – пациент в беспомощности нередко разговаривает с теми, кого нет рядом, и только поинтересовался, а кто такой этот Инци?

И тогда Мара начала рассказывать. Она рассказала всё, что слышала от Руфуса, а потом повторила всё это ещё и ещё, и ещё, и ещё раз, потому что послушать её рассказы собиралась вся больница – все кто мог ходить. Потом её попросили зайти к тем, кто ходить не может и повторить всё сначала. Лишь одно существо не слышало её голоса, даже когда он звучал рядом. Этим существом была её мать.

Евстафия сидела в отдельной камере и за ней ухаживали другие медсёстры. Мара опасалась даже заглядывать в маленькое зарешёченное окошко двери ведущей в эту келью. Однажды, когда она это сделала, больная кинулась на дверь и сильно разбила себе лицо о решётку.

С тех пор Евстафия проводила большую часть дня в смиренной рубашке, а её дочь, как могла, обходила эту камеру стороной.

Однажды она застала у постели Руфуса ту самую седую женщину, которая тогда одна смогла скрутить буйно помешанную. Странная тётка стояла на одном колене и вглядывалась в лицо мальчика лежащего из-за своей раны на животе.

– Надо же! – сказала эта дама, больше похожая на воина, чем на старуху. – Вылитая Маранта, только в обличии пацанчика. Я хорошо знала его матушку, когда мы вместе служили в Гвардии Лоргина. Будем знакомы, я – Ханна!

И она протянула Маре свою руку, жёсткую, как дерево обтянутое кожей. Про Ханну Мара слышала. Она была здесь тем, кем в форте Альмери была Диана – командовала силами

самообороны.

– За него не бойся, он крепыш, как и его маманя! – сказала Ханна, указывая на Руфуса.

У неё были грубоватые манеры и привычка говорить отрывисто, но в общем и целом эта женщина, весьма немолодая, но из-за некой особой бодрости, не имеющая возраста, обладала свойством располагать к себе собеседника.

– Я знаю, что он выживет, – ответила Мара, опуская глаза. – Теперь я уверена в этом. И дело даже не в том, что он крепыш. За него заступает тот в кого он верит, и в кого с некоторых пор верю я. Но это из-за меня он пострадал и только я во всём виновата...

Слёзы закапали у неё из глаз так обильно, что моментально промочили и блузку, и передник. Ханна даже поглядела ей под ноги, нет ли на полу лужи. Наверно надо было сказать что-то успокаивающее и даже может быть обнять эту девочку, прижать к себе, погладить по головке, дать платок, чтоб высморкаться, но ничего этого воительница не умела. Поэтому она просто положила руку на плечо Мары и сказала:

– Пойдём-ка со мной!

Девушка удивилась, но возразить этой командирше и даже спросить, куда это она её зовёт, она не решилась. Они отошли совсем не далеко от больницы и оказались на странном прямоугольном пустыре, зачем-то оставленном между домами. Это было пространство шагов сорок – сорок пять в длину и десять – пятнадцать в ширину.

– Здесь я учу юнцов ратному делу, – пояснила Ханна. – Я говорю юнцов, но среди них бывают и девчонки, а среди девчонок случаются очень даже способные.

– А я-то здесь зачем? – удивилась Мара.

– Понимаешь, – Ханна даже немного смутилась, произнося эти слова, – я не хочу, чтобы вы с этим парнем задерживались здесь надолго. Только не пойми меня неправильно – лично я ничего не имею против тебя и этого мальчика, но... Дело в том, что мы с Евстафией... то есть с твоей мамой, давние подруги. Знаешь, она ведь любит тебя, но ничего не может с собой поделаться! И тогда не могла. Я ведь тебя наверно раз пять от неё спасала. В последний раз едва успела. Тогда мы с Зигмундом решили отправить тебя к Порфирию, а Евстафию оставить здесь. Не думай, что она не горевала, когда тебя увезли! Ещё как горевала, чуть руки на себя не наложила, еле-еле успокоили. Ну, а потом стали строить эту больницу на месте палаточного госпиталя и маму твою включили в работу. Трудилась она не покладая рук, как одержимая. Так потом при этой больнице и осталась. И знаешь, что? Ку-ча народа жизнью ей обязана. Она уже несколько лет оттуда не выходит, ни выходных у неё нет, ни праздников. Так-то вот! Да я бы ей собственных детей доверила, если б меня, их родить угораздило! Так что, не могу я её всю оставшуюся жизнь за решёткой держать, но и тебя с этим парнем тоже видеть мёртвыми не хочу. Уж не знаю, что с бедной Евстафией такое приключилось, она ведь так мне ничего не рас-

сказала за эти годы, но если её выпустить, то она обязательно до тебя доберётся, а пацанчик твой снова между вами встанет. Так что давай-ка так договоримся – когда он поправится настолько, что сможет вынести дорогу, вы отправитесь домой. Лады?

– Лады, – как эхо отозвалась, совсем приунывшая Мара. – Только зачем было меня сюда вести, чтобы это сказать?

– А вот зачем! – Ханна достала откуда-то небольшой, но очень тугой лук, колчан со стрелами и два деревянных меча. – Хочу посмотреть, что ты умеешь, ведь сыну моей давней подруги требуется защита. Так что вытри сопли и покажи, чему тебя научила Диана!

– А с чего вы решили, что она меня вообще чему-то учила? – спросила Мара, сузив глаза.

– Вот это и это – мозоли лучника, – ответила Ханна, показывая на руки девушки. – Так что не отвертись. Мне надо знать, что ты уже умеешь, чтобы научить тебя кое-чему новому и полезному.

Мара кивнула. Возможно, именно этого ей не хватало, чтобы сбросить напряжение последних дней.

– Только выполни, пожалуйста две моих просьбы, – после небольшой паузы добавила Ханна.

– Какие?

– Первая – называй меня на "ты".

– А вторая?

– Будь, как можно злее!

Глава 85. Покоя не будет

– Ты с ума сошла! В твоём-то положении!

– Ты-то откуда знаешь о моём положении?

– Забыла? Я как-никак немножечко лекарил в своё время.

И теперь бывает, вывихи вправляю, носы разбитые лечу, а уж вашу бабскую натуру знаю вдоль и поперёк, потому как в доме у меня бабское царство! А то, что у тебя ребёночек в пузике, так это мне и на пузико смотреть не надоть, это у тебя на лице написано!

– Всё так, Порфирий, всё так! – Маранта встала из-за стола и принялась нервно ходить по комнате. – Только не могу я дома сидеть, сложа руки, будь у меня там хоть десять детей! Я бы и от поиска Ларни со Стефаном не отказалась, если б была хоть какая-то надежда вернуть их пораньше. Но они могут выбраться только сами, если вообще выберутся...

– Но дитё, Мара! То, которое ещё не рождено. Оно же бережного отношения требует!

– Так ведь рано ещё! Пока до срока дойдёт, я нагоню Руфа с твоей дочкой и притащу домой за уши! Хочешь со мной?

– Нет, Мара, стар я уже, сюда-то еле дошёл!

– Так мы ж не пойдём, а поедем! Вот нагонит святой отец достаточно горячего, и приведу сюда машину, которую на острове оставила.

– Ой, только не эти ваши сундуки на колёсах! У Динки

таких штук несколько имеется, как вспомню, так вздрогну! Две минуты езды в этой коробке и желудок начинает так бунтовать, что чуть из горла не выпрыгивает со всем содержимым. А через пять минут меня из этой окаянной повозки лёжа вытаскивать придётся! Я тогда ещё этой пытки вытерпеть не мог, когда Диана с Галлем на первой в форт прикатили, а сейчас и подавно. Да и какой тебе от меня толк? Обузой только буду.

– Ну, как знаешь. Только мне в дороге пригодился бы твой совет. Я ведь в Торговом городе не была.

– Я там тоже бывал давненько и мало чего помню. Если кто и знает, как вести себя в этом муравейнике, так это ваш, хе-хе, священник!

– Так может мне его с собой взять? Ты вроде говорил, что он там был человеком не последним?

– Что ты, что ты! То есть он может и согласится, но предупреждаю, что дела за ним в Торговом городе числятся не маленькие, и награда за его голову назначена тоже впечатляющая. И не перестают её обещать тому, кто хоть намекнёт, где его искать. До сих пор помнят, несмотря на то, что много лет прошло. А то, что его, как узнают, так сразу повесят, это уж, как пить дать!

– Поняла.

– И тебе бы не ехать!

– Нет, Порфирий, я не могу ждать, у меня сын, где-то там, неизвестно где. Кстати, ты ведь волнуешься за дочку, пусть

она тебе и приёмная?

– Вырастил, значит моя! Одно только слово, что приёмная. Только вот знаешь, тёзка твоя – настоящая белка! То есть, не уследишь и не догонишь. Пока подростком была, всё у Дианы пропадала. Я уж думал, что вместе с именем твоим много что ещё твоего ей досталось, но нет, как подросла, так и охладела к воинским забавам. Девушка стала, как девушка. Милая, добрая, трудолюбивая, да ещё и красавица к тому же! Я уж думал, скоро найдёт себе жениха, да наделает мне ещё внуков, (а их у меня уже семь!), да не тут-то было! То есть парням мозги дурить, это мы любим, а чего посерьёзнее, так это ни-ни! Ко всему прочему, жить она стала по принципу – что хочу то и делаю! Хорошо ещё, что не захотела ничего плохого, разве что сбегала несколько раз в лес без спросу. А тут вдруг взяла, да исчезла вместе с твоим парнем. Будь он постарше или она помоложе, тогда б я понял, но... А сколько ему, кстати?

– Двенадцать.

– И только-то? Я уж думал все четырнадцать. Значит, он у тебя крепыш получается!

– Крепыш, да. Он никогда не болел, но он такой тихий, такой... ну книжечей-мечтатель и этим всё сказано. Природа, как на войне или охотнике, на нём отдохнула, но я же всё равно его люблю. И Михал тоже, хоть и вздыхает частенько, что не выйдет из его младшего сына хорошего охотника.

– Ну, это мы ещё посмотрим, коли доживём, – заговорил

Порфирий очень серьёзно. – Парню ещё только десять, и проявить себя время есть. Может он так среди людей сумеет отметиться, что ему и не понадобится становиться охотником?

– Ты прав, ты прав. Только скажи мне, если такому, как он, здесь, в родном селении уже жить сложновато, то каково ему будет в Торговом городе? Ведь они туда кажется, направились?

– Туда, с заходом в старый лагерь Золаса, который давно уже не лагерь, а город. Да, ему и вправду придётся там не сладко. Для таких, как он тот мир суров и неприветлив, но...

– Что, но?

– Только там он сможет проявить себя. Там, не здесь.

– Но он ещё слишком юн!

– Это значит, что любовь не будет отвлекать его от дела ещё, по крайней мере, лет пять.

– И всё-таки я должна проверить!

– Ты – мать, тебе решать! А теперь, пока ты не сорвалась с места и не полетела незнамо куда, не разбирая дороги, давай я расскажу тебе, что у нас к чему, да как изменился мир, пока тебя с нами не было. И вот ещё что!

Порфирий погрузил руку в глубины своего кармана и извлёк оттуда увесистый мешочек, солидно брякнувший об стол.

– Что это? – не сразу поняла Маранта.

– Золото! Деньги. Если ты подзабыла, как ими пользо-

ся, то я расскажу тебе. Надо же, а я-то думал – пригодятся или нет?

Маранта вдруг поняла, что и впрямь "подзабыла", как пользоваться жёлтыми кругляшами. Ай да Порфирий! Ведь и в самом деле без золота в Торговом городе делать нечего!

Глава 86. Не хочу тебя терять

Стефан помнил о пути Геракла, но имел о нём смутное представление. Он уже знал, что из Ада существует несколько выходов, но Князь Тьмы, а потом и Сато недвусмысленно говорили о том, что не все они доступны людям. Тот, которым прошёл некогда герой, языческий полубог, был едва не единственным, что они могли преодолеть, но это не значит, что он обещал быть лёгким. Ко всему прочему, вступив на этот путь, они должны были расстаться со своими проводниками и защитниками.

После нападения саранчи, возрождённые собаки, вели себя, как ни в чём не бывало. Они по-прежнему "пасли" людей, используя одну и ту же тактику – кто-нибудь один был всё время рядом со своими подопечными, пока другой уходил вперёд или рыскал по округе с целью разведать и разнюхать путь, предупредить нападение врагов, а заодно и поохотиться.

Ночью собаки "исчезали" и никогда не мешали людям, но всегда находились, где-то рядом. А ночи у влюблённых были волшебные!

Молодые и сильные, они не уставали от бурной и страстной близости, и казалось, что любовь не забирает, а прибавляет им сил. А ещё они полюбили подолгу разговаривать после того, как их феерические восторги всё-таки заканчива-

лись.

Разговаривали обо всём, но чаще о своём будущем. Основной темой при этом было – построить ли им свой дом в Междустенье, где места для нового строительства практически не осталось, или основать неподалёку от крепости хутор, что конечно врядли будет одобрено общиной.

Но прошлой ночью всё было по-другому. На Ларни вдруг нашёл стих припомнить Стефану Сато, но сделано это было без единой капли яда, которым иные щедро сдабривают собственную жизнь до тех пор, пока она не превратиться в голый пустырь с чахлыми сорняками.

– Скучаешь по ней? – спросила Ларни, лёжа на Стефане сверху.

Она любила так лежать, поставив локти на его широкую грудь, а кулачками подперев себе щёки. В такие минуты Стефану казалось, что в мире не существует ничего кроме этих бездонных синих глаз, в которых тонуть было верхом наслаждения.

– Да, – признался Стефан, не умеющий лгать, а потому не знающий чувства ложного смущения. – Скучаю, но не как по женщине, а как по другу. Она была хорошим другом!

– И хорошей женщиной?

– Да.

– Вот интересно, а что было бы, будь у тебя две жены?

Говоря это, Ларни, не слезая со Стефана, перевернулась на спину и её, по-девичьи острые грудки, уставились в

небо. При этом волосы девушки защекотали парню нос, и он невольно чихнул. Ларни рассмеялась, извернулась, как кошка и поцеловала своего возлюбленного в губы.

– Ну, так что же? Хотел бы иметь сразу двух жён?

– У мужчины не может быть двух жён, так не бывает.

– Бывает, это только у нас так не принято. Мир человеческий гораздо больше, чем мы о нём знаем и в нём чего только не бывает!

Стефан призадумался. И Ларни, и Сато сразу? Представить себе такое было непросто.

– Тогда не знаю. Может, это было бы хорошо, а может и не очень. А ты разве стерпела бы рядом с нами ещё одну женщину?

– Не знаю, – серьёзно ответила Ларни. – Если бы она была "девушкой, что надо", вроде Кейни и, наверное, твоей Сато, то пожалуй – да. А вот безмозглую курицу или стерву не стерпела бы ни за что!

– И как же тогда мы бы жили?

Стефана начал забавлять этот разговор, который поначалу приводил его в смущение.

– Как бы мы, например, любили друг друга, по очереди что ли?

– И по очереди, и все вместе!

Стефан представил себе такую картину, и его неискушённая душа была потрясена и шокирована. Впрочем...

"Почему бы и нет? Что в этом плохого?" – подумал Сте-

фан и почувствовал, что их ночь любви ещё не закончена.

– А ты? – спросил он, накрывая грудь Ларни своими широкими ладонями. – Ты хотела бы иметь двух мужей?

– Нет!

– Почему же?

– Потому что ты у меня самый лучший, а зачем мне тот, что хуже тебя?

– Ах, вот как! А если бы у тебя был не я, а кто-то другой? Не самый лучший, а обыкновенный? Тогда как?

– Ну, тогда другое дело! – ответила Ларни, и Стефан по голосу понял, что она смеётся. – Но почему только двух?

– А сколько?

– У Кейни их было семь, но я не Кейни...

– Так сколько понадобилось бы тебе?

– Двадцать! Нет, двадцать пять!

– Зачем так много?

– Затем, что ты один стоишь двадцати, а если уж брать так, что б побольше было!.. Уу-иии!

Стефан уже не мог себя сдерживать. Он резко перевернул возлюбленную и с размаху вошёл в неё! Это походило на безумство, но они и вправду сошли с ума, выжимая из своих, и так уже потрудившихся тел, всё новые и новые фонтаны наслаждения! Когда, наконец они обессилено затихли, на горизонте заалела полоска рассвета, а костёр превратился в большую грудку пепла, под которым светились красным и потрескивали, медленно остывающие, угли.

– Значит двадцать пять? – спросил Стефан у притихшей Ларни, прижавшейся всем телом к его боку.

– Ни одного, – ответила девушка, утыкаясь любимому лицом под мышку, словно котёнок. – Кейни, прежде чем получить семерых любовников, потеряла своего самого лучшего, а я не хочу тебя терять!

Глава 87. Советчица

– Так значит в Торговый город? – Ханна с сомнением покачала головой. – А я-то надеялась отправить вас по домам.

– Я не хочу возвращаться в форт Альмери, – ответила Мара. – Когда-нибудь обязательно вернусь, но не сейчас! Вернуться теперь, означает прийти с повинной головой, провалив всё дело, а я этого не хочу. Да и Руфусу нужна помощь, а кто ему поможет лучше меня?

С этим Ханна была готова согласиться. Мало того, что Мара взгромодила на себя львиную долю забот о мальчишке, так ведь ещё, когда он очнулся, то вскоре узнал, что здесь в больнице существует практически готовая община последователей Инци, а благодарить за это следует Мару.

Кстати, Ханна, с некоторых пор, стала посещать их собрания, и рассказы о жизни Инци и его учении не оставили её равнодушной. Правда, она, оказывается, сама была тайной инициаткой, однако, по её собственным словам, не встречала единоверцев больше двадцати лет. Поэтому увидеть и услышать тех, кто чтит Распятого, было для неё особым ощущением. Но их объединило ещё кое-что.

Уроки боевого искусства, которые Ханна сперва навязала Маре почти силой, проходили весьма успешно. Девушку и так нельзя было назвать неженкой, а сейчас её мускулы окрепли, кожа загорела, в глазах появился задорный блеск.

Мара преуспела буквально во всём – и в рукопашном бою и в фехтовании, и в метании ножей, но лучше всего ей давалась стрельба из лука. Конечно, до виртуозного владения оружием, каким обладала старая воительница, ей было ещё далеко, но и того умения, что она приобрела за последнее время, должно было хватить, чтобы преподнести лихому человеку неприятный сюрприз.

Но вот он настал – день отъезда. Мара предпочла бы идти пешком, как они пришли сюда, но Руфус был, ещё слишком слаб для этого, хоть уже давно передвигался и всё делал самостоятельно. Они договорились с хозяином крытого фургона, и он им выделил, за умеренную плату, угол в своём скрипучем и трясучем транспорте, где они удобно устроились на тюках мягкого товара.

Перед самым отъездом Ханна отозвала девушку в сторону.

– Любишь его? – спросила прямолинейная воительница, показывая глазами на Руфуса.

– Как брата, – ответила Мара, улыбнувшись, – но не как мужчину. Он ведь малыш ещё!

– Только поэтому?

– Да... Нет. Я не знаю... Я никого ещё не любила...

Мара вдруг осеклась и покраснела до корней волос.

– Понятно. Знаешь, я желаю только добра и тебе, и ему, но в таких делах я плохая советчица. Мм... признаюсь – мне вообще всегда больше нравились девушки, но... Знаешь, в

жизни всякое бывает. Если вы так и будете вместе, то лет через пять, а то и меньше, ваши чувства изменятся – он будет, как кипящая пена, а ты, как безбрежное море! И тогда вам будет очень хорошо вместе, но продлится это недолго. Лет десять – пятнадцать, а потом ты начнёшь увядать, а он набираться сил и матереть. Советов не даю... Нет, дам один – смотри вокруг себя, ты не одна на свете, он не один. На жизненном пути вам встретится ещё немало людей, э-э... достойных любви, ну, ты понимаешь, о чём я? В общем, сама думай и сама всё решай, а сейчас держи!

С этими словами Ханна подала ей футляр, в котором, словно драгоценный музыкальный инструмент, помещался маленький, но очень мощный лук, который в умелых руках бил не хуже тяжёлого охотничьего, рассчитанного на крупного зверя. Дорогой подарок! Вслед за этим воспоследовал кожаный мешочек размером с небольшую тыкву.

– Ханна, ну что ты, зачем? – принялась отнекиваться Мара. – У меня есть ещё!

– Есть-то, есть, но не так много, а с этим может, дело заведёте какое-нибудь. В Торговом городе иначе нельзя. Либо ты заводишь дело и живёшь на доходы с него, либо работаешь, как проклятый и живёшь в нищете. Руфус хотел там проповедовать? Так вот, его никто не будет слушать, если он будет нищим, даже такие же нищие. В том мире первый вопрос о человеке, это – чем он занимается? Если ничем и денег нет, то он никто, если ничем и деньги есть, значит, он

под подозрением: могут записать в разбойники без всяких доказательств. В общем, бери, отказов я не принимаю. Купите себе трактир у дороги и можете день и ночь рассказывать посетителям об Инци. Вот увидишь, чем богаче вы станете, тем внимательнее вас будут слушать. Всё! Прощай! На Евстафию сердца не держи, помни – она тебя любит, но она... просто больна. Я передам ей привет от тебя.

С этими словами Ханна повернулась к своей вчерашней ученице спиной и зашагала, прочь не оборачиваясь. Вскоре она скрылась за углом, будто торопилась куда-то.

Мара подняла голову. У окон больницы стояли все её обитатели и смотрели на неё. Девушка помахала рукой этим людям, бывшим некоторое время её семьёй, а они помахали ей в ответ. Она поискала глазами – матери среди них не было. Правильно. Ханна не выпустит её раньше, чем караван скроется за поворотом, да и то, наверное, подождёт ещё полдня.

Тяжело вздохнув, Мара постаралась не думать об этом. Она повернулась подобно Ханне, к оставшемуся позади миру спиной и направилась туда, где её уже ждал Руфус. Она не знала, что бедная старушка Евстафия сидит сейчас на полу своей кельи и тихо плачет в объятиях подруги-тюремщицы, повторяя:

– Ниа, доченька, прости меня! Ниа! Ниа...

Глава 88. Железное чудо

Когда за дело, с которым не справились двое, берутся пятьдесят человек, оно кажется до смешного лёгким, чуть ли не пустяковым. Четверть населения Междустенья, почти все молодые, здоровые мужчины, исключая тех, что были в это время на охоте, вызвались помочь Маранте и Михалу в их задумке.

На постройку плотов ушло четыре дня. Особенно долго пришлось провозиться с большим плотом, который должен был выдержать огромный груз. Прикинув так и этак, Маранта и её советчики – Порфирий и Микаэль-Панкратий, которого все знали, как священника, решили не тратить драгоценное горючее и не гнать машину по реке своим ходом.

Пока флотилия из нескольких плотов спускалась вниз по реке до острова, где Маранта спрятала машину, около двадцати спутников Порфирия, не понаслышке знакомые с топором, пилой и рубанком, строили на противоположном берегу нечто вроде пристани с мостом из брёвен, на который должен был въехать автомобиль.

Люди Порфирия хорошо знали эти устройства – сэр Галль и несколько его помощников пригнали в форт Альмери не один десяток самых разных машин, найденных в хранилищах подобных тому, откуда происходил автомобиль Маранты. Автомобили стали основой мощи форта, его неоспори-

мым преимуществом в военном и хозяйственном отношении перед любыми соседями ближними и дальними, даже перед Торговым городом.

У сэра Галля, консорта военного коменданта форта, леди Дианы Альмерийской был на машины особый нюх и талант, как в области механики, так и в искусстве вождения всего, что стояло на четырёх колёсах и приводилось в движение мотором. Он охотно делился этим умением со всеми желающими. У него в учениках ходили практически все мужчины форта, от мальчишек, едва приобретших право называться подростками, до матёрых мужиков, вдвое старших годами молодого ещё рыцаря.

Практически все присутствующие альмерийцы умели управлять такими штуковинами, и потому они покатались со смеху, когда всё население Междустенья, (дома остались только матери с крошечными детьми и совсем уж древние старики), шарахнулось, увидев, как стальное чудовище, взревев мотором, вздрогнуло, двинулось с места и медленно покатилося на только что выстроенный помост.

При этом фары машины несколько раз мигнули, что привело в ужас женщин и детей, а охотников заставило схватиться за оружие.

– Ну, хорошо, а как же вы её на самый верх-то затащите? – всё сомневался священник. – Помост помостом, но берег здесь довольно крут.

Маранта переглянулась с Порфирием и поняла, что ему не

нужно ничего объяснять. По знаку своего начальника двое рабочих размотали тонкий, но на удивление прочный трос лебёдки, протянули его на самый верх высокого берега и зацепили за ствол крепкого дуба, основательно державшегося за землю своими могучими корнями.

Люди ахнули, когда машина медленно задрала нос, потом встала на задние колёса и всё так же медленно поползла по почти отвесной стене, словно невероятных размеров железный жук. Когда она, наконец, очутилась наверху и встала на все четыре колеса, дверца открылась и из кабины вылезла Маранта, с которой пот стекал градом, словно она тащила эту тяжесть вручную.

Женщина устало улыбнулась и помахала рукой всем стоящим внизу и взирающим на неё, как на некое чудо. Громогласное "ура!" сотрясло всё вокруг и всполошило птиц, без того растревоженных таким скоплением людей в одном месте.

– Вот так она и на стену каньона въедет! – сказал Порфирий священнику стоявшему с открытым ртом.

– А знаешь, я с ними поеду! – заявил тот, когда вновь обрёл дар речи.

– Спятил? Я уже отговорил ее, тебя с собой брать. Тебя же там повесят!

– Понимаешь, я только сейчас понял: ведь Инци с ними, с этой семьёй! Я не знаю почему, но это так. Впрочем, у него всегда так – он видит души, а мы лишь тела Мы судим о

людях по их поступкам, а он по нитям судьбы, протянутым через их жизни волей Создателя.

– Чой-то я тебя плоховато понимаю, но всё равно, какой бы ты ни был старый лис, ведь тебя узнают! Конечно, твои портреты больше не красуются на каждом столбе, а новые люди в полиции не знают тебя в лицо, но объявись ты там среди своих и всё! Стукач найдётся, и тебя тотчас вспомнят. А как вспомнят, так и захотят натянуть твою шкуру на барабан. Поймать такого зверя! Да все полицейские чины переругаются за право притащить тебя в кандалах сутягам на съедение! И не смотри, что прошло уже... А сколько лет прошло? Тридцать? Больше?

Священник только рукой махнул.

– Это неважно! И то, что меня могут там поймать тоже неважно. Даже если казнят, всё равно это не имеет никакого значения. Для меня жизнь сейчас это служение Инци, а какое может быть служение, если я буду беречь свою шкуру, когда людям, которых он избрал для своих целей, требуется помощь? Я стар... Да если б я даже был молод и считал остаток жизни не годами, а десятками лет, и тогда бы ничего не изменилось!

– Ты думаешь найти какие-то старые связи? Думаешь ещё кто-то остался жив из тех, что при делах?

– Кто-нибудь да остался. Когда я уходил, там было несколько молодых талантов. Теперь они должно быть зрелые люди, а если им угодно было меня забыть, то я напомним!

Может кто-то из стариков ещё найдётся, как знать?

– Только зачем всё это? Речь идёт о том, чтобы найти парня, взять за шиворот и притащить домой. Если по дороге ещё и девчонку мою прихватите, это будет очень любезно с вашей стороны. Но зачем при этом поднимать на уши криминальный мир, а заодно и полицию Торгового города? Ведь ты же не Главный купеческий банк там грабить собрался?

– Нет, конечно.

Священник тяжело вздохнул и уставился себе под ноги.

– Дело в том... Ну как бы тебе это объяснить? Среди тех, кого избрал Инци, не бывает людей с лёгкой, счастливой судьбой. Их доля всегда тяжела и горька, но они никогда от неё не откажутся!

– Ты меня пугаешь. За каким же лядом тогда он, этот Инци сдался?

– За таким, что он сын Истинного и Единственного Бога, а ещё учитель Великого Добра, согласно которому только и следует жить, а ещё он Великий искупитель и защитник человечества перед Создателем, принимающий на себя те удары, которые заслужили люди Земли за свои грехи и потребности.

– Ой, ой! Да что ты?! Нет, я знаю, ты этим шутить не будешь, но если всё так... Да если б я знал такое, то ни в жисть из форта ни сопляка марантиного не выпустил бы, ни свою деваху!

– Этим ты избранных не удержишь, и тем, что будешь

им мешать, их не спасёшь, только хуже сделаешь. Хочешь им добра – помоги в делах, которые они делают, вызволи из плена, спаси от казни, но не становись на пути, так ты их скорее погубишь! Да, я знаю – то, что я делал раньше, это большой и страшный грех и повторять его тоже грех, даже с благими намерениями. Но я возьму этот грех на себя, и если надо будет, открою перед этими ребятами все двери Торгового города!

Глава 89. Древний знак мудрости

Сегодня обе собаки были с ними. Они не только не убежали вперёд и не бегали вокруг, но шли слева и справа, вышагивая, словно солдаты караульной службы. Людей они как будто старались потеснее прижать друг к другу так, что Стефан, в конце концов, положил руку на талию Ларни и притянул её к себе. Так они и шагали в ногу, насколько позволяла дорога, точнее полное её отсутствие.

– Что это с ними? – спросила девушка шёпотом, указывая глазами на хвостатых проводников.

– Не знаю! – ответил охотник также шёпотом, хоть и не понимал, зачем это делает. – Может быть, близко этот самый Гераклов путь?

Однако ничего не указывало на наличие каких-либо ворот, туннелей, дверей, пещер или хоть чего-нибудь похожего на проход в другой мир и куда бы то ни было. Рядом, опять же таки, не было не только ничего похожего на мрачный Стикс, но и вообще на какую-либо реку.

Местность, по которой они шли, что-то долго не менялась – кругом была всё та же холмистая равнина, может быть чуть более пологая, чем там, где на них напала саранча. Лес маячил на горизонте слева и справа, но собаки туда не сворачивали.

"Идеальное место для сражения", – подумал почему-то

Стефан, который о военном деле имел весьма поверхностное представление и никогда им не интересовался.

"Сглазил", – подумал он снова, когда что-то, (он так и не понял что), раздвинулось перед ними словно занавес, и на пологих холмах встало, будто выросшее из-под земли, демоническое войско.

Их было так много, что они напоминали крупу, ровным слоем покрывающую скатерть. Лук будто сам прыгнул в руку, и Стефан пожалел, что демонический меч сейчас зачехлён, и его быстро не вытащить.

Впрочем, было ясно, что до рукопашной дело явно не дойдёт – на них были нацелены сотни тысяч, а может быть и миллионы стрел. Стефан скосил глаза на Ларни, она стояла на одном колене и целилась во врагов из своего карабина, переводя прицел то на одного, то на другого демона.

"Сколько мы успеем выстрелить? Раза два или три. Значит, жить нам осталось секунд десять – пятнадцать", – пронеслось в голове у Стефана и, он натянул тетиву.

– Ну, ну, ну! Давайте не будем этого делать! – раздался вдруг знакомый голос.

Стефан и Ларни, разом обернулись. Позади них, в двух шагах, стоял сам Повелитель Тьмы. У него не было никакого оружия, не было даже втяжных когтей, как у Сато, но всё это ему было не нужно. Похожий на Инци, как брат-близнец, он излучал могучую, неукротимую силу. И вдруг Стефан понял, что Инци излучал такую же, но то была сила добра, и

потому её не замечали, считая чем-то само собой разумеющимся, а сила, которая пульсирующими волнами сейчас исходила от Властелина Ада, говорила о смерти и разрушении, о страданиях и страшном, неизбывном горе. И была та сила, ой – ой, как заметна!

Стефан опустил лук. Он понимал, что попытайся он натянуть тетиву, отец Сато тут же прихлопнет их, как двух мошек одной мухобойкой. Если бы Ларни попробовала пошевелить пальцем на спуске, случилось бы то же самое. Но Ларни не пыталась. Она во все глаза глядела на Князя Тьмы, так и застыв с прижатым к плечу прикладом карабина.

И тут Стефан почувствовал, как волосы у него на затылке поднимаются дыбом. Между двумя парами синих глаз словно зажглись лучи, соединившие их, как натянутые струны или две дороги, проложенные по идеально прямой линии!

Это длилось недолго. Князь Тьмы вдруг отвёл взгляд и тряхнул головой, будто пытаясь избавиться от наваждения. Странно, но он был, как будто смущён и это отразилось на его лице. Такое же точно выражение появилось у Ларни. При этом они стали так похожи, как бывают, похожи иногда отец и дочь.

Маранта не часто говорила про отца Ларни, но когда разговор случайно касался этой темы, всегда упоминала, что это был большой вождь, спаситель людей, прекрасный воин и очень хороший человек. (Несколько раз она сказала даже – "великолепный любовник", но Стефан тогда не понимал, что

она имела в виду.) По крайней мере, ни разу не прозвучало, что отец Ларни был демон, а тем более повелитель демонов. Но эти двое словно состояли в родстве, хоть, видимо, сами не желали признавать этого. Ларни была больше похожа на Повелителя Ада, чем даже сама Сато. И это пугало...

– Прежде всего, мне хотелось бы извиниться, – заявил глава демонов, одаряя парочку улыбкой достойной акулы. – Мои подчинённые взяли на себя слишком много и будут наказаны за то, что причинили беспокойство гостям, которые вправе рассчитывать на моё покровительство. Можете продолжать своё путешествие, а когда достигнете цели, поступить по своему усмотрению – либо оставаться у меня в гостях столько, сколько вам будет угодно, либо покинуть мои владения, увы, навсегда.

– Тогда зачем всё это? – спросила Ларни, указывая на войско демонов.

– Для обеспечения вашей безопасности конечно! – воскликнул "радушный хозяин". – Отсюда и до самого "Гераклового прохода" лежит область заселённая разными не слишком приветливыми существами. Нда, одни василиски чего стоят... Поверьте, я не шучу! Так вот, чтобы вас не съели хищные овцы-сартаки, не затоптали кентавры и не заговорили до смерти сфинксы, мы поступим так!

При этих словах он сделал царственный жест, и войско демонов расступилось, открыв дорогу шириной в пятьдесят шагов, которая визуальнo сужалась, постепенно превраща-

ясь в узкую ленту, нить, волос, чтобы исчезнуть из вида, где-то у линии горизонта.

– "Гераклов проход" там! – махнул рукой Князь Тьмы. – Но прежде, чем мы расстанемся, я прошу вас выполнить одну мою маленькую просьбу – скажите, где моя дочь?

Ларни и Стефан поглядели друг на друга. Сато не связывала их никакими обязательствами по сохранению тайны, к тому же она ухитрилась уйти так, что они не могли сказать ничего определённого. Поэтому они без ненужного лукавства выложили всё, что знали, опустив только то, что касалось, их личной жизни. Главный демон внимательно всё выслушал, помолчал, походил взад-вперёд и, наконец, сказал:

– Вы не лжёте. Это похвально и отвратительно одновременно. Один из вас, – его взгляд остановился на Стефане, – вообще не умеет лгать. Ужасно! Как можно быть таким незащищённым? Другой, – он перевёл взгляд на Ларни, – слишком давно не практиковался в искусстве лжи. Этак, сударыня, можно потерять форму, и в один прекрасный момент сесть в калошу, тогда, как можно было бы преспокойно стоять на ногах... Но это я так, к слову. Ваша правда мне сейчас полезна, хоть и неприятна. Я мало что узнал, но есть пища для размышлений. Значит Сато теперь в компании семи озабоченных троллей и одного ручного ифрита, а ещё, с ней эта девчонка – лепреккон, которая даст фору любой прожжённой ведьме? Дочка развлекается! Пускай, это её дело. Но ведь её при этом нет в Аду! Представляете? Я – нет, не представляю.

Этого не может быть в принципе, но это так! Ладно, не будем строить гипотезы на пустом месте. За то, что вы были со мной откровенны, я не прикажу изрубить вас в мелкий фарш и выкинуть в канаву. Даже наоборот – готов выслушать любое ваше желание и выполнить его по мере моих скромных сил.

– Пусть эти собаки дойдут с нами до самого выхода из Ада! – выпалила Ларни и глаза её сверкнули. – А ещё обещайте не преследовать ни их, ни Сато, ни Кейни!

– Да можешь их хоть совсем себе забрать, если получится вывести! Пускай тебе послужат, пока Сато не появится и не заявит на них свои права. Мне они всё равно ничего не скажут, хоть шкуру с них снимай. Что же до моих отношений с дочкой, то ничего обещать не могу. Она давно уже демоница самостоятельная и очень уж своевольная, даже слишком... Ха! Чтобы её преследовать, надо ещё знать, куда эта чертовка делась! Насчёт девчонки-лепрекона так и быть обещаю быть снисходительным. В конце концов, она мне ничем пока не повредила, да и врядли сможет. А теперь мы расстанемся. Идите и передайте от меня привет тому, кого вы называете – Инци. (Вот уж придумали имечко!) Я не прощаюсь, мы ещё встретимся, но заранее примите мои извинения – я при этом буду не во плоти. Не всегда и не везде, знаете ли, бывает удобно таскать с собой собственную плоть, так что не удивляйтесь. Всё, всех благ и до свидания!

Едва он произнёс последние слова, люди, сами не зная

как, повернулись к нему спиной, и словно загипнотизированные пошли по оставленной для них тропе, не оборачиваясь и не разговаривая между собой. Рядом с ними на полусогнутых лапах, поджав хвосты и прижав уши, трусили, растерявшие всю свою уверенность, собаки.

Лишь только когда путники прошли пару сотен шагов, Стефан, словно опомнившись, обернулся. Князь Тьмы всё ещё стоял на вершине холма, с которого они только что спустились. Он задумчиво смотрел им вслед, скрестив руки на груди, и даже с такого расстояния можно было увидеть, какие поразительно синие у него глаза. Но не это потрясло молодого охотника, когда он увидел фигуру Повелителя теней, казавшуюся больше своего собственного роста на фоне темнеющего неба, а то, что вокруг головы у него разгоралось сияние! Но оно не было багровым и бесформенным, как у Сато в минуты гнева. Сияние это имело форму ровного круга кроваво-золотого цвета. По краям этот круг светился совершенно ослепительно, будто был раскалён до пресловутого белого каления, но это свечение не доходило до верха, так что казалось, что на голове Владыки Ада растут огромные огненные рога.

Глава 90. Невесёлый путь

Они шли, по большей части, молча. Хозяин крытого фургона, как впрочем, и остальной торговый люд, собравшийся в караване, не обнаружил никакого интереса ни к учению Инци, ни к рассказам о его жизни. Руфус шепнул, весьма раздосадованной этим обстоятельством Маре, что не стоит навязывать людям то, что они слышать не хотят, а то можно добиться прямо противоположного ожидаемому результату.

Сам Руфус в последнее время что-то хандрил, и чаще всего лежал на дне фургона, безучастно глядя в брезентовый потолок. Тяжёлое ранение не прошло для него даром, а это путешествие вовсе не способствовало быстрому выздоровлению.

По всему, поэтому сама Мара пребывала в скверном расположении духа. Большую часть времени она хмуро шагала, держась за борт фургона, изнывая от скуки и тревожась за своего спутника. Во время остановок готовила еду, делала перевязки Руфусу, стирала, если позволяло время, а потом снова шагала, не обращая внимание на красоты природы и глядя только на дорожную пыль, которую поднимали её собственные босые ноги. Сапоги она по-прежнему, берегла.

Однажды ночью, когда Руфус заявил, что ему удобнее оставаться в фургоне, Мара расположилась на ночлег одна возле догорающего костра. День выдался не из лёгких, и де-

вушка устала, так что проблем с бессонницей не было. Но только она начала проваливаться в глубокий, наполненный тенями и неясными образами, сон, как вдруг её кто-то обнял. Мара мгновенно проснулась, но не сразу поняла, в чём дело. Она опомнилась только тогда, когда мужские руки принялись мять ей грудь, а в губы стали тыкаться жёсткие усы, противно щекотавшие нос.

Девушка дёрнулась, чтобы вырваться, но не тут-то было – руки, привыкшие, по-видимому, к тяжёлой работе, держали крепко. Её попытку закричать пресекла грубая, широкая ладонь, накрывшая рот. Мара поняла, что ей не справиться с насильником, а тяжёлый удар кулаком по рёбрам показал ей, что церемониться с ней не будут.

Тогда она расслабилась, как бы перестав оказывать сопротивление, а сама выпростала в сторону руку, выхватила из костра пылающую головню и, что было силы, всадила её подонку в бок!

Жуткий вопль разорвал ночную тишину и переполошил весь лагерь! Большое, грузное тело, внезапно обретшее лёгкость, сорвалось со своей несостоявшейся жертвы и, продолжая орать, скрылось в кустах. Прибежавшие на шум люди, узнав, в чём дело, повели себя странно – значительная их часть осудила и обругала... девушку, как нарушительницу их драгоценного сна! Один так и сказал ей:

– Могла бы, и дать мужику, от тебя-то, поди, не убудет, а ему радость, да мы сейчас бы спали!

С тех пор она не ложилась, да и вообще не ходила без оружия. Кто той ночью хотел воспользоваться её видимой беззащитностью, выяснилось сразу – один из погонщиков скота, шедшего вместе с караваном, на следующий день всё вздрагивал, хватаясь за бок, и поглядывал в сторону девушки злыми, налитыми кровью глазами, а во время дневной стоянки откровенно показал Маре кулак. Тогда недавняя ученица воительницы Ханны достала из-за пояса один из четырёх узких, как шило кинжальчиков и с десяти шагов пригвоздила к борту телеги слепня, в двух ладонях от головы мерзавца-погонщика. Тот так и остался с открытым ртом, глупо хлопая глазами.

– Bravo! Вот это удар! – послышалось рядом.

Мара обернулась и увидела молодого купца по имени Верентий. Она и прежде видела этого парня, выгодно отличавшегося от своих бородатых собратьев по ремеслу. Он был ей ровесник, может быть на год, на два постарше. Приветливый, улыбочивый, открытый, раскованный, но не нахал.

Встретясь они при других обстоятельствах, Мара с удовольствием покрутила бы перед ним хвостом, а потом оставила бы с носом, как любила это делать с парнями, когда жила в форте Альмери. Но теперь ей было настолько не до таких игр, что она совершенно не замечала ни восторженных взглядов, ни мелких знаков внимания со стороны молодого человека.

Вот и сейчас он сбегал за её кинжальчиком, вручил ей

его с несколько театральным поклоном и ещё раз выразил своё восхищение мастерским броском девушки. Мара сухо поблагодарила его и вернулась к оставленной работе. Но Верентий не ушёл.

– Ты этому у Ханны научилась? – спросил он девушку.

– У Ханны, – отозвалась Мара, не замечая его смущения.

– Ты это... если нужно что, только скажи... – снова заговорил Верентий, заикаясь чуть ли не на каждом слове, что делало его речь совершенно нелепой.

Девушка подарила ему тяжёлый, подозрительный взгляд, без улыбки, и парень поспешил ретироваться. Они столкнулись ещё раз у ручья, куда Мара отправилась за водой, а вот, что там делал Верентий, осталось загадкой.

Ручей бежал по дну небольшого овражка с весьма крутыми, осыпающимися стенками, и добраться до него было непросто. Мара, набравшая аж целых четыре канистры, осторожно спускалась по зыбкой, ненадёжной тропинке к весело журчащей внизу воде, как вдруг земля у неё под ногами поехала и целый пласт, вместе со стоящей на нём девушкой, устремился вниз.

Мара поняла, что сейчас полетит кубарем и попыталась сгруппироваться, как учила Ханна, чтобы сломать поменьше костей. На мгновение земля и небо поменялись местами, девушка зажмурилась, ожидая удар и... ничего не произошло!

Она опасливо приоткрыла глаза и прямо перед собой увидела лицо Верентия. Ей показалось даже, что парень собира-

ется её поцеловать, но этого не произошло. Он просто смотрел на неё встревоженно и с восхищением. И тут она сообразила, что лежит у него на руках! Мара дёрнулась было, чтобы освободиться, но Верентий уже и сам поставил её на ноги, соблюдая при этом такую осторожность, будто имел дело с драгоценной вазой.

– Испугалась? – спросил он с непритворной заботой.

– Н-не успела! – пролепетала девушка, шокированная не столько грозившей ей опасностью, сколько неожиданным от неё спасением. – Ты что... налету меня поймал?

Верентий кивнул и невольным жестом ощупал левую руку. Подвиг не прошёл ему даром – растянутая мышца начала болеть.

– Дай-ка я помассирую, – услышала Мара свой голос.

Этому искусству её научила Альмери, которая была не только хорошей хозяйкой, давшей своё имя крупному поселению-крепости, но и опытной, умелой знахаркой. Верентий принялся было отнекиваться, но потом сообразил, что делает глупость и, с едва скрываемой радостью, принял помощь из ловких девичьих рук.

Обратно возвращались, уже непринуждённо болтая. При этом две канистры, несмотря на больную руку, тащил парень. Он бы взял все четыре, но Мара, слышать об этом не хотела. По дороге выяснилось, что Верентий – сын младшего офицера стражи по имени Ганс, служившего старому королю Лоргину и погибшего одним из первых во время нашествия

на королевство армии монстров.

Его мать, бедная прачка, которая даже не была официально за отцом замужем, тем не менее, очень его любила и страшно переживала, когда он погиб. В лагерь Золаса они с матерью попали вместе с остальными беженцами после жуткой резни в столице, когда маленькому Вернтию было шесть лет. Поселившись на новом месте, они зажили скромно, но неплохо. Мать занималась прежним ремеслом, а он...

– Я с детства мечтал стать солдатом, – рассказывал Верентий. – Но мама была так против! Она даже слушать не хотела, когда я с ней об этом заговаривал, даже к Ханне в обучение не пустила, хоть я и доказывал, что для купца воинское искусство никогда не бывает лишним. Так что единственное, что мне удалось из таких наук усвоить, это кулачный бой. Правда, его я освоил неплохо – считаюсь в Золас-граде одним из лучших. А так хочется чего-нибудь настоящего! Я даже меч себе купил, тайком от мамы. Он у меня там, под тюками лежит, в полотно завёрнутый.

– Хочешь, научу кидать нож? – снова услышала Мара свой голос раньше, чем подумала, стоит ли это говорить.

Конечно, Верентий с радостью согласился. Тогда они нашли подходящее дерево с толстой, рыхлой корой и начали обучение. Первоначально поясной нож Верентия упорно попадал по стволу плашмя, либо рукоятью. Мара терпеливо раз за разом объясняла ему, как надо стоять, как размахиваться, в какой момент отпускать кончик клинка, зажатый в щепот-

ке между большим, указательным и средним пальцем, но всё было тщетно.

Верентий ругался сквозь зубы, пробовал кинуть нож со всей силы или постараться закрутить его в полёте волчком, (авось хотя бы случайно повернётся так, что подлетит к дереву кончиком и наконец, воткнётся!). Дело кончилось тем, что нож отлетел рикошетом ему между ног и парень едва не стал девочкой.

С досады Верентий готов был всё бросить и даже не хотел забирать злосчастный нож, угодивший при этом в муравейник, но Мара настояла:

– Пробуй ещё!

И он попробовал. И вдруг понял! Во время очередного броска нож сошёл с руки сам, будто живой, пролетел, сделавшись на долю секунды невидимкой, и вошёл на четверть клинка в толстую кору дерева. Ещё не веря в то, что всё получилось, Верентий стал разглядывать работу своих рук и тут услышал от Мары:

– Не на что тут любоваться, немедленно повтори то, что сделал, а то забудешь!

И он повторил. И опять получилось! Получилось и в третий, и в четвёртый раз. Потом ещё были промахи и попадания, но самое главное было то, что он понял, как это делается!

– Ну вот, теперь ты умеешь главное, – заключила Мара. – Тренируйся каждый день, оттачивай своё мастерство и на-

учишься попадать ножом куда захочешь, да ещё и с расстояния втрое больше этого.

– Вот спасибо тебе огромное! Если бы так же и мечом...

– Тут я тебе плохая помощница. Не то что б совсем не умела, но меч это не моя сильная сторона. Лучше тебе найти учителя из опытных там, куда мы едем. Кстати, надо торопиться, а то караван без нас уйдёт!

Остаток пути они почти пробежали. Караван не ушёл, но все лошади были запряжены, костры погашены, а вещи собраны. Верентий помог Маре погрузить канистры в фургон и собрался уходить, но замялся и уставился в землю.

– Послушай, – сказал он, наконец, – может быть мы завтра...

– Я возьму лук и стрелы, и мы поучимся стрелять! – перебила его Мара.

– Отлично! Тогда в то же время, как и сегодня!

– Договорились!

Вдруг Верентий легонько приобнял девушку за талию, притянул к себе, быстро прижал к её губам свои и исчез, скрылся среди возов и фургонов, будто был не человек, а некий дух без плоти, не встречающий препятствий. Мара стояла не в силах двинуться. Если бы в неё попала молния, эффект был бы примерно таким же.

Гнев, на долю секунды вспыхнувший в мозгу, тут же сгорел, не оставив после себя даже пепла. Она вдруг почувствовала, что всё её существо заполняет непонятная, неведомая

доселе сладкая истома. Впервые в жизни ей было так хорошо... и стыдно одновременно! Девушка даже оглянулась во круг, опасаясь, не увидел ли кто их поцелуй, и вдруг поняла, что Руфус смотрит на неё поверх борта фургона.

Сердце её упало, но тут же подскочило вновь и забилось радостно и счастливо! Мальчик улыбался! Впервые с того момента, как они тронулись в путь. Нет, впервые с тех пор, как открыл глаза в больнице! Он улыбался доброй и приветливой улыбкой, он был рад за неё и желал ей счастья!

Мара вдруг почувствовала, как мир, который совсем недавно был угрюмым и серым, вдруг наполнился красками, и засиял, засверкал, словно залитый солнцем весенний сад!

Глава 91. След младшего

Снова дорога. Только другая, не такая, как по ту сторону каньона. С деревьями по обе стороны, с не заросшей тройной колеёй, оставленной многочисленными телегами, фургонами, двуколками и прочими повозками. Такие дороги Маранта знала с детства, но забыла об их существовании на полтора с лишним десятка лет, поселившись в Междустенье, где дорог не было.

Теперь она видела эту дорогу иначе, не так, как её можно увидеть с седла лошади, а через лобовое стекло автомобиля, несущегося со скоростью птицы. Впечатление сходное с тем, какое испытываешь, когда выглядываешь через бойницу в крепостной стене.

Да, по сути, так оно и было – эта машина представляла собой небольшую крепость на колёсах, была неуязвима для стрел и пуль, и служила домом трём своим пассажирам.

Священник поехал с ними. Как Порфирий уговаривал её оставить старика дома, так Микаэль-Панкратий убеждал её взять его с собой. Теперь он дремал на заднем сидении в то время, как Михал дремал на переднем. От такой картины Маранте самой страшно хотелось спать, и она уже подумывала остановиться, где-нибудь у обочины, пока они не съехали в кювет.

За время их путешествия Маранта преподавала обоим муж-

чинам уроки вождения, справедливо мотивируя это тем, что не может же она одна всё это время быть за рулём. Не обошлось при этом без сюрприза – престарелый священник быстрее освоил премудрости управления автомобилем, чем её ещё не старый и очень даже крепкий муж.

Всё было просто – Михал вырос среди лесов и не признавал механизмов сложнее собственного лука, а Микаэль-Панкратий в молодости открывал хитроумные замки, взламывал сейфы, придумывал тайники для провоза контрабанды и разрабатывал мудрёные операции, от которых пустели кошельки толстосумов и болели головы лучших полицейских сыщиков Торгового города. Понятно, что ему проще было "принять" саму возможность передвижения с помощью такого приспособления, как автомобиль, чем Михалу, который привык двигаться на своих двоих и даже конную повозку увидел в первый раз в жизни позавчера, когда она попалась им навстречу.

Машину основательно потрянуло на ухабе и это разбудило её спящих спутников.

– Устала? – спросил Михал, взглянув в лицо жены. – Давай я поведу.

– Нет, нет! – отозвалась Маранта. – Я могу вести ещё долго. Я скажу, когда понадобится меня сменить.

На самом деле ей не хотелось, чтобы они ехали медленно, как это всегда было, когда машину вёл осторожный Михал.

– Сколько у нас горючего? – поинтересовался со своего

места священник.

– До места не хватит, – ответила Маранта, подразумевая под словом "место" границу земель Торгового города. – Придётся купить самогон в лагере Золаса. Я надеюсь, они не приняли за это время сухой закон?

– Если с ума не сошли, то не приняли, но заехать туда, значит сделать крюк, а это отнимет время.

– Но где же тогда взять горячее? Самогон могут гнать и на мелких фермах, если в этих краях ещё остались такие. Но его там врядли найдётся в достаточном количестве и нужной крепости. Все же прочие более-менее крупные города расположены близ западной границы, но туда мы не дотянем.

– А как насчёт столицы бывшего королевства Лоргина?

– Но, падре, ведь город сгорел, и, как сказал Порфирий, его никто не собирался восстанавливать. Там даже мародёрствовать боятся. Я сама видела, как полыхал дворец...

– А стены тоже сгорели?

– Нет, стены остались, они же каменные.

– Так вот, эти каменные стены хранят в себе много тайн. Под одной из них должен сохраниться и мой тайник, который я закрыл и запечатал, когда решил совсем уйти из этого мира и искать людей чистых духом и сердцем. Лоргин тогда запретил производить самогон во всём королевстве, везде, кроме своих собственных винокурен. Продавали его населению задорого, а привезённый из-за границы, получался ещё дороже из-за таможенных пошлин. Так что выгодней всего

его было возить контрабандой и толкать большими партиями торговцам и трактирщикам. Я тогда снабжал им и Порфирия, и Теренция, и ещё кое-кого, а для удобства завёл свой собственный склад, расположение которого было известно только избранным. Самогона там хватит, чтобы доехать не только до границы, но и до самого Торгового города, а потом вернуться обратно.

– А вдруг и там всё сгорело?

– Врядли. Это место недоступно огню извне и так спрятано, что редко кто сможет догадаться, где на самом деле вход. Если я ошибаюсь, то мы потеряем лишь полдня пути, а если нет, то сэкономим и время, и деньги.

Маранта решила послушаться совета старого контрабандиста и вскоре свернула на сильно запущенную дорогу, ведущую к разорённому городу.

То, что предстало им через три с лишним часа езды, выглядело ещё более удручающим, чем Мёртвый город по ту сторону каньона. Особенно это зрелище подействовало на Маранту, молодость, которой прошла за этими стенами.

За рулём на этот раз сидел священник. Он уже направил, было, автомобиль к главным воротам, когда Маранта остановила его.

– Падре, а в какой части города находится этот ваш тайник? – спросила она.

– В западной. Я как сейчас помню – если оставить дворец справа, то ехать надо прямо, но не до самой центральной

площади, а свернуть налево на третьем повороте, потом...

– Не стоит этого делать.

– Почему же, дочь моя?

– Город разрушен и по большей части сожжён. Многие улицы перегорожены упавшими зданиями, а кое-где мы сами построили баррикады, чтобы внезапные атаки монстров не мешали искать выживших. Поэтому, если мы поедем через город, то можем легко застрять или попросту упрёмся в непроходимое препятствие. Проще объехать городские стены слева и попробовать проникнуть внутрь через западные ворота.

– Ты права, дочь моя, ты права. Только бы эти ворота не были заперты.

– Мы тогда открыли всё, что можно и врядли за это время кто-нибудь закрыл их. Порфирий рассказывал, что это место пользуется дурной славой у самых отчаянных мародёров.

– Охотно верю, – задумчиво произнёс священник. – Фартовые люди суеверны. Если объявить какое-либо место проклятым, то их туда и на верёвке не затащишь, будь там хоть всё золото мира.

Западные ворота были не только не заперты, а даже сорваны с петель, причём одна половинка валялась внутри, а другая держалась на честном слове, грозя в неопределённом будущем присоединиться к своей сестре и возможно прихлопнуть того кто попадётся ей под створку.

Священник ахнул, когда они въехали наконец-то в город.

Картина знакомых когда-то, но совершенно разрушенных улиц, подействовала на него ошеломляюще. Маранта хотя бы всё это уже видела, но и она нахмурилась при виде сожжённых и разрушенных домов. Михал уже видевший нечто подобное, был, тем не менее, не в своей тарелке, а потому спросил, едва скрывая раздражение:

– Отец, так, где же этот ваш тайник? Скорее бы убраться отсюда!

– Тайник под стеной, – ответил священник. – А вход – через подсобные помещения одной государственной конторы.

– Что-то я не припомню в этой части города ни одной государственной конторы, кроме... Таможенной управы? – вдруг догадалась о чём-то Маранта.

– Вот именно, дочь моя! Кому же ещё давать крышу бедным контрабандистам, как не господам таможенникам? Государство вечно старается сэкономить на их содержании, а кое-кто из власть имущих ещё и специально провоцирует этих чиновников, держит их в чёрном теле, чтобы сначала тянуть с их левых доходов, а потом жертвовать ими, как пешками, прикрывая собственные тёмные дела.

– Гвардия этим не занималась, но слухи, конечно же, ходили. Но всё это в прошлом, сейчас у нас другая беда – здание Управы-то сгорело одним из первых.

– А вот это плохо, дочь моя! Но будем надеяться на лучшее.

Вскоре он остановил машину возле руин того, что бы-

ло когда-то длинным зданием нелепой архитектуры, облицованным жёлтым кирпичом. Все четыре этажа этого строения были обрушены, но, приунывший было священник, после более близкого осмотра развалин приободрился и выглядел довольным.

– Я вижу, что тайник мой цел, – пояснил он, иначе вон та часть стены не выглядела бы, как новая. Там столько спирта, что взрыв мог проломить стену насквозь. Теперь надо найти люк в полу одной пристройки. Она была во-он там, кажется!

Вход в тайник нашёлся на удивление быстро. Но он оказался заваленным битым кирпичом и разным мусором. Для разбора завала требовалось время и основательные усилия. Маранта, как женщина, да ещё и в положении, сразу от этой работы была отстранена, поэтому она, поворчав немного, принялась за приготовление ужина.

Прошло часа два с небольшим. У неё всё давно уже было готово, но мужчины, войдя в азарт, не хотели бросать работу и всё говорили, что "ещё чуть-чуть и они доберутся до люка, а тогда можно будет и передохнуть".

– Тогда я прогуляюсь немного! – сказала Маранта, которой наскучило сидеть возле булькающего котелка и смотреть, как из развалин вылетают кирпичи и доски.

Она прицепила к поясу свой меч и, не торопясь направилась вдоль улицы, которая шагов через двадцать сворачивала за угол. Михал со священником провозились ещё с полчаса, когда, наконец, большая мраморная плита, поддетая ломом,

отвалилась в сторону, открыв чёрный провал подземного хода с узкой лестницей, уходящей в темноту.

– Там дальше дверь с очень хитрым замком, ключ от которого я давно уже выбросил, – радостно сообщил священник.

– И как же мы её откроем без ключа? – искренне удивился Михал.

– Я этот замок сделал, я его на дверь поставил, так неужели я его не открою? – ответил священник с гордостью. – Только давай сначала отдохнём, а то мои старые кости совершенно разболелись. И поесть бы не мешало!

Они выбрались из развалин и увидели возле машины импровизированный стол, накрытый на три персоны. Рядом, над погасшим костром, остывал котелок с варевом уже переставшим булькать, и тут же на кирпичках стоял, ожидающий своей очереди, чайник. Не было только хозяйки, так и не дождавшейся мужчин к столу. Они поозирались вокруг, потом принялись звать её, но ответа не было.

– Она, кажется, собиралась куда-то пройти? – вспомнил священник. – Вот только куда она пошла? В какую сторону?

– Будем искать! – ответил Михал, вмиг становясь серьёзным и собранным. – Здесь только два пути. Давай я пойду налево, а ты направо.

Так они и сделали. Священник взял в руки монтировку, а Михал извлёк из машины свой лук и колчан со стрелами и они разошлись в разные стороны.

Путь охотника был недолгим. Улица, по которой он по-

шёл, упиралась в сплошной завал из брёвен и мусора. Оглядев эту мешанину, Михал понял, что без особой нужды Маранта туда бы лезть не стала и решил вернуться. Он проследовал обратно, мимо их лагеря и отправился по улице, куда пошёл священник.

На этот раз пришлось свернуть четырежды, поскольку основные городские проезды и здесь были перегорожены, но оставался извилистый путь по переулкам, хоть и там приходилось то и дело обо что-нибудь спотыкаться. Но вот, наконец, зайдя за очередной поворот, Михал увидел картину, от которой волосы шевельнулись у него на голове:

Маранта и священник неподвижно стояли напротив свежей могилы, устроенной на газоне возле дома разрушенного практически до фундамента. Михал почувствовал, что его ноги становятся ватными, но заставил себя подойти и посмотреть туда, куда они так уставились.

В головах у продолговатого холмика был воткнут грубо сколоченный крест, материалом для которого послужили доски, найденные здесь же в развалинах. На кресте, с помощью разнокалиберных гвоздей, была прикреплена табличка с надписью, которая гласила:

"Здесь покоится прах почтенного булочника Лария, погибшего при нападении монстров и разрушении города. Да почует с миром душа его".

Михал, которого, при виде могилы словно окатило ледяной водой, почувствовал, что сейчас его бросает в жар. И

дело было не в погибшем много лет назад булочнике. Эта надпись, выведенная белой краской по чёрному полю, была сделана аккуратным, круглым почерком Руфуса...

Глава 92. Тиресий

Пещера? Нет, скорее это весь мир так потемнел и съёжился. Даже воздух вдруг стал густым и горячим, как разогретая патока. Наполнять им лёгкие сделалось трудно и от этого всё тело уставало гораздо больше, чем от тяжёлой работы.

Ларни подняла голову и посмотрела на красное, в чёрных прожилках, небо. Дышать от этого легче не стало. Тогда она опустила голову и посмотрела на чёрную, в красных прожилках, землю. Эта земля манила лечь на неё, свернуться калачиком, закрыть голову руками, замереть, остановить сердце...

Когда собаки попытались так сделать, Стефан погнал их пинками. Если бы Ларни поддалась сейчас слабости, он наверно, также, не церемонясь, погнал бы и её. Но она не поддавалась. Шатаясь, раскачиваясь, она шла и шла вперёд, как заведённая.

Вдруг всё изменилось. Подул ледяной ветер, всё вокруг заволокло рваными клочьями чёрно-серого тумана, и, как минуту назад, они страдали от жары, так сейчас затряслись от холода.

– Я бы не советовал этим даже дышать! – слышался вдруг из ниоткуда голос очень похожий на голос Князя Тьмы. – Что вы жмётесь друг к дружке, как дети малые? А ну – спины распрямить и ходу, ходу, ходу!

Выяснить, что бы это значило, было некогда, а вот совет был хорош и они им не замедлили воспользоваться. Когда страннЫй туман кончился, и воздух более или менее очистился, они буквально упали на каменистую, покрытую чёрной пылью, землю, едва переводя дух.

– Покоя здесь не будет, не надейтесь! – прогремел всё тот же голос. – Сейчас будет страшно, но не опасно. Главное – никому ничего не давайте!

Ларни и Стефан переглянулись.

– Что он имел в виду? – спросила девушка. – Кому и что мы не должны давать?

– Понятия не имею, – ответил охотник. – Кто здесь вообще может жить? Да и что мы можем дать?..

– Крови!!!

Слово было произнесено так, как это не способен сделать человеческий язык. В тот же миг завыли собаки и от их, леденящих душу, голосов людям стало холодно не только снаружи, но и изнутри. Почему-то было страшно оборачиваться. Им казалось, что если этого не делать, то может беда ещё и пройдёт мимо, а если обернуться, тогда всё – конец!

– Крови! – повторил тот же нечеловеческий голос и они обернулись.

Прямо перед ними стояла, точнее висела в воздухе фигура, общими чертами похожая на человека, но полупрозрачная, словно сотканная из того самого тумана, который они только что оставили позади.

– Дайте крови! – потребовало ещё раз привидение, и на том месте, где у человека должны быть глаза, появились два тускло светящихся пятна без намёка на зрачки, но людям показалось, что они уставились прямо на них!

Призрачная фигура приблизилась. Псы взвыли с новой силой и спрятались за спины людей. Стефан схватился за лук. В последнее время он предпочитал его огнестрельному оружию. Ларни хранила верность своему карабину, и сейчас её выстрел опередил стрелу Стефана.

Пуля прошла сквозь призрачную фигуру, выбив из неё клочок чёрного тумана, который тут же возвратился на место. Привидение не задержалось ни на секунду.

Стрела ударила его точно между тусклых глаз! Призрак вздрогнул и остановился, стрела так и осталась торчать у него из "головы". Казалось, он рассматривает её, скосив глаза к переносице. Вдруг он издал глотательный звук, и стрела стала быстро погружаться в его тело. Призрак пожирал стрелу!

– Демоническое оружие не поможет! – вновь раздался голос Князя Тьмы. – Они от него становятся только сильнее. Бейте клинками!

В этот момент привидение, будто проснувшись, рванулось вперёд, сделало быстрое движение рукой и с одного взмаха распороло куртку на груди Стефана, оставив на коже четыре глубоких пореза. Охотник не успел даже поднять руку, чтобы загородиться, но в тот же миг катана Ларни по самую

рукоять вошла в призрачную плоть! Нежить взвыла и вдруг исчезла, растаяв в воздухе, как комок снега в котелке с кипятком.

– Оглянитесь! – опять сказал голос.

Ларни и Стефан оглянулись. Сотни и тысячи призраков, подобных тому, который появился первым, подходили к ним, грозя окружить.

– Их привлекает кровь. Не давайте им напиться вашей крови!

Это напоминание было лишним. Люди не собирались ни с кем делиться своей кровью и встали спина к спине над сжавшимися в комок собаками.

– Ничего не бойтесь, вы сильнее! Вы здесь главные! – подбадривал голос. – Гоните этих тварей, задайте им пир мечей!

Призраки захлестнули людей, словно океанская волна, обрушившаяся на берег. Сразу стало сыро и холодно, а ещё тесно! Тесно от призрачных тел, легко поражаемых сталью, но грозящих утопить и проглотить людей, переварить их, растащить на атомы.

Пир мечей состоялся. Эльфийский клинок Стефана со свистом рассекал врагов, почти не встречая сопротивление. Катана Ларни работала не хуже, а когда охотник обернулся то увидел, что вокруг головы девушки полыхает голубое пламя!

Вдруг призраки кончились. Последний из них бесплотно скользнул по клинку Стефана и растаял, разочарованно ох-

нув напоследок. Во внезапно наступившей тишине послышалось несколько хлопков в ладоши. Князь Тьмы стоял в двух шагах от тяжело дышащей пары усталых бойцов.

– Bravo! Молодцы, отлично справились! – сказал он. – Впрочем, я в вас не сомневался.

– Почему ты помогаешь нам? – всё ещё тяжело дыша, спросил Стефан, бесцеремонно называя Властелина Ада на "ты".

Последнего это совершенно не смутило.

– Скажем так – я хотел бы, как можно дольше видеть вас среди живых. Зачем? Это моё дело. Возможно мои намерения коварные и злые, а может быть, и нет. Не важно! Сейчас они совпадают с вашим желанием выжить, а потому будьте довольны таким объяснением.

– Тогда почему бы не вмешаться? А то всё советы, да подбадривания! – спросила в свою очередь Ларни.

– Я же всё объяснил вам тогда! Меня здесь нет, ведь это не мои владения, а уже преддверье Ада – переходное пространство, где обитают души тех, кому по тем или иным причинам отказано в перерождении. Люди думают, что это и есть Ад, но это далеко не так. Ну, вы же знаете теперь! Короче мне нельзя прибывать здесь во плоти, но свою Тень и Голос я послать могу, так что слушайте, что я буду говорить – дольше проживёте. А теперь давайте, двигайтесь, а не то сейчас новые призраки пожалуют, а на всех у вас силы точно не хватит.

Ларни и Стефан сами понимали, что отсюда надо уходить, а потому их не пришлось уговаривать.

– Крови! – вдруг снова послышалось, где-то рядом.

Люди схватились было за оружие, но Повелитель Ада ска- зал:

– Не трогайте его, это Тиресий! Хотите знать будущее? Угостите его жертвенной кровью, и он вам всё расскажет. Я и сам рад был бы узнать у него новости, но не могу привести сюда жертвенного барашка.

– У нас тоже барашка нет, – хмуро ответила Ларни. – А расходовать свою кровь ради того, чтобы узнать то, что и так случится – глупо!

Князь Тьмы снова заплодировал.

– Точно! В самое яблочко! Теперь я понимаю, почему вы так симпатичны моей дочурке. Впрочем, кое-что узнать вам всё-таки придётся.

Ларни оглянулась. Призрак Тиресия, встав на четвереньки, слизывал с пола капли крови, пролитые Стефаном при столкновении с первым привидением.

– Счастливцев! – проскрипел призрак старческим голо- сом. – Но твоё счастье это – достояние других. Скоро твоё невежество принесёт освобождение тому, кто давно потерял надежду, но прежде ты едва не сделаешься вечным пленни- ком, избегнув участи второго по величине героя древности!

Тень замолчала и стала удаляться.

– И что всё это значит? – спросил Стефан.

– А, выходит всё-таки интересно, да? Кто знает, что могут значить слова, купленные всего несколькими каплями? Хочешь узнать больше, больше и плати!

– Обойдёмся!

Ларни удержала за рукав Стефана, сделавшего движение в сторону Тиресия.

– И то верно, ведь вам пора! Кстати, детка, обуйся – там впереди ножкам будет горячо.

С этими словами Князь Тьмы растворился в воздухе, подобно тем самым духам, с которыми только что была битва. Ларни пожала плечами, но Стефан уже доставал из своего мешка её ботинки.

– А я так надеялась, что избавилась, навсегда от этих бульников! – простионала девушка, но всё же чмокнула парня в щёку.

Глава 93. Счастье и беда

Мара не знала, что сон может быть так сладок. Но пробуждение было ещё восхитительней! Едва она открыла глаза, как увидела Верентия, приподнявшегося на одном локте и влюблённо глядящего на неё.

Вспомнилось сразу всё – его страстные объятия, сбивающийся, захлёбывающийся шёпот, торопливые, неумелые ласки и восторг её собственного юного тела, принимающего и отдающего любовь! Она ни о чём не жалела... Да и о чём жалеть? О счастье?

Ей вдруг припомнились длинные разговоры и менторские наставления, которые она слышала от Альмери и старших сестёр. Прошлой ночью всё это было перечёркнуто!

Впрочем, она давно уже посмеивалась про себя над их стараниями. Кто это ей морали читает? Альмери, из шестерых детей которой, включая тех, кто умер во младенчестве, даже двух не было от одного мужчины? Нет, она вовсе не осуждала женщину, заменившую ей мать, но совершенно не понимала, почему её саму пытаются вырастить засушенной моралисткой? Разве она не человек из плоти и крови? Разве это не её жизнь и не её тело?

Мара слегка тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли, улыбнулась своему возлюбленному и обняла его. Верентий был такой замечательный! Нежный, заботливый и та-

кой влюблённый, что это даже немного пугало. Если б она его не осаживала, он всерьёз принялся бы устилать её путь розами. Поединок из-за неё уже состоялся.

Как-то утром, на днях, Мара проснулась от задорных криков и улюлюканья, доносившихся со стороны вытоптанной площадки, служившей центром лагеря для всех караванов, что здесь останавливались. (Руфус, просидевший с книгой у костра до самого рассвета, спал младенческим сном и ничего не слышал.) Там стояло множество людей, которые кричали и размахивали руками.

Что происходило в самом центре, видно не было, но от туда слышались глухие звуки ударов и поднимались клубы пыли. Мара, любопытствуя, подошла к этой толпе и, встав на цыпочки, попыталась заглянуть в центр человеческого круга. Ей это удалось не сразу, но когда она увидела-таки, что там происходит, сердце её упало, и девушка почувствовала, как мороз прошёл вдруг по её спине!

Там, под подбадривающие крики толпы, словно два быка, дрались Верентий и тот самый погонщик, который недавно приставал к Маре ночью и чуть было не добился своего! Сразу было видно насколько этот мужик крупнее и тяжелее парня, с которым она уже привыкла встречаться в походе за водой или собирании валежника. Но Верентий не врал о своём опыте и славе кулачного бойца. Он был цел и невредим, а красная рожа его противника носила следы многочисленных "попаданий по цели".

Оба глаза погонщика были подбиты, нос расквашен, а во рту не хватало нескольких зубов. Но девушка сейчас видела лишь пудовые, похожие на кувалды, кулаки, способные с одного удара разбить человеческую голову, словно тыкву. Они рассекали воздух со зловещим свистом в опасной близости от лица его противника, и было ясно, что требуется только одно попадание, всего лишь одно и молодому купцу придёт конец!

Однако удача и мастерство были на стороне Верентия, и вскоре его противник, что-то взыв напоследок, рухнул в пыль и остался лежать, поскуливая по-собачьи. Толпа возликовала! Люди делали ставки, и большинство симпатий склонялось на сторону Верентия.

И тут кто-то заметил Мару. Девушка охнуть не успела, как оказалась в центре внимания. Люди расступились и вновь сомкнулись у неё за спиной. Она так и предстала на всеобщее обозрение, как вскочила с постели – нечёсаная, неумытая, босая, в мятом, сбившемся сарафане с одной упавшей бретелькой. Но ничего этого не было замечено – её приветствовали, как королеву!

Выяснилось, что скотина – погонщик, то ли забыл, как бежал от неё через кусты с обожжённым боком, то ли, будучи сам дураком, считал всех окружающих глупее себя, но он этим утром вдруг начал рассказывать всем и каждому, какая Мара умелая шлюха и как он развлекался с ней недавно!

Верентий всё слышал и сначала попытался опровергнуть

негодая словесно, но тот по-видимому, слишком полагался на свою силу, (в самом деле не маленькую), и полез в драку. И вот получил по заслугам, оставшись битым и виноватым одновременно!

Мара не знала, как себя вести в подобной ситуации. Она была ошарашена, сбита с толку до головокружения, и очнулась только тогда, когда Верентий схватился за бок, и его лицо исказила гримаса боли.

– Ты ранен?

Выяснилось, что, несмотря на всё мастерство, он пропустил-таки один удар проклятого битюга, который пришёлся по рёбрам. Мара не помнила, как они оказались возле их фургона, где они с Руфусом тщательно изучили грудную клетку Верентия.

К счастью рёбра были целы, но синячище вышел знатный, и болел отчаянно. Даже сейчас, недели полторы спустя, она старалась лишней раз не задевать это место, постепенно меняющее цвет с чёрно-лилового на изжелта-коричневый. Правда, в порыве страсти Верентий совсем не замечал боль!

Мара улыбалась, вспоминая свой разговор с Ханной, когда та предостерегала её о том, что их дружба с Руфусом может перерасти в нечто большее. Нет, она любила его, как брата, она бы жизнь отдала за мальчика, который заслонил её собой от смертельного удара. Но любовь, свою женскую любовь, чистую и нежную, она отдала Верентию! А случилось это, как не странно именно благодаря Руфусу.

Весь прошлый день они были втроём. Караван застрял по каким-то, одним проводникам ведомым, причинам и продолжение путешествия должно было случиться только завтра. Мара уже предвкушала, что подольше побудет с Верентием, но Руфусу полезно было прогуляться, и они взяли его с собой.

По дороге разговорились об учении Инци, которым Верентий живо заинтересовался. Он проявил изрядную начитанность и вскоре они с Руфусом затеяли настоящую дискуссию, так что Маре оставалось только идти рядом, молча слушать и потихоньку досадовать на Верентия и на Руфуса, на себя и немножко на Инци, хоть он и был тут совершенно не причём.

Расставаясь, они даже не поцеловались, как это делали в последние дни – долго и чувственно, а ткнулись друг другу в губы, воровато косясь на Руфуса. Потом она никак не могла уснуть. Всё ворочалась на своём тюфяке, то глядя в звёздное небо, то зарываясь лицом в свёрнутый плащ, который служил ей подушкой. Вдруг она почувствовала на своей руке знакомую маленькую ладошку.

– Иди к нему, – услышала Мара голос Руфуса.

– Но...

– Иди, не бойся! Ты мучаешься, я же вижу. И он мучается. Иди, он ждёт тебя. Это не грех – Инци никогда не был против искренней любви!

Мара ничего не смогла сказать в ответ. Она только быстро

прижала ладонь своего маленького друга и учителя к губам и сорвалась с места, будто пущенная стрела.

Верентий на самом деле не спал, а сидел, прислонясь к своей телеге, и мрачно смотрел на огонь. Когда Мара вбежала в световой круг, он не поверил своим глазам, и некоторое время хлопал ресницами, причём взгляд у него был недоверчиво-дикий. Затем он вскочил и встал напротив неё, всё также молча и глядя серьёзно и недоверчиво. А потом их руки сами нашли друг друга...

Это была их первая ночь. Они ничего не обещали друг другу, не произносили клятв – они любили! Это было их первое утро. Первое утро вместе!

Мара вдруг поняла, что кругом светло, а лежат они под телегой, которая хорошо просматривается со всех сторон. Её охватила лёгкая паника, так-как сарафан – единственная одежда в которой она пришла сюда, лежал на телеге сверху, и дотянуться до него не представлялось возможным. Они с любимым были укрыты лишь тоненьким пледом, которого едва хватало, чтобы поместиться под ним вдвоём.

"Ну и пусть смотрят, – подумала Мара. – Пусть завидуют! Пока я с ним, мне всё можно и ничего не стыдно!"

– Верентий!

Под телегу просунулась рыжая вихрастая голова товарища Верентия по торговле. Мара уже много раз видела этого чудного парня, который казалось, всегда улыбался и постоянно шутил, находя окружающий мир исключительно смеш-

НЫМ.

– Верентий, слышь, там такую штуку нашли – закачаешь-ся! Ну, ва-аще умора! Айда, бежим смотреть!

Он улыбнулся от уха до уха, так что его веснушчатая физиономия разделилась на две неравные части – верхнюю и нижнюю, будто разрезанная, сморщил курносый нос, лукаво подмигнул Маре и исчез.

– Пойдём, посмотрим, что там такое? – спросил Верентий неуверенно.

Ему явно больше хотелось остаться наедине с подругой, чем идти и смотреть на какую бы там ни было штуковину.

– Пошли!

Мара тоже никуда бы не уходила, но оставаться под телегой дальше было нельзя, да и дневные заботы никуда не делась. Дела надо было делать, их никто не отменял. К тому же, что может развеять скуку монотонного, утомительного путешествия, как ни какое-нибудь необыкновенное зрелище? (Ну, кроме любви конечно!)

Поэтому они, наскоро одевшись, побежали туда, куда устремились, все кто был в караване, кроме нескольких охранников, не имевших права отходить от фургонов.

Нечто привлекшее внимание торгового люда, лежало в кювете справа от дороги, которая через полумиллю должна была пересечь границу земель принадлежащих Торговому городу. Эта штуковина была размером с большой фургон и напоминала огромный сундук, поставленный на колёса.

Правда сейчас колёс у неё не было, от них остались обугленные ошмётки и пучки тонкой проволоки корта. Весь этот бронированный сундук тоже носил следы огня, уничтожившего всё, что было внутри него и едва не расплавившего корпус. Кроме того, в боках этой повозки зияли сквозные дыры, будто пробитые ломом. Но какой лом мог так продырявить броню в три пальца толщиной к тому же сделанную из крепчайшей стали?

– Это следы от пуль! – объяснял с видом знатока, какой-то старик. – У стражи Торгового города пушка такая есть специальная – гору пробьёт, если надо! Эта штукovina – боевая машина чья-то. Видать, она с разездом стражи столкнулась, да что-то не поделила, вот и продырявили её наскрозь!

Из-за спин и голов в соломенных шляпах Маре ничего не было видно. Она среди сверстниц хоть и не считалась малышкой, но и высоким ростом тоже похвастать не могла. Верентий решил эту проблему просто – раздвинул толпу плечом и протацил свою подругу, (эх, опять растрёпанную!), в первый ряд зевак.

Сгоревшая машина имела вид удручающий и величественный одновременно. Она лежала на брюхе, слегка завалившись на правый бок, и напоминала корабль, выброшенный на берег. Верентий хотел что-то сказать, но тут девушка тихо ахнула и покачнулась, словно теряя равновесие.

– Ты чего? – спросил он удивлённо. – Испугалась, что ли? Она указала на рисунок, чудом сохранившийся на двери

машины. Он изображал две буквы – заглавную "А" и маленькую "л". Обе буквы были заключены в ровный пятиугольник.

– Это знак форта Альмери! – сказала Мара, срывающимся от волнения голосом. – На этой машине наш военный комендант Диана и её друг и консорт, сэр Галль поехали с посольской миссией в Торговый город...

Глава 94. Где построить домик?

– Танат! Прячьтесь!

Выкрикнув это, тень Князя Тьмы юркнула под ближайший камень, не слишком заботясь о том, чтобы уйти с достоинством. (Видимо, таять в воздухе было некогда!)

Ларни и Стефан обернулись и посмотрели в ту сторону, куда указывал их призрачный советчик. Сначала им показалось, что в чёрно-красном небе виден серый силуэт какой-то птицы. Но когда эта "птица" подлетела поближе, им очень захотелось последовать за хозяином Ада.

Было непонятно, где у этой фигуры, втрое превосходившей человеческую, заканчивается широченный плащ и начинаются крылья. Сам по себе обладатель столь необычной одежды, (или оперения?), представлял собой скелет, совершенно лишённый плоти и ничем, кроме размеров, не отличающийся от человеческого.

– Ну что вы ждёте?! – раздался голос из под камня. – Это же бог или, как сейчас говорят, Ангел Смерти! Танат не щадит никого, он жаден и безжалостен. Если он вас увидит, то захочет забрать с собой, а если он это захочет, то он это сделает, и никто ему не указ!

Влюблённые и сами рады были бы спрятаться, но кругом имелись только небольшие камни, способные дать убежище, разве что кролику. Людям ничего не оставалось, как

броситься ничком, прижавшись, друг к другу и замереть в ожидании своей участи. Бежать было бесполезно, а обратить против Ангела Смерти оружие, почему-то никому из них не пришло в голову.

Ледяной вихрь пронёсся над распростёртыми среди камней людьми, пробрав их до костей могильной сыростью. У обоих душа ушла в пятки, словно они были детьми, а не прошедшими множество битв, бойцами, привыкшими без страха смотреть в глаза любой опасности. Но вот холод сменился прежней жарой и духотой, страх отступил, души вылезли из своих убежищ в нижних конечностях и стали потихоньку подниматься вверх, согревая попутно тела.

– Ну, вы везунчики! – сказала тень Князя Тьмы, выплывая из-под камня. – Он вас каким-то чудом не заметил, хоть он и очень зоркий. Но может быть он просто занят? Война там, какая-нибудь или мор?

– А сам-т-то ты, чт-то спрятался? – поинтересовалась Ларни, зубы которой всё ещё выбивали дробь. – Ч-чего тебе б-бояться, т-тебя же з-здесь вроде бы нет?

– Ну-у, меня здесь не совсем нет! Тень есть и голос тоже. И то, и другое у меня не лишнее. Правда Танат не крохобор, он если возьмёт то сразу всё, но чем чёрт не шутит, как говорите вы – люди, когда пытаетесь оправдать собственную неуклюжесть моим вмешательством! Ха, ха! Так, а теперь серьёзно. Вон за тем поворотом будет узкое такое ущелье. Дорога проходит по его дну и другой дороги нет, по крайней

мере, здесь нет. Тропинка эта, (можно и так её назвать), такая горячая, что едва не кипит, но это ещё не самое страшное. Там посреди тропы есть пещера. То есть не пещера даже а просто большой грот и в нём обитает Цербер. Надеюсь не надо объяснять кто это такой? Цербер или Кербер, неважно, как его называть, но он обладает весьма прескверным характером, как и все цепные псы собственно. То, что у него три головы и драконья пасть на кончике хвоста – обычные враки. Он имеет нормальный собачий вид, но это не значит, что он меньше опасен, чем чудовище, о котором говорят в ваших сказках. Он абсолютно неподкупен, он ничего не боится, а скрутить его и посадить на цепь удалось только Гераклу. Но вы это сделать даже не пытайтесь! Если бы вы видели Геракла... Впрочем, речь не об этом. Вынужден признаться – я не знаю, как вам его обойти. Единственное, что приходит в голову, это то, что один из вас всё же имеет шанс проскочить, пока Цербер будет жрать другого.

– Зачем же ты сказал, что здесь можно пройти? – возмутился Стефан.

– Понимаешь, Человек Адамович, – с расстановкой, словно говорил с ребёнком, ответил Князь Тьмы, – другие-то пути вам совершенно недоступны. Один, к примеру, проходит через жерло вулкана, заполненное кипящей лавой. Дух пройдёт, тело – нет. Не желаете нырнуть? Другой годится только для астральных тел, умеющих легко облекаться плотью и так же легко её сбрасывать. Некоторым людям это доступно, на-

пример чёрным колдунам или шаманам, купившим возможность изучения нечистого искусства ценой смерти ближайшего родственника убитого неофитом во время инициации собственноручно. Почему-то мне кажется, что вы не захотите идти этим путём, хоть теоретически он вам доступен. Есть и другие, но они ещё хуже и нет смысла их все перечислять. Я, почему указал тогда тебе на этот? Потому что люди уже здесь ходили. Да, они были не такими, как вы, но это значит, что у вас есть, пусть небольшой, но шанс. Скажем так – шансик. Проявите изобретательность! В конце концов, это едва ли не самая сильная особенность человека, так-как другими талантами вас, (хе-хе!), обделили! Извините, но меня там с вами совсем не будет – Цербер и так не подарок, а в моём присутствии совершенно звереет, так что встретимся по ту сторону. *Если* встретимся... Да! В случае если вам захочется остаться, то ещё не поздно повернуть назад. А что? Царств и дворцов не обещаю, но домик в хорошем месте могу выделить. И садик разобьёте, и дочку родите в покое и безопасности. Подумайте пока не поздно, ведь даже если вам удастся благополучно миновать Цербера, ещё не факт, что вам удастся переступить последний порог, а путь назад будет уже заказан!

Проговорив всё это, Повелитель Ада эффектно растаял в воздухе. Ларни и Стефан переглянулись.

– Вперёд! – скомандовала девушка. – Домик мы построим там, где захотим. А ещё я, между прочим, по семье соскучи-

лась.

Глава 95. Старый знакомец

Только просидев на пятой точке долгие часы и дни, понимаешь, как ноги могут стосковаться по ходьбе. Они, (ноги) ухитряются разучиться ходить, хотя бы чуть-чуть, но разучаются. Что же говорить о том кто давно уже отвык ходить на длинные дистанции?

По просёлочной дороге, петляющей среди возделанных полей и небольших рощиц, до которых ещё не добрались топор лесоруба и плуг пахаря, шли трое – мужчина, женщина и старик. Если мужчина и женщина были крепкими, а их движения упругими, как шаг пантеры, то старик давно уже выбился из сил и едва ковылял на раскоряченных ногах, с трудом преодолевая боль и усталость. Он основательно задерживал своих спутников, но при этом именно он гнал всю компанию вперёд.

– Мы должны успеть до темноты! – говорил он, сам едва не падая. – Если не успеем, то будем ночевать в поле!

– Хоть бы кабак поставили что ли? – посетовала женщина. – Ну, для тех, кто не успел.

– Невыгодно, – ответил старик с таким видом, словно его вот-вот должна была кондрашка хватить. – Здесь не торговый путь, значит, постояльцев будет мало, а крестьяне, живущие на границе, до вечера на улице не задерживаются, они всё делают в первой половине дня.

– Поэтому мы здесь и идём, там, где мало народу, чтобы не привлечь лишнего внимания? – спросил мужчина.

– Как раз наоборот, – ответил старик. – В большой толпе легче было бы затеряться. Просто у меня тут есть один старый знакомый. Порфирий сказал, что он не только жив-здоров, но и до сих пор служит. Хороший человек! Много не берёт, лишнего не обещает, слово держит. Ставит только два условия – не безобразничать и не нагнеть.

– То есть?

– Что ж тут непонятного? Не безобразничать, значит не устраивать разборки, особенно с поножовщиной, на его участке границы, а не нагнеть... Ну, например, когда везёшь контрабанду, не нагружай целый караван, не ленись возить понемногу, не тащи ничего в открытую. Есть у тебя догово-рённость или нет, всё равно – "контру" припрячь. Даже ес-ли рядом все свои, играй роль до конца, делай честную, чуть глуповатую рожу, не лезь в бутылку, не качай права. А ещё, этот путь заказан для вывоза трупов, заложников, краденых детей, невольников разного рода и проворовавшихся поли-тиков, которые ищут защиту и спасение у фартовых людей.

– Ты говоришь, что это запрещено здесь, но ведь разре-шено где-то?

– Конечно. Есть десятки таких путей, троп или дыр, где всё это можно. За особую плату разумеется.

– Но неужели ты, будучи таким признанным авторитетом, не мог всё это совсем запретить?

– Не мог. Ни у какого авторитета нет, и не может быть столько власти. Если б я только попытался, нет, если б я всего лишь намекнул, что хочу прижать, а не то, чтобы уничтожить, какой-нибудь подобный бизнес, то в этот же день получил бы отравленный нож в спину.

– Но всё-таки...

– Как ты думаешь, почему я всё бросил и пошёл искать людей с чистыми, незапятнанными душами, чтобы рассказать им об учении, в котором я сам понимаю не так много, как кажется? Твой сын понимает в нём лучше меня. Мне ведь рассказал о Распятом один умирающий нищий, который был всего лишь младшим членом разгромленной общины. Он же передал мне несколько книг и то распятие, что стоит теперь в нашей церкви. Я сам себя назвал священником, сам придумал или взял из книг многое чему учил вас и выдавал за закон предписанный Богом! Может быть, я был неправ, вы уж простите меня, дети мои! Возможно, мне не следовало делать то, что я сделал, а надо было положить свою жизнь на алтарь борьбы со злом?..

Повисло долгое молчание. Ни Маранта, ни Михал не могли дать ответ на этот вопрос.

– Мы, кажется, пришли, – нарушил это молчание охотник, когда на дороге вдруг возникли ворота без стен и приземистое, грязно-белое здание рядом с ними.

Путники зашли внутрь. Пыльная, обшарпанная комната встретила их запахом плесени, застарелого пота, подмочен-

ной штукатурки и чего-то ещё, старого и немытого.

За столом, таким же обшарпанным и обветшалым, как и всё в этом странном доме, сидел такой же обшарпанный старик, едва видный из-под груды бумаг, тоже старых и пожелтевших, частично рассыпанных, а частично собранных в пачки перевязанные бечёвками.

Поодаль у окна за маленьким столиком сидели двое стражников в доспехах таких изношенных и ржавых, что казалось они, годятся только на огородное пугало. В отличие от всего остального, сами стражники были молоды и на удивление откормлены. Они напоминали двух вертикальных хряков с головами утопающими в плечах и совершенно поросычьими рожами. На вошедших эти двое не обратили ровно никакого внимания, продолжая увлечённо давить на окне мух.

Старик смерил новоприбывших мутным взглядом и снова углубился в свои бумаги. Священник многозначительно посмотрел на Маранту и Михала, потом принял простецки-придурковатый вид и подошёл к столу вплотную.

– Здравс-те, ваша милость! – проговорил он, стаскивая с головы крестьянскую баранью шапку. – Нам бы вот на ту сторону, как бы, ась?

Старик за столом снова поднял свои мутные глаза, и после секундного молчания спросил:

– Кто такие?

– Люди мы, люди! – продолжал играть простака священ-

ник. – Я – старый Махай, крестьянин. Иду в город внука навестить. Он тама в купецком услужении. А енто – племянник мой с супружницей. С женой значить. Хочет в охотники наняться, в северную партию, вот!

– Плати подорожную, дед Махай, – сказал старик, подвигая к краю стола небольшую деревянную коробку. – А племяннику своему скажи, что сейчас для северных партий не сезон. Ушли они уже все, пусть осенью приходит, когда зимние партии собираются.

После этого "дед Махай" отсчитал несколько серебряных кругляшей и положил их дрожащей рукой в коробку, а потом в его руке, как-то сам собой возник столбик из кругляшей жёлтых, который встал рядом с коробкой, но простоял там недолго – старик, сидящий за столом, сделал молниеносное почти незаметное глазом движение и кругляши исчезли, как будто их и не было.

Потом были сделаны три размашистые записи в большой и толстой книге, и напротив каждой священник поставил своей рукой корявый крест. Когда процедура была закончена и троица вышла на улицу, Михал, с наслаждением вдохнув свежий воздух, сказал:

– Воля твоя, отец, но я ничего не понял. Зачем ты каким-то Махаем назвался? Ну, меня в племянники определил это ещё, куда ни шло, но для чего говорить, что я в какую-то там северную партию наниматься иду? Почему не сказать, как есть, что мы ищем сына...

– Потому что время для этого ещё не пришло и не те уши кругом!

– Какие уши?

– Лишние! Во-первых, те двое у окна, во-вторых, кто-то за ширмой, и, в-третьих – те, что бывают у стен, когда думаешь, что вокруг никого нет.

– Куда же мы сейчас? – спросила Маранта.

– К моему другу домой, – ответил священник.

– А это удобно? Он, наверное, не ждёт столько гостей и будет недоволен?

– Прежде всего, он нас ожидает, так-как я его предупредил.

– Когда?

– Только что. Он всё о нас знает и согласился помочь. Не бесплатно, конечно же.

– Но ведь мы ничего не слышали!

– А вы и не могли слышать слов тайного языка фартовых джентльменов. Это старинное искусство – разговаривать о вещах посторонних и договариваться при этом о деле.

– Тот старик, что ли ему передаёт?

– Он и есть тот старик.

– Так это был он?!

– А вы ожидали молодого? Хорошо, что он вообще ещё жив, ведь многие мои ровесники уже отправились к праотцам. Я ушёл из этого мира так давно, что младенцы, рождённые тогда, сейчас уже взрослые люди, давно перешагнувшие

порог зрелости, имеющие своих, далеко уже не маленьких детей. Нда. Кстати вот он его дом. Вот это да! Он за это время его перестроил и превратил во дворец!

Перед ними и впрямь вырос дворец в миниатюре, искусно скрытый за деревьями, так что его почти не было видно с дороги.

– Говорил я ему, чтобы был поскромнее! – проворчал священник. – Попадётся ведь!

– Не попадусь, – сказал вдруг кто-то у них над ухом и давешний старик вышел из кустов.

Но теперь его было не узнать. На нём была одета уже не униформа пограничного стражника, а просторная крестьянская рубаха, шаровары и соломенная шляпа. В руках он держал садовые ножницы.

– Я, видишь ли, тут садовником подрабатываю, – сказал этот, неведомо откуда взявшийся, дед, которого они оставили в том обшарпанном домике. – Работаю по вечерам, в свободное от службы время. Здесь же и ночую. А если когда и заберусь в хозяйское кресло, да отведаю хозяйского вина, так мне же перед хозяином и отвечать.

– А хозяин?..

– Хозяин в отъезде.

– И давно?

– Лет двадцать, как уже.

– Понятно. А остальные слуги?

– Все свои люди. Так что ни о чём не беспокойтесь, про-

ходите в дом, располагайтесь. Сейчас поужинаем, и вы расскажете, что у вас с сынком такое приключилось.

Глава 96. Закон и преступники

Удар был хлестким и неожиданно болезненным. Руфус закрыл лицо руками и несколько мгновений ловил ртом воздух не в силах не только говорить, но и дышать. И, тем не менее, ударивший его человек в форме офицера стражи выкрикнул:

– А ну говори, шенок, на кого ты работаешь?! На кого шпионишь?! На Золас-град или на Форт Альмери?!!!

Это продолжалось уже четвертый час. Сначала следователь говорил с ним ласково и одновременно покровительственно, даже время от времени шутил. Потом стал говорить всё строже, потом закричал и кричал довольно долго, а теперь вот ударил.

– А может ты и на тех, и на других успеваешь, а? Вот оно что! Значит, Золас-град и Альмери объединяются против Торгового города? Так и запишем!

Трижды за сравнительно короткое время Руфуса называли шпионом. Но похоже, что на этот раз всё было хуже. Хуже, чем в прошлый раз, когда ему чуть не проломил голову. Просто тогда страдал он один, а теперь они попали все трое: он – Руфус, Мара и Верентий – её возлюбленный.

И, как всегда случается с честными людьми, беда пришла к ним неожиданно, свалилась, как ледяная глыба на голову во время прогулки ранней весной. Руфус подумал было уж не попал ли он под влияние несчастливого Рока, но вскоре

выяснилось, что предметом атаки злых сил на сей раз были, прежде всего, Верентий и Мара.

Когда во время длительной и нудной процедуры пересечения караваном границы земель Торгового города к ним трое подошёл целый отряд стражников и наставил на них копья, когда им приказали идти в особую комнату в здании таможни, где сначала обыскали, а потом заявили, что они все трое подозреваются в шпионаже, то им всем троим пришла одна и та же вполне естественная, но совершенно неверная мысль, что произошла ошибка. И только когда им зачитали подписанный двумя свидетелями донос, чернила которого ещё не просохли, они поняли – произошло предательство.

Сей документ гласил:

"Господину самому наиглавнейшему судье Торгового города! Спешим сообщить, что с нашим караваном следуют три татя: Верентий, выдающий себя за честного негодичанта, а сам являющийся шпиёном Золас-града, замышляющим против Торгового города и его жителей, полюбовница его по прозвищу Мара, шлюха и шпиёнка из форта Альмери и малец по имени Руфус, опасный книгочей и смутьян, невесть откуда взявшийся и смущающий души людские пустыми рассказнями и соблазнительными сказками. Оных татей, уже обидевших немало народу и злоумышляющих против закона, просим заарестовать и посадить в тюрьму, а потом може и казнить смертию, ежели то буде угодно Вашей милости.

Подписали: Маврий, негодичант и Васька-Бугай, погонщик

скота".

С погонщиком скота было всё ясно – это был тот самый подлец, который пытался изнасиловать Мару и получил на орехи сначала от неё, а потом от Верентия.

Но Маврий! Это же тот самый рыжий, веснушчатый парень, балагур и весельчак, товарищ и компаньон Верентия по торговле! Ему-то что такого сделал молодой купец? Кто знает? Может, и были между приятелями какие-то тёрки и непонятки, а может он просто решил откровенно нажить, устранив конкурента и прикарманив его денежки и товары.

– Я вижу, ты и дальше собираешься отпираться, – устало сказал допрашивающий Руфуса человек в форме. – Ладно, на сегодня хватит, а то я с вами и так без обеда остался. С раннего утра шпионов допрашиваю, а они всё, ни в какую! Пошёл вон! Охрана!

Руфуса отвели в сырой, грязный угол в сыром, грязном подвале, разделённом решётками на отдельные клетушки. Мальчика засунули в самый конец сего помещения, где было почему-то особенно сыро и холодно.

Утешало одно – Мара и Верентий помещались в клетушке рядом. Да, их посадили вместе, хоть это было и не по правилам. Дело в том, что когда их попытались разделить – вышел скандал, перешедший в потасовку, в результате которой один из стражников лишился двух зубов, выбитых мощным ударом опытного кулачного бойца, а другой теперь ходил с перевязанным ухом и периодически дёргал головой – тоже

результат встречи с кулаком Верентия.

В конце концов, молодого влюблённого всё же сломили, ведь силы были неравны, но во избежание новых эксцессов его кинули в один каземат с девушкой. Теперь голова парня покоилась на коленях у Мары, и на его лице было счастливое выражение, несмотря на то, что оно периодически искажалось гримасой боли. Верентий был сильно избит древками копий и коваными сапогами, но после тщательного осмотра выяснилось, что все его кости целы и опасных повреждений нет.

Когда Руфуса втолкнули в угол, Мара приветливо махнула мальчику рукой, но ничего не спросила, а вернулась к разговору с соседями, сидящими в отделении рядом. Там тоже были двое – невысокая, черноволосая женщина с короткой стрижкой, очень бледной кожей и пронзительными глазами и почти двухметровый мужчина, состоящий, казалось, из одних тугих мускулов, но не отягощённый ими.

У него было умное, красивое лицо и задумчивый взгляд человека мыслящего, но не привыкшего к принятию быстрых решений. Светлые, золотистые волосы, спадающие ниже плеч, делали его похожим на сказочного принца или рыцаря.

Женщине на вид было лет тридцать – тридцать пять, мужчине двадцать пять – двадцать семь. Их решётчатая камера могла считаться по здешним меркам роскошной – в ней помещалась двуспальная кровать на низеньких ножках, походный столик и два табурета, в то время как в других отсеках

была лишь солома, в разной степени сгнившая.

Разговор шёл вполголоса и Руфус из вежливости вмешиваться не стал, но до него периодически доносилось: "Альмери", "Золас-град", "Порфирий", "Теренций", "Ханна", "Зигмунд". Имена и названия были знакомы, но суть дела оставалась неясной, и мальчик совсем было решил вздремнуть, прислонившись к решётке, когда его окликнули.

– Руф! – тихонько позвала Мара. – Не спишь? Познакомься – это наш военный комендант – Диана, а это – сэр Галль, главный техник форта Альмери. Это они сделали наш форт неприступной крепостью!

– Рада видеть сына Маранты-воительницы! – сказала женщина, которую называли Дианой, и как-то странно взглянула на Руфуса. – И рада узнать, что Маранта жива. Мы ведь, когда-то были, если не подругами, то приятельницами. Правда, потом случилось много всякого такого... Но не будем ворошить прошлое. Хорошо, что мы встретились здесь, а то буквально завтра нас с Галлем переводят в центральную тюрьму Торгового города для установления личностей. Бюрократы! Они вообще не стали бы чесаться, если б Зигмунд не подошёл к границе Торгового города с пятьюстами конными стрелками! (Вот спасибо старому другу и наставнику! Не только зла на меня не держит, но и спешит помочь, хоть это, казалось бы, совсем не его это дело!) Так вот – после того, как наши личности будут установлены, нас отпустят. Не могут не отпустить! Они и так уже обострили отношения с мно-

гими городами бывшего королевства Лоргина, а теперь ещё и расстреляли нашу машину!

– Как же вам удалось выжить? – искренне удивился Руфус. – Мы видели машину, она жутко издырявлена!

– Повезло! Первые же попадания вывели из строя рулевое управление. Мы съехали в кювет и выскочили наружу, ведь оставаться в подбитой машине означало, сидеть в ловушке и ждать неминуемой смерти! Пока эти идиоты азартно расстреливали наш бедный автомобиль, мы дали дёру в поле, но конный разъезд быстро нас нагнал.

– Надо было перебить их! – вставил золотоволосый богатырь, стиснув кулаки. – Зря ты мне не позволила. Мерзавцы! Они ещё заплатят мне за машину и унижение!

– Успокойся, Галль! – повелительным тоном сказала Диана. – Вдвоём против пятнадцати конников, почти безоружные, мы бы не много навоевали. Ну, пяток забрали бы с собой, а может и целый десяток и что? Остальные прикончили бы нас и только-то! В общем, я жалею только об одном – не почуяла опасность заранее! Старею наверно. Твоя матушка бы так не опростоволосилась. Она всегда была настороже, хотя однажды пропустила роковой удар, и это изменило жизнь многих людей.

При этих словах Диана снова странно пристально посмотрела на Руфуса.

– Короче, – продолжила она, – когда мы сами освободимся, тут же начнём хлопотать за вас. Предупреждаю – может

получиться не сразу. Придётся вам побыть здесь или может, переведут куда получше, но мы это дело не бросим! Вытащим вас, вытащим!

– Но за что же нас схватили? Мы же ни в чём не виноваты!

– Это не важно! Вину вам придумают – люди они такие.

Не мучайся этим вопросом, главное выйти отсюда, а справедливость, она, парень штука странная. Искать её у других без толку. Надо свою иметь. Моя, например, живёт на кончике стрелы и иногда такие штуки выделяет... А твоя где?

– В книге, в учении Инци!

– Хорошо, что ты знаешь это, а то ведь многие не знают.

– Диана, а вещи-то нам отдадут?

– Может да, а может, нет. А что у вас было?

– У меня деньги забрали, которые Ханна дала и те, что я взяла из дома.

– Забудь. Деньги они никогда не вернут.

– Денег не жалко, жалко лук, который Ханна подарила.

– Лук могут вернуть. Правда, они здесь оружия боятся, как огня, (в городе его вообще носить запрещено, и это при их-то преступности!), но если этот лук не очень большой, то его могут признать сувениром.

– У меня книги отобрали! – пожаловался Руфус.

– А у меня два воза разного товара! – разлепил разбитые губы Верентий.

– Про товар можешь не беспокоиться – его твой друг-доносчик присвоил и с караваном дальше погнал. А вот кни-

ги может ещё и вернуть, если не потеряют. Бардак тут у них! Важность и законность на себя напускают, а у самих всё так запущено и в таком беспорядке!

А между тем наверху происходил следующий разговор:

– Ты что, спятил?! – говорил лысоватый, лупатый человек, одетый в гражданское, тому, кто недавно допрашивал Руфуса и жаловался на усталость. – Какие шпионы? Какой союз Золас-града и форта Альмери? Куда ты полез?! В большую политику? Идиот! Там тебя съедят и косточки выплюнут! И это после того, как мы с посольством форта Альмери оскандалились!

– Но у нас же свидетельство двух...

– Чьё?! Купчишки и скотника? А факты? А доказательства? На каком основании ты задержал тех троих? Донести можно на кого угодно. Что-нибудь запрещённое у задержанных изъято? То-то, что нет! И чего ради, спрашивается ты их в подвале держишь?

– Так что ж их отпустить?

– Ага, и показать себя полными идиотами? Ты затеял, ты и думай! Если задерживаешь людей подозреваемых в таких вещах, то у них должно, слышишь – *должно* найтись что-то противозаконное! И заботиться об этом надо было заранее. А теперь, раз ты такой простофиля, ищи хоть какую-нибудь зацепку. Хоть предлог. Или пойдёшь на понижение, понял? На очень большое понижение!

– Эт-тот парень, Руфус! – залепетал тот, которого отчиты-

вали. – Он всё трендел об учении, какого-то пророка, что ли?

– Еретические учения? Что ж, попробуй это раскрутить, раз нет ничего другого. Кстати, в городе поймали какого-то языкастого парня, как раз за смутьянские проповеди. Можешь попытаться связать два дела в одно. Делай что хочешь, но запомни – тот, кто нами арестован, не должен быть признан невиновным! Они все виновны, заруби себе это на носу. А если кто-то из них окажется невиновным, то виновен будешь ты! Всё, действуй!

Глава 97. Последняя ловушка

– Ву-уу!

Голос был тоскливым и кроме трепета вызывал сострадание. Цербер сидел посреди тропы и пел песню одиночества, поклонения невидимой отсюда Луне и вселенской тоски понятной лишь породе псовых.

У него были острые уши и острая морда, серая шерсть и пушистый хвост. Князь Тьмы не обманул – пёс не был трёхголовым, и драконьей пасти на хвосте у него тоже не было видно. Обычная собака волчьего типа или волк, которого заставили делать собачью работу. Только вот, чтобы достать ему до холки, Стефан должен был бы встать на плечи такому же рослому мужику, как и он сам.

– Оу-у! Ву-у! – вдруг присоединил к песне свой голос Монсеньор.

– Уу-у! Уо-у-у! – стала вторить ему Мадемуазель.

Цербер опустил голову и вопросительно оглядел новопривывших. К какому выводу он пришёл, осталось неизвестным, но он снова задрал морду кверху и затянул всё ту же песню. Собаки выразительно посмотрели на людей и затрусили по тропинке под самой мордой адского пса.

Они почти прошли. Впрочем, насколько движения Цербера были ограничены, людям увидеть так, и не удалось. От его ошейника шла тоненькая серенькая цепь, явно не подхо-

дьящая для такого чудовища, но именно она одна могла сдерживать демоническое животное, ибо разорвать её было нельзя. А вот насколько она была длинной? Другой конец цепи уходил в пещеру, служившую псу конурой. По крайней мере, она была длинной и, чтобы оказаться в безопасности следовало поторопиться.

Внезапно Цербер замолчал и опустил голову. Секунду он смотрел на людей и вдруг прыгнул! Раскрытая пасть с неправдоподобно крупными зубами приближалась с такой скоростью, что о бегстве не могло быть и речи. Ножницевидные челюсти могли захватить сразу две жертвы, которые были бы перекушены пополам, но...

Могучая рука схватила кошмарного зверя за ошейник, а другая тут же натянула цепь на себя! Циклоп, неведь как, появившийся за спиной Цербера был под стать гигантскому псу, рвавшемуся к людям.

– Бегите! – прогремел циклоп. – Я не смогу вечно его держать!

– Кто ты и откуда взялся? – крикнула Ларни. Её несмотря ни на что одолевало любопытство.

– Меня прислал тот, кого вы знаете, и кто не забыл о вас! – был ответ. – Он догадался, что вы пойдёте этим путём и попросил меня помочь. Бегите и помните – меня зовут Шарль! Шарль!

Ларни хотела ещё что-то спросить, но Стефан схватил её за руку и припустил по тропинке с такой скоростью, что ноги

девушки едва не отрывались от земли. Собаки летели, где-то впереди. Но вот тропинка кончилась, и они остановились, тяжело дыша и практически без сил.

– Я восхищён! – сказал вдруг Князь Тьмы, выплывая прямо из-за скалы, торчащей тут же, как наполовину сломанный зуб. – Вы прошли там, где могли пройти только избранные, а что это значит? Это значит, что вы и есть избранные! Только вот для чего вас избрали?.. Но это дело уже не моё. Можно с уверенностью сказать, что ваше путешествие окончено. Шагов через двести в земле будет большая дырка вроде колодца. Смело туда прыгайте и не удивляйтесь, что полетев вниз, вы, в конце концов, окажитесь наверху. Это долго объяснять, но просто примите эту местную особенность, как само собой разумеющуюся данность. Но я вижу, вы устали, так не хотите ли отдохнуть? Здесь рядом есть кресло, на котором вы уместитесь оба!

Он указал куда-то в сторону, где виднелась огромная скала, в которой и в самом деле были высечены два каменных кресла. Одно из них пустовало, в другом сидел человек высокого роста и богатырского сложения. Он был почти нагим, его кожа имела сероватый оттенок, присущий базальту. С первого взгляда этого человека можно было принять за статую, но вдруг он пошевелился, открыл глаза, взглянул на людей полным страдания и тоски взглядом, поднял руку и сделал предостерегающий жест.

Ларни удержала на месте Стефана, двинувшегося было к

креслу.

– Это ведь Перифой, да? – спросила она. – А это место Тесея? Если б мы сели в кресло, то прилипли бы, да?

Князь Тьмы смущённо кивнул.

– Не смог удержаться! – промолвил он с виноватой улыбкой. – Конечно же, прилипли бы. И остались бы здесь навсегда. Не Ад конечно, но здесь я мог бы вас навещать, а там, наверху, этого сделать не получится. Что ж, последняя пакость не удалась, так что все остальные несчастья вы будете делать себе сами, ну или ваши ближние постараются... А теперь – прощайте навсегда! Долгие проводы – лишние слёзы!

Проговорив всё это, повелитель Ада растворился в воздухе, и почему-то стало ясно, что он больше не появится. Путешественники переглянулись и зашагали по направлению к выходу.

Глава 98. Правила "цивилизованной" игры

– Нашёлся ваш парень! Только не спешите радоваться – он сейчас в подвале пограничной стражи, в камере сидит. А шьют ему – вроде как шпионаж, а вроде как что-то ещё не совсем понятное. Отчаиваться тоже не надо. Да, ему сейчас не слишком уютно, но он жив и в безопасности. Правда, пока он там – достать его никак нельзя. Вот когда следствие закончится, его благополучно осудят, (здесь никого не оправдывают уже много лет; попал в поле зрения судейских, значит, виновен), отправят на каторгу, вот тогда мы его с рудника и выдернем.

Произнеся всё это, начальник таможенной стражи взялся за кружку с сидром, а сам втихомолку наблюдал за реакцией Маранты и Михала. Охотник весь кипел. Его глаза метали молнии, а кулаки то и дело сжимались и разжимались. Было видно, что он с радостью пустил бы их в ход. Воительница сидела мрачная, как туча, но сохраняла спокойствие, и только во взгляде время от времени проскальзывало, что-то недоброе и смертоносное, готовое вырваться наружу и воплотиться в роковой удар, который будет для кого-то последним!

– Но, как же так? – взвился Михал. – За что? Какой из него шпион, он же зайца в силлок поймать не сумеет! Его любая

белка перехитрит! Разве такие шпионы бывают?

– Не бывают, а потому уймись! – Маранта накрыла своей рукой лапищу мужа. – Им не важно, виновен он или нет, им нужна жертва, материал, чтобы лепить из него, как из глины, что-то себе на потребу. Но они заплатят! Страшно заплатят!

– Эй, эй! – вскричал их хозяин. – Если вы намерены устраивать поножовщину, то я не на вашей стороне!

– Я надеюсь, что до этого не дойдёт! – вмешался священник, сидевший всё это время молча. – Мы же люди взрослые и умные. Вытащим Руфуса, даже если на это уйдут все деньги, что я оставил здесь про запас.

Глаза таможенного служаки на мгновение загорелись алчностью, но он тут же погасил этот взгляд и придал лицу обычное отсутствующее выражение.

– Деньги откроют много дверей, – сказал он мудро. – Правда, попросту выпустить мы его не сможем, но сделать жизнь в тюрьме сносной, вполне реально. Так что наберитесь терпения и развяжите кошельки, а я всё устрою.

– Сколько же нам ждать? – спросила Маранта.

– Месяца два-три.

– Меня в своё время осудили и приговорили менее чем за сутки.

– Не дай Бог нам такой быстроты! Не дай Бог!

Глава 99. Друг, но враг

Ветер играл султанами на шпильях конических шлемов, вымпелами на кончиках пик и белоснежными плащами всадников, напоминающими крылья. Все они были обмундированы и вооружены одинаково – наборные пластинчатые доспехи, сверкающие на солнце нестерпимым блеском, длиннющие пики, тяжелые сабли изогнутые лишь слегка – лучшее, что можно представить для конного боя, могучие луки, способные достать противника с километровой дистанции и револьверы в седельных кобурах, странно контрастирующие с прочим оружием.

Впереди стройных рядов грозных и невозмутимых всадников, на могучем высоком жеребце восседал красивый седовласый старик в доспехах типа "рачий панцирь", державший шлем у луки седла. Время выбелило его ниспадающие ниже плеч волосы и избороздило морщинами лицо, но не согнуло спину.

Всадник, подъехавший к нему на крепком вороном коне, всё же глядел немного снизу вверх, хоть сам был немаленького роста.

– Приветствую тебя, сэра Зигмунд! – проговорил он, искренне улыбнувшись. – Рад видеть тебя таким же великим бойцом, как и раньше, хоть и предпочёл бы встретиться при других обстоятельствах.

– И тебе привет, Зигель! – отозвался старый воин. – Вижу, ты повзрослел, возмужал и достиг немалых чинов на службе у купчишек!

Зиг поморщился.

– Чины мои не столь уж высоки, но я сейчас являюсь уполномоченным по делам особой важности.

– И какая важность привела тебя ко мне?

– Твоя армия представляет угрозу Торговому городу. Мне поручено тебя отсюда убрать, так или иначе.

– Так или иначе?

– Да. Я надеюсь, что мы сможем договориться. Но если нет, то у меня людей вдвое больше, а вон там, на пригорке стоит крупнокалиберный пулемёт.

– Тот самый, которым так изувечили машину Дианы?

– Да это он. Понимаешь, мне жаль, что случился такой инцидент с посольской машиной, (попало же оружие в руки дураков!), но я думаю, что всё образуется само собой и их отпустят.

– Зиг, само собой в этом мире ничто и никогда не устраивается. Мои условия ты знаешь – Диана, живая и здоровая, сэр Галль, тоже живой и здоровый, а ещё неплохо бы получить компенсацию за расстрелянную машину, но это уже их дело. Я бы на их месте взял в качестве платы вот этот самый пулемёт, хотя бы, что б не оставлять его в руках дураков, хоть обмен и неравный.

– На это врядли кто пойдёт. Кстати, почему обмен нерав-

ный? Пулемёт этот нагоняет страх на всех, кто угрожает границам Торгового города. Он за пару секунд сделал из бронемашины решето, а с конным отрядом расправится ещё быстрее.

– Бронемашину уничтожили, напав внезапно, без предупреждения. Это победа уличного грабителя, который бьёт из-за угла дубинкой ничего не подозревающего прохожего. Скорострельность у этого оружия низкая, ни на пехоту, ни на конницу он не рассчитан. Если я прикажу своим бойцам караколировать, они быстро перестреляют и расчёт твоего пулемёта, и обе группы прикрытия, которые ты спрятал там и вот там.

Зигмунд указал рукой на ближайшие кусты. Его оппонент нахмурился, что-то прикидывая в уме, потом кивнул и приветливо улыбнулся.

– Я надеюсь, – сказал он дипломатично, – что до этого не дойдёт. Ты же понимаешь, что не я решаю вопрос с пленными. Если бы это зависело от меня...

– Тогда бы я больше беспокоился. Ведь я, как и ты не забыл, кто тогда подстрелил Маранту и из-за кого погиб Золас.

Зиг снова кивнул.

– Это так, это так, – сказал он задумчиво. – Я вовсе не питаю к этой Диане тёплых чувств, но ставить под удар своих нанимателей из соображений личной мести не стал бы. Так как же мы порешим?

– Я отведу своих людей и расквартирую их в... надёжном

месте. Буду ждать неделю, ни днём больше, а потом пусть твои наниматели не обижаются. Да, не удивляйся, если при следующей встрече увидишь, что нас стало вдвое или втрое больше.

С этими словами всадники отдали друг другу честь и разъехались. Неизвестно, что по поводу переговоров думал командор Зигмунд, но капитан Зигель остался, крайне недоволен их результатами. И надо же было этим идиотам – стражникам расстрелять посольскую машину?!

Глава 100. Странное заключение

– Интересно, интересно! Чему же такому тебя научила Ханна?

Они стояли в маленьком, закрытом со всех сторон дворике и держали в руках деревянные мечи. Правление Торгового города наконец-то почуяло, что запахло жареным, особенно когда капитан Зигель представил весьма неутешительный доклад о переговорах с грозным Зигмундом, известным полководцем и авантюристом, давно работающим на альянс Золас-града и Форта Альмери.

Конечно, все понимали, что отряд в пятьсот всадников не мог представлять для Торгового города серьёзную угрозу, но вслед за этим вполне могли явиться и другие охотники до приключений, а если два вышеуказанных оппонента Торгового города объединятся и явятся сюда на боевых машинах... В общем, поджилки затряслись у многих почтенных негоциантов, поэтому вопрос об освобождении пленных по слову было решено форсировать.

Но быстро преодолеть свою собственную бюрократическую систему отцы Торгового города всё же не могли. Диану и Галля было решено срочно перевести в Центральную тюрьму, а чтобы несколько смягчить жёсткость этой процедуры им предоставили самим устроить своё временное обиталище и взялись выполнять их пожелания, не взирая, на затраты.

Одним из первых пожеланий Дианы было перемещение их соседей по заключению туда же, (требовать отпустить, арестованных по лживому доносу, у местного правосудия было нереально), и конечно этими соседями были Мара, Верентий и Руфус.

Условия в Центральной тюрьме были получше, чем в подвале, где их держали до этого. Кроме того Диана постаралась обустроить их камеры с максимально возможным комфортом. И, наконец, она вытребовала для них право свободно перемещаться в пределах тюрьмы, от чего их камеры перестали запирают. Поэтому, не найдя себе лучшего занятия, они решили начать ежедневные тренировки в ожидании решения своей участи.

Атака Дианы была столь молниеносной, что Мара едва успела отпрянуть и принять оборонительную стойку. Но уже через пару выпадов она атаквала сама и к своему собственному удивлению даже слегка задела плечо воительницы.

– Ого! – искренне воскликнула та. – Я вижу, вы даром времени не теряли. Ханна всегда была одной из лучших фехтовальщиц в Гвардии, хоть её, как и моим, основным оружием является лук. В этом её превосходила только Маранта, но та ведь буквально молилась на свой меч. А теперь давай постреляем.

Расстояние для стрельбы здесь было маловато, но это решили компенсировать размером мишеней. Диане удалось вытребовать для них пару охотничьих луков с набором лёг-

ких стрел, рассчитанных на мелкого зверя и птицу. Вот тут-то начались чудеса! Мара считалась неплохой лучницей среди сверстниц. К тому же Ханна неплохо подучила её недавно, но то, что проделывала Диана, не шло ни в какое сравнение с самой меткой стрельбой Мары и той же Ханны!

Иногда казалось, что ей совсем не надо видеть мишень, чтобы попасть в неё. Она попадала в виноградину, подброшенную в воздух, в куриное перо, подхваченное ветром, в палочку для письма, воткнутую в мишень так, что к стрелку был обращён торец этой тоненькой тростинки.

В обычную мишень Диана стреляла не иначе, как прыгнув через голову, да ещё проделав в воздухе замысловатый кульбит. Когда Мара высказала сомнение в том, что у неё так тоже когда-нибудь получится, Диана ответила просто:

– Чем больше пробуешь, тем больше получается. Пробуй!

И Мара пробовала. И сама была потрясена, когда в один прекрасный день, сделав подобно Диане кувырок, она загнала стрелу в самый центр мишени! С тех пор у неё это стало часто получаться.

Мужчины тренировались по-своему. Сэр Галль очень хвалил боксёрские навыки Верентия, но когда они сошлись в дружеском поединке, с лёгкостью пробил оборону парня и украсил его дополнительным фингалом. С тех пор они тренировались с утра до вечера. Что же касается мечей, о чём так мечтал Верентий, то Галль сказал так:

– Этому можно учиться всю жизнь и всё равно найдёт-

ся кто-нибудь, кто покажет тебе, что-то новенькое. Прежде чем переходить к изыскам, отработай-ка два – три коронных приёма, да так отработай, что б они у тебя сами собой получились. Понимаешь? Руки сами всё должны делать, без раздумий.

Тяжелей всего приходилось Руфусу. Нет, на него никто не давил, но он чувствовал себя цыплёнком среди бойцовых петухов. После нескольких попыток освоить тяжёлое вооружение мальчик только сильнее почувствовал, как он слаб. Даже не физически, а просто слаб способностями к воинской науке. Ко всему прочему, рана, полученная в Золас-граде, всё ещё давала о себе знать. Понаблюдав за ним совсем недолго, Диана заключила:

– Брось это, книгочей! Ты не для того создан природой. Но не вешай нос, твоя ценность среди людей куда выше, чем даже у самого лучшего бойца. Неплохих бойцов много, а вот книгочеев и умников – всего ничего. Может быть ради таких, как ты мы и существуем? Впрочем, если хочешь научиться постоять за себя и своих близких, то твоё оружие – праща и кинжал.

Руфус был несколько уязвлён по мальчишески, но совет послушал и стал брать у воительницы уроки обращения с коротким клинком, роль которого пока играла щепка. Пращу изготовили из его собственного поясного ремня, а через пару дней у парня получилось сбить из неё старый ботинок, поставленный на пенёк.

Увлёкшись этими упражнениями, они почти забыли про свои дела и беды, но настал тот день, когда в их узилище явилась целая делегация разодетых в меха, несмотря на тёплое время, стариков с бородами по пояс и рукавами до земли. Они шли, опираясь на посохи усыпанные цветными камнями, и вообще двигались с таким видом, словно их несли паруса!

– Приветствуем вас, высокопоставленный сэра Галль и леди Диана! – нараспев проговорил шедший впереди всех согнутый, тощий старикан, которого от дряхлости ветром шатало.

Учебная баталия как раз была в самом разгаре. Диана и Мара выкладывали стрелами сложный узор, каждая на своей мишени, Верентий и Галль рубились не на жизнь, а на смерть, разбив за сегодняшний день уже две пары деревянных мечей, а Руфус не имея партнёра для тренировки, был занят тем, что с максимально возможной скоростью выхватывал из-за пояса свою щепку и наносил несколько ударов воображаемому противнику, после чего засовывал щепку обратно.

Речь старика была длинна и витиевата. Те к кому он обращался, быстро потеряли нить его замысловатой логики и начали недоумённо переглядываться, когда этого деда оттеснил в сторону здоровенный бородач, по объёму громадного пуза способный потягаться с Порфирием.

– Ваши превосходительства! – обратился он зычным го-

лосом всё к тем же Диане и Галлю, словно отдавал команды в собственной лавке. – Позвольте от имени всего Торгового города принести вам наиглубочайшие извинения за досадное недоразумение и причинённый вам ущерб. А теперь сообразуйте следовать за нами для соблюдения необходимых процедур.

Расставание вышло, каким-то неожиданно поспешным.

– Я постараюсь побыстрее вытащить вас отсюда! – ещё раз пообещала Диана, и они с Галлем исчезли.

Тренировка дальше не клеилась, а потому трое оставшихся узников, (кроме них заключённых здесь вообще почему-то не было), разбрелись по своим камерам и занялись кто чем. Руфус, например, уселся за книги, которые в неожиданно большом количестве нашёл в тюремной библиотеке. Однако едва он углубился в чтение, как дверь в его камеру распахнулась и на пороге появился надзиратель в сопровождении двух стражников.

– Арестант Руфус, на допрос! – прогнул он и жестом показал, чтобы тот положил книгу.

Мальчика привели в комнату с высоким потолком, облезшими в старой краске стенами и со столом, стулом и табуретом напротив, стоящими посередине. По ту сторону стола, спиной к вошедшему Руфусу, стоял, скрестив руки на груди, какой-то человек, который, толи собирался играть трагедию, толи очень интересовался облупленной стеной напротив.

– Ну-с, молодой человек, – начал он, театрально повора-

чиваясь к собеседнику, и Руфус сразу узнал его: это был тот самый следователь с лисьей мордой, который допрашивал его на границе, – а теперь, когда выяснилось, что вы не шпион, хоть я придерживаюсь иного мнения, так вот – давайте нынче же, подробнейшим образом, разберём, как и насколько вы связаны с разбойником и мятежником по прозвищу Инци?

Глава 101. "Бог из машины"

Легко сказать – "смело прыгайте", да не очень-то легко это сделать, когда стоишь на краю совершенно тёмного и очевидно бездонного колодца с гладкими отвесными стенами. А тут ещё настойчиво лезет в голову мысль о том, что тот, кто посоветовал им туда прыгнуть, известен среди людей, как "Отец Лжи".

Первыми от задумчивости очнулись собаки. Они вдруг подняли головы, наострили уши и уставились в том направлении, откуда все только что пришли. Через пару мгновений люди тоже услышали нечто такое, что не прибавило им жизненного оптимизма: это был топот ног, от которого вздрагивала земля, и ног этих было множество.

Ещё не сообразив, что к чему, Ларни почувствовала, как её схватили, но не руками, а... зубами! В следующее мгновение она поняла, чьи это зубы, но тут-то они её отпустили. Где-то сверху коротко не то вскрикнул, не то рявкнул от неожиданности Стефан. Сверху? Ну да, ведь она летит вниз, точнее падает...

Ларни открыла глаза и огляделась. Так и есть – она стремительно падала в колодец, а рядом, нелепо молотя лапами по воздуху, падали собаки. А Стефан? Вот он! Летит вверх тормашками и смотрит на неё, ошарашено хлопая глазами. Ларни попыталась улыбнуться и помахала ему, а он в ответ

ей тоже улыбнулся, только как-то кривовато и натянуто, и изобразил странный жест рукой. Вероятно, его сбило с толку то, что они находились по отношению друг к другу вверх ногами.

Вдруг Ларни с размаху влетела во что-то холодное, похожее на желе, но сделанное не из жидкой, а из воздушной субстанции. От неожиданности у неё перехватило дыхание и вроде даже сознание на миг померкло. Или это был не миг?

Наверное, прошло больше времени, так-как она тут же почувствовала, что больше не падает, а скорее движется вверх! Было, похоже, что её, как щенка тащили за шкуру. Тут её руки нашли невидимую опору, она ухватилась за неё, подтянулась и... в глаза ей ударил яркий свет!

Две руки, которые она ни с какими другими не перепутала бы, руки Стефана, подхватили её под мышки и подняли словно ребёнка. Ларни, ещё ничего толком не видя и ничего не соображая, обхватила любимого за шею и оказалась в его объятиях. Всё! Где бы, они не оказались, она была дома.

Потом глаза привыкли, а когда это произошло, выяснилось, что они находятся на дне глубокого, узкого ущелья, напоминающего воронкообразную пасть с зубами – скалами по краям. На дне этого ущелья – пасти зияло отверстие, уходящее в глубину, на удивление похожее на горло.

Возле этого отверстия стояли обе собаки и приветливо помахивали хвостами. Вдруг они гавкнули по разу в сторону людей и одна за другой прыгнули вниз. Ларни ахнула.

– Не бойся! – сказал Стефан, обнимая её. – Они пошли к своей хозяйке.

– Думаешь, они знают, где сейчас Сато и Кейни?

– Никогда не сомневался в этом. Кстати, он тоже уверен, что они знают.

Стефан не назвал того о ком говорил, но и так было понятно, что он имеет в виду Князя Тьмы.

– Это ты меня вытащил? – спросила Ларни, не желая видимо обсуждать Повелителя Ада и его взаимоотношения с дочерью.

– Нет, они вытащили нас обоих. Я, как и ты был в отключке, так что своим спасением мы обязаны адским псам. Они вытащили нас в этот мир и отлизали.

– Отлизали?

Девушка вдруг обнаружила, что она вся мокрая с головы до ног. Мало того – это была не вода, а нечто вязкое и слегка липкое. Собачьи слюни! Но странно, Ларни чувствовала себя на удивление чистой. Точнее очищенной.

– Они очистили нас от чего-то, – подтвердил её догадку Стефан, которого тоже можно было выжимать. – Ты чувствуешь прилив сил?

Ларни прислушалась к себе. И в самом деле, она ощущала необыкновенный подъём! Хотелось петь, бегать и прыгать безо всякой причины!

– Но как мы отсюда выберемся? – спросила она Стефана, немного утихомиривая свой восторг.

Тот только пожал плечами. Стены ущелья были слишком крутыми для подъёма. Правда у них были с собой верёвки, но добросить петлю или импровизированный якорь на такую высоту не представлялось возможным.

– Эй, там внизу! – вдруг загремел откуда-то сверху незнакомый голос.

Влюблённые посмотрели вверх и увидели, что между скал торчит большая лохматая голова в гриве совершенно седых волос.

– Вы там живы? – снова крикнул старик, голос которого, впрочем, выдавал бодрого и сильного человека. – Двигаться можете?

– Мы живы, – ответил Стефан, – и можем двигаться. А кто вы и зачем спрашиваете?

– Я-то кто? – старик наверху засмеялся. – Deus ex machina, вот я кто! А теперь осторожнее, смотрите, что б эта штука вам по макушкам не стукнула!

С этими словами голова убралась, а вместо неё на фоне голубого неба выдвинулось средней толщины бревно на конце, которого был закреплён блок. Через блок был пропущен крепкий канат с верёвочной трапецией и крепкой дубовой доской в основании оной. Всё сооружение издавало характерный механический скрип и выглядело не слишком надёжно. Впрочем, старик наверху был полон оптимизма.

– Добро пожаловать в кресло героев! – крикнул он. – Не беспокойтесь, оно прочное, сам испытывал. Даже Шарля

смогло бы выдержать, если бы он туда поместился. Кстати, вы там циклопа не видели?

– Видели, – ответила Ларни, – он Цербера придержал, когда мы удирали!

– Ого! – искренне удивился старик, продолжая спускаться в пропасть подвижную скамейку. – Ну, ничего, выберется! Он сильный и умный. Прямо украшение циклопьего народа. Не то, что некоторые...

В это время трапеция достигла дна, и Стефан придержал её, чтобы не моталась туда-сюда.

– Извините, что не украсил цветами, как это положено в таких случаях. Сейчас не сезон и подходящих цветочков в лесу не найдёшь.

Было непонятно, шутит он или нет, но Ларни ответила совершенно серьёзно:

– Ничего, нам это подходит!

После чего преспокойно уселась на доску, как будто это была обыкновенная скамейка в доме. Стефан с сомнением подёргал за канат, потыкал пальцами тут и там, вздохнул, покачал головой, но всё же собрал их вещи и уселся рядом с возлюбленной. Вся конструкция заскрипела, дёрнулась, и импровизированная скамейка медленно поползла вверх.

Стефан, что было силы, вцепился в верёвки трапеции и с ужасом смотрел на уходящую вниз землю. Ларни наоборот развеселилась и даже хотела раскачаться на "кресле героев", как на качелях, но, видя испуг Стефана, рассмеялась, обняла

его и шепнула на ухо:

– Не бойся!

Казалось, они сейчас вознесутся к облакам, но вместо этого они в конце подъёма, когда старик повернул бревно по горизонтали, встали на землю. На настоящую поверхность Земли, а то место, откуда их подняли, представилось им в своём истинном облике – глубокая, узкая пропасть с говорящим названием – "Адова пасть"!

– С прибытием! – раздался рядом жизнерадостный возглас и, обернувшись, они увидели старика.

Он стоял рядом с примитивной подъёмной конструкцией и улыбался. Надо сказать, что этот старик производил сильное впечатление. Он был высок ростом, совершенно прям и обладал завидными мускулами. Волнистые волосы, давно не стриженные, свисали ниже пояса. Старик даже не озабочился перехватить их ремешком. Такой же длинной была и борода, но она-то, как раз оказалась заплетённой в несколько косичек. Самым примечательным в нём были глаза. Голубые, совершенно не выцветшие, по стариковски глубоко посаженные, мудрые, с хитрецей. Впрочем, всё лицо его светилось незаурядным умом и добрым лукавством.

– С прибытием! – повторил он бодро. – Как вам моё изобретение? Если б вы знали, какие вещи были построены с помощью этого устройства!

– Как вас зовут? – спросил Стефан. – Кого нам благодарить?

– Можете называть меня – Странник! – ответил старик. – А благодарить следует не меня, а того кто прислал меня к вам на помощь.

– Дай угадаю! – воскликнула Ларни. – Тебя прислал Инци?

– Он самый! Да, он говорил, что вы его так называете, хоть это и неправильно. Если б не он, меня б здесь не было, и вам из Аидова царства ни в жизнь бы не выбраться!

Сказав это, он взял откуда-то длинное, тонкое бревно с лопастью на конце и взвалил его себе на плечи, словно собирался куда-то с ним идти.

– Без посланника Инци мы бы и мимо Цербера ни за что не прошли... – задумчиво сказал Стефан. – А что это у тебя за лопата такая, Странник?

Старик изменился в лице и побледнел, как смерть.

– Чт-то ты сейчас с-сказал? – проговорил он дрожащими губами. – Лопата?

– Ну, да! – ответил Стефан, отступая на шаг и незаметно кладя руку на рукоять меча. – Я спросил, что это за лопата такая странная?

Тот, кто назвался Странником, медленно снял свою ношу с плеча и секунды две смотрел на неё. Потом со всей силы швырнул её в пропасть, упал на колени и закрыл лицо руками.

– Свободен! – прошептал он еле слышно, а потом вскочил и крикнул во всю мощь своих богатырских лёгких:

– Свободен! Пенелопа! Телемах!

Вдруг он сорвался с места и, сделав два-три скачка, скрылся в ближайшем подлеске. Ларни и Стефан поглядели друг на друга.

– Что это было? – спросил молодой охотник, у которого от всего увиденного и пережитого голова пошла кругом.

– Ай да Инци, – тихо проговорила Ларни, – знал, кого при-слать! И откуда он его взял-то?

– А кто это?

– Улисс или я не Ларни!

– Кто?

– Стефан, когда мы вернёмся домой, обещаю прочитать книгу, которую я тебе дам. Этот старик – древний герой, очень умный и хитрый. Он был обречён нести свою ношу до тех пор, пока кто-нибудь не спросит, что за лопату он держит на плечах? И этим кем-то оказался ты! Ты что, никогда раньше весла не видел?

– Так это было весло? Разве вёсла такие большие бывают?

– Конечно, если это весло не от лодки-плоскодонки, а от здоровенного корабля.

– Удивительно!

– Удивительно не это, а то, что Улисс жил больше трёх тысяч лет назад. Вот я и говорю – откуда Инци его взял сейчас-то? А ещё... О-оо!

Увидев, как при последнем возгласе округлились глаза Ларни, Стефан обернулся и сам от неожиданности крикнул

нечто неопределённое! Над краем Адовой пасти поднималась голова и плечи циклопа. На его одноглазой физиономии застыло озадаченно-обиженное выражение, на лбу красовалась свежая шишка, а в руке он держал весло, которое только что выбросил Улисс.

Глава 102. Торг у торгашей

– Нет, ваше превосходительство, мы не можем выдать вам государственных преступников! Они осуждены и приговорены Генеральным судебным собранием, решение которого не могу отменить ни я, ни даже Совет торговых гильдий.

Нелепо разодетый в шелка и бархат толстяк, стукнул для убедительности ладонью по столу и задрал кверху свою странно козлиную бороду, считая по-видимому, что так он выглядит решительно и солидно. Сидевшая напротив Диана была вся красная от гнева, и ей стоило немалых усилий, чтобы сдерживаться. Галль, стоявший за спиной её кресла, казался воплощением спокойствия, но и он время от времени сжимал и разжимал кулаки.

– Я до сих пор не могу понять, в чём состоит их преступление? – выдавила Диана сквозь зубы, глядя куда-то в сторону. – Насколько я помню, они были задержаны при пересечении границы Торгового города, и ничего не могли натворить на его территории. Нарушений, вроде перевоза запрещённых товаров тоже не было. За что же тогда они были брошены в тюрьму, и за какие преступления их судили?

– Они являются членами опасной секты! – ответил толстяк тоном учителя, разъясняющего урок особо непонятливому ученику. – Главу этой секты, по кличке "Инци", смутьяна, вольнодумца и разбойника нам удалось недавно из-

ловить, благодаря сознательности и гражданской активности наших граждан. Он уже наказан и вы можете своими глазами видеть, что ожидает тех, кто покушается на спокойствие и достояние Торгового города!

С этими словами он встал и раздвинул шторы большого окна, выходящего на рыночную площадь. Там, в самой середине был воздвигнут помост, на котором возвышался деревянный крест, сколоченный из свежеструганных брусьев. На этом кресте, прибитый крупными коваными гвоздями за руки и за ноги, висел человек. Его полуголое тело было всё в кровоподтёках и ссадинах. Он был ещё жив и время от времени поднимал голову, на которой красовался венец из колючей проволоки, но через секунду снова ронял её на грудь не в силах справляться с собственными мышцами из-за слабости и боли.

Вокруг помоста стояло оцепление из солдат во главе с конным капитаном, но, похоже, в них не было никакой необходимости. Рынок жил своей обычной жизнью – люди покупали, продавали, торговались, ругались, выгружали товар, загружали товар, обманывали, обсчитывали, воровали. Возле места казни толпилось не больше дюжины зевак, выражавших своё одобрение происходящим. Эти плевались, кидали огрызки к подножию креста, но не решались прицелиться выше из-за присутствия капитана и солдат.

При всём этом было понятно, что этому отребью нет никакого дела до казнимого и хамят они от скуки, не в состоя-

нии занять себя чем-то более достойным.

Диана посмотрела направо, туда, где было здание Центральной тюрьмы, узниками которой недавно были они с Галлем. Ей показалось, что в одном из решетчатых окон она видит три бледные пятна – лица своих друзей, которым она обещала помощь и оказалась не в силах помочь.

О, если бы Форт Альмери не был так далеко! Тогда бы эти жирные индюки увидели не только кавалерию Зигмунда, но армаду боевых машин, способных за пару часов превратить этот проклятый город в пылающие руины! Что бы они тогда сказали о невозможности отмены решения своего паршивого суда?

– Я думал, в Торговом городе провозглашена веротерпимость? – услышала она за спиной голос Галля.

– Это так, молодой человек, – снова заговорил толстяк наставительно. – Любой гражданин Торгового города или приезжий коммерсант, волен поклоняться тому кумиру, которого считает для себя удобным, если это происходит в лавке, на съёмной квартире, в гостиничном номере, в собственном доме и даже на улице, если это не мешает окружающим. Но злоумышленник Инци был уличён в нападках на самих Маммона и Молоха – покровителей нашего города! Это непростительное оскорбление и святотатство. В своих проповедях вышеозначенный разбойник посмел утверждать, что божественный Молох и светозарный Маммон, суть кумиры ложные, (да простится мне то, что я вынужден повторять эти

слова!), что деньги, которые даны нам этими божествами во спасение от хаоса – зло, что святая жажда наживы иссушает душу, что богатые люди часто бывают духовно ущербными и многое чего другое! Такие речи, такое учение, подрывают самые основы нашего общества и это должно быть искоренено самым жестоким способом. Вы видите каким.

– Но как это может касаться людей, за которых я ходатайствую? Они-то, сколько мне известно, не произносили никаких проповедей?

– Да, но они признались в приверженности ложным идеям этого Инци, в личном с ним знакомстве и симпатии. А это означает, что они тоже опасны для нашего общества. Впрочем, вы правы и суд уже учёл, что их вина неизмеримо меньше, чем вина их предводителя, а потому они не будут казнены на кресте или каким-либо другим способом. Им будет предоставлен шанс, выжить в битве!

– В какой ещё битве? – подозрительно спросила Диана.

– Видите ли, ваше превосходительство, – толстяк просто светился от своей хитрости и находчивости, – у нас скоро будет грандиозное представление на арене Большого цирка. Оно включает в себя очаровательнейший музыкальный спектакль, собачьи бега и бои монстров. Там-то преступники могут попытаться счастья, то есть им придётся это сделать.

– Иначе говоря, вы будете травить людей монстрами?

– Я бы так не сказал. Им же никто не запрещает защищаться. Выживший остаётся в живых и даже получает денежную

премию. Это, правда гарантирует ему не свободу, но жизнь и достойное содержание в тюрьме...

– Оружие?

– Что, простите?

– Я хотела бы знать, какое им выдадут оружие?

– Никакого. Правда, это вовсе не запрещено правилами, но зачем? Мы не обязаны вооружать преступников для борьбы с монстрами, которые, между прочим, недёшево стоят. К тому же так интереснее!

– Понятно. Но всё же я ещё раз хочу заявить свой протест! Напоминаю, что среди людей, о которых мы говорим, есть гражданка Форта Альмери.

– А знаете, что? – толстяк вдруг просиял, осенённый, какой-то идеей. – Вы можете её забрать, но только её одну – остальные двое ведь не граждане Форта Альмери. Вы ещё не получили компенсацию за свою случайно испорченную механическую повозку, вот и возьмите себе за неё эту преступницу!

Диана готова была взорваться от негодования, но Галль положил свою большую, обманчиво мягкую руку ей на плечо.

– Мара никогда не оставит Верентия и Руфуса, – сказал он. – О компенсации за ущерб мы поговорим с вами отдельно.

И он почти силой вывел подругу на улицу.

– Сволочь! Подонок! Торгаш! Мерзавец! – не могла уго-

мониться Диана.— Битва значит? Так он получит битву! Ещё не знаю, как, но получит!!!

Галь шел рядом мрачнее тучи. Он тоже пока не представлял, что им делать, но отступить не собирался. Тем временем, они подошли к месту казни. Человек на кресте уже не пытался поднять голову, а только медленно переваливал её с одного плеча на другое. Среди зевак, большую часть коих составляло городское отребье, теперь стояло несколько саванников, которых Диана и Галь уже встречали в помещениях городской администрации.

— Да, — говорил один из них, — Генеральный суд умеет настоять на своём. Даже заступничество Тайного отделения городской стражи не спасло этого беднягу.

— Не только не спасло, а окончательно погубило! Он ведь мог отделаться только розгами, но эти старые тёрки между воротилами власти!.. Ну, вы меня понимаете. Конечно, Генеральный суд вцепился в этого нищего, как только узнал, что кому-то из Тайного отделения он почему-то симпатичен! И вот результат.

— А это не слишком?

— Когда идёт борьба таких ведомств, ничто не бывает слишком. Что стоит жизнь какого-то бродяги по сравнению...

В этот момент непосредственно возле креста произошло следующее: конный офицер подъехал к распятому, вполголоса сказал ему несколько слов, потом взял пику у одного из

солдат и нанёс казнимому быстрый и сильный удар в грудь! Тело на кресте дёрнулось и безжизненно обвисло. Офицер бросил пику, отдал несколько коротких приказаний, затем развернул коня и поскакал во весь опор прямо через рыночную площадь, не обращая внимания на торгашей и покупателей, разбегающихся из под копыт его жеребца, словно тараканы.

– А вот это щелчок по носу Генеральному суду, – прокомментировал произошедшее один из сановников. – Это ведь протезе начальника Тайного отделения – капитан Зигель. Между прочим, говорят, что он недавно вёл переговоры с самим Зигмундом-непобедимым, что стоит со своими наёмниками близ нашего города, и они разговаривали, как старые друзья. Смелый служака и умный! Только что-то мне подсказывает, что в скором времени он допрыгается. Ох, допрыгается!

Диана и Галль переглянулись. Похоже, вот кто им был нужен – капитан Зигель! И они добудут его, во что бы то ни стало!

Глава 103. Они выживут

– Что? Инци распят?!

Глаза троих из четырёх собеседников, сидящих за столом, превратились в блюдца. Четвёртый, увидев такую реакцию, удивлённо вскинул брови.

– Вы его знали?

Маранта и Михал одновременно кивнули. Священник Микаэль-Панкратий закрыл лицо руками и забормотал:

– Он опять сделал это! Опять взял грехи людские на себя и опять один принял наказание. А я... Не помог, не поговорил, даже не увидел!..

– Да, видать этот ваш Инци был большой шишкой и чем-то крепко насолил нашим воротилам, – проговорил четвёртый из собеседников, который был ни кем иным, как начальником таможенной стражи. – Но у меня есть новости похуже – вашего мальчика и двух его друзей обвиняют в пособничестве этому Инци. Но плохо даже не это. Самое скверное, что их сделали пешками в политической заварухе, которая идёт среди ведомств Торгового города. Короче – Генеральный суд требует расправы над ними, а некое Тайное отделение городской стражи делает слабые попытки этому противостоять. Однако лучше бы они даже не вмешивались. Судейские, они ведь прожжённые людоеды. У них один закон – жрать! А жрут они исключительно человечину. И если че-

ловек попал им в зубы, сожрут обязательно, а чем больше при этом вырываться, тем сильнее тебя будут засовывать в глотку.

Над столом повисло молчание. Вдруг кулак Михала грохнул по крышке словно удар молота.

– Я сейчас пойду и заберу своего сына! – крикнул он.

Маранта положила руку на плечо мужа.

– Им можно устроить побег? – спросила она.

– Нет, – ответил хозяин дома с сожалением. – Если бы их обвиняли в грабеже и убийствах, то – да, а когда людей называют государственными преступниками, то – нет. Здесь не помогут никакие деньги. Ни один тюремщик, даже самый продажный, не пойдёт на сделку, которая будет означать для него верную смерть.

– Тогда, что можно сделать?

Старик задумался.

– Если бы речь шла о простой казни, – сказал он, – я попробовал бы облегчить их участь.

– И что это значит?

– В девяти случаях из десяти это значит, что человека казнят быстро и безболезненно и лишь в одном, что наказание ему заменят вечной каторгой, а это может быть хуже смерти. Но на сей раз всё сложнее.

– Сложнее? Что с ними хотят сделать?

– Их собираются выставить на арене Большого цирка против десятка или больше самых свирепых и сильных мон-

стров, что содержатся в городском виварии.

Зубы охотника скрипнули и он недвусмысленно положил руку на рукоять топора. На сей раз Маранта не сделала попытки его успокоить.

– Я правильно поняла, – проговорила она ровным голосом, – их собираются скормить монстрам на потеху толпе? Просто бросить, как связанного козлёнка, когда собираются поймать тигра?

– По сути дела так. Только вот связанными они не будут. Господа судейские решили сделать хорошую мину при плохой игре. Короче говоря, осуждённым разрешается выжить, если они победят в схватке с монстрами. Вот будут ли они свободны после такого, это ещё вопрос. Хотя... вопрос довольно праздный – выжить в драке с двумя, или сколько там, десятками монстров невозможно.

– Им дадут оружие?

– Нет. Ни администрация Цирка, ни судейские оружия им не дадут. Согласно правилам подобных представлений оружие не запрещено, но где его должны брать те, кому предстоит выйти на арену, неясно.

– Можно им передать его в тюрьму?

– Нет, конечно! Передать в тюрьму оружие?! Это же государственное преступление. А потом у них его сразу найдут, и это будет воспринято, как попытка к бегству и тогда их точно казнят, причём вместе с теми, кто им это оружие передал. Можно было бы кинуть им что-то, когда они будут

стоять на арене, но...

– Но?

– Но вход на трибуны Цирка с оружием запрещён, а на входе смотрят внимательно, могут обыскать любого.

Маранта задумалась.

– На это... представление сложно попасть? – спросила она, и глаза её странно блеснули.

– Любое место в любом ряду за ваши денежки! – ответил старик.

– А есть такое место, с которого было бы видно всю арену, но чтобы само оно видно не было или хотя бы не бросалось в глаза?

– Насчёт этого можно навести справки, – сказал он не без доли сомнения. – Ничего не могу обещать заранее, но постараюсь расспросить знающих людей.

– Сделайте это. А ещё подскажите, нельзя ли где-нибудь поблизости арендовать кузницу на сутки?

Михал посмотрел в глаза жены и увидел, что они блестят лихорадочным блеском выдающим сумасшедшую работу мысли, которая может дать самый непредсказуемый результат.

– Что ты задумала? – спросил он.

– Они выживут в схватке! – был ответ. – Не знаю, что будет дальше, но там, на арене умрут только монстры!

Глава 104. Рыжий Ван

– Может, всё-таки объяснишь, куда ты нас несёшь?

Сидя на плечах циклопа, они чувствовали себя детьми. Стефан, что было силы, вцепился ему в правое ухо, (больше держаться было не за что), но всё равно каждую секунду боялся упасть. Ларни, сидевшая на левом плече, чувствовала себя не менее комфортно, чем обезьяний детёныш, крепко ухватившийся за материнскую шерсть.

– Тут есть недалеко, – ответил циклоп, который, несмотря на изрядную начитанность, ещё не совсем овладел человеческой речью.

– Что есть? Что недалеко? – не унималась Ларни.

– Не далеко есть властитель Ван! – был ответ, который ничего им не объяснил.

– А кто это? – подал голос Стефан и тут же снова вцепился в циклопье ухо, когда почувствовал, что гладкое, обнажённое плечо монстра уходит из-под его зада.

– Ван! – последовал ответ. – Рыжий Ван, он есть главный! Его все слушать. Он добрый, но глупый! Он мне поклоняться, как богу. Я говорить ему – не поклоняться мне, я не есть бог, я есть – Шарль, циклоп! Он не слушать.

– А далеко до этого Рыжего Вана?

– Человек идти – далеко: неделя – две, циклоп идти – недалеко: день – половина.

Прикинув время прошедшее с того момента, когда они покинули "Адову пасть", Ларни решила, что пройдена была приблизительно четверть пути.

– Расскажи ещё про Рыжего Вана, – любопытствовала она.

– Ван глупый, – повторил циклоп. – Я ему говорить: поклоняться Богу, поклоняться Инци, а он мне поклоняться!

– Но ведь ты говорил, что он главный, что его все слушаются. Значит он не совсем глупый?

– Не совсем. Ван много знать, много иметь детей. Ван иметь большая сила! Ван все любить и уважать. Ван иметь много домов, много земля, много разная скотина. Ван всех кормить, обо всех заботиться. Когда Шарль приходит, все бояться и убегать, только Ван не бояться и захотеть воевать. Но Шарль не хотеть воевать, не хотеть потерять глаз. Инци сказать: второй раз глаз отрастать не будет! Шарль не хотеть быть слепой, Шарль хотеть читать книжка! Много книжка! И хотеть дружить с Ван и с Ларни, и со Стефан, и с тот человек с веслом, который Странник. Шарль подружиться даже с Цербер! Цербер дать Шарль своя косточка, очень вкусно!

– И ты подружился с Ваном?

– Не сразу. Ван иметь большое ружьё. Два ствола. Только Шарль не убить, но глаз можно выбивать. Тогда Шарль садиться и поднимать руки, и просить Ван не стрелять. А когда Ван спросить, откуда Шарль такой взяться, Шарль рассказывать и про себя, и про Ларни и Стефан, и про глаз, и

про Змеёж, и про Инци, и про Маранта и Михал. Шарль всё рассказывать!

– Про Маранту, Михала и Инци потом расскажешь подробней. Так, что же сказал Ван?

– Ван, как только про Маранту услышать, так сразу забегать и руками замахать. Потом у Шарль спрашивать – не слышал что-то про какой-то Зиг и Золас? Шарль говорить, что не слышал, знать только совсем мало-мало Маранта. Потом Шарль много говорить Ван, что рассказывать Инци. И тогда Ван говорить, что Шарль святой, что Шарль бог и приносить жареный корова. Корова был вкусный, но Шарль не есть бог! Зачем Ван так говорить?

– Наверно он просто ошибается, – предположила Ларни. – Врядли ему кто-либо раньше рассказывал про Инци. Мы со Стефаном можем рассказать, если он захочет слушать.

– Ван захочет! Ван любит слушать, – заверил её циклоп. – Ван знает, что я пошёл за дочкой Маранта. Ван ждёт!

Значит, они не будут незваными гостями. Это уже хорошо. Кто же такой этот рыжий Ван? Мамин знакомый? Когда они, наконец, доедут, это станет ясно. Ларни призадумалась. Зиг и Золас... Кажется, мама называла эти имена. Она время от времени рассказывала о своих приключениях, но эти рассказы были так далеки от жизни, которой они жили в Междустенье, что воспринимались, как сказки. И вот теперь некий персонаж из этих сказок изволил появиться в реальном мире. Вот только кто он этот Рыжий Ван, Ларни уже не

помнила. Наверно эпизод из жизни Маранты-воительницы, где он присутствовал, был небольшим и незначительным в череде событий бурного прошлого её мамы, но это неважно! Важно было то, что их несли в сторону человеческого жилья, где их обещали принять, как друзей, а это ведь много что значит!

Но вот, наконец, они приехали. Циклоп осторожно опустил людей на землю перед большими воротами в высокой деревянной стене. Ворота были открыты, и за ними толпилось много народа. Ларни заметила, что почти все мужчины из собравшихся за воротами вооружены и буквально сверлят глазами их циклопа. Впрочем, взгляды, которые доставались им самим были не лучше, и это не слишком походило на дружеский приём.

– Идите и не бойтесь, – напутствовал их Циклоп Шарль. – Эти плохо смотрят, потому что они боятся. Ван не боится, и вы не бойтесь.

– А ты разве не пойдёшь с нами? – спросила Ларни, которой почему-то вдруг очень сильно захотелось, чтобы циклоп не уходил.

– Нет, не пойду. Шарль устал. Шарль идёт спать. Если Шарль понадобится, Ван знает, как найти.

С этими словами он встал во весь рост и зашагал куда-то вглубь леса. По толпе пронёсся вздох облегчения. Путешественникам показалось, что даже взгляды, направленные в их сторону потеплели. Однако до подлинного радушия здесь

было ещё далеко. Ларни откашлялась. К ней сразу повернулись все лица и множество глаз, похожих на наконечники стрел, уставились в упор, так, что ей как-то сразу стало не по себе. Но показать это окружающим было делом распоследним, и потому девушка сказала спокойно:

– Мы пришли к Рыжему Вану, вашему главному. Где нам его найти?

– Эй, что здесь творится? – вдруг раздалось, где-то в глубине двора и толпа тут же расступилась.

По образовавшемуся проходу к воротам важно шагал здоровенный дядька в шароварах и домотканой рубаше с распахнутым воротом. Грива непокорных волос, борода, доходящая до середины груди, и даже шерсть на пальцах были рыжего цвета. В руках он держал древнюю, побелевшую от времени двустволку.

– Что случилось? – повторил он свой вопрос, подходя к воротам. – Нападение? Тогда почему ворота нараспашку? Или опять приходил Шарль, а мне ничего не сказали?

Тут он увидел пару стоящую перед воротами и рот его раскрылся от удивления сам собой.

– Так это правда! – пробормотал он потрясённо. – Святой циклоп не солгал, они действительно существуют, и они пришли ко мне...

Вдруг Ларни поняла, кто стоит перед ней. Ну конечно! История случившаяся, как раз за девять месяцев до её рождения. Она вдруг отчётливо вспомнила всё, что рассказыва-

ла о тех событиях мама. Падение королевства Лоргина, нашествие монстров, бесстрашный атаман разбойников – Золас, его юный помощник Зиг и лучший друг Зига – пастушок Ванька! Вот этот самый Ванька, только не пятнадцатилетний подросток, а крепкий, взрослый мужчина, за тридцать лет, стоял перед ней с открытым ртом и почему-то отказывался верить своим глазам.

– Здравствуйте! – вдруг, как-то сама собой сказала Ларни. – Как поживает ваша супруга, почтенная Ивонна? Беру на себя смелость передать привет вам и ей от моей мамы – Маранты-воительницы. А это и есть тот самый дробовик Зига, который он отдал вам при прощании?

Но Рыжий Ван, как будто не слышал её слов.

– Эти глаза... – бормотал он, – эти волосы... Это же всё его – Золаса... Но... передо мной девочка! Это же его дочь... Дочь атамана!

Глава 105. Верные враги

– Значит, могут обыскать?

– Могут, но вы же послы, чего вам бояться?

В трактире было одновременно темно и шумно. Идеальное место для тайных встреч, закулисных переговоров и заговоров. То, что они встретили капитана Зигеля именно здесь, не было спланировано. Это был подарок судьбы!

– Мы такие послы, которых расстреляли из крупнокалиберного пулемёта, а потом, когда выяснили, что мы живы, то продержали в тюрьме два с половиной месяца! – сказала Диана, стискивая кулаки. – Поэтому я не удивлюсь, если нас не только обыщут, но и сделают это с особым пристрастием.

Зиг кивнул и снова взялся за свою кружку. Он и так уже был основательно налит вином, которое, похоже, не оказывало на него никакого действия. Всему виной была кипящая от негодования кровь. Ведь не каждый день убиваешь ни в чём не повинного человека, который к тому же был тебе крайне симпатичен? Зиг встретил его в тюрьме, когда сам посещал там другого заключённого – действительно опасного маньяка-убийцу, чей тугой кошелёк перетянул чашу весов правосудия и его вскоре должны были выпустить.

(И ведь выпустили, несмотря на несколько детских трупов найденных в подвале его собственного дома! Несмотря на многочисленные свидетельства и доказательства, изобли-

чающие насильника, педофила и садиста. Вот только наслаждаться свободой он долго не смог – буквально через день был найден в грязном переулке со свёрнутой шеей. А всего-то Зиг не стал скрывать факт его выхода от других заключённых. Вот и думай теперь, где оно настоящее правосудие?)

А вот у Инци кошелька не было вовсе, даже тощего. Чем он жил вообще было непонятно, ведь занят он был тем, что учил народ добру. Здесь, в Торговом городе, добру! Нда-а... Здесь дети способны продать родителей, а родители детей, если предложат хорошую цену.

А ведь кто-то из этих... граждан решил, что безобидный проповедник добра, любви и чистоты, тоже годится для продажи. И тогда Инци продали и поместили в тюрьму для особо опасных преступников. А потом на суде выяснилось, что этот человек куда, как страшнее чем кровавый маньяк-педофил! Зиг к тому времени успел подружиться с заключённым философом. Он думал, что тому грозит штраф или общественные работы, потому, что добрые дела совсем без наказания не остаются, но почему же это наказание не может быть мягким? Где была его голова?..

Короче, когда он услышал, *что* именно грозит Инци, он бросился к своему начальнику и покровителю. И добился-таки его заступничества, что возможно окончательно погубило всё дело... Отсрочку, которая была принята, немедленно отменили, и к тому же недвусмысленно высказались по поводу коррупции, процветающей в Тайном отделении, покрываю-

щем государственных преступников! В результате его, Зига, поставили следить за исполнением казни, что, в конце концов, дало ему возможность прекратить страдания невиновного...

А надо было его освободить!!! Надо было перебить палачей и стражу. Это было в его силах!!! Но он ничего не сделал... Почему? Потому, что находился при исполнении служебных обязанностей, потому, что за эти годы привык к дисциплине и подчинению, потому, что... (Какая грязь!!!) Потому, что он служака зачуханный, и нет ему теперь прощения!

А теперь вот явились эти двое и просят его помочь трем сторонникам Инци, приговорённым к растерзанию монстрами на арене Большого цирка. Зиг даже не знал, что у Инци были сторонники! А вот, оказывается, были. Два парня – один взрослый, другой совсем ещё малец. И девушка. Причём речь идёт не о том, чтобы спасти их от гибели, а скорее о том, чтобы дать умереть с честью!

– Хорошо, – услышал Зиг свой голос, – я поговорю кое с кем из тех, кто будет дежурить в тот день в Большом цирке и вас пропустят без досмотра. Но предупреждаю – выскочить на арену самим вам не удастся, там слишком высокая решётка с зазубренными остриями наверху. Ни монстр не прорвётся, ни человек.

Им пришлось удовлетвориться этим обещанием и оставить капитана Зигеля наедине с его кружкой.

– Похоже, он нас не узнал? – не очень уверенно проговорила Диана.

– Я-то его точно не узнал, – ответил сэр Галль. – Не у всех же такое зрение, как у тебя. Я и не разглядел его толком тогда.

Диана кивнула. Они не знали, что Зиг не только узнал эту парочку, но и знал заранее, с кем ему приходится иметь дело, а потому ему было весьма непросто сдерживаться. Когда они ушли, он заказал себе ещё кружку, но пить уже не смог, а просто уставился куда-то в пустоту.

Перед его глазами вдруг всплыло лицо Маранты, наклоняющееся к нему со словами сочувствия. Вдруг это лицо исказила гримаса боли и Маранта упала в его объятия... Он буквально физически почувствовал укол и жжение на месте старого шрамика на груди, куда кольнул его наконечник стрелы, пробивший плечо воительницы. Эта крохотная ранка потом долго не заживала – наконечник был смазан ядом, львиная доля которого досталась Маранте и совсем немножко Зигу. Если бы не лекарское искусство Порфирия...

Но Зиг уже не думал об этом. Он вспомнил своего атамана, рванувшегося в огонь и яростно стрелявшего на бегу вслед вот этой самой парочке, с которой он только что разговаривал. Тогда они были – восемнадцатилетняя девчонка по имени Диана, бывший кадет гвардии и непревзойдённая лучница и, неизвестно откуда взявшийся, двенадцатилетний пацан со странным именем – Галль.

Конечно, Зиг этого тогда не знал, да и толком не увидел ни ту, которая послала отравленную стрелу Маранте в спину, ни её спутника. Вся история с именами и событиями была восстановлена и осознана им потом. А тогда он, только что потерявший возлюбленную, разорванную монстром, держал на руках тяжело раненную подругу своего атамана, которого любил, как отца и который тогда так и не вернулся из пламени...

Тогда Маранта выжила, чтобы вскоре погибнуть во время столкновения с конными варварами возле форта Альмери. Как он тогда хотел отомстить тем, кто вызвал цепь этих несчастий! Ведь именно для того, чтобы не сорваться в бездну всепоглощающей мести, он решил тогда покинуть родные края и переселиться сюда, где нашёл новую жизнь полную новых событий.

И вот теперь они пришли к нему сами – Диана и Галль. Ей сейчас тридцать пять, кажется, лет, и она военный комендант Форта Альмери, нынче претендующего на звание независимого города. Ему, Галлю, соответственно двадцать девять, и он у них рыцарь, что видно по манере, осанке и ощущению силы, исходящей от бывшего уже воина, а заодно главный специалист по технике. Бывает же такое!

Форт Альмери, где живут его старые друзья, благодарен этой парочке не менее, а может и поболее, чем Маранте, спасшей крепость от гибели. Время залечило раны, оставленные прошлым на плоти, сердцах и душах людей. Оно вы-

лечило даже манию Дианы, из-за которой тогда случились многие беды. Оно подлечило и Зига.

Из задумчивости его вывело то, что вино из его кружки залило весь стол и уже потекло на колени. Зиг взглянул на свою руку – в ней был зажат бесформенный оловянный ком, всё, что осталось от тяжёлой трактирной кружки, которой можно было при хорошем ударе разбить человеку голову. Значит, он смял её, пока предавался воспоминаниям. У Зига были очень сильные кисти рук. Даже те стражники, которые были на полторы головы выше его и вдвое шире, порой приседали, взвывая от боли, когда знакомились с его знаменитым рукопожатием.

Это маленькое незначительное происшествие отрезвило его и помогло заглушить поток тяжёлых дум. Зиг встал, стряхнул с себя остатки разлитого вина, бросил монету подскочившему служке и вышел из питейного заведения.

Несмотря на поздний час, он отправился не домой, а к казармам стражи. Если уж договариваться, то чем раньше, тем лучше. Он обещал помочь своим бывшим врагам, и он поможет им. Теперь у них общие интересы, теперь они в одной лодке!

Глава 106. «После Инци»

Руфусу не спалось. Сначала образ распятого Инци, с венцом из колючей проволоки на голове, так и стоял у него перед глазами. Из тюремного окна торговую площадь было видно хорошо, а распорядители казни расположили крест таким образом, что казнимый был, повёрнут лицом к своим "сообщникам", поэтому те видели всё.

Руфус был готов к такой развязке, но он не мог не испытывать боль и ужас при виде того, как корчится на кресте тело его учителя и друга! Когда милосердный удар копьём избавил Инци от страданий, Руфус почувствовал, что его собственное сердце остановилось. Мир стал меркнуть вокруг, а звуки словно тонули и исчезали, уступая место глухой, ватной тишине.

Словно через двойные стены Руфус слышал, как плакала Мара, а Верентий, сам потрясённый до глубины души, пытался утешить её, какими-то нелепыми, срывающимися словами. Самым сильным из физических чувств, для него вдруг стал нестерпимый, с ума сводящий холод, который начался от рук и ног, и с огромной скоростью стал захватывать всё тело, подбираясь к мозгу.

Дело кончилось бы плохо, не будь рядом его друзей. Они подхватили его на руки, отнесли на кровать и заставили замершее сердце снова биться. Мара просидела до темноты у

его постели, и ушла только когда решила, что мальчик уснул. Но Руфус не спал. Он лежал с закрытыми глазами, потому что не хотел ни с кем разговаривать и не хотел смотреть никому в глаза. Сейчас его убивало даже не чувство утраты, а осознание собственной беспомощности и бесполезности, а ещё страх за своих друзей и близких.

Как им теперь жить, когда Инци покинул этот мир? Пока он был с ними, жить было не так страшно, а вот как быть теперь? Люди не понимали, что теперь их жизнь станет вдесятеро страшней и тяжелей из-за того, что с ними нет Инци. Руфус понимал это. Неосознанно это понимала Мара. Верентий ещё не понимал, но уже догадывался, что дело плохо.

Почему-то люди должны увидеть, как гаснет солнце, горят леса и города, океаны выходят из берегов, чтобы понять, что пришла беда. Но, когда распинают Инци, они этого не чувствуют и... даже толком не видят. Как же! Ведь ничего не изменилось, солнце так же светит, все вокруг живы и здоровы, кроме этого, никому не известного. Который на кресте. В кармане по-прежнему, гремят деньги, и вроде их становится даже больше, а дома ждёт сытный обед. Так о чём же беспокоиться? Подумаешь – стало на одного мечтателя меньше, ведь жизнь продолжается! И не знают, не догадываются люди, что для их мира это не жизнь, а агония тела с вырванным сердцем...

В ночной тишине слышались приглушённые ритмичные звуки, тихий шёпот, лёгкие стоны, негромкие вскрики.

Руфус открыл глаза и улыбнулся. Его друзья любили друг друга, а в горе нет лучшей поддержки, чем любовь.

– Я тоже так думаю! – раздался рядом знакомый голос.

Если бы стены тюрьмы вдруг обрушились и Руфус обнаружил бы себя парящим в облаках, это врядли произвело бы на него большее впечатление. Мальчик медленно повернул голову, словно боялся, что от резкого движения тот, кого он хотел и боялся увидеть, пропадёт, растворится в ночном мраке, словно солнечный луч в глубоком омуте.

Инци сидел рядом и никуда не исчезал. Правда, Руфусу показалось, что он может видеть сквозь его тело противоположную стену, но это было неважно. Важно было то, что Инци был рядом и говорил с ним!

– Любовь это то, что движет миром, то, что спасает людей, – говорил Инци со знакомой задумчивой улыбкой. – Если хочешь знать, то Любовь это любимейшее и прекраснейшее дитя Создателя! Да, она бывает капризной и своенравной, непостоянной и изменчивой, но бывает и верной, преданной, самоотверженной. Но какой бы она не была – мудрой или легкомысленной, мимолётной или всеобъемлющей, чистой или... ну не важно! Какой бы она не была, она всегда прекрасна, всегда желанна и притягательна. Тот, кто познал любовь, уже отмечен божественным благословением, а тот кто её не изведал – за что-то наказан. Твои брат и сестра познали любовь, будучи в Аду, а это говорит о том, что в них есть особая сила, способная противостоять любому злу

и нести добро с собой! Открою тебе секрет – они скоро сделают тебя дядей! Так что жди в положенный срок маленькую племянницу. И не только её одну... Впрочем, хватит мне выбалтывать тебе секреты без которых жизнь теряет свою прелесть. Твоя семья благословлена любовью, и это, поверь мне, самое прекрасное, что Небо может подарить людям. Да, кстати, когда Ларни и Стефан вернутся, скажи им, что препятствий для их союза нет, и не было, ведь они друг другу не брат и сестра по крови.

– Инци! – произнёс, а может, подумал Руфус. – Ведь тебя же...

– Убили? Увы, но это так! Опять я успел слишком мало, а был по-настоящему услышан лишь тобой и Ларни. Что ж, не в первый раз и не в последний. Когда-нибудь меня услышат многие, и может кто-нибудь поймёт. А день, когда услышат все, а многие поймут, тоже настанет, но это будет не скоро. А теперь прости, но я должен идти. Не грусти так сильно, ведь я всё равно остаюсь с тобой. Теперь мы уж точно будем неразлучны.

– Инци?

– Что?

– Я не знал, что у Создателя, кроме сыновей была дочь.

– И не одна, мой мальчик! Да ведь ты же знаешь их всех по именам. Вспомни: Вера, Надежда, Любовь – это самые известные, и о них говорят чаще всего, а ведь есть ещё Верность, Правда, Истина, Доброта, Радость, Счастье! Есть и

другие, которых я бы тебе с удовольствием перечислил, но думаю, ты и сам догадаешься. Не пренебрегай ни одной из них и жизнь твоя будет, как полная чаша! А теперь мне и в самом деле пора. Прощай, то есть до свидания!

Инци больше не было рядом. Его образ растаял раньше, чем слова прощания слетели с губ его ученика.

Руфус снова закрыл глаза. Мало! Как мало он был с ним, как мало они разговаривали, как мало он всего узнал! Руфус даже не спросил его, что ему делать на арене и что делать дальше, если удастся выжить. Впрочем, ответы тут же пришли сами собой – твори добро, защищай слабых, не уступай сильным, если ты прав, а они нет. Как это делать? Разве все способы перечислишь? Просто иди тем, путём, который приемлем для тебя самого, будь верен себе, своим убеждениям, принципам, идеалам. И тогда всё получится!

С этими мыслями Руфус повернулся на другой бок и спокойно заснул, не думая больше ни о расставании с Инци, ни об арене, которая вскоре может быть полита его кровью.

Глава 107. Семья друга

– И тогда мама направила своего коня прямо к обрыву, который оказался краем каньона!

Слушатели ахнули и подались вперёд. На Ларни снова были направлены десятки глаз, но теперь они напоминали не наконечники стрел, а жадно раскрытые клювы птенцов, ожидающих корма.

Большой зал в главном доме хутора Рыжего Вана был переполнен народом. Местные жители, как и сам хозяин, были невероятно охочи до разных историй, и теперь их гостям приходилось несладко. Если в запасе у Стефана было множество охотничьих баек, от которых слушатели попросту покатывались со смеху, то Ларни пришлось воспроизвести рассказы Маранты о падении королевства Лоргина и о собственных её приключениях.

Рыжий Ван сам был свидетелем начала этих событий, и потому он частенько перебивал её, чтобы услышать о судьбе знакомых ему людей. Когда он узнал о гибели атамана Золаса, то взвыл дурным голосом и буквально вырвал из своей шевелюры клок рыжих волос. Его жена, красивая, но молчаливая пампушка Ивонна, от которой слова лишнего было не дожидаться, охнула и залилась слезами. Она тоже знала в своё время атамана Золаса, по-видимому, с очень хорошей стороны. Не имея возможности закрыть лицо ладонями, эта

дама спрятала его в пелёнках младенца мирно спавшего у неё на руках.

(Вообще сколько у этой пары было детей, с точностью сказать никто не мог. Среди них были двое или трое ровесников Ларни, пять или семь подошедших к десятилетнему рубежу и целая куча разновозрастных малышей, которые, то прибывали вокруг Ивонны, то убывали. Стефан конечно не заморачивался этим вопросом, но Ларни, ввиду своего женского любопытства попыталась делать какие-то подсчёты и, в конце концов, пришла к выводу, что почтенная Ивонна, кроме своих детей нянчит ещё и соседских.)

Эти их рассказы растянулись на много вечеров, и сегодняшний подходил к своей кульминации, когда Ларни решила немножко приврать.

– Мамин конь, – говорила она, раскрывавшим рты, слушателям, – оттолкнулся от края обрыва и полетел!

– А-а-ах! – сказала толпа и ещё придвинулась к рассказчице.

– Но конь не мог лететь долго, ведь у него не было крыльев, и он упал, а мама осталась в воздухе.

– О-о-о! – отозвалась толпа и замерла в ожидании продолжения.

– Сначала она думала, что тоже упадёт, но продолжала лететь. Тогда она подняла голову и посмотрела вверх. И что же она увидела?

– Что она увидела? – спросил в полной тишине одинокий

женский голос из задних рядов.

– Она увидела двух белоснежных существ, внешне похожих на людей, но с лебедиными крыльями! Они поддерживали её в воздухе, а потом посадили на верхушку дерева!

– У-у-у! – выдохнула толпа и Ларни даже немного пожалела о своих словах.

Никто не собирался подвергать её рассказ сомнению, всё было принято на веру и произвело эффект кролика вынутого из шляпы перед детьми пяти лет. Единственным лицом, выражавшим недоумение, было лицо Стефана.

"Зачем ты это сделала?" – спрашивали его глаза.

Но Ларни не могла ответить на этот вопрос даже перед самой собой. Однако останавливаться было поздно, приходилось врать дальше.

– И тогда они сказали ей: "Пройдёт много лет и кто-нибудь из твоих детей найдёт племя Рыжего Вана, которого ты хорошо знаешь. Так пусть передаст ему и его народу, что их поклонение циклопу Шарлю ошибочно, что поклоняться надо только Богу-Создателю, а для того, чтобы делать это правильно надо следовать учению великого Инци – сына Бога, учителя и спасителя человечества". Вот, что сказали ей белокрылые существа, прежде чем они улетели в небо. Потом мама спустилась с дерева и пошла через лес, а вскоре вышла к Междустенью, где спасла Стефана, которому тогда было пять лет, от жуткого монстра, собиравшегося его съесть. Но об этом мы расскажем завтра!

Толпа вновь загудела с некоторой долей разочарования от того, что рассказ кончился, но время было позднее и пора было расходиться. Однако Рыжий Ван остановил Ларни, уже собиравшуюся уходить.

– А скажи-ка мне, дочь Маранты-воительницы, откуда же мы можем узнать учение этого самого Инци, о котором, кстати, Шарль тоже постоянно толкует, но сам знает очень мало. Может быть, ты нам расскажешь об этом подробнее?

– Могу и я рассказать, ответила Ларни, – но я тоже знаю не так много, чтобы быть вашим учителем. С этим лучше справился бы мой младший брат – Руфус, но его здесь нет. Самым правильным будет обратиться к нашему старому священнику, который уже много лет учит народ Междустенья мудрости и законам Инци. Для этого нужно только, чтобы вы пришли к нам в гости, а мы покажем дорогу.

– Хорошая мысль, девочка! – обрадовано воскликнул Рыжий Ван. – Так и сделаем, только подготовимся к путешествию, как следует. Я с удовольствием ещё раз увижу Маранту, а может, узнаю ещё что-нибудь о своих прежних друзьях и знакомых.

На этом собрание закончилось. Ларни и Стефан с удовольствием растянулись на широченном ложе, представлявшем собой деревянный ящик на столбиках с низкими бортами, набитый соломой и вереском, покрытым сверху превосходно выделанными шкурами.

– Ловко придумала! – похвалил Стефан вечернее выступ-

ление Ларни. – Теперь, если такая экспедиция состоится, мы быстрее и вернее попадём домой. Но я всё равно боялся, что мы засыпимся.

– Почему?

– Ты видела детей Вана?

– Видела.

– Есть среди них хоть один рыжий?

Ларни призадумалась.

– Нет, – сказала она, наконец, – они все белые, как будто их макнули в муку.

– То-то! И Ван тоже белый, понимаешь? В рыжий цвет он красится, причём не забывает ни волосинки не только на голове, а на всём теле. Я это случайно услышал.

– Вот те раз! А зачем он это делает?

– По местному обычаю здесь все вожди – рыжие. Якобы их власть от Солнца!

– Ну и что с того?

– А то, что когда они с Марантой в те годы встречались он рыжим не был. Белым он был, как его дети и молодым ещё совсем. Твоих лет. А ты про него тогдашнего, как про рыжего говоришь!

Ларни схватилась рукой за рот, а потом рассмеялась.

– Да, действительно! Но я бы что-нибудь придумала. А, всё равно никто ничего не заметил!

Стефан крепко обнял свою подругу и крепко прижал её к себе.

– Врушка! – сказал он ей ласково. – Милая моя врушка!
Любимый ты мой бесёнок!

Глава 108. Нелёгкая работа сержанта Луиса

Толпа, ломившаяся в Большой цирк, грозила смести стражей. Торговый город, похоже, решил явиться сюда в полном составе и прихватить с собой изрядную часть предместий. Охрана работала не покладая рук. Надо было не допустить на трибуны никого лишнего, но и не обидеть при этом почтенных купцов и их не менее почтенных жён. (Дети в большой цирк на кровавые зрелища не допускались.)

Под лишними понимались, конечно же, воры, попрошайки, бродяги разных мастей, проститутки, за исключением тех, кого угодно было провести с собой богатым, но одиноким горожанам. Правда, сегодня был день особый и стражу предупредили, что среди посетителей, даже не вызывающих подозрения, могут быть сторонники смутьяна и разбойника Инци, казнённого недавно на торговой площади. А это означало, что присматриваться надо не только к отребью, которое сразу видно, но и к вполне приличным с виду гражданам, так-как всем известна способность бандитов, маскироваться под кого угодно.

Сержант Луис вытер обильный пот, выступивший после схватки с купцом, которого он попросил показать содержимое объёмистой сумки, трепетно прижимаемой, этим самым

купцом к не менее объёмистому животу. Сумка оказалась полна всякой разной снеди.

– Это – орехи! – орал купец, выпучив глаза. – Орехи, а не пули и не отрезанные головы! А это – пироги, а не ножи! Бездельники! Тунеядцы! Мы их кормим, чтобы они следили за порядком, а они... Они нас же и обшмонать норовят! Гнать вас всех к ядрёной матери!

Это был уже пятый случай за сегодня. Приятного мало, но лучше, как говориться перебдеть... Мимо сержанта прошло несколько женщин в кринолинах. И кто только эти юбки придумал? Под ними не только оружие, но и пару головорезов протащить можно. Но вот его взгляд упал на худенькую, небольшого роста, черноволосую женщину, которая тоже была одета в платье с кринолином. Двигалась она при этом как-то тяжело. Может просто не привыкла к такой одежде, а может...

Рядом с ней шёл высоченный блондин атлетического сложения и разбойного, (с точки зрения сержанта), вида. Луис собрался было отдать приказ остановить этих двоих, но тут к нему подскочил юркий, молоденький ефрейтор и что-то горячо зашептал в ухо. Сержант нахмурился, потом кивнул головой и ещё раз вытер пот. Пронесло! Чуть послов не досмотрел, вот было бы дело!

Ну да, теперь он вспомнил, что видел этих послов из Фор-та Альмери, (который давно уже не форт, а самостоятельный город), когда стоял на посту перед Ратушей. Тогда эта жен-

щина была одета в костюм вроде охотничьего, который ей очень шёл. Чего же теперь она в кринолин-то вырядилась? Да, бабы есть бабы! Обязательно наряжаются так, что не знаешь, то ли насмешить народ хотели, то ли напугать?

Вот ещё одна идёт. Высокая, статная, красивая, хоть уже и не первой молодости. И тоже в кринолине! Тьфу, а кринолин ей, что корове седло! Она ж в нём и ходить-то не умеет! Вон и мужик у неё здоровый, как медведь, но с походкой тигра. Охотник – видно сразу. Видать разбогател на торговле шкурами, ведь сейчас из-за обилия монстров в лесах этот товар основательно взлетел в цене. Проверить их? Да ну, тут, если что, одной руганью не отделаешься. Тут можно и кулак лицом поймать, а кулаки у охотника во-он какие! Если даже не убьёт, то без зубов точно оставит. Так что ну их, пусть идут себе... А это что за толпа?

На сержанта надвигалась целая армия, празднично одетых, гопников! Кто-то другой принял бы их за обычных горожан, только не сержант Луис! Его потому и поставили на это место, что он подобную публику за версту чует. Остановить, запросить свистком подмогу, переловить всю эту публику, заслужить повышение по службе!..

– Не надо, начальник!

Голос прозвучал возле самого уха, но Луис, каким бы зорким он не был, толком не разглядел говорящего. Тем более, что голос тут же переместился к другому уху.

– Не промышляем, никого не обижаем, просто развлека-

емся культурно. Зуб даю!

При этом карман бдительного сержанта, как-то подозрительно потяжелел. Луис сунул руку в карман и нащупал там мешочек с крупными кругляшами. Надежда, страх, возмущение, радость, всё это разом нахлынуло на него. У сержанта вдруг закружилась голова, а язык прилип к нёбу. Когда он очнулся, никаких гопников рядом уже не было. Луис облился холодным потом, но про себя решил: "Ежели что, скажу – ничего подозрительного не заметил. Одеты хорошо, ведут себя прилично..."

Глава 109. Отрекитесь и живите!

Между тем, трибуны потихонечку заполнялись. Послов Форта Альмери встретили и с почётом проводили в ложу для особо высокопоставленных лиц.

– Ну как? – спросил Галль вполголоса.

– То, что надо! – так же тихо ответила Диана. – Хорошо, что мы выше решётки. Докинешь до середины?

– Если понадобится, переброшу через всё поле.

– Отлично!

На другом конце арены, пришедшая на трибуну дама, была явно недовольна.

– Это и есть то самое место, о котором он говорил? Я же просила полностью закрытое!

– Таких здесь нет, Мара! – ответил ей старик, чем-то похожий на жреца. – Посмотри – с боков мы загорожены.

Они сидели прямо над воротами, а справа и слева от них располагались некие возвышения, точнее невысокие стены, отделяющие их от боковых трибун.

– А как же те, кто здесь? – спросила Маранта и обвела рукой зрителей, сидевших с ними в этом секторе.

– Это всё свои, – ответил священник. – Я выкупил здесь все места и попросил собрать на них весь фартовый люд, какой сейчас не занят текущими делами. Так что делай, что хочешь, здесь посторонних глаз нет!

Но вот зрители расселись и немного притихли, когда над ареной прогремели трубы и откуда-то сбоку глашатай объявил:

– Представление начинается!

Сначала, как и обещал глава Совета торговых гильдий, был музыкальный спектакль. По-видимому, он никому не понравился. Напрасно толстые тётки и дядьки раздували щёки и что-то тянули тоненькими голосами, обращаясь, то друг к другу, то к публике, то к небесам. Напрасно музыканты старались извлекать из инструментов нежные, тоскливые и задорные звуки. Всё равно ничего не было слышно за шумом издаваемым толпой, которая не могла удержаться от разговоров. К тому же хруст орехов раскалываемых для пожирания мог заглушить, наверное, шум настоящей битвы.

Собачки бега имели большой успех. Среди публики тут же появились букмекеры и люди принялись делать ставки, рискуя огромными суммами ради щекочущего нервы азарта.

И вот, наконец, было объявлено то, ради чего здесь все собрались – наказание трёх преступников, которым одновременно даровался крохотный шанс выжить. Руфус, Мара и Верентий вышли на пустующую пока арену и встали посередине. Толпа замерла, глядя на трёх смертников, которых через минуту – другую должны были растерзать кровожадные твари.

Большой цирк затих настолько, что можно было услышать, как на землю упал выскользнувший из чьих-то пальцев

орех. Дородные купцы, их ещё более дородные жёны, раздетая в пух молодёжь, зажиточные фермеры, немногочисленные удачливые охотники, во все глаза смотрели на десятилетнего мальчика, красивую юную девушку и золотоволосого симпатичного парня.

Эти трое не выглядели злодеями. Они не вели себя вызывающе, не выказывали страха, а с любопытством оглядывались вокруг. Все ждали увидеть закоренелых преступников, у которых должны быть протокольные рожи, согнутые спины, корявые пальцы, ну и всё такое прочее, а тут...

Осуждённые не были ни измождёнными, ни ослабленными. Не были они также и напуганными, хоть их и неоднократно предупреждали о готовящейся им участи. По Цирку прошёл ропот недоумения и непонимания. Кое-кто даже возвысил голос, выражая явное недовольство тем, что отцы города, наверное, с ума посходили, раз решили бросить на растерзание монстрам детей.

Сообразив, что всё проходит, не настолько гладко, как планировалось, распорядитель действия подозвал глашатая и что-то тихо и быстро проговорил ему на ухо. Глашатай кивнул и вышел на свой помост. Он поднял над головой руку в знак внимания и несколько раз ударил концом своего посоха о гулкие доски.

– Дамы и господа! Почтеннейшие горожане и горожанки, – начал он свою обличительную речь. – Перед вами трое закоренелых преступников, осуждённых на казнь. Они ви-

новны во множестве преступлений и злодеяний. Я не буду перечислять их все перед уважаемыми гражданами Торгового города. Достаточно сказать, что перед нами члены мерзостной секты, глава которой был недавно казнён на рыночной площади. Вы наверно спросите, что же такое совершил этот человек с нелепым именем – Инци? Так вот, он оскорбил самое дорогое, что у нас есть – нашу веру в Великого Молоха и Несравненного Маммона! Он утверждал, что те, кто помогают нам в нашей торговле, не чисты и вообще не являются богами! Он призывал уничтожить кумиры, воздвигнутые в честь Бога-Тельца, предать анафеме его имя, забыть его учение, забыть всё, то хорошее, что он сделал для Торгового города. Он проклинал деньги, проклинал ваше стремление к обогащению, ваше старание обеспечить себе сытое, безбедное существование. Он осуждал вашу заботу о завтрашнем дне и желание устроить будущее своих детей. Скажите мне, жители Торгового города, был ли такой человек для вас опасен?

Трибуны зашумели. Культы Молоха и Маммона были все не настолько популярны здесь, чтобы из-за них устраивать подобные расправы. Нападки на деньги и торговлю вообще, это было совсем другое дело, но и здесь возникал вопрос – зачем казнить людей, которых можно просто изгнать, раз они так мешают? В конце концов, то, что деньги зло слышал каждый кто хоть раз бывал в трактире, где собираются нищелюбы из неудачливых, прогоревших торговцев. Никто

и никогда не воспринимал эти разговоры всерьёз, так по какому же поводу весь этот сыр-бор?

Глашатай понял, что толпе нельзя дать время для размышления, а то чего доброго, возникнет сомнение и недовольство.

– А теперь, по поручению милосердного Генерального суда Торгового города, я заявляю, что эти три преступника могут спасти свои никчёмные жизни, если публично отрекутся от мерзостных идей, которые проповедовали до сих пор. Давайте попросим их об этом вместе!

Это предложение вызвало сначала новый ропот сомнения на трибунах, а потом раздались отдельные выкрики, которых становилось всё больше и больше:

– Отрекитесь!

– Плюньте на это дело, жизнь дороже!

– Эй, краля, ты такая хорошенькая! Отрекись и иди ко мне в служанки. Не обижу!

– Отрекитесь и живите!

Последняя реплика вдруг всем понравилась и трибуны заревели сначала вразнобой, а потом хором в лад: "Отрекитесь и живите! Отрекитесь и живите!"

Реакция осуждённых на эти крики была однозначной: Мара фыркнула, передёрнула плечами и стала внимательно рассматривать песок у себя под ногами, как бы отвернувшись от всего мира, Руфус улыбнулся и отрицательно покачал головой, Верентий презрительно сплюнул.

– Что ж, их выбор сделан! – проорал глашатай. – Они презирают доброту и милосердие правителей и граждан Торгового города! Но пусть эти неблагодарные знают, что добрые намерения Отцов нашего города простираются дальше их невежества. Эти трое не будут лишены жизни, как их лжепророк! Их не зарежут, как животных на бойне, хоть они того и заслуживают. Сама судьба решит за них – жить или умереть глупцам, отвергающим свет Истины! Им даётся шанс выстоять в борьбе с чудовищами и заслужить себе право жить на этом свете, ибо те, кто сумеют выжить в предстоящей битве, воистину этого достойны! Пусть пребудет с ними милосердие богов, которых они отвергают! Итак, мы начинаем!

С этими словами глашатай сошёл с помоста, а распорядитель махнул рукой кому-то невидимому за боковыми воротами арены, служившими входом в виварий Большого цирка. Раздался зловещий скрип и ворота начали открываться. За ними угадывалось движение множества существ, оттуда доносилось утробное рычание, лязг зубов и когтей, приглушённый тоскливый вой, леденящий душу противоестественный стрёкот.

Глава 110. Сила веры

В это время, произошло событие, которого никто из устроителей шоу не ждал – посол Форта Альмери, леди Диана Альмерийская, достала из под своего кринолина тяжелый свёрток и передала его помощнику и консарту, сэру Галлю. Тот взвесил свёрток на руке и, несильно размахнувшись, швырнул его на самую середину арены. Свёрток упал к ногам ожидающих своей участи осуждённых, обдав их тучей песка и пыли.

Сообразив, что это неспроста, Мара тут же присела на корточки, развязала тесёмки, стягивающие упаковку, и вскрикнула от радости! Внутри обнаружились два коротких, но широких и крепких меча, небольшой овальный щит, пояс с метательными ножами, три кинжала и лук со стрелами.

Это был тот самый, маленький, но очень мощный лук – подарок Ханны. Каким-то образом Диане удалось отвоевать его у судейских проглотов, но размышлять над этой загадкой было некогда. Оружие распределили быстро – Верентий вооружился мечом и щитом, Мара взяла себе меч и лук со стрелами, а Руфусу достался набор метательных ножей. Все трое также разобрали кинжалы.

– Но я же плохо ножи кидаю! – возразил юный книжник, с сомнением разглядывая доставшееся ему оружие.

– Пусть побудут у тебя, а там увидим, – сказала ему Ма-

ра. – Ты вообще старайся держаться между нами и не высываться.

Между тем ворота, ведущие в виварий, совершенно раскрылись и оттуда появились первые монстры. Сначала на полусогнутых лапах вышли пять особей похожих на волков. Но это было лишь отдалённое сходство – они были вдвое крупнее обычного волка, имели головы, занимающие одну треть тела и сидящие на очень коротких шеях, почти не позволяющих голове повернуться в сторону. Клыки, торчащие из их пастей, больше напоминали кабаньи. При массивном, негибком теле, гротескно смотрелись тонкие, длинные ноги, оканчивающиеся необычной формы копытами, что впрочем, говорило о способности тварей развивать большую скорость при беге.

Некоторое время бестии нюхали воздух и подслеповато оглядывались вокруг, словно пытались понять, куда это они попали? Потом они, как будто проснувшись, вдруг обнаружили людей и бросились к ним, как одержимые, издавая при этом, какой-то прямо-таки пороссячий визг.

Мара успела выстрелить дважды и две твари ткнулись рылами в песок, не добежав всего шагов десять пятнадцать. Возможно, выстрелы девушки были очень удачны, а может, здесь было виновато едва заметное зеленоватое вещество, которым были смазаны наконечники... А, не важно! Вслед за убитыми тварями к людям неслись ещё три ошестинившихся монстра, а время до столкновения мерилось долями секун-

ды.

В это время на трибунах расположенных над воротами, предназначенными для людей, Маранта закончила сборку, какого-то сложного устройства, состоящего из рычагов и пружин. Детали этой замысловатой штуковины были извлечены естественно из кринолина, который сейчас сильно "похудел". Женщина нажала на рукоятку взвода боевой пружины... Безрезультатно! Удивление, смешанное с ужасом мелькнуло в её глазах, она навалилась на рычаг всем телом!..

– Дай сюда! – сказал Михал, протягивая руку к механическому стреломёту повышенной мощности, чем и являлось странное устройство.

В могучих руках охотника рычаги стальной конструкции пришли в движение, провернулись на осях, пружины сжались и сухой щелчок сообщил, что механизм взведён.

– Переборщила с мощностью, – виновато произнесла вчительница, вкладывая в направляющий жёлоб тонкий стальной шип, похожий на штопальную иглу.

– Не промахнись, – коротко сказал её муж, тревожно всматриваясь в три фигурки посреди арены, возившиеся с каким-то свёртком, в то время как из боковых ворот уже выходили псевдоволки.

Михал хорошо знал этих монстров – их челюсти без труда перекусывали хребет зубра в самой толстой его части...

Третий монстр упал у самых ног Мары, вспахав мордой песок арены. Четвёртый летел прямо на Верентия и тот из-

готовился к бою, но вдруг правый глаз чудовища взорвался фонтаном крови и слизи, тварь дёрнулась в сторону и подставила незащищённый бок, куда по рукоятку вошёл меч бывшего купца!

В элитной ложе Диана одобрительно посмотрела на Галля, зарядившего в свою рогатку с тугой, но упругой резиной второй стальной шарик.

Вся эта, динамичная, но беспорядочная, схватка заняла не больше пяти секунд, но она была ещё не окончена. Последний из пяти монстров, как таран врезался в тройку не успевших отступить бойцов, отшвырнул плечом Верентия, оцарапал щетиной левую руку Мары и опрокинул Руфуса!

Верентий, и так уже увлекаемый телом того монстра, в бок которого застрял его меч, полетел кубарем. Мара, не обращая внимание на кровь, брызнувшую из предплечья левой руки, бросила лук и схватилась за меч, но монстр уже пролетел шагов на двадцать дальше, остановился, чтобы развернуться для новой атаки, и вдруг... из него с шумом вывалились все внутренности!

Звук был такой, как будто кто-то вывернул на землю полное ведро жидких помоев. Монстр секунду стоял неподвижно, потом взвыл дурным голосом, закрутился на месте, топча собственные кишки, после чего рухнул на бок и забился в предсмертных конвульсиях.

Мара ошарашено оглянулась на Руфуса – мальчик лежал на спине совершенно целый и невредимый. Ни клыки, ни ко-

пыта не коснулись его, но, похоже, он был в шоке или контужен. Обеими руками, стиснутыми так, что кисти побелели от напряжения, он сжимал рукоять кинжала, клинок которого, острый, как бритва, смотрел сейчас вверх.

Очевидно, выставив перед собой оружие, он удержал его в таком положении, и после того, как упал. Таким образом, желая защититься, Руфус вскрыл чудовищу мягкое брюхо!..

Мара быстро осмотрела парнишку, потом посадила его, похлопала по щекам, а затем обернулась к Верентию, но тот уже сам шёл к ней, слегка прихрамывая и сплёвывая набившийся в рот песок.

Трибуны вопили, орали, неистовствовали! Восторг был полный, люди приветствовали наказуемых, как победителей, но вдруг эти приветственные крики сменились тревожным предостерегающим гулом.

Трое на арене оглянулись в сторону ворот. Оттуда не торопясь выходили зомбаки. Их было не менее двадцати. Слишком удачливую троицу на арене похоже решили задавить числом.

– Мара! Стреляй, девочка! – вдруг раздался, заглушая рёв толпы, голос Дианы. – Стреляй, не давай им опомниться! Эти твари сильные, но тупые!

Девушка не заставила себя уговаривать, быстро схватила свой лук и принялась пускать стрелу за стрелой. Она выстрелила шесть раз, при этом упало девять зомбаков, но размышлять, как так получилось, было некогда, потому что на них

обрушились оставшиеся одиннадцать!

Однако несоответствие между количеством выпущенных стрел и числом убитых монстров заметила не только Мара. Опытный взгляд Дианы нашёл эту странность ещё во время первой схватки. Теперь же профессиональная лучница проследила возможную траекторию "левых" стрел, поражавших монстров и обратила внимание на некую даму, сидевшую на трибуне с другой стороны арены, напротив её ложи.

Дама эта не размахивала руками, как это делали остальные, а время от времени брала что-то из рук мужчины расположившегося рядом, подносила это сверкающее сталью нечто к плечу, словно прицеливалась, после чего один из монстров падал. Потом дама передавала неразличимую отсюда вещь своему соседу по трибуне, он проделывал с этой штукой какие-то манипуляции и возвращал её своей соседке. Так повторилось несколько раз.

Несмотря на очень большое расстояние, Диана разглядела пышную гриву каштановых волос, характерный абрис лица, знакомые движения...

Женщина на противоположном конце Цирка, как будто почувствовала, что её пристально рассматривают, и повернула голову в сторону гостевой ложи. Секунду они глядели друг другу в глаза, будто и не было расстояния длинной в арену, разделявшего их, потом женщина на трибуне над воротами сделала особый приветственный жест, и Диана тут же повторила это характерное движение, которым отдавали

друг другу честь гвардейцы короля Лоргина...

На арене, между тем, пошла настоящая резня. Мара вынуждена была снова отбросить лук и взяться за меч. У неё не было щита, как у Верентия и потому в левую руку она взяла кинжал.

Первый зомбак, который протянул к ней свою когтистую руку, лишился пальцев, второму она рассекла его гнусную рожу, третьего ударила в пах коленом, когда он попытался обхватить её своими ручищами и вонзить когти в спину, и одновременно перерезала монстряку горло...

Против Верентия оказались сразу пятеро. Новоиспечённый воин не стал дожидаться, когда они ударят первыми и сам напал на мерзких человекоподобных тварей. Широким взмахом меча он ранил сразу двух монстров и тут же краем щита выбил зубы третьему. Четвёртый занёс над ним свои длинные, острые когти и, наверное, порезал бы парня на лоскуты, но в это время стальной шарик хлётко щёлкнул его по затылку! Монстр издал вопль и схватился за голову. Верентий воспользовался его замешательством и изо всех сил всадил ему меч в живот...

Пятый зомбак повёл себя странно – он протянул к парню руки, зашипел, потом дёрнулся, упал на колени и, согнувшись пополам, упёрся головой в землю, словно собирался молиться Верентию, как некоему божеству. Парень с удивлением увидел, что из шеи монстра торчит тонкая деревянная спица, оперённая чем-то вроде пучка ваты. Он не мог

видеть, как в гостевой ложе, покрасневшая, как помидор Диана, отняла от губ полуметровую духовую трубку и сделала несколько глубоких вдохов-выдохов.

Никто, даже сидящий рядом сэр Галль, не заметил, что только что был сделан один из самых потрясающих выстрелов в истории человечества, поразивший мишень из оружия, рассчитанного на расстояние в сто раз меньшее, чем было между стрелком и целью!

Но даже если Верентий и удивился странной кончине монстра, то задумываться над этим было, как всегда некогда, потому что пришлось броситься на помощь Маре, на которую насели три оставшиеся зомбака.

Руфус отчаянно размахивал своим кинжалом, но девушка постоянно оттесняла его за спину, азартно орудуя при этом двумя клинками.

Упоение боя, похоже, захлестнуло её отнюдь не воинственное сердце! Глаза Мары горели, лицо пылало, нижняя губка была закушена. Зомбаки кружили вокруг неё и Руфуса, стараясь держаться на расстоянии вытянутой руки, чтобы не попасть под удар меча и одновременно пытались зацепить кого-нибудь из них, хоть краешком когтя!

Верентий без долгих размышлений снёс голову одному из них, другого отшвырнул от Мары щитом и зарубил в несколько ударов. Когда он обернулся, девушка уже успела заколоть последнего и что-то ласково говорила Руфусу, явно недовольному собой.

Им пришлось выдержать ещё один натиск раненых, но ещё опасных монстров, которые были то ли слишком храбры, то ли невероятно глупы, чтобы отступить. Но вот, наконец, все враги были убиты и уставшие воители смогли перевести дух.

Трибуны сошли с ума! Люди на них прыгали, размахивали руками, подбрасывали в воздух разные предметы, одежду и даже нижнее бельё, содрванное в экстазе, кидали на арену монеты, от медяков до золота, иногда целыми пригоршнями.

Глашатай выскочил на свой помост, попытался что-то говорить, но перекричать толпу не смог и, крайне недовольный, вернулся на своё место. И тогда ворота bestiария закрипели вновь...

Они вышли на песок арены, пощёлкивая клешнями и издавая странное сухое потрескивание. Две мантикоры.

Рёв восторга на трибунах в очередной раз сменился гулом, в котором утонуло негодование, но явно слышался азарт, смешанный со страхом!

– Так нечестно! – выкрикнул кто-то с галёрки. – Оставьте этих ребят в покое, он же устал!

Но и этот голос смолк, как смолкли и все остальные голоса, когда обе зловещие твари направились к трём людям, стоящим в центре арены.

– Всё, я пошёл к ним! – заявил Михал-охотник, выламывая доску из скамьи на которой сидел.

Маранта не думала его останавливать. Она сама лихора-

дочно соображала, как бы перемахнуть через высокий чугунный забор с зазубренными остриями наверху. С другой стороны арены в гостевой ложе сэр Галль запустил руку под куртку, нащупывая рукоять крепкого ножа спрятанного под мышкой. Диана в это время старалась избавиться от своего кринолина, а заодно вытягивала из него боевую цепь с несколькими шарами, усеянными острыми короткими иглами.

– Им не выстоять, – сказал какой-то длинный, жилистый старик, стоящий за спинкой кресла распорядителя праздника. – А жаль, такие перспективные гладиаторы!

– Ты думаешь? – ответил тот с сомнением.

– А ты когда-нибудь видел, что б я ошибался в таких вещах? Если прикажешь остановить бой, я могу договориться.

– Ты хочешь, что бы я приказал мантикорам вернуться в свои вольеры? Ты в своём уме, Лозас, или шутишь? Эти твари почуяли кровь и теперь их ничем туда не загонишь. Сделаем так – если твои протеже, (а с этой минуты я считаю их таковыми), выдержат и этот бой, я разрешаю тебе завербовать их всех или того из них кто останется в живых, если он конечно же сможет, (ха, ха!), стоять на ногах. В таком случае я сам буду ходатайствовать о снятии с них всех обвинений. Но это врядли случится!

При этом он хохотнул зло и гаденько. Старик, которого назвали Лозасом, метнул на него быстрый презрительный взгляд и вновь уставился на арену.

Руфус о чём-то яростно спорил со своими старшими товарищами. Потом они видимо договорились и мальчик выступил вперёд. Все замерли.

Замерли и мантикоры, подняв клешни и угрожающе покачивая в воздухе боевыми хвостами. Мара и Верентий взяли оружие наизготовку, чтобы успеть прийти Руфусу на помощь при малейшем движении со стороны чудовищ.

Мальчик сделал шаг.

Вшк! Это воткнулся в песок арены кинжал, выскользнувший из его пальцев. Ещё шаг. В глазах мантикоры, стоявшей чуть ближе к нему разлилось золото – явный признак, что чудовище в ярости.

Пумм-пфф. На землю упал пояс с невообразуемыми метательными ножами. Руфус приблизился к мантикорам вплотную. Они не шевельнулись, только слегка пощёлкивали чем-то внутри, быть может, переговаривались. Юный инцианец вытянул руки и положил ладони на панцири обеих бестий...

Они опустили клешни и повернули к нему свои красивые скульптурные головы. Зрители, сидевшие напротив и разглядывавшие эту сцену в старинные бинокли и зрительные трубки, утверждали, что оба чудовища улыбнулись, глядя на маленького безумца, который вероятно ни во что не ставил свою жизнь.

Специалисты по монстрам и опытные охотники говорили, правда, что этого не может быть, ведь мантикоры улыбают-

ся только когда умирают, и при этом самого стойкого и бесстрастного из мужчин берёт оторопь от этой жуткой улыбки!

Но эти мантикоры умирать не собирались. Нападать они тоже видимо передумали, а это было уже совершенно невыносимо! Всем было известно, что мантикора всегда нападает на людей, даже если их слишком много для неё одной, даже если гибель её при этом неминуема. Но они не нападали!

Казалось, что чудовища о чём-то разговаривают с мальчиком, хотя не было слышно ни звука, если не считать тихих пощёлкиваний, которые могли быть просто звуком трущегося друг о друга хитина их панцирей. Губы Руфуса шевелились, но тоже беззвучно. Так продолжалось минуту или полторы, которые многим показались вечностью.

Потом мальчишка просто опустил голову и руки, словно от страшной усталости. Мантикоры переглянулись между собой, не торопясь повернулись к зрителям задом и также не торопясь скрылись в воротах.

Руфус остался стоять, где стоял. Стадион безмолвствовал. Зрители забыли про свои пироги и орехи, они вообще обо всём забыли, глядя на этих троих застывших на арене.

И тут мальчик покачнулся. Мара в два прыжка очутилась рядом с ним, как раз вовремя, чтобы подхватить парня на руки. Следом подбежал Верентий и они уже вдвоём положили Руфуса на песок. Его глаза были закрыты, он был бледен, как полотно, и дышал слабо и прерывисто. Мара всячески старалась привести его в чувство, но у неё всё не получалось

и тогда Верентий встал во весь рост и крикнул грозно и отчаянно:

– Что вы смотрите? Позовите кто-нибудь лекаря!

Стадион взорвался! Одни кричали – "Лекаря!", другие – "Свободу!", третьи снова принялись засыпать арену монетами. Дело кончилось тем, что распорядитель, (он же хозяин цирка), дал кому-то знак, после чего ворота вивария закрылись, а через ворота для людей выбежало несколько человек, среди которых был низкорослый румяный толстячок в приземистой шапочке-таблетке и с саквояжем в руке – лекарь, обслуживавший наездников, акробатов и гладиаторов Большого цирка.

Он мигом осмотрел Руфуса, помассировал ему виски, нажал на какие-то точки на груди и в завершении дал понюхать что-то из склянки, от чего парень сразу открыл глаза, закашлялся и попытался сесть. Этого ему не дали, а положили на носилки и понесли во внутренние помещения Цирка.

Туда же отправились Мара и Верентий, у которых вежливо, но настойчиво отобрали оружие.

– Ну что, наш договор в силе? – спросил старик Лозас у распорядителя.

– Договор, заключённый в Торговом городе всегда бывает в силе! – ответил тот. – Достань мне их. Я думаю, что контракт гладиатора покажется им лучшей долей, чем рудники, ведь полное освобождение этим преступникам обещано не было! Я, как и говорил, похлопочу со своей стороны, но за-

помни – мальчик мне не нужен! Фокус он, конечно, показал такой, что просто мороз по коже, но здесь ему не место.

– Я что-нибудь придумаю, – сказал Лозас и исчез в глубинах Цирка, где обитал с тех пор, как перестал водить охотничьи экспедиции в северные леса.

Глава 111. Кошка в гнезде

– Нет, нет и нет! Нельзя действовать напрямую. Не выходите из тени, а то вас тоже шпионами объявят.

Священник ходил взад-вперёд по дому на окраине, где они остановились, и размахивал руками. Ему стоило большого труда увести из Цирка Маранту и Михала, а теперь они рвались обратно, чтобы забрать Руфуса.

– Я уже договорился о многом. Там у нас есть свой человек – бывший охотник и гладиатор, а теперь наставник и вербовщик. Он давно уже связан с контрабандистами, хоть и не принимает участия в крупных делах. Я не знаю его лично, так-как он из тех, кто примкнул к нашим, э-э, друзьям уже после моего ухода, но здешние авторитеты говорят, что ему можно доверять. А потому мы будем сидеть здесь, и ждать пока мой человек не переговорит с этим, как его там? Лозасом!

Пока он произносил эту речь, в дверь тихонечко постучали. Священник вышел в сени и долго с кем-то шептался, оставив Маранту и Михала, удручённо молчать друг с другом. Вернулся он, сияя, как начищенный пятак.

– Всё устраивается, как нельзя лучше! – воскликнул Микаэль-Панкратий, вскидывая руки, словно собирался дирижировать хором. – Администрация Цирка предложила друзьям нашего Руфуса контракт на пять лет в качестве гладиатора.

торов. Но ведь та девушка, что всё время заслоняла собой на арене вашего сына – гражданка Форта Альмери и командор Диана изъявила желание её забрать. Собственно девицу эту Диане ещё до представления отдавали, но та наотрез отказалась покидать своего парня и Руфуса. Теперь же они предлагают отпустить Руфа, сняв с него все обвинения, а взамен хотят согласиться на контракт. Этому воспротивился кое-кто из Городского Совета, из тех, кто пляшет под дудку Генерального суда, но тут опять вмешалась Диана Альмерийская и пугнула их вашим общим знакомым Зигмундом, который раздобыл где-то ещё две тысячи всадников. Так что им пришлось согласиться.

– Так мы можем забрать нашего сына? – Михал поднялся и потянулся за своей курткой, чтобы идти обратно в Большой цирк.

– Я же сказал, нет! Сядь, пожалуйста, и хватит оглядываться на свой топор. То, что они согласились, не значит, что всё будет сделано быстро и просто. В лучшем случае пройдёт неделя, прежде чем будут соблюдены все формальности и подписаны все бумаги. Это, во-первых, а во-вторых, Руф сейчас ещё не совсем оправился от того, что случилось на арене. Он потратил много жизненных сил и теперь нужно время, чтобы восстановить их. Не волнуйтесь, с ним всё в порядке! Маранта сядь, его жизнь вне опасности – лежит и рассказывает всем желающим об учении Инци, а таких теперь находится немало. Некоторые думают, что это разно-

видность боевого искусства, другие считают магией, в общем, народу собирается полным полно и скоро здесь будет своя община инциатов. Что же касается нашего дела, то когда будет всё улажено, нам сообщат в первую очередь, но и тогда, повторяю – не выходим из тени!

– А как же быть?

Маранта и Михал глядели на него, всё так же, не понимая, куда он клонит.

– Очень просто – его заберёт Диана и этот её сэр Галль. Они принимают живое участие во всём этом деле и собираются довести его до конца. А потом мы встретимся где-нибудь за пределами Торгового города, и вы получите сына живым и здоровым!

При упоминании имени Дианы Маранта невольно потёрла плечо.

– Ты думаешь ей можно доверять? – спросил Михал.

– Думаю можно, – ответила воительница. – Конечно, если бы мы столкнулись с ней при других обстоятельствах и немного раньше, то дело могло бы кончиться дракой, но сейчас у меня нет на неё больше ни зла, ни обиды. Всё ушло в прошлое. К тому же, если бы она не вырубилла меня тогда после свидания с Золасом, то на свете не было бы Ларни, а если б не прострелила плечо, то мы бы с тобой не встретились, и у нас не родился бы Руфус. Своим появлением на свет оба моих ребёнка косвенно обязаны ей. Так что пусть примет ещё немного участия в судьбе одного из них. А ещё,

я никогда не забуду, что они поддержали со своей стороны тех ребят и Руфа на арене. Она смогла пронести в Большой цирк то, на что у меня места не хватило.

– Она посол города-крепости, с которым приходится считаться даже воротилам Торгового города! – возразил ей священник. – Если бы на входе обыскали тебя и нашли оружие, то была бы большая беда и все трое детей на арене были бы сейчас мертвы. Ты своё дело сделала – твой самострел из деталей кринолина это что-то! Меня уже кое-кто из тех, кто имеет дела с браконьерами просил познакомиться с его конструкцией.

– Значит, мы совсем не можем там появиться? Я так хотела поблагодарить тех ребят, которые защищали нашего сына. Я видела, как та девочка встала между ним и монстрами! Да и парень тоже отличился.

– Я сам схожу их проведать и передам благодарность от вашего имени. Так что тебя удручает теперь, почему такая грустная?

– Беспokoюсь, как там Ларни и Стефан! – ответила Маранта, печально улыбнувшись. – Думаешь это легко чувствовать себя кошкой, у которой котята расползаются из гнезда в разные стороны?

Глава 112. Не хлебнуть болота

– Мой повелитель! Я прибыл и смиренно жду ваших приказаний!

Невысокий, престарелый на вид демон, одетый в короткий плащ, камзол, панталоны, башмаки с золотыми пряжками и малиновый берет с облезлым пером, неловко поклонился и выронил при этом костыль, на который опирался.

Костыль, едва не стукнувший, по ноге Князя Тьмы, превратился в змею и исчез, где-то за тронном. Демон достал из кармана другую змею, почему-то розового цвета, соорудил из неё себе трость, на которую заново оперся по-стариковски тяжело, согнув при этом спину дугой.

– Рад видеть тебя, Асмадей! – сказал Повелитель Ада, косясь на подножие своего трона, где скрылась первая змея. – Но ты появился слишком рано – мой посланник ещё не вернулся. Хотя нет, кажется вот он!

У подножья трона что-то хлопнуло, сверкнула короткая яркая вспышка и из небольшой тучки, за клубившейся на месте взрыва, вылетел маленький, зелёный, не то змей, не то дракончик, который нёс в пасти длинную и ощутимо тяжёлую для него ветку. Едва не рухнув под её тяжестью, он подлетел-таки к трону и положил свою ношу к ногам Князя Тьмы, а сам закатил глаза, свесил язык набок и лёг здесь же, всем своим видом выражая крайнюю усталость.

– Ты хорошо поработал, Нимраэль, и заслуживаешь награды! – сказал Повелитель Ада. – Как тебе удалось её отгрызть? Впрочем, потом расскажешь. Мне не терпится заняться делом, точнее озадачить тебя, Асмадей!

– Я весь внимание, мой повелитель! – ответил престарелый демон. – Но позвольте полюбопытствовать, что это за дрова?

– Очень смешно! По-твоему, я буду заниматься дровами? Ты невысокого мнения обо мне, Асмадей.

– Нижайше прошу меня простить! – затрепетал демонический старик. – Я только хотел узнать, что это за ветка, и каким образом она может быть связана со мной?

– Пока эта ветка с тобой никак не связана, но я хочу, чтобы ты занялся делом, которое невозможно без вот этой самой ветки.

– Я исполню всё, что будет угодно повелителю. Так что я должен сделать?

– Прежде ответь мне на такой вопрос – знаешь ли ты, что такое любовь, Асмадей?

– О да, мессир! Любовь, это как раз моя специализация. Точнее сказать извращённая и изошрённая любовь. Не та её форма, что угодна Небу... Ну, вы знаете! Кто, как не я соединяет старух и юношей, выдаёт несовершеннолетних девушек замуж за богатых стариков, (ха-ха! а ведь бывает, что и за бедных!), вызывает любовное влечение между представителями одного пола или возбуждает в людях похотливую

страсть к животным? Несколько реже я влюбляю королев в конюхов, но тут начинают действовать законы предписанные Провидением, и мне приходится отступить, так-как если такая любовь обусловлена не одной только похотью или тягой к экзотике, то она перестаёт быть извращенной, и получает благословение свыше, а это уже совсем не моя сфера деятельности.

– Я понял тебя, Асмадей! Дело в том, что мне необходим специалист, который разбирается, как раз в том виде любви, где находится грань твоей профессиональной компетенции. Конечно, специалист в области любви с *той* стороны справился бы с этой задачей с *большой* лёгкостью, но где же я возьму его в Аду?

– Вы заинтриговываете меня, повелитель!

– Короче дело обстоит так – в мои владения проникли двое людей...

– Людей?!

– Представь себе, людей! Потомков Адама и Евы. Я здесь терплю эльфов, лепреконов, гномов, dwarves, троллей, орков, гоблинов, кобальтов, кого угодно, но не людей!.. Вот ведь наглость, а? Впрочем, они были неплохие ребята, забавные, и мне даже жаль, что они ушли. Такое тут замутили... Давно я так не развлекался! Так вот. Как ты наверно уже понял, люди эти были мужчиной и женщиной.

– Понял, мессир, понял! Если бы это были двое мужчин, вы бы не упоминали ни о каком специалисте с той стороны.

Так что, они были молоды и красивы?

– Молоды, красивы, сильны, влюблены друг в друга, хотя это не помешало парню довольно долго кувыркаться с моей дочуркой, а девочка вообще находила себе утешение в объятиях дочери предводителя лепреконов. Кстати, не твоя ли это работа, Асмадей?

– Что вы, что вы, мессир! Люди давно уже справляются с такими вещами сами. Стоило раз подсказать! Я можно сказать на пенсии. Но я прошу вас – продолжайте.

– Да, да. Когда эти двое воссоединились после долгой разлуки, они забросили временные увлечения и занялись, наконец, друг другом. И ведь талантливо занялись, умело и со вкусом! Видно учителя были хорошие. Можно сказать, что в этом деле они посрамили кроликов и отметили на своём пути чуть ли не каждое удобное место, будь то роща, грот или просто кусты. Это если не считать мест их ночёвок, которые обычно использовались для этих дел дважды – вечером перед сном и утром после пробуждения.

– Действительно способная молодёжь, но чем же они всё-таки вызвали ваш интерес и, причём здесь эта ветка?

– Начну со второго – это ветка ясеня. Более того, это ветка самого мирового дерева Игдрасиль. А любовники здесь вот причём – это ветка с семенами. Понял, нет? Я хочу, чтобы в каждом месте, где эти двое, м-м, э-э... осуществляли свою любовь, было закопано семечко дерева Игдрасиль, а закопать эти семена требуется с математической... Нет! С демониче-

ской точностью! Вот зачем я вызвал тебя. Кто, как не ты можешь найти эти места, в которых до сих пор должны быть следы любви, пусть и не такой, как та, которой ты привык манипулировать?

– Я сделаю это, мессир! Я не пропущу ни одно такое место, ведь там, где присутствует старая добрая похоть, там я не чужой, даже если у меня и нет власти над любовниками. Но позвольте мне узнать только одну вещь, если это не секрет и если вы найдёте меня достойным ответа – зачем?

– Ты ещё не понял? Я думал, ты догадаешься сам. Ну что ж... Семена древа Игдрасиль посеянные в таких местах получают удесятерённую силу! Конечно, расти они, даже при этом будут долго, прежде чем вырастут хотя бы с эту ветку. Наверное, пройдут века и тысячелетия, но рано или поздно эти прекрасные деревья, достигнут крыши Ада и... проломают её!!! Также и корни их пробьют дно Ада и проникнут дальше, на глубину, которую даже я не могу прозревать. Теперь понял? Вот тогда мы вновь отрастим свои крылья и возьмём огненные мечи. Тогда мы, как саранча обрушимся на мир людей и захватим его, а потом... потом само Небо заставим считаться с нами! Мы либо подчиним его, либо поставим свои условия, когда будем делить Мироздание.

– Либо снова окажемся здесь, мессир, только уже в оковах!

– Что ж, игра стоит свеч! Ведь сказано же – тот, кто не рискует, тот не пьёт амброзии!

– И не хлебает болотную жижу, повелитель! Не хлебает болота!

Глава 113. Но я всё равно их всех люблю!

– Ну как ты?

– Ничего. Мне казалось, будет труднее, но всё же странно ощущать себя муравьиной королевой.

– Ха, ха! Хорошо сказала! А ведь действительно, похоже. Сколько у тебя уже?

– Хватит, чтобы заселить любое из старых государств Европы. Я имею в виду крупные королевства.

– Ну, это ещё мало. Впрочем, у меня столько же, и такие все деловые!

– Сато, у меня проблема...

– ?

– Я их всех люблю, я не хочу делать из них войско и бросать против демонов!!!

– Глупенькая! Тебе этого не придётся делать – это будет их выбор, хоть он и предопределён судьбой, ну-у... в некоторой мере. Иными словами они могут и не идти против демонов, но боюсь, что те сами вынудят наше потомство ополчиться на них. Увы, увы! В войнах ковалась история человечества. Правда, цивилизации делали скачёрк, как раз там, где подолгу не было войн, но сами люди запоминают легче именно войны, а годы мира предпочитают не замечать. Это я так,

к слову. Дело в том, что твои дети это нечто самостоятельное. Нельзя держать даже самого любимого ребёнка в пелёнках – он вырастает, и пелёнки ему становятся малы, а потом быстро становится мала любая одежда, и даже твоя любовь будет мала ему, как вчерашняя распашонка! А ты хочешь удержать в пелёнках целый народ... Не получится. Кстати, не забывай, кем были отцы этого народа! Перед тобой разворачивается великая картина становления – прекрасная и ужасная одновременно. Да, придётся кое с чем смириться. Ты увидишь, как твои дети уничтожают друг друга, чтобы среди них победил сильнейший. Ты увидишь, как мои и твои потомки сойдутся в нешуточных войнах, а потом сольются в один народ, выкованный в горниле войн, бедствий и борьбы, для того, чтобы стать великим народом и смочь противостоять силе демонов, иметь шанс победить их! Думаешь это всё? Нет! Нам ещё предстоит встретиться с нашими ближайшими родственниками – человечеством, а ещё не забыть об эльфах, лепреконах и прочих созданиях имеющих единый облик, но разные натуры. И здесь не обойдётся без столкновений, недоразумений и войн. Но мы всё это преодолеем, переживём, сможем... Я знаю – настанет время, когда демоны моего отца снова хлынут в живой и такой ранимый мир! Я не хочу этого, но это будет. И тогда им навстречу выступит не просто войско готовых пожертвовать собой приверженцев Творца, а могучие народы, наделённые чистотой высших сил, мощью демонов, изобретательностью эльфов, живуче-

стью троллей, остроумием лепреконов и упрямством людей! Поверь, даже тогда им придётся несладко. Папа готовит миру созданному Дедушкой, что-то действительно страшное, но я не хочу, чтобы это случилось... Я хочу, чтобы мы победили. Мне жалко папу!!! Я люблю его... Но нам придётся сделать то, что мы начали. Это даже для него будет лучше, ведь он на самом деле не злой... Тебе это странно? Повелитель Зла не злой – звучит, как абсурд, ведь он сделал столько зла! Я не стану объяснять тебе всё подробно, но ведь я знаю его лучше других... Лучше меня, его знают только дядя Инци и Дедушка, но они... Хочешь – верь мне, не хочешь...

– Я тебе верю! Только тебе я и верю, иначе я не пошла бы на такое. Но я всё равно их всех люблю!..

– Люби, кто тебе мешает? Но не старайся удержать своих детей из-за любви в колыбели. Страшно, когда ребёнок делает первые шаги – а вдруг расшибётся?! Но, не сделав этих шагов, он не сможет ходить, бегать, танцевать, догонять... Он не убежит от неборимой опасности, не станцует танец зрелости, не догонит любимую... Нужна ему такая судьба? Ты – мать целого народа и этот народ твой ребёнок! Они вырастут, у них начнётся брожение соков, они начнут биться за самок, еду и жизненное пространство. Биться не на жизнь, а на смерть, как львы или волки, ну или там олени, какая разница? Кто-нибудь из них рано или поздно убьёт брата своего из-за того о чём я сейчас сказала, так дай им законы! Только будь милосердна – не допускай, чтобы закон был выше

человека. Не человек для закона, а закон для человека – закон служит ему и помогает. Забудешь об этом – превратишь своих чад в стадо овец, и тогда я их сама перережу! И не надо на меня так смотреть, меня надо слушать, ибо я хочу, чтобы твои дети были сильны и здоровы не меньше чем мои. Да, кстати, тебе не придётся бросать против демонов тех, что ты родила сама. Не торопись. Рождённых тобой мало, даже когда родишь всех. Не знаю, утешит ли тебя это, но должно пройти не одно поколение. Пусть построят цивилизацию, города там всякие, замки, крепости, монастыри или что там ещё они придумают? Пусть сами поразмножаются всласть, благо семя их чистое, хоть к нему и примешана дикая тролличья нота.

– А с твоими, когда будем знакомить?

– Нескоро. Боюсь, они сразу воевать начнут, без этого никуда не денешься. Если будем им на каждом шагу говорить, чтобы делали то, да не делали это – вырастим таких, которых демоны сожрут в один присест, а кому это надо? Пусть воюют. Не надо жалеть о павших, надо восхищаться героями и поощрять борющихся за справедливость, добро и счастье. Сама знаешь, как эти понятия по-разному воспринимаются, значит надо уважать то, как это будут понимать дети твои, но не давать им доводить свои стремления до абсурда. Научиться воевать им будет полезно, без этого никак. Поубивают, конечно, друг друга, но иначе не получится... Пусть окрепнут! Пусть размножатся! А потом можно подкинуть им

идейку о всеобщем братстве и уважении доблести вчерашнего противника... Ну, этого добра у людей завалилось, так что опыт есть – переймём самое лучшее, плохое отсеём. Подерутся – помирятся, потом переженятся, потом снова подерутся, в общем, всё, как всегда!

– Значит, хочешь отправить воевать с демонами правнуков? И не жалко?

– Хорошая ты. Лучше Ларни, знаешь? Жалко. Ты не представляешь, как жалко! Но если они встретят удар демонов дружно, то победят, а если начнут размазывать соплю насчёт того, что жизнь каждого бесценна и потому воевать совсем не надо – это конец. Даже такая стерва, как я скажет тебе, что жизнь каждого бесценна, но воевать надо! Надо воевать, надо жертвовать собой и другими, надо побеждать, иначе – Смерть, а она гадкая тётка, жадная. Будешь жалеть каждого – заплатишь потерей **б**ольшего количества жизней. В конце концов, доверяй им! Они вырастут великими воинами, они придумают, как свести потери к минимуму. Не ревнуй, когда они окажутся в этом лучше тебя! Верь не мне – им верь! Знай – те, кто выживут и победят будут благословлять тебя – Великую Праматерь, а будешь мешать – проклянут и объявят демоном.

– Ладно, поняла. Но мне тоскливо. Если б ты знала, как я скучаю по старым добрым временам?!

– Я тоже. Как там твои тролли?

– Скучают тоже. Чаще спят, не без помощи моих снадо-

бий. Я к ним теперь совсем нечасто заглядываю, всё некогда!

– Слушай, а давай выберем время и навестим их вместе? Только не тогда, когда пузо на нос лезет, а в промежутках, что ли?

– Давай! Ты не представляешь, какие они прикольные! А какие выдумщики... Так хочется оттянуться по полной!

– И оттянемся! Что нам терять? Мне самой интересно оценить их таланты. Эх, жаль, здесь нет моего Стефана, а то бы я тебя с ним поближе познакомила! Но он, небось сейчас со своей девочкой не скучает – она у него бойкая! Эй, ты что, прослезилась? Не можешь забыть эту пикси?

– Не могу... Но... пусть ей будет там хорошо! А почему у тебя сплошные догадки? Ты что, не можешь посмотреть?

– Могу, но опасаясь, что нас могут обнаружить.

– Кто, твой отец? А ты не смотри в сторону Ада, смотри в сторону Земли.

– Ты умница, Кейни!

Сато слегка отодвинула звёздную туманность, которая укрывала их временный ясли-мир. Они с Кейни взглянули на Землю и увидели...

Глава 114. Наше дело – война!

Зиг знал, что в Совете гильдий Торгового города много идиотов, но что там *такие* идиоты он никак не предполагал! Конфликт был исчерпан, пострадавшие послы, вроде как удовлетворены, их протезе стали гладиаторами по контракту в Большом цирке, а сами послы увозили с собой павшего, усмирившего двух манतिकор.

(Вот это было зрелище! Зиг не был охотником до кровавых представлений Большого цирка, но в тот раз пришёл, сам не зная зачем и... не пожалел об этом! Раз пять он чуть было не выскочил на арену с засапожным ножом, поскольку не взял другого оружия, а когда Руфус спровадил двух манतिकор восвояси...)

Нет, надо сходить на собрание этих инциатов и послушать, что они там такое говорят. Жаль, что его знакомство с их главным было таким непродолжительным. Зиг почти не помнил, что он там говорил, но осталось впечатление чего-то светлого, чистого...)

Казалось бы пора предать инцидент забвению, но тут вдруг приходит приказ – взять ему, Зигу под своё командование экспедиционный корпус армии Торгового города и двигаться навстречу конницы Зигмунда! Цель – покарать, показать кто здесь хозяин. Правда, сформулировано это было по-другому: "Окончательно устранить опасность агрессии

со стороны варварского окружения Торгового города".

О какой агрессии идёт речь, если Зигмунд, вполне удовлетворённый освобождением Дианы, и так собирался уйти? Видно у власть имущих окончательно мозги жиром заплыли. Уж о "варварском окружении" вообще помолчали бы. После истории с казнью ни в чём не повинного проповедника добра и справедливости, и после попытки скормить монстрам трёх его последователей, среди которых был один ребёнок, называть варварами тех, кто пришёл на помощь друзьям, не побоявшись вдесятеро превосходящего противника, мягко говоря, нелепо!

Зиг вёл своё войско с большой неохотой. Он прекрасно понимал, что его снова подставили, ведь область его деятельности обычно была иной – он занимался спецзаданиями по борьбе с контрабандистами и прочими лихими людьми. У него давно были налажены широкие связи в этой среде, его там боялись и уважали. Причём тут участие в открытых боевых действиях?

Нет, по своему званию он мог возглавить подобную операцию и, в общем, воевать умел, но не так! То, что он сейчас делал, было чем-то вроде использования дорогого породистого скакуна для перевозки дров... А ведь уклониться от прямого приказа он не мог, как тогда на площади.

Под его командой теперь была настоящая армия – четыре тысячи стрелков, вооружённых гладкоствольными однозарядками большого калибра и ещё две тысячи всадников

тоже с ружьями и саблями.

Кроме того, на специальной повозке, запряжённой парой крепких лошадей, был установлен тот самый пулемёт, из-за которого началась вся заваруха с расстрелянным посольством. Вот только расчёт у этого пулемёта был другой – предыдущих обвинили во всех смертных грехах и куда-то так законтрапунили, что даже Зиг не знал, что с ними стало.

С такими силами можно было надеяться на победу, тем более что его солдаты были людьми обученными. Их главный приём состоял в стрельбе шеренгой. Построившись квадратом, они давали залп первой шеренгой, которая тут же падала на одно колено и спешно перезаряжала свои ружья, в то время как шеренга за их спинами давала следующий залп. Потом стреляла третья, четвёртая, пятая шеренга и так до конца строя. Тогда все они становились на ноги, и всё начиналось сначала.

Шквал огня при этом сметал любого врага, будь то разбойничья шайка, отряд контрабандистов или черезчур смелый тумен варваров. (Впрочем, последних никто не видел уже много лет – Форт Альмери нагнал на восточных завоевателей страха!)

На всадников Зиг надеялся меньше – они в подмётки не годились тем, что были у Зигмунда. Единственно на что они были способны, это отвлечь на себя часть сил неприятеля и дать время сманеврировать пехоте.

Пулемёт Зиг тащил больше для моральной поддержки

своих войск. Зигмунд дал этому оружию ещё в прошлый раз правильную характеристику, но своим солдатам это знать было необязательно.

Так что шансы на победу были, а вот желания драться никакого. Может положение, спасут переговоры?

– Что мне делать? Подскажи, ты ведь опытнее! – говорил Зиг после того, как прозвучали слова приветствия, и они с Зигмундом остались наедине. – Я не хочу с тобой драться, не хочу тебя побеждать. Проигрывать, конечно, тоже не хочу. Как мне быть?

Зигмунд посмотрел на него с лукавой стариковской улыбкой. Зиг ещё раз отметил про себя, что старому рыцарю давно пора на покой, а он всё воюет. В его присутствии он, тридцатипятилетний, прошедший огни и воды вояка, чувствовал себя снова пылким подростком, едва вступившим во взрослую жизнь!

– На это я могу сказать тебе вот что! – ответил полководец Золас-града. – Наше с тобой дело – война. Это наше ремесло, наша стихия, наша жизнь, если хочешь. Зачем она, война эта, кем ведётся, для каких целей – вопросы праздные. Нет, думать обо всём этом надо, как надо знать, за что воюешь, но если подписал контракт и дал присягу – выполняй, нравится тебе это или нет. Думай, прежде чем подписывать, а подписал, то исполняй свою работу, будь верен слову, долгу и чести, а не жмись, как глупая девка, которая замуж-то вышла, а ноги раздвинуть боится! Впрочем, можешь сдаться в

плен, я не возражаю!

После такого разговора Зиг велел своим войскам построиться, благо местность располагала. Окружённое несколькими холмами большое поле, кажется заброшенное пастбище – рай для битвы. В центре он поставил повозку с пулемётом. Его огонь должен был встретить лаву зигмундовой конницы. Слева и справа выстроились пешие стрелки, разделённые на четыре отдельных квадрата. По бокам расположилась конница, чтобы иметь возможность охватить противника с флангов.

Это потом Зиг понял, что такая тактика, рассчитанная на лобовое столкновение, хороша, лишь при игре в солдатики. Конечно, пулемёт с отрядом прикрытия надо было расположить, где-нибудь на возвышенности, стрелков построить так, чтобы отдельные квадраты не стояли друг за другом, мешая задним прицеливаться, а были бы расположены в шахматном порядке, чтобы иметь пространство для манёвра и при этом стрелять всем одновременно. Конницу надо было вообще послать в обход, чтобы щипать неприятеля с тыла. Но всё это он сообразил, когда было уже поздно!

Ожидая атаки конной лавы, Зиг и предположить, не мог, что атаки этой может не быть! А ещё он забыл, что Зигмунд в прошлый раз дал ему подсказку, упомянув, что его конница будет караколировать. Но поначалу случилось не это.

Вместо ожидаемого грозного топота тысяч копыт, люди Зига слышали свист рассекаемого воздуха, и на них тут же

обрушилась туча стрел! Стреляли с холмов. Оказалось, что часть зигмундова войска спешила и теперь методично и метко обстреливала ничем не защищённых солдат Зига, стоящих на открытой местности.

Ответные залпы по холмам не дали никакого результата – гладкоствольные ружья, обладающие вблизи страшной разрушительной силой, на огромном расстоянии оказались неспособными достать лучников, оружие которых могло поразить цель, расположенную за километр от стрелка. Зигу ничего не оставалось, как снять с флангов собственную конницу и послать её штурмовать холмы.

Но вот, наконец, долгожданный топот копыт раздался, но это была не лава, которая должна была обрушиться на пехоту с гиком и свистом, и которую можно было бы положить к своим ногам мощными залпами. Топот раздался откуда-то сбоку, и перед фронтом зигова войска пронеслась шеренга всадников, лихо стреляющих на полном скаку с двух рук из револьверов!

От неожиданности Зиг даже забыл отдать команду открыть ответный огонь. Впрочем, его солдаты и командиры в особом приглашении не нуждались. Раздался грохот ружей, и десятка два всадников слетели-таки с сёдел и остались лежать в высокой траве. Но за первой шеренгой лихих наездников появилась вторая, и всё повторилось снова!

Попасть в пронсящихся во весь опор всадников было весьма непросто, даже при стрельбе залпами. Им же наобо-

рот не составляло труда палить по плотному строю солдат. К тому же револьверы, которые они использовали, хоть и были во много раз слабее мощных крупнокалиберных ружей, но обладали по шесть зарядов каждый. А это значило, что один всадник, владеющий искусством управлять конём без поводий, мог выпустить за один прогон с двух рук двенадцать выстрелов, ни разу при этом не промахнувшись! Даже учитывая то, что на вооружении конников Зигмунда были беспатронные револьверы, заряды которых набивались непосредственно в гнёзда барабана, эффект от таких атак был ошеломителен.

Но вот заработал пулемёт. Однако у Зига было такое впечатление, что его мощные выстрелы, способные пробить толстую броню, уходят в "молоко". Кого он там задел или его выстрелы были совсем бесполезны, так и осталось невыясненным. Залпы зиговых стрелков превратились в беспорядочную пальбу, в то время как новые и новые шеренги всадников врага проносились в пыли и грохоте, сея разрушение и смерть своим револьверным огнём. И тогда войско Зига дрогнуло!

Люди начали отступать, ломая строй, но всё ещё отстреливаясь, потом побежал один, за ним другой и, наконец, стали срываться целые десятки и удирать подальше от этого ада! Зиг скомандовал отступление, но было поздно – его войско бежало, бросая ружья и обмундирование.

Пулемёт захлебнулся, будто его чем-то заткнули... Вот то-

гда-то конники Зигмунда перестали караколировать, и пошли в атаку лавой, редко стреляя, и работая длинными тяжёлыми саблями!

О судьбе собственной конницы Зиг узнал позднее – она практически вся попала в плен. На стороне Зигмунда было много конников с востока, пришедших не в набег, а для того, чтобы наняться на службу к тем, кого долгое время считали врагами. Они-то и переловили арканами неловких и неуклюжих всадников Торгового города, надеющихся только на свои ружья.

Зигу ничего не оставалось, как пришпорить жеребца и вместе со всеми покинуть место своего поражения. Всадники Зигмунда преследовали их совсем недолго. Когда остатки разбитого войска добрались-таки до маленького приграничного форта, комендант, лично встретивший Зига, присвистнул, сдвинул каску на затылок и сказал сочувственно:

– Полагаю для вас это всё, капитан Зигель. Поступайте, как знаете, но я бы на вашем месте не возвращался в Торговый город. Может, выпьете со мной по стаканчику? Чисто по товарищески, а?

Глава 115. Не оставляй меня больше одну

Шея монстра сухо хрустнула под веснушчатými пальцами Рыжего Вана. Правая рука зомбака ещё пару раз полоснула когтями по кожаной куртке с нашитыми стальными пластинами и безвольно повисла. Рыжий Ван отпустил горло и неестественно вывернутую руку своего врага и обтёр ладони о штаны. Тело зомбака полупустым мешком осело на землю и осталось лежать, будто смятая тряпка.

– Кажется, это последний, – сказал Рыжий Ван, обведя взглядом лесную поляну, превращённую в поле битвы. – Откуда же их тут так много? В наших краях давно забыли, какие они такие бывают эти монстры, а здесь чуть ни на каждом шагу!

Ларни, только что зарубившая двух тварей с телом козы, волчьей пастью и паучьими лапами, устало откинула волосы назад и поинтересовалась:

– А что, в те дни, когда ты покинул эти места, монстров было меньше?

– Тогда всё только начиналось, – был ответ. – Монстры появлялись по одному, по два и нагоняли на многих ужас и панику. Отчасти из-за них я и ушёл-то. Как коров пасти, если рядом такие чудища шастают? Опять же таки Ивонну

хотелось увести от всего этого подальше. Я ведь её тогда еле спас от, знаете какого, ящера?

Историю о том, как Рыжий Ван вырвал свою будущую жену из пасти огромного ящера, Ларни слышала много раз, и сейчас слушать её заново совершенно не хотела. Она завертела головой в поисках Стефана и обнаружила его на другом краю поляны, где он в свою очередь кого-то добивал.

– Савелий! Зигель! Иван! – зычно крикнул между тем Рыжий Ван и трое мальчишек пятнадцати, четырнадцати и тринадцати лет появились перед ним, как из-под земли.

Эта троица была никем иным, как сыновьями-погодками Рыжего Вана и Ивонны. Они были чрезвычайно похожи на отца и друг на друга, словно были копией одного и того же уменьшающейся в перспективе. Всегда держались вместе и когда их звали, непременно выстраивались по росту, так что получалась лесенка. А ещё они все, как один, с дикой и простодушной непосредственностью, заглядывались на Ларни, как на пряник, что смешило её и бесило Стефана.

– Вот что, телята, – обратился к ним Рыжий Ван, – снимаем лагерь и идём дальше, пока не найдётся подходящее место.

Собственно говоря, драку здесь никто не ожидал. Поляна была признана хорошим местом для ночёвки, и они уже принялись ставить палатки, когда откуда ни возьмись, повыскакивали монстры, и началась потасовка! Никто не пострадал благодаря двум вещам – боевому опыту Ларни и Стефана,

научившихся быстро соображать на поле боя и бычьей силе Рыжего Вана, которому, казалось, не нужно было оружие, чтобы сворачивать шеи весьма крупным монстрам.

Когда случилось нападение Ларни, как раз пристраивала на растяжку палатки мокрую от пота рубашку Стефана. (Постирать её пока было негде, но просушить стоило.) В этот момент из-за угла той же палатки высунулась морда, которую можно было назвать не слишком остроумной пародией на человеческое лицо, сочетающее в себе заодно, помимо человеческих, волчьи, пороссячи и козлиные черты.

Ларни не остановилась ни на секунду, а просто одним движением сорвала рубашку с верёвки и накрыла ей гротескную голову, хорошенько её при этом закутав. Одновременно она ловко увернулась от когтистых рук, выстреливших в её сторону, дотянулась до своей катаны, лежащей вместе с прочей амуницией на пеньке и проткнула монстра насквозь!

Тварь заверещала, закружилась на месте, хватаясь то за живот, то за голову и, наконец, укатилась в кусты. Ларни с сожалением отметила, что рубашка мужа погибла, но тут же забыла про неё, так-как монстры посыпались отовсюду, как горох из порванного мешка.

Пришлось прийти на помощь впавшим в ступор от неожиданности людям Рыжего Вана. Фермеры, бывшие одновременно пастухами и охотниками, не отличались ни слабостью, ни трусостью, но к таким нападениям не привыкли, и сейчас просто тупо смотрели на появившихся неведь откуда вра-

ГОВ.

Хорошо, что здесь не было крайне опасных особей. Самыми грозными из нападавших оказались зомбаки, но и они могли бы наделать бед людям, не привыкшим к сражениям. Ларни яростно размахивала своим мечом, чтобы задеть, как можно больше монстров. Таким образом, она отвлекла большинство их на себя, хотя бы на некоторое время, давая людям возможность опомниться и взяться за оружие.

На опушке появился Стефан, который недавно собирался нарубить дров, а теперь отчаянно шаршил топором наседающих чудовищ! С другой стороны раздался рёв Рыжего Вана, выскочившего из своей палатки в одних коротких штанах.

(Конечно, пока остальные были заняты делом, этот племенной бык на правах вождя уединился с молоденькой круглолицей бабёнкой сопровождавшей его в походе! Да, тайна необычной многодетности семьи Рыжего Вана раскрылась ещё во времена их пребывания на хуторе. Нет, Ивонна во все не нянчила детей соседей, как об этом сначала подумала Ларни. Это всё были её дети и дети многочисленных женщин, по которым имел привычку похаживать её муж. При этом он совершенно искренне и нежно любил свою жену, а она любила его. Удивительно, но Ивонна не только никак не препятствовала похождениям своего Вана, но и взяла на себя воспитание всего его многочисленного потомства – чуть больше тридцати душ! Своих детей у неё из всего этого вы-

водка было только шесть. Зато у неё было тридцать молодых и умелых помощниц по хозяйству, которые лучше чем она справлялись и с коровами, и с готовкой на всю ораву, и с прочими делами, а в самой Ивонне души не чаяли, и без разговоров признавали её главной. Когда Рыжий Ван отправился в дорогу, провожать Ларни и Стефана, Ивонна сама собрала и проинструктировала его очередную любовницу. У неё-то он и "отдыхал" пока другие ставили лагерь.)

Теперь здоровяк стоял у входа в палатку, и в обеих руках у него было зажато по монстру. Вероятно, они имели неосторожность сунуться внутрь. В следующее мгновение он сшиб их лбами, и скудный мозг чудовищ забрызгал траву лесной поляны.

Глядя на своего предводителя и на его друзей, остальные похватали, что попало под руку и в свою очередь набросились на монстров. В общем, ненавистники людей выбрали неудачный объект для нападения и совершили его в неудачное время.

Бой длился минут пять не более, монстры погибли все до одного, люди отделались царапинами и порванной одеждой. Но ночёвка на удобной красивой поляне состояться уже не могла. Плохой был бы сон рядом со свалкой трупов, пусть это были и монстры.

Новое место оказалось не таким красивым, зато там нашёлся ручей. На сей раз Ван заранее выставил часовых и назначил им смену, каждые два часа. После этого он заглянул

в палатку к Ларни, пока она устраивала всё для ночлега.

– Эх, жаль, что Шарль с нами не пошёл! – сетовал Рыжий Ван, который похоже жить не мог без циклопа. – И разведка была бы и поддержка. Только вот ест много, а сам зверей ловить не хочет.

– Ван, – спросила Ларни, которая, несмотря на большую разницу в возрасте была с Рыжим по свойски, "на ты", – а почему ты не стрелял? Наши-то винтовки под мешками остались, некогда их было вытягивать, а твой дробовик у тебя всегда под рукой, но ты никогда не стреляешь?

Их разговор происходил в заново поставленной палатке, где должны были ночевать Ларни и Стефан, который в это время помогал что-то доделывать в лагере. Они были одни, но Рыжий Ван всё равно оглянулся вокруг, чтобы удостовериться, что их никто не слышит, потом наклонился к Ларни и зашепотал бородой ей в самое ухо.

– У меня нет патронов! – сообщил он. – Точнее есть один, но я его берегу совсем на крайний случай. Только об этом всем вокруг знать не надо!

– Я знаю, где их можно взять, – сказала Ларни и поведала ему о сокровищах Мёртвого города, где можно было разжиться патронами и не только ими.

Ван слушал с большим вниманием. Ларни много рассказывала о приключениях своей матери, но мало о своих собственных похождениях. Странно, но ни добрые фермеры, ни их предводитель, ни о чём таком не спрашивали ни её,

ни Стефана. Возможно, считали неправильным приставать к человеку с расспросами, пока он сам не начнёт говорить о своей жизни.

Зато когда такой рассказ был начат, остановить его оказалось совсем непросто. Ван очень заинтересовался их со Стефаном путешествием и всё время требовал подробностей и продолжения, когда девушка хотела, было прерваться. Да Ларни и сама увлеклась не на шутку. Она дошла уже до их встречи с Инци и подошла к тому моменту, когда пропал Стефан, но вдруг запнулась.

Пока она вела свой рассказ, Ван легонько приобнял её за плечи, на что она сначала не обратила внимание, приняв это за отеческий жест. Но теперь веснушчатая лапища незаметно переместилась ей на грудь, нежно сжала её и даже нащупала сосок сквозь тонкую ткань рубашки...

Ларни растерялась. Это бывало с ней нечасто, обычно жизнь со всеми неожиданностями, если и заставляла её врасплох, то немедленно получала сдачи, а заставить растеряться эту девушку почти ничего не могло. Почти...

Ларни лихорадочно соображала, что же ей делать? Она считала Вана порядочным человеком, но не забывала о его любвеобильности и властности. Он, конечно же, не привык к отказам, но она не собиралась становиться его любовницей! Она вообще не собиралась быть ничьей любовницей, кроме Стефана, но как теперь выкарабкаться из щекотливой ситуации? Как избежать измены любимому и не обидеть при

этом их нового друга и покровителя, который, конечно же, уверен, что не делает сейчас ничего плохого? Решение надо было принимать немедленно, так как другая рука здоровяка уже легла ей на колено и двинулась выше.

– Я беременна! – услышала она собственный голос. – Ван, не надо, я беременна и не хочу повредить малышу!

Руки Рыжего Вана остановились, потом убрались совсем. Более того – он вдруг хлопнул в ладоши и даже слегка подпрыгнул.

– Правда?! Ой, детка, радость-то какая! А Стефан знает? Ты ему скажи, не таись, это ж и его дело тоже!

Ван тут же напрочь забыл о своих притязаниях. Он заключил Ларни в свои медвежьи объятия, но так мягко и осторожно, будто она была сделана из тонкого льда. Потом ещё некоторое время этот жизнелюб балагурил по поводу ожидания прибавления в семействе. Причём он, вероятно, не видел никакой разницы между своей семьёй и семьёй своих друзей. Потом он выбежал из палатки, где они сидели и, наверное, отправился поделиться радостной новостью со своей спутницей.

Ларни перевела дух и даже головой потрясла, с трудом веря, что ей удалось так легко выкрутиться. Вдруг она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и обернулась. У входа в палатку стоял Стефан.

– Ты, правда, беременна? – спросил он, подходя к ней вплотную.

Она поняла, что он всё видел и слышал.

– Я просто хотела... – начала Ларни и вдруг остановилась.

Нет, она не почувствовала ничего особенного. Ничто в её теле не изменилось, но внезапно до неё дошло, что соврала Вану, она... невольно сказала правду! От этой новости её даже качнуло, будто земля дрогнула под ногами. Стефан поймал её и обнял, но теперь и он сделал это так осторожно, будто держал в руках не девушку, а мыльный пузырь.

– Правда, – тихо сказала Ларни, кладя голову ему на плечо. – Ты только больше не оставляй меня одну, ладно?

Глава 116. Спасибо за всё

Они стояли напротив друг друга и молчали. Маранта разглядывала Диану с нескрываемым любопытством, узнавая и не узнавая в этой взрослой, уже за тридцать лет, красивой, какой-то дикарской красотой, женщине, пылкую сумасшедшую девчонку, которую она знала когда-то...

– Мара, прости! – сказала вдруг Диана, опуская глаза.

– За что?

– Это ведь я тебя тогда... во дворце... После того, как ты была с Золасом.

– Я знаю, только не знаю зачем.

– По приказу Гувора. Он велел мне следить за тобой, потому что подозревал тебя в связях с кланом наёмных убийц. "Дети ночи", кажется? Я уже не помню, какое название он тогда сказал.

– Сумеречные клинки.

– Что?!!

– Мы с тобой птицы из одного гнезда, Диана. Сумеречные клинки не наёмные убийцы...

– "Они телохранители Огненной принцессы, имя которой сокрыто, лицо которой под маской из дыма, судьба которой в руках того кто правит всем." Это то, что мне велела заучить Наставница раньше чем вложила в мои руки лук...

– А мне она приказала охранять короля Лоргина до тех

пор, пока он будет править, но при этом жить той жизнью, которую я сама для себя выберу. Я не знаю, могу ли я утверждать, что справилась с заданием?

– Ты справилась, но я помешала тебе. Я считала, что все эти приказы исходят от короля. Я думала, что Лоргин полностью доверяет своему Генеральному прокурору и судье, который карает преступников и только потом узнала, что король фактически был у этого гада в плену. И та стрела ведь тоже была моя...

– Спасибо тебе.

– За что?

– За тот раз и за этот – за стрелу и за Руфуса. За всё спасибо!

Диана посмотрела Маранте в глаза, словно хотела убедиться в её здравомыслии. Руки воительницы лежали на плечах Руфуса, который мало что понимал из их разговора и вообще был занят своими мыслями. Сейчас он испытывал противоречивые чувства – радость от встречи с родителями смешивалась с грустью из-за разлуки с друзьями, с которыми он мог после этого больше никогда не встретиться. Правда, Мара сказала, когда они прощались: "Вот закончится наш контракт, и мы вернёмся в форт Альмери, а оттуда до вашего Междустенья ведь рукой подать! Тогда и увидимся".

Руфусу срок в пять лет казался огромным, но дело было не только в этом. Он понимал, что эти пять лет его друзья проведут в гладиаторских боях, а что это такое он успел уви-

деть воочию, на собственной шкуре узнать...

– Может, поедете с нами? – предложила Маранта, но Диана отрицательно покачала головой.

– Не поместимся, нас ведь трое.

– Трое? А кто же третий?

– Галль, покажи.

Сэр Галль подошёл к повозке, на которой они приехали, и за шкирку вытащил оттуда перепуганного парнишку лет восемнадцати в лохмотьях, которые когда-то были формой конного стражника Торгового города. Руки бедняги были связаны, он затравленно озирался вокруг, словно боялся увидеть что-то особенно страшное.

– Это кто ж такой? – спросил Михал, который до этого стоял молча.

– Это наша компенсация за расстрелянную машину, – ответил Галль, улыбнувшись. – Перед вами тот самый горе-стрелок, который сделал из неё решето! Его начальство решило на него всех собак повесить, в том числе и за собственное неумение давать своим служащим продуманные инструкции. Он и жив-то ещё только потому, что эти задастые купчики никак не могли решить – четвертовать его или сослать на вечную каторгу. Только вот у меня на него другие виды.

С этими словами Галль вытащил здоровенный, острый, как бритва нож от вида, которого у парня закатились глаза и подогнулись колени. Но мощная рука молодого рыцаря не

дала ему упасть. Не обращая внимание на реакцию своего подопечного, Галль разрезал на нём верёвки, потом убрал нож, взял парня за плечи и хорошенько встряхнул.

– Отпустите? – спросила Маранта.

– Ни в коем случае. В Торговом городе ему больше не житьё, разве что воры приютят, да самого вором сделают. Мы его с собой возьмём: он ведь пулемётчик с талантом – машину нам грамотно продырявил. Ты чего вообще стрелять-то начал?

Последний вопрос был адресован к бывшему пулемётчику, который от страха ещё даже не понял, что верёвок у него на руках больше нет.

– И-и-спугался я-а! – залепетал парень, сильно заикаясь. – Ни-и-когда такого чу-у-да раньше не видел, во-от и и-испугался! Ой, во-от ещё одна!..

В это время послышался рокот мотора и в загородную рощицу, где происходил разговор, въехала машина, за рулём которой сидел священник.

– Пора прощаться, – сказала Диана. – Теперь, как я понимаю, дорога между нашими поселениями проложена, так что милости просим. В Форте Альмери все будут рады увидеть своими глазами живую легенду.

Она протянула Маранте руку, но та вдруг оставила Руфуса и обняла ту, что когда-то круто изменила её судьбу. Диана онемела от неожиданности, но тут её глаза сами собой наполнились слезами и она, не плакавшая с детства, вдруг

разрыдалась на плече у старой врагини-подруги, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями.

Мужчины, увидев такое дело, деликатно отошли в сторону и стали наставлять на путь истинный бывшего стражника, страх которого вроде бы начал проходить, уступая место любопытству. Руфус отделился от их компании и подошёл к священнику.

– Падре, – сказал он, – Инци поведал мне, что Ларни и Стефан живы.

– Да, я слышал об этом. Он, то же самое говорил твоим родителям. Верь ему!

– Если бы я не верил, то не стоял бы сейчас здесь, а сидел бы дома, – ответил мальчик серьёзно.

– А ты до сих пор слышишь голоса?

– Иногда. А иногда вижу картинки. Странные картинки. С такими местами, которые мне совершенно незнакомы. Почему-то мне кажется, что я вижу их неспроста. Возможно, я должен там везде побывать, чтобы рассказать людям про Инци и донести до них его учение.

Священник взглянул на него со страхом.

– Но с другой стороны, – продолжал рассуждать Руфус, – я соскучился по дому и очень хочу увидеть Ларни и Стефана. А ещё дочку их хочу увидеть.

– Кого? Что ты сказал?

– Я говорю, что хочу увидеть их дочку. Ведь, когда они вернуться, то обязательно сделают меня дядей, а маму и папу

бабушкой и дедушкой. Правда, смешно?

Глава 117. Имена чемпионов

– А теперь, ребята, давайте-ка придумаем вам имена.

– А наши, чем плохи? – искренне удивилась Мара.

– Ничем, только вот не годятся они для гладиаторов.

– Это почему ещё?

– Сами посудите – Мара и Верентий. Это хорошие имена для мирной жизни, а если скажем, ты назовёшься полным именем, то это будет воспринято, как подражание Маранте-воительнице, а в нашем деле прослыть подражателем это значит заведомо обречь себя на вторую роль. Гладиатор всегда должен стремиться быть первым, иначе ему нечего делать на арене.

– У меня есть ещё одно имя – Ниа. Собственно оно первое...

– Ниа? Ещё лучше! Отличное имя для девочки, но... Хотя подожди... Ниа... Маранта... Ниамаранта... Нет, не то, а может Марантания? Или лучше с "я" на конце и с ударением на третью "а" – Марант**ания**!

– Бред какой-то.

– Бред конечно, но для арены в самый раз. Зрители падки на экзотику! Теперь давай тобой займёмся, – сказал Лозас, оглядывая Верентия с головы до ног, словно снимая мерку для его нового имени.

– Мне прибавлять к имени вроде как нечего, – смущённо

пожал плечами Верентий. – А вообще-то пока мы в тюрьме были, мне сэр Галль очень понравился. Может, я Веренгалль буду?

– Да, парнишка он замечательный, хоть и связался с этой Дианой, которую я в своё время поклялся убить... Впрочем, это дело прошлое и не для ваших, уж простите, ушей. Так вот, он ведь личность известная, а я уже говорил насчёт подражания. Хотя бы одну букву, но надо изменить... Веренга**ай**! С ударением на "а", так будет, пожалуй, лучше. Представьте – на афишах будет написано: "Сегодня на арене Марант **а**ния и Веренга**ай**!" Вот вы и зазвучали, осталось только прославиться.

Старый Лозас сразу завоевал их доверие. Они ему тоже понравились. Ребята были не робкого десятка, сильны и полны молодой энергии. Правда у них было несколько тёмное прошлое, о котором они упорно молчали, но ему ли обращать внимание на темноту в прошлом своих протеже? Своей темноты с лихвой хватало.

Надо же, девочку звали Марантой! Он думал, что больше никогда не встретит человека с таким именем.

Золас, (вспомнилось-таки старое имя!), вздохнул и покачал головой. Что-то часто он в последнее время стал вспоминать Маранту. То в толпе зрителей пришедших в цирк ему вдруг померещилось её лицо, то он поймал себя на мысли, что на неё чем-то похож этот мальчик – Руфус, которого Мара называла своим братом. (Золас вообще-то понял, что это

враньё, но какое ему, в конце концов, дело?)

Оставив парочку новоиспечённых гладиаторов привыкать к своим новым именам, старик Лозас, (или бывший атаман лихой разбойничьей шайки Золас), отправился к себе, где в тесной, но вполне достаточной для его холостяцкой жизни комнате стоял тяжёлый кованый сундук замки, для которого он изготовил сам, а потому более или менее мог быть спокоен за сохранность его содержимого.

Там, почти на самом дне, завёрнутый в кусок старой, но некогда роскошной ткани, лежал небольшой портрет красивой молодой женщины в доспехах, с золотой то ли брошью, то ли фибулой на груди. Золас достал его и долго вглядывался в такие знакомые черты, которые в последнее время будоражили его воображение.

Сколько женщин было у него до неё, сколько ещё после, но такой, как Маранта, больше не было никогда! Эх, Маранта, Маранта! Эх, молодость, молодость! Эх, любовь...

Глава 118. Ветер свободы

Вот так! Пятнадцать лет службы коту под хвост. Зиг поднял закованные в кандалы руки и натянул толстенную цепь. Руки даже не развести в стороны. И какой в этом смысл, когда сидит он глубоко под землёй за таким количеством решёток, что с ними бы и сам Золас не справился. По крайней мере, пришлось бы ему повозиться.

Нда, лучше бы он послушал совет коменданта приграничного форта и ушёл по-тихому. Или просто сдался Зигмунду на милость победителя. Нет же, приплёлся назад, привёл остатки разбитого войска... И что теперь? Оказывается он – государственный преступник! А что, проиграть сражение, это преступление? Проиграть великому полководцу, который на протяжении многих лет, под знамёнами разных государств и сообществ не потерпел ни одного поражения?!

Б... вашу простоквашу... Он, Зиг, честно бился на поле брани, хоть ему это было вовсе не по душе. Сами бы попробовали выиграть бой у Зигмунда!

Значит он – преступник, раз проиграл, а тот, кто затеял эту бесполезную войну, не преступник?! Уррхх.....

Конфликт был исчерпан, и никакого кровопролития не должно было быть. Так зачем же эти уроды этот конфликт по новой спровоцировали?

Ответ прост – чтобы делать свои грязные торгашеские де-

ла, которые в свою очередь служат их политическим афёрам, наполняющим бездонные кошельки золотом. Грязным и кровавым золотом!

Зиг пошевелился. На ногах тоже были кандалы. Это было сделано для унижения, а не для того, чтобы предотвратить попытку побега. Им сейчас нужен человек, на которого можно свалить всю вину, устроить показательный процесс и публично покарать, как они это сделали с Инци...

Кстати, с ним они основательно просчитались. После того случая на арене, когда безоружный мальчишка заставил двух чудовищ вернуться в их вольеры, народ заинтересовался учением казнённого философа и количество его последователей растёт, как на дрожжах.

Об этом говорят стражники и тюремщики, заключённые и их родственники, приносящие еду. Эти разговоры доходят даже в одиночку Зига. Он не удивится, если в один прекрасный момент его осудят за грехи согласно учению Инци... А ведь он нанёс ему последний удар... И никто не пожелает знать, что это был акт милосердия, а не убийство!

Те, кто перевирает сейчас слова Инци, уже говорят, что он – Зиг, прежде всего, виновен в смерти любимого учителя! А то, что бедняга в страшных мучениях корчился на кресте, это оказывается правильно... Мразь!.. Это оказывается какое-то там искупление, хотя непонятно что при этом было искуплено?! Их непостижимое стяжательство, что ли? А вместо него повисеть на кресте не хотите!!!

Ведь они спокойно торговали, когда тот, кого они сейчас обожествляют, стонал и метался на кресте от боли у них над головами... Сейчас они сочиняют сказки, что он был окутан неземным светом и что старая деревяшка, из которой был сделан крест, расцвела розами... Сволочи!!! Не было этого! Была страшная боль и кровь. Было нестерпимое страдание. Была несправедливость и полное равнодушие со стороны тех, кто сейчас бьёт ему поклоны... ..

Зиг вспомнил, как тогда на площади он сказал дошедшему до предела человеку на кресте:

– Прости меня, друг!

И надо же, тот поднял голову и ответил ему со светлой улыбкой:

– Бог простит, и я прощаю!

С этой улыбкой он и умер...

А теперь вот Зиг сидит здесь, вспоминает его и сам ждёт смерти. В том, что его казнят, он не сомневается. Трусливый и подлый судья вообще не умеет оправдывать, даже если тот самый закон, который он защищает, всеми своими статьями вопит о невиновности подсудимого!

"Не судите, да не судимы будете!" Не Инци ли это сказал? Кажется он...

Зиг вдруг остро захотел поговорить с этим человеком, пожаловаться ему на своих обидчиков, испросить умного совета, который тот обязательно дал бы...

– Вот это звено с трещиной.

Голос раздался так неожиданно, что Зиг замер в оцепенении, чего раньше с ним никогда не бывало. Обычно в таких случаях он реагировал мгновенно и горе тому злоумышленнику, который посмел бы очутиться у него за спиной! Теперь он только-то и смог, что медленно повернуться всем корпусом, так как шея у него вдруг стала деревянной и потеряла подвижность.

Инци стоял у стены и смотрел на него с той же светлой улыбкой, которая так запомнилась Зигу.

– А у ножных кандалов заклёпки слабые, из плохого железа, – сказал он. – Твоими ручищами, малыш, их легко сломать безо всяких инструментов. М-м, дверь в твою камеру висит на одной петле, на верхней. Нижняя сломалась уже много лет тому назад, но об этом никто не знает, а дверь, между тем, держится на честном слове. Если хорошо нажать в этот угол, то образуется щель, в которую ты сможешь пролезть. Дальше будет пять решёток. Три из них не заперты, а стража крепко спит, так-как знает, что все узники закованы в цепи и закрыты в камерах. Две оставшиеся на замках, а замки эти крепкие. Ты не Золас – не пытайся их взломать подручными средствами. Ключи от них найдёшь на поясе дежурного офицера. Он в стельку пьян, лежит в открытой камере по соседству с тобой. Можешь переодеться в его одежду, тогда ты свободно пройдёшь через двор. На воротах часовые, которые ещё не знают, что тебя арестовали. Я прошу тебя никого не убивать – час этих людей ещё не настал и

они нужны мне... Вообще-то вы мне все нужны, но, увы – жизнь ваша такова, что вам пока не обойтись без убийства друг друга... Так ты уважь, пожалуйста, хотя бы мою просьбу сейчас насчёт этих. Уходи отсюда и постарайся простить своих врагов. Наказание за свои злодеяния и глупость они получают в своё время от того перед кем нет смысла оправдываться и кому бесполезно лгать. Помни – на твою долю достанется ещё много испытаний и бед, но придёт время, и ты встретишь друзей, найдёшь свою любовь и обретёшь счастье!

Зиг сморгнул. У стены никого не было. Только в воздухе чувствовалось что-то лёгкое, неясное... То ли тонкий аромат, то ли звук, необыкновенной чистоты, ласкающий слух... Зиг не стал размышлять над всем, что видел и слышал, справедливо опасаясь за свой разум... Нет, просто он доверился тому, кого назвал недавно другом!..

Он нащупал звено на цепи своих кандалов, о котором говорил Инци, выкрутил цепь, так, что она встала на излом и нажал. Раздался хруст, как будто переломился деревянный сучёк и на ладони бывшего капитана тайной стражи оказались две половинки сломанного стального звена...

Через полчаса за городской заставой в непроглядную ночь умчался всадник. Стражникам он показал пропуск, подписанный такими чинами, от одного упоминания которых хотелось встать по стойке "смирно" и вытянуться в струнку! Они не подозревали, что этот пропуск, извлечённый из ка-

бинета начальника тюрьмы, за который любой контрабандист Торгового города отдал бы десять лет жизни, через пару миль скомканный полетит в лужу!

Зиг не собирался возвращаться. Он захлопнул дверь у себя за спиной и выбросил ключ. Его больше не волновали пятнадцать лет, пропавшие даром, сломанная карьера, оборванные связи и знакомства. Он даже не вспомнил о значительной сумме денег, собранной за все эти годы и лежащей в Главном банке торговых гильдий. Сейчас он летел во тьме на отличном скакуне, "одолженном" там же, во дворе тюрьмы. Полной грудью Зиг с наслаждением вдыхал прохладный, слегка влажный, ночной воздух и про себя удивлялся, как он мог променять это... ветер... простор... свободу на жизнь в пыльном, душном, сумасшедшем людском муравейнике?

Глава 119. Истинное бессмертие

Несмотря на то, что Верентий лично обил стены их жилища толстенным войлоком и ещё сверху гобеленовой тканью, рёв Большого цирка был слышен здесь так же, как если бы они стояли на арене. Или ему так казалось? Ему-то было наплевать на эти взрывы людских эмоций. Он мог под этот грохот хорошо выспаться, но Мара! Она в последнее время жаловалась, что все эти вопли звучат, как будто не снаружи, а внутри её головы. Он знал, что она в последнее время не высыпается, но на арену всё равно выходит.

"Так я злее!"

Вот и сегодня ликованию публики не было предела, когда глашатай объявил, что сегодня на арене выступят любимцы граждан Торгового города – Марантания и Веренгай!

Верентий думал, что зрители с трибун повыскакивают, когда Мара появилась, приветственно подняв одну руку, а другой, придерживая свой большой живот. Конечно, он был против того, что бы она выступала в таком состоянии, но хозяин Цирка пообещал тройную оплату, и Мара сумела его убедить, что всё будет хорошо и что она справится.

Сборы от их выступлений и в самом деле были колоссальные. Особенно сейчас, вот только Верентий подозревал, что кое-кто из зрителей жаждет увидеть, как когти, какого-нибудь чудовища вопьются в тело его жены... Но он поклялся,

что не позволит им получить это удовольствие и сражался!

Казалось, что меч летает в его руке, порхает, как бабочка. Казалось, монстры замирают не в силах пошевелиться, когда он разделяет их на части лёгкими движениями клинка. Конечно, Мара уничтожала обычно треть врагов из своего лука. Работать мечом ей было сейчас затруднительно, да он бы ей и не позволил.

Сегодня они начали бой, как обычно, но Верентий сразу заподозрил, что что-то не так! Мара стреляла как-то вяло и даже один раз промазала, попав рептилоиду в бок вместо шеи. Тем не менее, их поединок продолжался, всё шло своим путём, когда Верентий услышал, что Мара сзади вскрикнула, и вслед за этим послышался скрип песка, который сказал ему, что она уже не стоит на ногах, а медленно садится не в силах выстоять...

Как бы опытен он не был, но всё же не смог удержаться и обернулся. И... чуть не поплатился за это – ящерокрыс едва не откусил ему голову!

Мара стояла на коленях и опиралась на лук, не давая себе упасть.

– Началось! – сообщила она, когда он по-быстрому заколол монстра и подбежал к ней. – Ну почему сейчас?!

Инци его знает почему, но ребёнок гладиаторов решил появиться на свет на арене во время боя! Нет, конечно, никто не собирался допускать, чтобы Мара рожала на пропитанном кровью песке, на глазах у тысяч зрителей. Даже Верен-

тий не знал, что на этот случай за запасными воротами, которые всегда были закрыты, дежурит целая команда во главе с предусмотрительным злодеем Лозасом!

Не успел он аккуратно уложить жену на землю и поднять голову, чтобы позвать на помощь, как на арену выбежала куча народа, во главе с хорошо знакомым ему доктором. Они в мановение ока расставили вокруг Мары, стиснувшей зубы от боли, высокие ширмы, а его вытолкали за их пределы буквально взашей.

То, что сегодня вместо вывихнутых конечностей и выпущенных кишок придётся принимать роды, доктора не смутило совершенно. По его приказанию женщину переложили на раскладную походную койку, а через небольшой, внахлёт оставленный проём постоянно бегали люди, то с тазом горячей воды, то с горой белоснежных простыней, то ещё с чем-то, чего Верентий разглядеть не смог.

Теперь он мерил песок шагами и вполуха слушал насмешливо-успокоительные речи Лозаса. Точнее он их совсем не слушал, а прислушивался к тихим, жалобным стонам Мары, доносившимся сквозь гул Большого цирка, зрители которого отказывались расходиться. Они тоже ждали развязки!

Вдруг воздух распорол пронзительный женский крик, и сердце гладиатора упало! Всё кончено, она умерла при родах, и жизнь потеряла смысл... Но крик немедленно повторился, а потом ещё и ещё! Тут уж не на шутку встревожился даже насмешливо-успокоительный Лозас. Верентий мет-

нулся к ширмам, но старик схватил его поперёк туловища неожиданно сильно и цепко, даже на какой-то миг оторвал от земли.

– Не надо, парень! Доктор разберётся, он всё знает, всё умеет!.. – приговаривал Лозас, не ослабляя хватку железных рук.

Но Верентий не слушал. Он попытался вырваться, но у него не вышло, тогда он рванулся изо всех сил и в результате они оба рухнули в песок! И в тот момент, когда он вывернулся-таки из-под жилистого Лозаса и уже собирался "вырубить" его ударом соединённых рук в переносицу, все звуки перекрыл мощный, требовательный, басовитый детский крик!

Этот крик повторялся и повторялся, заявляя о рождении новой жизни, о желании утвердиться под солнцем, о том, что бессмертие это никакая не сказка!

Дерущиеся мужчины замерли с занесёнными кулаками, забыв о своих намерениях, и уставились на ширмы, словно те могли им что-то сказать. И они сказали! Из проёма внахлест, сделанного так, чтобы ничего не было видно, высунулась голова старушки-нянечки, помощницы доктора. Большой цирк замер на вдохе!..

– Папаша! – сказала эта голова, словно дело происходило не на арене, а в обычном доме, где безобидные обыватели решили обзавестись потомством. – Поздравляю, мальчик у тебя! Ой, а чой-то?..

Последние слова были вызваны зрелищем, которое сейчас представляли двое мужчин, сцепившихся в отчаянной схватке. Но до них никому не было дела – слова старой няньки услышал весь Цирк и по трибунам прошёл сначала восторженный ропот и смех, а потом штормовая волна всеобщего ликования затрясла и закачала это место, где обычно царили боль и кровопролитие! На песок арены посыпались золотые и серебряные монеты, которые некоторые обезумевшие богачи швыряли целыми горстями!

Лозас опомнился первым. Он встал, ухватил Верентия за плечи и поднял его на ноги, после чего отряхнул и сказал, стараясь перекрыть грохот человеческих воплей:

– Вот что, папаша! Ступай-ка ты к жене, пока я займу публику. Кстати, придумали, как назовёте-то?

– Н-нет ещё... Хотели у тебя спросить, ты ведь мастер давать имена.

– В таком случае пусть его зовут – Рарок!

– Рарок? А что это?

– Это – огненный сокол, птица – победитель! Самое подходящее имя для будущего гладиатора!

Глава 120. Быть может они за воротами

– Ну вот, теперь ты никакой не младший, теперь ты старший! – говорил Михал, положив руку на плечо Руфуса и глядя, как Маранта склоняется над колыбелью их крошечного новорожденного сына.

Но Руфус отрицательно покачал головой.

– Старший Стефан, – возразил он.

Михал устало вздохнул.

– Да, но где он? Где Ларни?

– Возможно, что не где, а когда? – ответил Руфус со смущённой улыбкой. – Там куда они попали, время течёт по-другому.

– Ты веришь, что они вернуться?

– Я знаю это. Инци сказал, что они вернуться, значит, они вернуться. Инци никогда не обманывает!

– Хорошо, но сколько ждать-то?

– Возможно, что всю жизнь, а может они уже подходят к воротам.

Михал невольно взглянул в сторону ворот. В окно было видно, как оттуда бежит один из мальчишек, которые несли сегодня стражу по давно установленной традиции.

– Что случилось? – крикнул через окно Михал и тут же

зажал себе рот рукой, вспомнив, что нельзя кричать в доме, где есть младенец.

– Там много людей! – проорал в ответ парень, которому до младенца не было дела. – Они подошли к воротам и не дали их закрыть!

– Они напали на вас?

– Нет, но с ними мертвяки!

– Какие ещё мертвяки?!

– Живые мертвяки! С ними... Ларни и Стефан!

Глава 121. Скучать не придётся

Они были невероятно похожи друг на друга – дядя и племянница. Так похожи, что люди, которые не слышали их историю, принимали этих детей за близнецов. Разве что у дяди были волосы немного светлее и глаза не голубые, а серые. В остальном они были на одно лицо, одного роста, хотя мальчик был на четыре месяца старше девочки. Сейчас им было по пять лет, и они занимались своим любимым делом – играли в охоту на монстров. Это значило, что весь дом был вверх дном, а всё живое в доме, включая родителей, пряталось по углам.

Первой не выдержала бабушка одного, она же мама другого.

– Так, охотники! – воскликнула Маранта, хватая их обоих во время очередного прыжка через мебель. – Вижу, желание поохотиться у вас есть, а вот умения никакого. Значит, будем учить!

С этими словами она достала из шкафа два меча, простоявшие там пять лет.

– Не возражаешь? – спросила она у Ларни, чинно вязавшей в кресле крохотные носочки и варежки. По её круглому, гордо выступающему животу было ясно, что всё это в скором времени понадобится. Опять понадобится!

– Не возражаю, – отозвалась та, проявляя удивительную

покладистость. – Чем раньше начнут, тем больше узнают, только прошу тебя об одном...

– Быть поосторожнее?

– И это тоже, но я хотела сказать про пистолеты. Я, конечно, понимаю, их завещал ей сам Лоргин...

– Ясно. Конечно, это всё потом, когда руки окрепнут. А сейчас мы сделаем два деревянных меча!

– А эти, зачем берёшь?

– Для примера и вдохновения. Ну, всё! Василь, Леса, за мной!

Когда они ушли, Ларни отложила свою работу и откинулась в кресле.

Леса! Стефан предложил назвать дочку Марой, но Маранта сказала, что в этом мире уже есть две Мары и предложила назвать девочку в честь первой жены Михала, матери Стефана. Так и назвали её – Леслава, Леса. А ещё Ларни вспомнилось, как они со Стефаном подолгу разглядывали серо-голубые глазки Лесы, когда она ещё лежала в колыбели.

– Как у Инци, – сказал тогда Стефан.

– Как у Сато, – сказала Ларни.

Они оба были правы, но что это может означать, они не знали. Ясно было одно – скучать в этой жизни не будут ни они, ни Леса.

Глава 122. Шаг до свободы

– Раро-ок! Сынок, ты где?

Мара уже везде посмотрела, но непослушного мальчишки нигде не было.

– Нам бы поторопиться! – сказал Верентий, с помощью шипастых браслетов, серьги в ухе и ещё каких-то мишурных глупостей, превращаясь в грозного Веренгая. – Не забыла? Сегодня наш последний бой и его надо бы провести поэф-фектнее!

– Проведём, куда мы денемся? Но я беспокоюсь о ребёнке. На арену бы не выскочил?

– Он наверняка с Лозасом, как всегда. Слышишь, нас уже объявляют. Побежали!

И они побежали, а через пару минут на арене уже кипел бой, который надолго остался в памяти всех кто был в этот день на трибунах.

Цирк ревел и неистовствовал, но ведь он всегда ревел и неистовствовал, независимо от того, что хотели этим выразить его посетители – восторг, гнев, горе или радость.

Посреди этого рёва, в узеньком проёме приоткрытых ворот стоял маленький белоголовый мальчик, похожий на ангелочка, заблудившегося на земле, и смотрел на то, что делается на арене. И одному Инци было известно, как ему сейчас не хотелось становиться гладиатором!

.....
Москва; 22.01.2015

.....
В оформлении обложки использована фотография автора:
«Игрушки для взрослых – I img034.jpg»